

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. ШАТАЛОВА»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Серия «Языкознание»
Выпуск 20(46)*

Горловка
2025

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

В76

Редакционная коллегия:

д-р филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор),
д-р филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор),
д-р филол. н., доц. Александрова И. В., д-р пед. н., проф. Алфимов В. Н.,
д-р пед. н., проф. Алфимов Д. В., д-р филол. н., проф. Борисова Л. М.,
д-р филол. н., д-р пед. н. Ворожбитова А. А., д-р филол. н., проф. Герасименко И. А.,
д-р филол. н., проф. Денисов В. Д., д-р филол. н., проф. Дербенёва Л. В.,
д-р филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л., д-р филол. н., доц. Иванова Н. П.,
д-р филол. н., проф. Калинин В. М., д-р филол. н., доц. Калус И. В.,
д-р филол. н., доц. Карпий С. В., д-р филол. н., доц. Курьянов С. О.,
д-р филол. н., проф. Минералова И. Г., д-р филол. н., проф. Петров А. В.,
д-р филол. н., проф. Петрова Л. А., д-р филол. н., доц. Соснина Л. В.,
д-р филол. н., доц. Шаталова О. В., канд. филол. н., доц. Вострецова В. А.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет
им. В. Шаталова»
(протокол № 6 от 29.12.2025 г.)*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» Министерства просвещения Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

С 05.02.2025 г. сборник включён в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (К.2).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.; обновлённый договор № 106-06/2024 от 05.06.2024 г.

Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 20(46). Серия «Языкознание». – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – 284 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова» 2025

МЕДИАОПОСРЕДОВАННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА

Бушев Александр Борисович

доктор филологических наук,

профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

(г. Тверь, Россия)

Bushev.AB@tversu.ru

Аннотация. Объектом исследования в статье являются материалы и метод медиаопосредованной лингводидактики. Автор задается вопросом, каковы в век медиапотребления и медиасоциализации современные технологически опосредованные (медиаопосредованные) возможности (само)обучения языку на продвинутом этапе обучения. Проведен анализ традиционного профессионализированного обучения и обучения при помощи медиатехнологий, оценка имеющихся и приобретенных навыков. Было выделено две группы обучаемых – группа английского языка для традиционного обучения, и группа для медиа-опосредованного обучения: английскому языку. Проводилась оценка имеющихся и приобретенных навыков речевой деятельности, оценка компонентов речевой способности. Медиаопосредованное технологизированное обучение языку специальности вырабатывает навыки самостоятельного поиска профессиональных источников, навыки аудирования и говорения, в то время как традиционное обучение делает акцент на переводе и объяснении грамматики. Цифровые технологии предоставили возможности прямого метода обучения языку – многократные прослушивания аутентичического материала дискурсов разного качества. Студенты группы традиционного обучения демонстрировали феномен «Интернет-списывания». При выполнении письменных заданий в домашних условиях, как правило, более 70% учащихся демонстрировали применение переводчиков и искусственного интеллекта. Парадоксальным образом это делает необходимым пересмотр заданий в сторону интерактивности, где обучаемому уже не суметь использовать возможности технологий, где человек оказывается захваченным «вне техники». Формируемая речь обучаемых оценивалась по критериям развитости речи вторичной языковой личности (правильность, насыщенность, интериоризация и т.д.). Опытнo-экспериментальная оценка речи обучаемых позволяет фиксировать лучшие результаты в группах медиаопосредованного обучения. В работе демонстрируются медиаматериалы, позволяющие говорить о формировании интереса и мотивации к медиаопосредованному обучению.

Ключевые слова: лингводидактика, медиа, технология, цифровизация, Интернет и обучение языкам, дидактические свойства представления информации.

MEDIA-MEDIATED PROFESSIONAL LINGUODIDACTICS

Bushev Aleksandr Borisovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism,
Advertizing and Public Relations of FSBEI HE “Tver State University”

(Tver, Russia)

Bushev.AB@tversu.ru

Abstract. The object of the research in the article is the materials and method of media-mediated linguodidactics. The author asks the question, what are the modern technologically mediated possibilities of (self)learning a language at an advanced stage in the age of media consumption and media socialization. The analysis of traditional professionalized training and training with the help of media technologies, assessment of existing and acquired skills were carried out. Two groups of students were formed – an English language group for traditional training, and a group for media-mediated training in the English language. Media-mediated technologized training

of the language of the specialty develops the skills of independent search for professional sources, listening and speaking skills, while traditional training focuses on translation and explanation of grammar. Digital technologies have provided opportunities for a direct method of teaching a language – multiple listening to authentic material of discourses of varying quality. Students in the traditional training group demonstrated the phenomenon of “Internet copy-and-paste cheating”. When completing written assignments at home, as a rule, more than 70% of students demonstrated the capabilities of machine translators and artificial intelligence. Paradoxically, this makes it necessary to revise the tasks towards interactivity, where the student will no longer be able to use the capabilities of technology, where a person is captured “outside of technology”. The formed speech of students was assessed according to the criteria of speech development of the secondary linguistic personality (correctness, richness, interiorization, etc.). Experimental assessment of the speech of students allows to record the best results in media-mediated learning groups. The paper demonstrates the media-mediated materials, allowing to talk about the formation of interest and motivation for media-mediated learning.

Keywords: linguodidactics, media, technology, digitalization, Internet and language teaching, didactic properties of information presentation.

Для цитирования: Бушев А. Б. Медиаопосредованная профессиональная лингводидактика // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 3-16. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-3-16

Введение. Проблематика исследования

Проблематика и практика цифровизации образования разнообразна [3; 11; 13]. Современный этап цифровизации образования подразумевает использование Интернета и социальных сетей, мультимедиа-технологий, искусственного интеллекта и AR/VR в практике образования, а также занимается осмыслением влияния этих технологий на образование [6; 10].

Для ведущегося опосредованного интернетом человеко-компьютерного диалога характерны действия обучаемого, а не просто приобретение знаний в знаковой системе [22]. Эта деятельностная парадигма («знаю, как..., а не только знаю, что...») очень показательна для современного этапа образования [9]. Показательны и нелинейная структура информации, и колоссальные объемы материала, заставляющие обучаемого делать выбор между различными информационными ресурсами. Последний навык называется медиаграмотностью, существует его дидактика [7].

С точки зрения преподавателя важными представляются дидактические свойства представления информации [15; 18; 20]. дидактические свойства технологий передачи, дидактические свойства организации такого обучения. Такое обучение характеризуют повышенные наглядность и индивидуализация. Показателен деятельностный, личностно-развивающий, творческий характер компьютерно-опосредованного обучения. Хотя порой высказываются опасения, не передаются ли дидактические функции от преподавателя к машине и что эта передача повлечет за собой.

В центре нашей работы – проблемы обучения использованию иностранных языков в практической деятельности (в нашем случае специалиста в области медиа): **медиаопосредованное обучение деятельности на иностранном языке в области масс-медиа [2].**

Предварительно заметим, что в таком обучении используется **разнообразие материалов различных речевых фактур**. Вспомним, что фактура речи представляет собой соединение инструмента речи с материалом; в зависимости от фактуры выделяются следующие виды высказываний: *устные, письменные, печатные, относящиеся к массовой коммуникации*. Фактура речи представляет материал речи, обработанный орудиями речи. В цифровой лингводидактике в аудиозаписях звучит устная речь, при интеракции сквозь экраны доносится стихия устной речи, представлены многочисленные печатные документы и документы масс-медиа, обучаемый использует электронную и собственно печатную речь. Расхожа метафора о специфике такой электронной речи: «язык попался в сети». Меняются нормы стилей (нормы публицистики, нормы научного дискурса), появляются новые стилевые пласты – электронный дискурс лично-публичного общения [5; 2;19]. При этом электронные дискурсы тематические чрезвычайно разнообразны. Возникли новые тематические дискурсы, до настоящего времени не попадавшие в центр внимания в социуме: дискурс равных возможностей, дискурсы субкультур, дискурсы определённых политических идеологий, поп-дискурсы (хипстерский дискурс) и т.д.

В сфере лингводидактики педагогическая оценка технологизированного обучения, медиаобучения представляется новой и актуальной. Для этого на опытно-экспериментальной базе необходимо проследить специфику и оценить эффективность указанных технологий.

Методология

Цель работы – сформулировать представление о медиапедагогическом этапе лингводидактики в связи с особенностями медиапотребления и медиаповедения аудитории и оценить ресурсы для медиапедагогического этапа лингводидактики.

Методологически работа ориентируется на концепцию вторичной языковой личности и компонентов языковой способности Г. И. Богина [1]. В этой концепции сформулированы требования к формируемой речи обучаемых, качественные критерии ее оценки – формальная грамотность, насыщенность, интериоризация, адекватный выбор и синтез.

Методы оценки лингводидактической эффективности материала при этом – авторефлексивные и опытно-педагогические (в коллективе обучаемых продвинутого уровня, нуждающихся в профессионализации языкового образования). Применялись социологические методы исследования аудитории обучаемых, качественные социологические методы изучения (оценки, интервью, опросы, наблюдения). Группы обучаемых фактически представляли собой фокус-группы, дающие обильную рефлексию о самообучении (аналогично итоги представлены в работе [17]). Фокус-группа состояла из двадцати человек-

магистрантов университета, специалистов в области медиа. Все испытуемые давали отчеты о пользовании медиа по курсу «Иностранный язык в практической деятельности (журналистика, массовая коммуникация)».

Обсуждение и результаты

Было выделено две группы обучаемых – группа английского языка для традиционного обучения, и группа обучения с английским языком для медиа-опосредованного обучения.

Группа № 1. В группе практиковались традиционные методы обучения в течение пятидесяти часов. За небольшое время разноуровневую группу практически невозможно объединить, несмотря на общие цели обучения. Были поставлены традиционные задачи в области грамматики, словаря, видов речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, слушание и перевод) на профессиональном материале. Практически основным методом работы выступил перевод текстов по специальности. Методы, используемые в этой группе, относятся к интеллектуальным методам обучения. Известно, как исторически использовался интеллектуальный метод преподавания языка профессии – учащийся переводил (на продвинутом этапе тексты по специальности), исправлялись его ошибки. Преимущественно практиковались перевод и грамматика. В соответствии с требованиями сегодняшнего дня изучались азы научного письма в виде зачитывания и переписывания клишированных фраз для научного письма. В незначительной мере использовались стандартные учебные записи (до обширного аудирования дело не доходило).

В данной группе мы отталкивались от традиций преподавания языка для научного общения. В нашем вузе они складывались под руководством А. Л. Пумпянского. В середине XX века ученые старательно осваивали английский для научного общения и чтения по специальности. А. Л. Пумпянский – признанный билингв, выпускник швейцарского университета – был известен в системе Академии наук в СССР как исследователь и преподаватель языка научного общения, работал в престижных советских издательствах «Мир» и «Прогресс», специализировавшихся на переводах и изданиях качественной иностранной литературы. Показательная характеристика дается работам А. Л. Пумпянского [4] сегодня: А. Л. Пумпянский известен как автор, в книгах которого удачно сочетаются лингвистическая эрудиция и умение проникать в логику научного и технического текста. Многие учёные и инженеры (!) пользуются работами А. Л. Пумпянского по чтению и переводу английской научной и технической литературы; они значительно облегчают напряжённый труд многотысячного коллектива Всесоюзного института научной и технической информации по обработке огромного потока иностранной литературы на английском языке¹.

Однако сегодняшние цели выдвигают задачу не только перевода текстов по специальности, но и академического письма в научной коммуникации.

¹ URL: <https://www.livelib.ru/author/560456/top-aleksej-pumpyanskij>

Первая группа использовалась как контрольная, проводилась оценка уровня существовавших и сформированных навыков. При изучении работы такой группы отмечено, что в сегодняшних условиях, как правило, готовясь к переводу статьи и выступлению по теме научной работы, магистранты демонстрировали феномен «Интернет-списывания». Не удивительно, в двух кликах мыши находится существенная библиотека – база Интернета. При выполнении письменных заданий в домашних условиях, как правило, более 70% учащихся демонстрируют возможности переводчиков и искусственного интеллекта.

Антагонистом традиционного обучения выступило медиаопосредованное обучение. Цифровые технологии при этом предоставили возможности прямого метода обучения языку – многократные прослушивания аутентического материала дискурсов разного качества. Показательно, что в таких условиях обучения наш обучаемый оказывается поставленным перед совершенно новыми задачами: не объяснять язык, не переводить, а обретать способность использовать язык, имитируя путь ребенка при усвоении языка (на аналогии указывает работа [26]). Это обучение отвечает индивидуально-психологическим особенностям большинства обучаемых: сегодня это не логоцентрики, это визуалы, у которых сформировалось клиповое, а затем кликовое мышление. Медиаопосредованное обучение возникает в связи и в результате медиасоциализации современного человека и его медиапотребления. Оно обусловлено и поддерживается присутствием обучаемого в сети в течении значительного времени суток [16]. Оно облегчается совершенством периферических устройств (смартфон и т.д.).

В условиях такого обучения менялась роль преподавателя: преподавателю необходимо было предложить обучаемым интересный, посильный маршрут прохождения ресурсов, выступить в качестве модератора ресурсов и тьютера – в нашем случае для магистров по профилю массовой коммуникации.

Современный этап работы с медиа характеризует наличие пользовательского контента, видеохостингов, блогов, сайтов, наличие большого количества конвергентных медиа. Плюс появилась возможность читать и смотреть любые аутентичные медиа, что даёт новые возможности для лингводидактики. Этого, конечно, не было до интернетизации, некоторые дискурсы были малодоступны. Масс-медиа дают широкий тематизм – представляют панораму от политики до культуры и спорта, полотно социальной жизни, культуры, экономики, что особенно важно на фоне медиатизации жизни.

Медиаопосредованное обучение неоднородно, у него много аспектов: это и применение искусственного интеллекта, и онлайн обучение [23], и создание собственных медиаресурсов [24; 25], например, международное дистанционное обучение и т.д. Нейросеть при этом представляется полноценным актором коммуникации, но без *квалиа* – представлении о себе, ощущении себя, способности отсылать сознание к трансцендентному. Мы не являемся сторонниками использования нейросетей в обучении и не рассматриваем это обучение в настоящей статье, но не можем игнорировать этот вопрос, так как

учащиеся в опытных группах пользуются нейросетями. Нейросеть и машинный переводчик тоже подвигают учащихся к отказу от традиционных методов обучения – ведь и перевод выполняется при помощи машины, и реферат создается при помощи искусственного интеллекта. Парадоксальным образом это делает необходимым пересмотр зданий в сторону интерактивности, где обучаемому уже не суметь использовать возможности технологий, где человек оказывается захваченным «вне техники».

Группа № 2. Медиаопосредованное обучение, эквивалентное программе в пятьдесят часов, без чёткого бюджета времени. Самостоятельное обучение с контролем тьютера.

Перед нами метод, преодолевающий традиционные границы и стереотипы. Уже простая оцифровка образовательного контента – хорошая ресурсная база. Библиотеки цифрового контента велики. В данном случае нас интересует цифровой контент, погруженный в контекст журналистской тематики. В рамках настоящей статьи лишь кратко перечислим возможные варианты, программа неоднократно представлялась и обсуждалась ее отдельные аспекты.

Ресурсы начального уровня

– работа с доступными в Интернете ресурсами – аудиокнигами:

<https://www.youtube.com/watch?v=Fim5AejpScY>

– ресурсы самого начального уровня, адаптированные книги:

<https://www.youtube.com/watch?v=iYvOdXTH4Nc>

– практики чтения, совмещенные с аудированием:

<https://www.youtube.com/watch?v=jYdmXuh6gTI>

– ресурсы, позволяющие быстро повторить английскую грамматику типа учебника Мерфи:

<https://www.youtube.com/watch?v=xRrpvSeQq3Q>

– фонетическая зарядка – скороговорки, обеспечивающие тренировку фонических навыков:

https://www.youtube.com/watch?v=WRui2_7Jt-8

– повторение примитивной прагматики:

<https://www.youtube.com/watch?v=v-jIvacpsxI>

<https://www.youtube.com/watch?v=uUMPULuwdLI>

<https://www.youtube.com/watch?v=rhpO-cCM0u0>

На определённом этапе работа над грамматикой, фонетикой и лексикой перестает быть необходимой. Все эти примитивы усвоены, даже если они преподаются носителями языка:

<https://www.youtube.com/watch?v=wQIoo8OivsA>

А механическая работа с собственно строевым материалом языка – лексикой – вне контекста, сама по себе – начинает раздражать.

– подкасты продвинутого уровня:

<https://www.youtube.com/watch?v=JLaeBWgodhA>

<https://www.youtube.com/@LukesEnglishPodcast>

Усвоен и язык учебного текста. Человек- билингв – это не словарь!

<https://www.youtube.com/watch?v=Bt8OTU34WKw>

<https://www.youtube.com/watch?v=Mkxixi-Xi7M>

Этого часто не понимают многочисленные преподаватели. Они объясняют язык. Но на определённом этапе такие объяснения бессмысленны. Известен парадокс знания родного языка без «ненужной» теоретической грамматики:

<https://www.youtube.com/watch?v=fkooLJ9MWVE>

Многочисленные переводчики в своих подкастах переводят иностранный язык, объясняют его (например, популярный подкаст «Вот это английский»).

Медиаресурсы продвинутого уровня

Интернет-дискурс – это не только научная, деловая, медийная и художественная речь, но и звучащая разговорная речь. Представлены записи звучащей речи, в том числе спонтанной. Так, возможным становится изучение географической, социальной и фоностилистической вариативности английского произношения.

Социофонетические исследования показывают, что более важным становятся усвоение современных произносительных тенденций, орфоэпический компонент культуры речи, усвоение актуальных тенденций в молодёжной речи и т.д.

Продemonстрируем аутентичный цифровой курс социолингвистической вариативности произношения ENGLISH ACCENTS & DIALECTS авторов Arthur Hughes Peter Trudgill Dominic Watt [14]

Real accents

Real British Accent Introduction by Jade Joddle Beginning Your British Accent Training

Developing a Natural British Accent

What About a Posh British Accent?

Accent Descriptions and Examples

Standard British English – A Modern, Precise Accent

Estuary English – A Natural London Accent

Upper Class Accent – The Elite Accent

Cockney Accent – A Dying Accent

Multicultural London English – ‘Street Language’ British

Accent Stereotype – An Old-fashioned Accent Other Accents – All the Rest!

Social Class and Accent in Britain

Celebrity British Accents

Your Flexible British Accent

How to Get a Clear British Accent

Широкий тематизм такой программы на продвинутом этапе обучения связан с медиапотреблением, подкастингом. При профессионализации необходимы необозримые аутентичные ресурсы. Например, телесюжеты новостей, различные аутентичные передачи, ток-шоу. Существуют и облегченные аутентичные подкасты для изучающих язык.

Ниже приведем результаты самостоятельной работы учащихся.

Один из обучаемых прислал фильмы о миграции в Великобританию поколения Windrush от Би-Би-Си.

<https://www.youtube.com/watch?v=fDkXHWMMNNmc>

<https://www.youtube.com/watch?v=tCnbAAgfxH8>

Учащиеся переходят к поиску, осознанному в сети на основе своих профессиональных интересов. Ещё один обучаемый поделился в группе «Пигмалионом» с Питером О'Тулом, и, по-моему, прекрасным довоенным «Пигмалионом»:

https://www.youtube.com/watch?v=tmdPj_XbF30

<https://www.youtube.com/watch?v=UhNk2eniBQ4>

<https://www.youtube.com/watch?v=rGTcZmb1YSI>

Обучаемые сами ведут поиски акцентов:

– Cockney accent:

<https://www.youtube.com/watch?v=XBjp1oEZcwU>

<https://www.youtube.com/watch?v=DSWMUKkUuoE>

– Estuary English:

<https://www.youtube.com/watch?v=cD8oYM->

[Gt6w&list=PLF1EvAEoPgfc1XjjTcSx2e2ZGn_1aPVYT&index=2](https://www.youtube.com/watch?v=cD8oYM-Gt6w&list=PLF1EvAEoPgfc1XjjTcSx2e2ZGn_1aPVYT&index=2)

<https://www.youtube.com/watch?v=lb4F37awYaY>

– Multicultural English:

<https://www.youtube.com/watch?v=wGJeLMCORQs&list=PLOY6CpXKRQ>

[HbXMWd9Swe-xkt9bzjouAB6](https://www.youtube.com/watch?v=wGJeLMCORQs&list=PLOY6CpXKRQHbXMWd9Swe-xkt9bzjouAB6)

Учащиеся ведут поиск ресурсов, связанных культурным наследием. Так, один из обучаемых пишет в качестве обратной связи: «Хочу также подарить Вам спектакль с Мэгги Смит по Т. Уильямсу».

Осознанная поисковая деятельность в сети имеет свои результаты. Одновременно происходит оценка своего уровня, использование тренажёров, а самое главное – эвристический поиск эффективной методики самообучения и использования ресурсов. Для такого обучения характерны целеполагание, сознательное рациональное распоряжение своими временными ресурсами. Эти результаты находят параллели в исследованиях цифрового смешанного обучения языкам последних лет [8; 21]. Электронная образовательная система свидетельствует о большом бюджете времени самостоятельной работы, выделенной студентом для такого курса. Студент доволен тем, что ему показано, как работать, и он может продолжать работать далее по завершении формального курса (*from learning for life to lifetime learning*).

Выводы

Преимущества контента, преимущество дидактики медиа-обучения отражают развитие интереса и мотивации обучаемого, нахождение им своего уровня, формирование автодидактических умений и установки на дальнейшую работу, выражаются в качественных критериях развития речи вторичной языковой личности (правильность, насыщенность, интериоризация, адекватный выбор и синтез).

В чем уникальность контента медиопередованного обучения? На наш взгляд, это три фактора. Во-первых, это культура языкового коллектива, во-вторых, актуальная медийная повестка, в-третьих – профессиональный пласт

языковой личности. Показателен отбор материалов для обучения, степень его устности, разговорности, формальности, аутентичности, подготовленности (спонтанности). В наших работах продемонстрированы особенности форматов работы с медийным материалом на продвинутой ступени обучения, направленные на развитие принципиально иных, характерных для цифровой среды обучения навыков речевой деятельности. Учащиеся производят переход к поиску осознанному в сети на основе своих профессиональных интересов.

Кроме учебных курсов, в распоряжении обучаемого в одном клике мыши находятся аутентичные новости, видео, компьютерные игры, видеофильмы, видеоблоги, записи. Наступил современный медиапедагогический этап. Медиапедагогика понимается очень по-разному: и так, чтобы технологии кино становились знакомыми обучаемым (киноклуб изучение профессий кино), и как медиакритика фильмов, и вплоть до создания собственных медиаресурсов, работы с другими медиаресурсами, пониманию активных медиадискурсов глобальных медиа медиатизированного мира и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека [Текст] : Учебн. пос. / Г.И. Богин. – Калинин: КГУ, 1975. – 106 с.
2. Бушев А.Б. Французский язык открывает двери в мир франкофонной политологии // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т.1. №3(3). С.118-129. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskiy-yazyk-otkryvaet-dveri-v-mir-frankofonnoy-politologii> (дата обращения: 29.01.2025).
3. Буданцев Д.В. Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 120-127 URL : <https://moluch.ru/archive/317/72477/> (дата обращения: 29.01.2025).
4. Пумпянский А. Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: Фонетика, грамматика, лексика. М.: АН СССР, 1962. – 448 с.
5. Тошович Б. Г. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности. М.: флинта, 2024. 520 с.
6. Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В., Заславский И.М., Карлов И.А., Мерцалова Т.А., Сергоманов П.А., Фрумин И.Д. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. Под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: ИД ВШЭ, 2019. 344 с. DOI:10.17323/978-5-7598-1990-5 https://ioe.hse.ru/data/2019/07/01/1492988034/Cifra_text.pdf
7. The Aspen Institute Communications and Society Program, Digital and Media Literacy: A Plan of Action, Washington, D.C.: The Aspen Institute, November 2010. URL : https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/files/content/docs/Digital_and_Media_Literacy.pdf (дата обращения: 29.01.2025).
8. Baran E., AlZoubi D. (2020). Affordances, Challenges, and Impact of Open Pedagogy: Examining Students' Voices. Distance Education, 41(2), DOI: <https://doi.org/10.1080/01587919.2020.1757409>
9. Baran E., AlZoubi, B. (2020b) Human-Centered Design as a Frame for Transition to Remote Teaching during the COVID-19 Pandemic // Journal of

Technology and Teacher Education, 28(2), 365–372. Baran, E., AlZoubi, D. (2020). Human-Centered Design in Teacher Education: Activities and Online Resources. URL : <https://docs.google.com/document/d/1N5fM4iwe60cdqMPxaiJpPAIjE-2APCTG6fRtNGCvNao/edit?usp=sharing> (дата обращения: 29.01.2025).

10. Camilleri M.A., Camilleri A.C. Remote learning via video conferencing technologies: Implications for research and practice. Technol Soc. 2022 ; 68:101881. DOI:10.1016/j.techsoc.2022.101881. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X22000227?via%3Dihub> (дата обращения: 29.01.2025).

11. Clinton-Lisell V. (2021). Open pedagogy: A systematic review of empirical findings // Journal of Learning for Development, 8(2), 255–268. DOI: <https://doi.org/10.56059/jl4d.v8i2.511>

12. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge University Press, 2006. – 318 p. ISBN: 978-0521868594.

13. Hooft Graafland J.H. (2018). New technologies and 21st century children: Recent trends and outcomes. OECD Education Working Papers, 179. Paris: OECD Publishing, 2018 URL : https://www.oecd.org/en/publications/new-technologies-and-21st-century-children_e071a505-en.html

14. Hughes A., Peter Trudgill and Dominic Watt, English accents and dialects: An introduction to social and regional varieties of English in the British Isles. 4th ed. London: Hodder Arnold, 2005. Pp. xiii, 159. Pb and accompanying CD https://www.cur.ac.rw/mis/main/library/documents/book_file/digital-65cf242a6081a9.45577942.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

15. Lambert, J. (2013). Digital storytelling: Capturing lives, creating community (4th ed.). Routledge. <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203102329/digital-storytelling-joe-lambert> (дата обращения: 29.01.2025).

16. Lymperi, Leonidia/ Deep language learning at a distance : Investigating the efficacy of a low-cost blended intervention in the small rural primary schools of Greece. (Doctoral dissertation). URL : <http://theses.ncl.ac.uk/jspui/handle/10443/5543> (дата обращения: 29.01.2025).

17. Luzon Bryan M., Trixie E. Cubillas, Technological, Pedagogical, and Content Knowledge of Intermediate Grade Teachers in Public Schools : Influence on Work and Academic Performance International Journal of Scientific and Research Publications, Volume 12, Issue 1, January 2022 Pp. 293-299
<http://dx.doi.org/10.29322/IJSRP.12.01.2022.p12138>

18. Ohler, J.B. (2013). Digital storytelling in the classroom: New media pathways to literacy, learning, and creativity. SAGE Publications. Ohler, J. B. (2013). Digital Storytelling in the Classroom: New Media Pathways to Literacy, Learning, and Creativity. Thousand Oaks: Corwin Press. URL : <https://doi.org/10.4135/9781452277479>

19. Ranger G., “David CRYSTAL, Language and the Internet”, Lexis [Online], Book reviews, Online since 29 August 2007, connection on 08 December 2022. URL: <http://journals.openedition.org/lexis/1831>; DOI: <https://doi.org/10.4000/lexis.183>

20. Robin, B.R. (2016). The power of digital storytelling to support teaching and learning in Digital Education Review, 30, 17-29. 331. URL : <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1125504.pdf>

21. Teik Hong, A.L., Stapa, M. (2023). The effect of blended learning towards pupils' vocabulary development and motivation in an ESL classroom in *Journal of Nusantara Studies*, 8(1), 406428. URL : <http://dx.doi.org/10.24200/jonus.vol8iss1pp406-428> (date of access: 07.11.2023).

https://www.researchgate.net/publication/367966665_THE_EFFECT_OF_BLENDED_LEARNING_TOWARDS_PUPILS'_VOCABULARY_DEVELOPMENT_AND_MOTIVATION_IN_AN_ESL_CLASSROOM/link/63dba0a3c465a873a2797e7d/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19

22. Van Laar E, van Deursen J A M., van Dijk J. A. J.M., de Haan J. Determinants of 21st-Century Skills and 21st-Century Digital Skills for Workers : A Systematic Literature Review-14. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244019900176>. (дата обращения: 29.01.2025).

25. Wang, Qi., Zhu, Zh., Chen, L., Yan, H. (2009) E-learning in China Campus-Wide Information Systems 2009/03/27 https://www.researchgate.net/publication/235287572_E-learning_in_China DOI:10.1108/10650740910946783 Wang, Q., Zhu, Z., Chen, L. and Yan, H. (2009), "Elearning in China", *Campus-Wide Information Systems*, Vol. 26 No. 2, pp. 77–81. <https://doi.org/10.1108/10650740910946783>

26. Xie, J. (2016). Digital storytelling to promote EFL students' motivation and efficiency in content-based classroom. *Education Journal*, 5(6), 166–173. https://www.researchgate.net/publication/314276463_Digital_Storytelling_to_Promote_EFL_Students%27_Motivation_and_Efficiency_in_Content-Based_Classroom

27. Yang, Y. (2012) Multimodal composing in digital storytelling. *Computers and Composition*, 29, 221–238. https://www.researchgate.net/publication/278717172_Multimodal_Composing_in_Digital_Storytelling (дата обращения: 29.01.2025).

28. Yang Y., Chen Y., Lu J. and Wang Y. (2021). The Effect of the Online and Offline Blended Teaching Mode on English as a Foreign Language Learners' Listening Performance in a Chinese Context. [Electronic resource] // <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2021.742742> (date of access: 05.11.2023). URL : <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.742742/full>

REFERENCES

1. Bogin G I. (1975). Urovni i komponenty rechevoj sposobnosti cheloveka Uchebn. pos. [Levels and components of human speech ability]. Kalinin: KSU, 1975. 106 p. (In Russian).

2. Bushev A. B. (2022). Francuzskij yazyk otkryvaet dveri v mir frankofonnoj politologii [French opens the door to the world-francophone political science] in *Virtual'naya kommunikaciya i social'nye seti* [Virtual communication and social networks]. 2022. Vol.1. №3(3). Pp.118–129. <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskiy-yazyk-otkryvaet-dveri-v-mir-frankofonnoy-politologii> (In Russian).

3. Budantsev D. V. (2020). Cifrovizaciya v sfere obrazovaniya: obzor rossijskih nauchnyh publikacij [Digitalization in the sphere of education: a review of Russian

scientific publications] in *Molodoj uchenyj* [Young Scientist]. 2020. № 27 (317). Pp. 120–127. URL: <https://moluch.ru/archive/317/72477/> (data obrashcheniya: 29.01.2025) (In Russian).

4. Pumpyansky A. L. (1962). *Chtenie i perevod anglijskoj nauchnoj i tekhnicheskoy literatury: Fonetika, grammatika, leksika* [Reading and translation of English scientific and technical literature: Phonetics, grammar, lexicon]. Moscow: AS USSR, 1962. 448 p. (In Russian).

5. Toshovich B. G. (2024). *Lingvistika, stilistika i poetika virtual'nosti* [Linguistics, Stylistics and Poetics of Virtuality]. Moscow : Flinta, 2024. 520 p. (In Russian).

6. Uvarov A. Y., Gable E., Dvoretzkaya I.V., Zaslavsky I.M., Karlov I.A., Mertsalova T.A., Sergomanov P.A., Frumin I.D. (2019). *Trudnosti i perspektivy cifrovoj transformacii obrazovaniya*. [Difficulties and Prospects of Digital Transformation of Education], Moscow, 2019. 344 p. DOI:10.17323/978-5-7598-1990-5https://ioe.hse.ru/data/2019/07/01/1492988034/Cifra_text.pdf] (In Russian).

7. The Aspen Institute Communications and Society Program, Digital and Media Literacy: A Plan of Action, Washington, D.C.: The Aspen Institute, November 2010. URL: https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/files/content/docs/Digital_and_Media_Literacy.pdf

8. Baran E., AlZoubi D. (2020). Affordances, Challenges, and Impact of Open Pedagogy: Examining Students' Voices. *Distance Education*, 41(2), DOI: <https://doi.org/10.1080/01587919.2020.1757409>

9. Baran E., AlZoubi, B. (2020). Human-Centered Design as a Frame for Transition to Remote Teaching during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Technology and Teacher Education*, 28(2), 365–372. Baran, E., AlZoubi, D. (2020). Human-Centered Design in Teacher Education: Activities and Online Resources. URL: [https:// docs.google.com/document/d/1N5fM4iwe60cdqMPxaiJpPAIjE-2APCTG6fRtNGCvNao/edit?usp=sharing](https://docs.google.com/document/d/1N5fM4iwe60cdqMPxaiJpPAIjE-2APCTG6fRtNGCvNao/edit?usp=sharing)

10. Camilleri M.A., Camilleri A.C. (2022). Remote learning via video conferencing technologies: Implications for research and practice. *Technol Soc.* 2022; 68:101881. DOI:10.1016/j.techsoc.2022.101881. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160791X22000227?via%3Dihub>

11. Clinton-Lisell V. (2021). Open pedagogy: A systematic review of empirical findings // *Journal of Learning for Development*, 8(2), 255–268. DOI: <https://doi.org/10.56059/jl4d.v8i2.511>

12. Crystal, D. (2006) *Language and the Internet*. Cambridge University Press, 2006. ISBN: 978-0521868594, 318 p.

13. Hooft Graafland J.H. (2018). *New technologies and 21st century children: Recent trends and outcomes*. OECD Education Working Papers, 179. Paris: OECD Publishing, 2018 URL: https://www.oecd.org/en/publications/new-technologies-and-21st-century-children_e071a505-en.html

14. Hughes A., Peter Trudgill and Dominic Watt (2005). *English accents and dialects: An introduction to social and regional varieties of English in the British Isles*.

4th ed. London: Hodder Arnold, 2005. Pp. xiii, 159. Pb and ac-companying CD URL: https://www.cur.ac.rw/mis/main/library/documents/book_file/digital-65cf242a6081a9.45577942.pdf

15. Lambert, J. (2013). Digital storytelling: Capturing lives, creating community (4th ed.). Routledge. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780203102329/digital-storytelling-joe-lambert>

16. Lymperi, Leonidia (2021). Deep language learning at a distance : Investigating the efficacy of a low-cost blended intervention in the small rural primary schools of Greece. (Doctoral dissertation). URL: <http://theses.ncl.ac.uk/jspui/handle/10443/5543>

17. Luzon Bryan M., Trixie E. Cubillas (2022) Technological, Pedagogical, and Content Knowledge of Intermediate Grade Teachers in Public Schools:Influence on Work and Academic Performance International Journal of Scientific and Research Publications, Volume 12, Issue 1, January 2022 Pp/293-299
<http://dx.doi.org/10.29322/IJSRP.12.01.2022.p12138>

18. Ohler, J.B. (2013). Digital storytelling in the classroom: New media pathways to literacy, learning, and creativity. SAGE Publications. Ohler, J. B. (2013). Digital Storytelling in the Classroom: New Media Pathways to Literacy, Learning, and Creativity. Thousand Oaks: Corwin Press. <https://doi.org/10.4135/9781452277479>

19. Ranger G. (2007). “David CRYSTAL, Language and the Internet”, Lexis [Online], Book reviews, Online since 29 August 2007, connection on 08 December 2022. URL: <http://journals.openedition.org/lexis/1831>;
DOI:<https://doi.org/10.4000/lexis.183>

20. Robin, B.R. (2016). The power of digital storytelling to support teaching and learning. Digital Education Review, 30, 17-29. 331 URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1125504.pdf>

21. Teik Hong, A.L., Stapa, M. (2023). The effect of blended learning towards pupils' vocabulary development and motivation in an ESL classroom // Journal of Nusantara Studies, 8(1), 406428. URL: <http://dx.doi.org/10.24200/jonus.vol8iss1pp406-428> (date of access: 07.11.2023). https://www.researchgate.net/publication/367966665_THE_EFFECT_OF_BLENDED_LEARNING_TOWARDS_PUPILS'_VOCABULARY_DEVELOPMENT_AND_MOTIVATION_IN_AN_ESL_CLASSROOM/link/63dba0a3c465a873a2797e7d/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19

22. Van Laar E, van Deursen J A M., van Dijk J. A. J.M., de Haan J. (2020). Determinants of 21st-Century Skills and 21st-Century Digital Skills for Workers: A Systematic Literature Review-14. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244019900176>.

23. Wang, Qi., Zhu, Zh., Chen, L., Yan, H. (2009). E-learning in China Campus-Wide Information Systems 2009/03/27 https://www.researchgate.net/publication/235287572_E-learning_in_China DOI:10.1108/10650740910946783 Wang, Q., Zhu, Z., Chen, L. and Yan, H. (2009), “E-learning in China”, Campus-Wide Information Systems, Vol. 26 No. 2.Pp. 77 – 81. URL :<https://doi.org/10.1108/10650740910946783>

24. Xie, J. (2016). Digital storytelling to promote EFL students' motivation and efficiency in content-based classroom. *Education Journal*, 5(6), 166-173. URL: https://www.researchgate.net/publication/314276463_Digital_Storytelling_to_Promote_EFL_Students%27_Motivation_and_Efficiency_in_Content-Based_Classroom

25. Yang, Y. (2012). Multimodal composing in digital storytelling. *Computers and Composition* 29, 221 – 238. URL : https://www.researchgate.net/publication/278717172_Multimodal_Composing_in_Digital_Storytelling

26. Yang Y., Chen Y., Lu J. and Wang Y. (2021). The Effect of the Online and Offline Blended Teaching Mode on English as a Foreign Language Learners' Listening Performance in a Chinese Context. URL: <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2021.742742> (date of access: 05.11.2023). URL : <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.742742/full>

УДК 37.048.45
ORCID 0000-0002-8018-8650

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ²

Дмитриева Юлия Леонидовна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
(г. Горловка, РФ)
juls88dmutrieva@yandex.ru

Аннотация. Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей является одной из приоритетных задач государственной политики, регламентированной рядом нормативных документов. Данная задача находится в фокусе внимания педагогического сообщества. Однако нет единого определения феномена ценности, под которой понимают нравственные ориентиры в поведении человека как гражданина и патриота, члена социума. Сегодня описана система традиционных российских ценностей, выделены ее доминанты. В статье перечислены доминанты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, отмечена значимость их вербализации субъектами учебно-воспитательного процесса, что обеспечивает ребенку безопасную образовательную среду, позволяет противостоять негативным влияниям, отличать ценности от антиценностей. Автор приводит примеры вербализации ценностей на уроках русского языка в 10 классе в рамках изучения темы «Язык и культура» с использованием как визуальной, так и игровой технологий.

Ключевые слова: ценность, русский язык, духовно-нравственные ценности, доминанта, субъект учебно-воспитательного процесса, визуальные технологии, игровые технологии.

² Исследование проведено в Донецком государственном педагогическом университете им. В. Шаталова в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (№ 1024122500024-1-5.3.1;6.2.3;6.2.1;5.1.1) по теме «Механизмы обеспечения безопасности детства в контексте социально-культурных изменений во взаимодействии социальных институтов, семей и детей с разной социальной активностью».

PRESERVATION OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN
THE FRAMEWORK OF RUSSIAN LANGUAGE STUDIES AT SCHOOL

Dmitrieva Yulia Leonidovna

Doctor of Philology, Associate professor,

Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics
of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov”

(Gorlovka, Russia)

juls88dmutrieva@yandex.ru

Abstract. Preserving traditional spiritual and moral values is one of the priority tasks of state policy, regulated by a number of regulatory documents. The task is in the focus of attention of the pedagogical community. However, there is no single definition of the phenomenon of value; it is understood as a moral guideline in the behavior of a person as a citizen and patriot, a member of society. Today, a system of traditional Russian values has been described, and its dominants have been identified. The article lists the dominants of traditional Russian spiritual and moral values, notes the importance of their verbalization by the subjects of the educational process, which provides the child with a safe educational environment, allows them to resist negative influences, and distinguish values from anti-values. The author provides examples of the verbalization of values in Russian Language classes in the 10th grade within the framework of the topic “Language and Culture” using both visual and game technologies.

Keywords: value, Russian language, spiritual and moral values, dominant, subject of the educational process, visual technologies, game technologies.

Для цитирования: Дмитриева Ю. Л. Сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей в рамках изучения русского языка в школе // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С. А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 16-26. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-16-26

В эпоху развитых информационных систем и доминирования рационального мышления, когда практичность и внедрение технологий во все аспекты человеческой жизни становятся приоритетными, критически необходимо сохранить духовные ценности, этические принципы и культурное наследие, формировавшиеся на протяжении многих столетий в российском социуме. Кроме того, в открытом информационном пространстве (будь то телевидение, радиовещание, пресса, порталы различной содержательной и целевой направленности и т.п.) дети часто сталкиваются с «ложными ценностями и антиценностями, с фейками и обманом» [1, с. 10]. Они не всегда могут критически оценить поступающую информацию, что создает угрозу безопасности детства. Поэтому ребенку необходим старший (родитель, учитель, наставник), который, являясь частью образовательного пространства и активно участвуя в воспитательном процессе, помогает в формировании системы ценностей и понимании значимости различных видов деятельности.

Роль взрослого в данном контексте выходит за рамки простого предоставления информации или контроля. Это скорее роль проводника,

который помогает ребенку ориентироваться в сложном информационном потоке, отличать правду от лжи, полезное от вредного. Взрослый создает безопасное пространство, где дети могут задавать вопросы, выражать сомнения и делиться своими переживаниями, не боясь быть осужденными или непонятыми. Взрослый также играет ключевую роль в передаче и сохранении ценностных ориентиров.

Отметим, что трансляция и сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей является одной из ключевых не только для педагогического сообщества. Ее значимость фиксируется в следующих нормативных документах: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г.), «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 400 от 02 июля 2021 г.), «Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 358 от 17 мая 2023 г.), Указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и др.

Так, в «Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.» (далее – Стратегия) определены угрозы безопасности детей, цели, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной политики по обеспечению безопасности детства. Отметим, что воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций является одной из целей государственной политики, закрепленной в Стратегии.

Считаем, что достижение поставленной цели в образовательном пространстве возможно средствами русского языка (как в рамках занятий, так и во внеурочной деятельности). Во-первых, русский язык как государственный не только аккумулирует, но и способствует трансляции культурных кодов народа. Его изучение способствует формированию у обучающихся чувства принадлежности к российской культуре, укрепляет национальное самосознание и патриотизм.

Во-вторых, в условиях глобализации и культурной экспансии возрастает риск утраты национальной самобытности и размывания традиционных ценностей. Интеграция духовно-нравственного компонента в процесс обучения русскому языку помогает формировать устойчивую систему ценностей, способную противостоять негативному влиянию извне.

В-третьих, традиционные российские духовно-нравственные ценности, такие как милосердие, сострадание, справедливость, почитание старших, коллективизм, являются основой для формирования нравственной личности. Изучение русского языка через призму этих ценностей способствует воспитанию морально устойчивых и ответственных граждан.

Кроме того, анализ текстов русской литературы, фольклора, исторических документов позволяет обучающимся не только познакомиться с традиционными ценностями, но и критически осмыслить их, сопоставить с современными реалиями и сформировать собственное мировоззрение.

В-четвертых, понимание ценностной основы языка позволяет глубже проникнуть в его структуру и особенности. Русский язык также является ценностью. И понимание этого способствует его сохранению и развитию, стремлению у обучающихся обогащать собственный словарный запас и повышать культуру речи.

Наконец, современное российское общество заинтересовано в воспитании поколения, которое уважает свою историю и культуру, обладает высокими моральными принципами и способно строить сильное и процветающее государство.

Цель статьи – описание комплекса упражнений, направленных не только на формирование языковых знаний, умений и навыков, но и на знакомство и приобщение с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

В современной педагогической литературе нет единого определения ценности. Так, в педагогическом словаре под редакцией В. И. Загвязинского и А. Ф. Закировой ценность определяется как «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей» [4, с. 156–157]. Также в статье приводятся типологии ценностей, а именно: материальные и духовные, общечеловеческие и определенного народа (авторы называют такие ценности отечественными), семейные, профессиональные и т.д.

В другом лексикографическом издании ценности трактуются как «понятия, используемые в философии и социологии для обозначения объектов, явлений, их свойств, а также абстрактных идей» [10, с. 121].

В словаре А. М. Новикова под ценностью понимаются «явления и предметы материального или духовного характера, обладающие положительной значимостью, т. е. способные удовлетворять какие-либо потребности человека (*индивидуальные ценности*), а также социальных групп, классов, общества (*социальные ценности*), служить их *интересам* и *целям*³» [3, с. 255].

В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы), утвержденных Указом Президента Российской Федерации № 809 от 09 ноября 2022 г., традиционные ценности дефинируются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [8].

³ В дефиниции сохранено выделение источника научного цитирования.

В исследованиях, посвященных ценностям в процессе обучения и воспитания, подчеркивается их социальный характер, а также объективность существования. «Конкретный перечень ведущих духовных ценностей определяется по-разному, чаще всего в их число включают самого человека, его жизнь, здоровье, благо, Родину, любовь, семью, труд, творчество, мир, счастье, веру» [4, с. 157]. Добро, истину, родину, патриотизм, семью относят к высшим духовным ценностям, «которые делают человека человеком» [6, с. 19], относит и В.В. Сериков. В его работе внимание акцентируется также на том, что недостаточно просто знать о существовании ценностей, необходимо, чтобы они стали «ориентиром целесообразной деятельности человека» [Там же, с. 19]. Аналогичный тезис находим в статье О. В. Гукаленко и И. М. Ёлкиной. Ср.: «Ценности определяют наш стиль жизни, поведения и деятельности, наше отношение к Родине, к символам государства, к культуре, к семье. Ценности – это своего рода ориентиры, помогающие понять, как правильно поступать и действовать, что является истинным и справедливым, а что ложным» [1, с. 10].

Именно ценности, по мнению ряда исследователей, являются тем ориентиром, который позволяет подрастающему поколению не только эффективно взаимодействовать с окружающим миром и обществом, но и идентифицировать себя как гражданина, патриота, личность. Они становятся «регуляторами жизнедеятельности» (терминосочетание В. В. Серикова) только когда переходят из объективной сферы в субъективную, т.е. переживаются и вербализируются, т.е. выражаются с помощью знаков языка (в данном случае – русского языка как родного и как государственного языка Российской Федерации).

Отметим, что результатом исследования особенностей приобщения обучающихся к традиционным российским ценностям стало формирование системы указанных ценностей, приведенной в одной из работ О. В. Гукаленко. В данную систему входят:

- «– ценности культуры и историко-культурного наследия;
- патриотизм. Патриотические ценности;
- гражданские и социальные ценности;
- духовно-нравственные ценности;
- семейные ценности;
- ценности жизни, здоровья и физического развития;
- экологические ценности;
- ценности образования, науки и научно-технологического развития;
- ценности труда и профессиональной самореализации личности;
- ценности информационной культуры личности и общества» [1, с. 12].

Каждая из групп ценностей имеет свои доминанты. Например, в число доминант семейных ценностей исследователь включает «преемственность поколений, институт семьи, дружбу, общение, мечты, планы, жизнь, достоинство, традиции, дружелюбие, семейственность, культуру семейного воспитания, межпоколенческие отношения» [Там же]. К доминантам духовно-нравственных ценностей ученый относит «этику, духовность, нравственную

позицию, милосердие, мораль и нравственность в традициях русской культуры» [Там же].

Отметим, что в «Основах» к их числу относятся следующие: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [8].

Однако в процессе взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса невозможно формирование исключительно одной группы ценностей. Так, невозможно формирование только духовно-нравственных ценностей без патриотических ценностей, ценностей образования, науки и научно-технологического развития, семейных ценностей, ценностей культуры и историко-культурного наследия и т.д. Образовательная среда, формируемая педагогическим сообществом вместе с семьей и иными социальными институтами, предполагает участие субъектов воздействия в системе мероприятий (или событий), в рамках которых ценности проговариваются, переживаются, осмысливаются и, наконец, становятся теми самыми ориентирами «для выбора поступков» [6, с. 20].

Так, при изучении русского языка обучающийся не только осваивает государственный язык государства, язык межнационального общения, но и усваивает «традиционные российские духовно-нравственные ценности, воспитывает в себе нравственность, любовь к Родине, ценностное отношение к русскому языку, формирует интерес и уважение к языкам и культурам народов России и мира, развивает эмоциональный интеллект, способность понимать и уважать мнение других людей» [9, с. 3].

Соответственно, изучение русского языка позволяет овладеть одним из основных средств общения и научения, трансляции и сохранения традиционный российских духовно-нравственных ценностей. При этом работу целесообразно организовать как в урочное время, так и при внеаудиторной работе.

Это не только комплекс упражнений, предложенных в учебниках и методических материалах по русскому языку, но и задания, разрабатываемые учителями в соответствии с программой, уровнем подготовленности класса, региональными особенностями. Аксиоматичен сегодня тезис о том, что лингвокраеведческие факты, используемые в качестве дидактического материала, способствуют повышению интереса к изучаемому, формированию знаний о характерных чертах родного края и его значимости для страны в целом и т.д.

При этом в педагогическом сообществе акцентируют внимание на том, что текст, используемый и адаптируемый для учебных целей, не может быть «панацеей» при трансляции и сохранении традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Безусловно, ему принадлежит ведущая роль, однако значимы здесь и иные формы работы. Так, В.В. Сериков отмечает, что

«вербализация “проговаривание” ценностей, поиск их дефиниций – все это способствует проявлению собственной позиции и смыслообразованию в ценностной сфере» [6, с. 22]. Именно это можно предложить на уроках русского языка в 10 классе в рамках изучения темы «Язык и культура», освоение которой предполагает формирование представлений у учащихся «отражения в русском языке традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры русского и других народов России и мира» [9, с. 23]. Десятиклассники должны «опознавать лексику с национально-культурным компонентом значения; лексику, отражающую традиционные российские духовно-нравственные ценности в художественных текстах и публицистике; объяснять значения данных лексических единиц» [Там же]. Здесь можно предложить использовать прием «мозговой штурм» и попросить объяснить лексическое значение слова *милосердие* без обращения к толковым словарям или иным лексикографическим источникам.

Можно также применить один из приемов визуальной технологии – облако слов: предлагаем ученикам ознакомиться с облаком слов и найти «лексику с национально-культурным компонентом значения».

При работе с текстом в рамках данной темы облако слов также может использоваться для восстановления как самого текста, так и определения его основной проблемы. Например, предъявляем десятиклассникам следующее облако и просим восстановить текст:

Далее следует послетекстовая работа, предполагающая «проговаривание» ценностей. Это и вопрос о красоте русской природы, и обсуждение особенностей мировидения поэта, который в чем-то обыденном увидел необыкновенную картину, и дискуссия о необходимости сохранения природы родной страны.

Далее можно предложить учащимся дома подобрать стихотворения поэтов родного края о природе, описать дерево, растущее под окном, поработать в группах над проектом «Фразеологизмы с точки зрения отражения в них культуры и истории русского народа» и т.п.

В рамках изучения темы «Язык и культура» возможно применение и игровых технологий, предполагающих не только формирование умений дискутировать, но и создавать совместно тексты определенной направленности. Например, можно организовать на уроке игру «Снежный ком». Ставим участникам – учащимся 10 класса – задачу создать текст, поясняющий слово *духовность*. Заранее следует оговорить как объем текста (он не должен быть большим, целесообразно составить до 10 предложений), так и наличие в нем примеров. Предлагаем учащимся составить текст из сложных предложений. Первый играющий называет часть сложного предложения, далее слово передается следующему игроку, который его заканчивает. Параллельно предложения записываются как на доске, так и в тетрадях обучающихся. Это упражнение-игра дает возможность не только «проговорить» одну из ценностей, но и выявить сформированность представлений о ней у субъектов учебно-воспитательного процесса, а также научить их слаженно работать, используя ресурсы русского языка.

По окончании игры предлагаем учащимся проверить дефиницию слова по толковым словарям современного русского языка (как бумажным, так и электронным. Например, обратиться к ресурсу «Грамота.ру»), а в качестве домашнего задания предлагаем написать проект «Путешествие слова *духовность* по словарям» (это и обеспечивает решение учебных задач, зафиксированных в федеральной рабочей программе среднего общего образования «Русский язык» (для 10–11 классов образовательных организаций), и расширяет знания школьников, формирует их представление о духовно-нравственных ценностях).

Наконец, оптимальным считается соединение традиционных и инновационных технологий взаимодействия участников учебно-воспитательного процесса. Однако исследователи акцентируют внимание, что интерактивные технологии остаются предпочтительными в рамках трансляции и сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей при изучении русского языка. Перспективной является не только работа на уроках (отчасти проиллюстрированная нами примерами упражнений), но и внеаудиторная воспитательная деятельность. Это составляет перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гукаленко О. В., Ёлкина И. М. Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям средствами внеурочной деятельности: направления и методики // Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям в ходе внеурочной деятельности: методология и практика: сб. докладов и тезисов участников круглых столов на тему: «Психолого-педагогические технологии внеурочной и просветительской деятельности в общеобразовательной школе» в рамках IV Всерос. научно-образоват. форума с междунар. участием «Миссия университетского педагогического образования в XXI веке» (Ростов-на-Дону 2022) и на тему: «Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям

во внеурочной деятельности: современные подходы и технологии» (Москва, 17.11.2022 г., ИСРО РАО) / Под ред. О.В. Гукаленко. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022 г. С. 9–18.

2. Дмитриева Ю. Л. Традиционные и инновационные технологии воспитания гражданина средствами русского языка // Современное образование: состояние, проблемы и перспективы развития : моногр. Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2024. С. 54–79.

3. Новиков А. М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. 268 с.

4. Педагогический словарь : учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.

5. Прядко А. Г. Визуализация образовательных материалов на уроках русского языка. Сервис «Облако слов» // Современный урок : всероссийский профессиональный педагогический журнал. URL: <https://www.lurok.ru/categories/14/articles/50112> (дата обращения: 28.03.2025).

6. Серигов В. В. Ценностно-смысловые аспекты воспитания гармонично-развитой личности на основе традиционных российских ценностей // Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям в ходе внеурочной деятельности: методология и практика: сб. докладов и тезисов участников круглых столов на тему: «Психолого-педагогические технологии внеурочной и просветительской деятельности в общеобразовательной школе» в рамках IV Всерос. научно-образоват. форума с междунар. участием «Миссия университетского педагогического образования в XXI веке» (Ростов-на-Дону 2022) и на тему: «Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям во внеурочной деятельности: современные подходы и технологии» (Москва, 17.11.2022 г., ИСРО РАО) / Под ред. О.В. Гукаленко. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022 г. С. 18–26.

7. Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г. : утверждена Указом Президента Российской Федерации № 358 от 17 мая 2023 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/> (дата обращения: 07.05.2025).

8. Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 07.05.2025).

9. Федеральная рабочая программа среднего общего образования «Русский язык» (для 10–11 классов образовательных организаций). М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2023. 62 с.

10. Ширшов Е.В. Информация, образование, дидактика, история, методы и технологии обучения. Словарь ключевых понятий и определений: учебное пособие. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. 138 с.

REFERENCES

1. Gukalenko O.V., Yolkina I.M. (2022). Priobshhenie uchashhixsya k tradicionny`m rossijskim cennostyam sredstvami vneurochnoj deyatel`nosti: napravleniya i metodiki [Introducing students to traditional Russian values through extracurricular activities: directions and methods] in Priobshhenie uchashhixsya k tradicionny`m rossijskim cennostyam v xode vneurochnoj deyatel`nosti: metodologiya i praktika: sb. dokladov i tezisov uchastnikov krugly`x stolov na temu: «Psixologopedagogicheskie texnologii vneurochnoj i prosvetitel`skoj deyatel`nosti v obshheobrazovatel`noj shkole» v ramkax IV Vseros. nauchno-obrazovat. foruma s mezhdunar. uchastiem «Missiya universitetskogo pedagogicheskogo obrazovaniya v XXI veke» (Rostov-na-Donu 2022) i na temu: «Priobshhenie uchashhixsya k tradicionny`m rossijskim cennostyam vo vneurochnoj deyatel`nosti: sovremenny`e podxody` i texnologii» (Moskva, 17.11.2022 g., ISRO RAO) [Introducing students to traditional Russian values in the course of extracurricular activities: methodology and practice: collection of reports and abstracts of participants of round tables on the topic: «Psychological and pedagogical technologies of extracurricular and educational activities in a general education school» within the framework of the IV All-Russian. Scientific and Educational Forum with International Participation «The Mission of University Teacher Education in the 21st Century» (Rostov-on-Don 2022) and on the topic: «Introducing students to traditional Russian values in extracurricular activities: modern approaches and technologies» (Moscow, November 17, 2022, ISRO RAO)]. Moscow: FGBNU «Institute for Strategy of Education Development of RAO». (In Russian).
2. Dmitrieva Yu.L. (2024). Tradicionny`e i innovacionny`e texnologii vospitaniya grazhdanina sredstvami russkogo yazy`ka [Traditional and innovative technologies for educating a citizen by means of the Russian language] in Sovremennoe obrazovanie: sostoyanie, problemy` i perspektivy` razvitiya [Modern education: state, problems and development prospects]. Petrozavodsk: ICNP «NEW SCIENCE». (In Russian).
3. Novikov A.M. (2013). Pedagogika: slovar` sistemy` osnovny`x ponyatij [Pedagogy: a dictionary of the system of basic concepts]. Moscow: IET Publishing Center (In Russian).
4. Pedagogicheskij slovar` : ucheb. posobie dlya stud. vy`ssh. ucheb. zavedenij (2008) [Pedagogical Dictionary: textbook. allowance for stud. higher education institutions]. Moscow: Publishing Center «Academy» (In Russian).
5. Pryadko A.G. (2022). Vizualizaciya obrazovatel`ny`x materialov na urokax russkogo yazy`ka. Servis «Oblako slov» [Visualization of educational materials in Russian language lessons. "Word Cloud" service] in Sovremenny`j urok : vserossijskij professional`ny`j pedagogicheskij zhurnal [Modern lesson: All-Russian professional pedagogical journal]. URL: <https://www.urok.ru/categories/14/articles/50112>. (In Russian).
6. Serikov V.V. (2022). Cennostno-smy`slovy`e aspekty` vospitaniya garmonichno-razvitoj lichnosti na osnove tradicionny`x rossijskix cennostej [Value-semantic aspects of educating a harmoniously developed personality based on

traditional Russian values] in Priobshhenie uchashhixsya k tradicionny`m rossijskim cennostyam v xode vneurochnoj deyatel`nosti: metodologiya i praktika: sb. dokladov i tezisov uchastnikov krugly`x stolov na temu: «Psixologo-pedagogicheskie texnologii vneurochnoj i prosvetitel`skoj deyatel`nosti v obshheobrazovatel`noj shkole» v ramkax IV Vseros. nauchno-obrazovat. foruma s mezhdunar. uchastiem «Missiya universitetskogo pedagogicheskogo obrazovaniya v XXI veke» (Rostov-na-Donu 2022) i na temu: «Priobshhenie uchashhixsya k tradicionny`m rossijskim cennostyam vo vneurochnoj deyatel`nosti: sovremenny`e podxody` i texnologii» (Moskva, 17.11.2022 g., ISRO RAO) [Introducing students to traditional Russian values in the course of extracurricular activities: methodology and practice: collection of reports and abstracts of participants of round tables on the topic: «Psychological and pedagogical technologies of extracurricular and educational activities in a general education school» within the framework of the IV All-Russian. Scientific and Educational Forum with International Participation «The Mission of University Teacher Education in the 21st Century» (Rostov-on-Don 2022) and on the topic: «Introducing students to traditional Russian values in extracurricular activities: modern approaches and technologies» (Moscow, November 17, 2022, ISRO RAO)]. Moscow: FGBNU «Institute for Strategy of Education Development of RAO». (In Russian).

7. Strategiya kompleksnoj bezopasnosti detej v Rossijskoj Federacii na period do 2030 g. [Strategy for the comprehensive safety of children in the Russian Federation for the period up to 2030] : utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii № 358 ot 17 maya 2023 g. [approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 358 of May 17, 2023] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/>. (In Russian).

8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 809 ot 09 noyabrya 2022 g. «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 09, 2022 «On approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values»]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>. (In Russian).

9. Federal`naya rabochaya programma srednego obshhego obrazovaniya «Russkij yazyk» (dlya 10–11 klassov obrazovatel`ny`x organizacij) (2023) [Federal work program of secondary general education «Russian language» (for grades 10–11 of educational organizations)]. Moscow: FGBNU «Institute for Strategy of Education Development». (In Russian).

10. Shirshov E.V. (2017). Informaciya, obrazovanie, didaktika, istoriya, metody` i texnologii obucheniya. Slovar` klyuchevy`x ponyatij i opredelenij: uchebnoe posobie [Information, education, didactics, history, methods and technologies of teaching. Dictionary of key concepts and definitions: textbook]. Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. (In Russian).

УДК 81'373.3

ПОТАМОНИМИЯ⁴ В ИДИОЛЕКТЕ В. ХЛЕБНИКОВА

Калинкин Валерий Михайлович

доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

(г. Горловка, Россия)

kalinkin.valeriy@mail.ru

Аннотация. Проанализированы и описаны избранные факты из материалов исследования идиолекта Велимира Хлебникова в аспектах, относящихся к ведению ономастики и поэтономологии. Отмечена роль занятий историей (сквозь призму авторских математических моделей), мнений Вяч. И. Иванова о русской словесности и русском языке, а также семантической насыщенности собственных имен в российской культурно-философской семиосфере начала XX века на формирование воззрений В. Хлебникова, касающихся пространственно-временных и символических отношений между объектами истории и культуры, на использование собственных имён в футуристической словесности. Наблюдения проиллюстрированы примерами из идиолекта В. Хлебникова, в которых проявляются особенности поэтики, семантики и стилистики «речной» тематики.

Ключевые слова: идиолект, потамоним, поэтика, самовитое («самокрасноречивое») слово, словесность, функция.

POTAMONIMS IN V. KHLEBNIKOV'S IDIOLECT

Kalinkin Valery Mikhailovich

Doctor of Philology, Professor,

Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics
of FSBEI HE "Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov"

(Gorlovka, Russia)

kalinkin.valeriy@mail.ru

Abstract. Selected facts from the study of Velimir Khlebnikov's idiolect are analyzed and described in aspects of onomastics and poetonymology. The article highlights the role of history studies (through the prism of the author's mathematical models), Vyacheslav Ivanov's opinions on the Russian literature and the Russian language, as well as the semantic richness of proper names in the Russian cultural and philosophical semiosphere of the early 20th century, in shaping V. Khlebnikov's views on the spatial, temporal, and symbolic relationships between historical and cultural objects, and the use of proper names in futuristic literature. The observations are illustrated by examples from V. Khlebnikov's idiolect, which reveal the peculiarities of the poetics, semantics, and stylistics of the *river* themes.

Keywords: idiolect, potamonym, poetics, self-eloquent word, fine literature, function.

Для цитирования: Калинкин В. М. Потамонимия в идиолекте В. Хлебникова // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический

⁴ Потамонимия – совокупность потамонимов; потамоним (греч. *ποταμός* 'река') – вид гидронима – собственное имя любой реки. Для случаев употребления их в литературно-художественных текстах предпочтительнее термин *потамопоэтоним*. В тексте статьи отмечены разные варианты употребления имён рек, начиная от официального использования в текстах, не являющихся художественными, включая случаи фигуративного применения, и заканчивая анализом функционирования в литературных произведениях.

университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 27-43. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-27-43

*О, бог реки,
О, дед волны!
К тебе старики
Мольбой полны.*
[ВХ_645.4: 26]

Несмотря на то, что статья ориентирована преимущественно на конкретные описания и анализы фрагментов текстов Велимира Хлебникова (далее – ВХ), в которых тем или иным образом функционирует избранный для анализа онимный материал, было бы непредусмотрительным как игнорирование теоретических работ велемироведов и их методологических обобщений и выводов, касающихся базовых характеристик творческой индивидуальности ВХ, так и опрометчивая экстраполяция их на существо любого конкретного проявления в использовании собственных имён. Исходя из сказанного, имеет смысл познакомить читателя статьи с мнением Н. А. Мельниковой, которое, с одной стороны, не противоречит свойствам исследуемого и описанного в статье материала, а с другой, облегчая задачу трактовки некоторых особенностей идиолекта ВХ, в том числе, поэтики собственных имён, отнюдь не всегда является универсальным “ключом” к разрешению любой проблемы: “Направление поэтической мысли Хлебникова отражает его парадоксальное лингвистическое мышление, совмещающее, но не синтезирующее, два противоположно направленных подхода. Поэт определяет мир и его смысл как имя и сущность. Владение словом, имеющим энергичную сущность, – фактор воздействия на мир. На основе значения и функционирования имени в поэтическом тексте выстраивается художественная онтология Хлебникова” [8, с.9].

Приступая к анализу “данных” любой задачи, связанной с описанием идиолекта ВХ, исследователь обязан отдавать себе ясный отчёт в том, что никаких простых или лежащих на поверхности мнений о сущности явлений всегда и во всём художественной речи Будетлянина нет и не может быть. Мозг, психика этого мыслителя и поэта, уже более века поражающие немногочисленных читателей и верных почитателей его таланта многосмысленностью и оригинальной цельностью каждого речевого произведения, подсознательно, а часто и бессознательно, комплексно питались сразу всеми знаниями, чувствами, представлениями уже сложившимися в причудливые “нейронные сети” в интеллекте ВХ к моменту работы над тем или иным текстом. В каждом высказывании он целостен и “симфоничен”, и даже тогда, когда речь идёт об отдельных звуках, говорит (пишет) он о них виртуозно и не столько словами-“нотами”, сколько, часто присутствующими имплицитно, словами-“терцецимаккордами”⁵.

В наборе языковых средств и способов их использования у ВХ особое место занимают собственные имена. Оставляя представление статистической информации для будущих публикаций, замечу, что количество онимов в текстах ВХ огромно. Разнообразно их употребление в различных жанрах словесности, начиная от

⁵ Терцецимаккорд – аккорд, состоящий из семи звуков.

литературной автобиографии, писем и других материалов, мыслей и заметок, включая стихотворения, поэмы, драмы, сцены, стихотворения в прозе, рассказы, повести, очерки, статьи, учёные труды, воззвания, открытые письма, выступления и заканчивая оригинальными сверхповестями.

Увлёкшись в начале десятых годов прошлого века историко-числовыми изысканиями, о чем в письме брату Александру в феврале 1911 г. ВХ сообщил: “Я усердно занимаюсь числами и нашел довольно много законностей... собираюсь довести <дело> до конца, пока не отвечу, почему это все так происходит”(РГАЛИ) [Цит. по ВХ_750.6/1: прим.365]. Заинтересованность ВХ фактами мировой, славянской и российской истории, приложение к их изучению обнаруживаемых при этом числовых соотношений привело к одновременному появлению в его текстах значительного количества собственных имён. Возможно, работа над разговором⁶ «Учитель и Ученик. О словах, городах и народах» (1912 г.) стала своего рода отправной точкой для привлечения основной массы⁷ собственных имён к раздумьям об истории Земного Шара и экспериментам с *самовитым* словом.

Слова “расшифровать”, “декодировать”, “реконструировать”, удобные во всех случаях, когда речь идёт об исследованиях поэтики собственных имён в творчестве, например, А. С. Пушкина, неприемлемы для обозначения опытов проникновения в подлинное содержание излагаемых ВХ “историко-числовых” построений. Все они во многом, увы, не более, чем предположения. Так обстоит дело и с комментированием “обильного” именами рек очерка «Битвы 1915–1917 гг. Новое учение о войне»⁸ [ВХ_761.6/1: 83–101], рождённого длительными и стойкими переживаниями гибели русской эскадры в проливе Цусима и общего поражения России в русско-японской войне.

Из предисловия А. Кручёных к отдельной публикации брошюры понятно, что изыскания ВХ, уясняющие “законы судьбы”, имеют “важное поэтическое значение”: «И до нас иные мечтали: “Мирозданье расколдуем!”. Но лишь мы (то *будетляне*, то азиаты) рискуем взять в свои руки рукоять чисел истории и вертеть ими, как машинкой для выделки кофе! <...> Не будем поэтому коситься на его пророчества в предлагаемой книге. Уже указано их историческое и поэтическое значение. Их же определение отдельных событий выяснят сами события. Если в 1915 г. сбудутся судьбы, находящиеся пока “в руках” (рукописях) Хлебникова, – то его изыскания станут историческим законом» [ВХ_761.6/1: прим 387–388].

Особый интерес в брошюре представляют “числярское”⁹ истолкование сопоставляемых событий русско-японской войны 1904 г. с историей колонизации Сибири. “Три столетия походов в Сибирь повторены тремястами дней осады Порт-Артура”. Начало всему – 1552 год, взятие Казани на Волге. Не имея цели исследовать некоторые хронологические неточности и сомнительное написание части собственных

⁶ Первый опыт в жанре, получившем у ВХ название *разговор*, писался под влиянием излюбленной Платоном формы философствования – диалогов.

⁷ Из множества, которое, в соответствии с методологическими установками поэтоимнологии, именуем терминосочетанием *онимосфера идиолекта ВХ*.

⁸ Впервые опубликован отдельным изданием в количестве 700 экземпляров в декабре 1914 г. с предисловием. В собрании сочинений предисловие А. Кручёных вынесено в комментарии [ВХ_761.6/1: прим 387–388].

⁹ Числярство – А.Е. Кручёных – первый провокативный толкователь “зауми” и “числярства”.

имён¹⁰, процитирую (курсив всюду мой. – В. К.) только несколько фраз из тех фрагментов заключительных частей (Запись 13; §14), в которых тем или иным образом использованы потамонимы: 1) “Движение на восток началось с 1552 года. / Эти два ряда походов в Сибирь (с основаниями городов) и бои на море 1904 г. распадаются на отделы: I отдел совпадает с завоеванием *Волги*, II отдел с завоеванием *Оби*, III – *Яика*¹¹, IV – *Енисея*, V – *Лены*, VI – рек восточного угла Сибири, VII – Байкала, VIII – *Сунгари*¹², IX – Камчатки, X – островов, XI – Барнаула, XII – Амурского края. Здесь соединены причинной связью понятия времени и пространства (Сибирь и осада); осада приморской крепости у высот Ляотешань – уменьшенное и обратное повторение завоевания Сибири. На течении осады крепости можно уловить очертания главных рек Сибири, на которые когда-то ступила нога русского” [BX_761.6/1: 97]. <...> “т). В осаде слово *Лены* следует за словом *Оби*, это за словом *Волги*, далее *Енисей*, *Сунгари*, *Амур*. <...> Завоевание Сибири происходило через взятие острогов или закладку их. / *Волга*, *Обь*, *Енисей*, *Лена* по очереди пали. <...> При этом можно вывести правило: Тем годам столетий, когда русские ступали на реки Сибири, в войне 1904 отвечают дни их неудач. Года *Волги*, *Оби*, *Енисея*, *Лены*, *Амура* дают длинный список боев с неудачным исходом для осажденных. <...> Каждый водораздел страны дает как бы отдельное слово осады; *Волга* отвечает боям за неизвестное первенство на море, до выстрелов по Владивостоку; *Обь* – борьбе за спокойную высадку войск в Маньчжурию до потопления «Яхико» 27-го марта; *Енисей* – борьбе за сохранение преобладания на море и подавление попыток повернуть колесо судьбы до 15-го апреля; *Лена* – морским боям за обложение Порт-Артура с суши и высадку в Ляодуне до 3-го мая. <...> холодные очертания Сибири просвечивают сквозь осаду; по ходу морской войны можно сосчитать число полуостровов Сибири (два неудачных пятна в японской войне) и рек ее, точнее водоразделов. / Таков суровый закон полуостровов и рек в войне 1904 года” [BX_761.6/1: 97–100].

Излагая «Новое учение о войне» через 10 лет после потрясшего его воображение падения Порт-Артура ВХ многократно, как показано выше, обращался к именам рек, которые, по его мнению, являются своего рода знаками истории: «<...> Если война была борьбой моря и суши, то не надо удивляться тому, что реки, входящие в область моря (нити моря), и полуострова – части земли, оказывали разное влияние на чашу весов победы: реки давали свои дна на чашку весов островитян, полуострова на чашку весов русских. Вот почему в «Илиаде» реки выходят на помощь из берегов и вмешиваются в битву и идут в рядах враждебных войск, как и Волга, Обь, Енисей, Лена на Ляодуне. Реки враждебны людям материка, а полуострова – людям моря. Все полотно покорения

¹⁰ Известно, что брошюра печаталась без наблюдения ВХ. Поэтому подробностями, думаю, занимаются специалисты-текстологи.

¹¹ Яик – (ногайское, башкирское *Яйык*) до 1775 г. – название реки Урал, третьей по протяжённости реки Европы, уступающей по этому показателю только *Волге* и *Дунаю* (длина – 2428 км).

¹² Сунгари (Сунхуацзян) – река на северо-востоке Китая, самый крупный приток Амура, впадает в него справа по течению.

Сибири, где Курбский¹³, Овцын¹⁴, Прончищев¹⁵, Дежнев¹⁶, Лаптев¹⁷, Байков¹⁸, Поярков¹⁹, Челюскин²⁰, Ермак²¹, казалось, снова прошло <гибелью> у Ляотешаня, природной морской крепости, но в обратной волне, в ускоренном времени, точно брошенные в 1904 великим отражающим зеркалом. / Осада была названа “расплатой”»²² [BX_761.6/1: 99–100].

Особое место в творческом наследии занимает последний “учёный труд” ВХ «Доски судьбы», над которым он работал почти два года с весны 1920 г. до середины мая 1922 г., в котором сформулировал “основной закон времени”. Поиск закономерностей мировой истории в составлявшихся в течение многих лет хронологических таблицах получал своё особое, как отметил Вяч. Вс. Иванов, отношение: У Хлебникова нигде в его числовых записях не попадаетея ничего, что было бы даже отдалённо похоже на доказательство (хотя в университете его не могли не учить доказательству). Его отношение к числам – эстетическое” [BX_826.6/2: 282]²³.

Наиболее известная и чаще других цитируемая статья Хлебникова, в которой последовательно изложены его «будетлянские» воззрения на поэтический язык и числовую онтологию исторических и природных явлений – «Наша основа. Разговор» [BX_778.6/1: 167–180]. А необходимые для понимания смыслов, вкладывавшихся в них ВХ, даны в развёрнутом комментарии [BX_778.6/1: прим 405–407]. В «Мыслях и заметках (Из тетрадей и записных книжек разных лет)», опубликованных в заключительном (6/2) томе собрания сочинений, сохранилась одна из последних <1922> : “Со временем, когда Мы станем Богом, речные русла всех мыслей будут течь с высот единой мысли. Но мы не боги, а потому будем течь, как реки в море общего будущего. Оттуда, где расположен опыт каждого, течь то *Волгой*, то *Тереком*, то *Яиком*

¹³ Князь Андрей Михайлович Курбский проявил выдающуюся храбрость, прославился и стал героем войны за взятие Казани.

¹⁴ Лейтенант Дмитрий Леонтьевич Овцын произвёл первую гидрографическую опись побережья Сибири между устьями рек *Обь* и *Енисей*.

¹⁵ Лейтенант Василий Васильевич Прончищев был первым, кто нанёс на карту русло реки Лена от Якутска до устья, открыл ряд островов на северо-восточном побережье полуострова *Таймыр*.

¹⁶ Путешественник, землепроходец, мореход, якутский атаман Дежнёв Семён Иванович открыл реку Колыму, исследовал реку Анадырь, дошёл до чукотского Носа.

¹⁷ Кого из двоюродных братьев Лаптевых имел в виду ВХ можно лишь предположить. Заинтересованность потапонимией требует назвать первым претендентом Дмитрия Лаптева, впервые проводившего съёмку берега Ледовитого океана от устья Лены до устья Колымы и составил его карты. Менее удачливый Харитон Лаптев оставил описание побережья от полуострова Таймыр до Чукотки.

¹⁸ Установить в точности, кого из первооткрывателей и завоевателей сибирских просторов имел в виду ВХ под фамилией Байков пока не удалось. Возможно имелся в виду заложивший Якутск Пётр Бекетов, основатель сибирских городов – *Нерчинска*, *Олёкминска*, *Читы*, *Якутска*.

¹⁹ Василий Данилович Поярков, русский землепроходец XVII века, исследователь Восточной Сибири. Открыл реки Учур, Гонам, Зею, Амурско-Зейское плато и Зейско-Буреинскую равнину. Одним из первых спустился от устья реки Зея по реке Амур до Охотского моря.

²⁰ Семён Иванович Челюскин — российский полярный мореплаватель, штурман экспедиции Прончищева. Открытый им *Восточный северный мыс* – самая северная точка Восточной Евразии через 100 лет получила имя – *мыс Челюскина*.

²¹ Ермак Тимофеевич – казачий атаман, покоритель Сибири для Русского государства при правлении царей Ивана Грозного и Фёдора I Иоанновича.

²² Представляющая несомненный интерес попытка трактовать потапонимы текста ВХ не только как имена рек, но и завоеваний, возможно, в сочетании с фамилиями русских землепроходцев в данном случае не осуществлена. Требуется дополнительное теоретическое обоснование такой возможности.

²³ Вяч. Вс. Иванов. Хлебников и наука // Пути в неизвестное. Сб.20. – М., 1986. – С.397. Цитируется фрагмент по тексту редакционного комментария к “Доскам судьбы”.

в общее море единого будущего” [BX_843.6/2: 104]. Смысл речной метафоры прокомментирован ВХ и в пояснениях не нуждается.

Размышляя о поэтическом образе “река” и связанных с ним потамонимах, важно иметь в виду, что в творческом сознании ВХ имена рек и других водных объектов были диалектически привязаны и к историческим изысканиям, наполненным разнообразными исчислениями, и к поэтическому восприятию образа, в том числе звукообразов имён водных потоков, и к волновавшему его философскому “камню преткновения” – Времени. О нём в литературном отчёте «Свояси» к несостоявшемуся изданию однотомного собрания произведений «Все сочиненное Велимирор Хлебниковым»²⁴ ВХ писал: “Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались 10 лет” [BX_000.1: 7]. А о Волге было сказано: “Отдельные паруса²⁵ создают сложную постройку, рассказывают о Волге как о реке индоруссов и используют Персию как угол русской и македонской прямых” [BX_000.1: 7]. Обычно образ реки в представлениях поэта связывался с движением в определённом направлении, течением всего, что может течь, в том числе, со Временем. При этом формировалась и наполнялась всё новыми и новыми смыслами мифема “река”, определяемая именами-эпиклесами²⁶. Недаром в своего рода автоэпитафии (1904 г.)²⁷ «Пусть на могильной плите прочтут...» ВХ заключил о себе: “Он нашёл истинную классификацию наук, он связал время с пространством (курсив мой. – В. К.), он создал геометрию чисел” [BX_744.6/1: 7].

Уже первые из неопубликованных при жизни, но сохранившихся стихотворений ВХ, касаются Времени:

Мизинич миг,
Скользнув средь двух часов,
Мне создал поцелуйный лик
И крик страстей и стыд оков.
Его, лаская, отпустил.
О нем я память сохранил,
О мальчике кудрявом, –
И в час работ
И в час забавы
О нем я нежно вспоминаю
И, ласкою отменной провожая,
Зову, прошу:

²⁴ Издательство «ИМО» («Искусство молодых») в июле 1919 года прекратило существование. Название «Свояси» (др.-рус. – ‘свой дом, семья, родина’) для литературной автобиографии предложено Р. О. Якобсоном, редактором несостоявшегося сборника.

²⁵ “Парусами” ВХ называл части (главы) больших произведений.

²⁶ Эпиклеса (др.-греч. ἐπίκλησις, ‘прозвище, наименование’) — постоянные эпитеты, священные прозвища богов. В мифах и сакральных действиях эпиклеса использовались как синонимы имён богов, в частности, в ситуациях, когда имя божества табуировалось.

²⁷ Относительно даты создания текста автоэпитафии существуют разные мнения, о чём в добротном комментарии к нему рассказано достаточно подробно [BX_744.6/1: прим.352–355]. Не относя себя к числу профессиональных велемироведов, автор статьи сохранил дату 1904 г. в соответствии с той, которая указана в шеститомнике.

Будь гостем дорогим!

[BX_015.1:29].

«Мизинич миг...» написано в 1907 г., как и размещённое вслед за ним в первом томе сочинений стихотворение «Времянин я...», В обоих текстах уже присутствуют авторские неологизмы, связанные с осмыслением времени. В первом образ минимального отрезка времени (*миг*) отмечен несогласованным определением, выраженным существительным с суффиксом -и ч – *мизинич*, связанным с названием маленького пальца руки (*мизинец*). Мысленный эксперимент – перемена порядка слов в первом стихе даёт любопытный результат – у *мига* появляется отчество *Мизинич*. Существительные с суффиксом -и ч обычно именуют сына того, кто назван мотивирующим словом. В связи с этим заслуживают внимания написанная позднее (1913 г.) статья «Разговор Олега и Казимира», в которой ВХ писал: «О л е г . Кроме случаев уродства, рука имеет пять пальцев. Не следует ли отсюда, что и самовитое слово должно иметь пять лучей своего звукового строения гривы коня Пржевальского?» [BX_756.6/1: 288] – и филологическая заметка «О простых именах языка» (1916 г.), в которой ВХ (фрагмент “О М”) отметил: “Им начаты имена самых малых членов нескольких многообразий. <...> Мир пальцев: самый малый – мизинец. Мир времени: миг – наименьший делитель времени <...> В этих 19 словах, начатых с М, видим скитающееся одно и то же понятие – наименьшего количества члена данной области” [BX_764.6/1: 117]. Игнорируя филологическое, отдавая предпочтение “поэтическому языкознанию”, ВХ утверждает, что смысловое содержание слова определяется “простым именем языка” – первым звуком (буквой) слова.

В рукописи второго стихотворения, открывающегося авторским неологизмом *Времянин*, имплицитно подразумевается контаминация понятий *поэт* и *время*, в котором финальная часть слова – *я н - и н* характерна для существительных, именующих лицо по отношению к местности или коллективу, группировке, названной мотивирующим словом. Здесь допустимо = “уроженец” *Времени*. В рукописи сохранились следы поиска ударения (см. рис. на стр. 30 в цитируемом издании):

Врэмяни́н я,

Времянку настиг

И с ней поцелуйный

Создал я миг. <...>

[BX_016.1: 31].

К этому же периоду (1907–1908) относится заметка «О времени» и “поэтическая философия” в ней: “Время и пространство (два тусклых глаза Бытия) всегда напоминают тех каменных изваяний львов, которые поставлены у входа к чему-то огромному и важному. Время и пространство (два брата-близнеца) стоят у входа в него, стерегут вход к Бытию” [BX_744.6/1: 16]. В комментариях к тексту отмечено: “Во многих последующих текстах Хлебников подчеркивает превосходство знаний человечества о пространстве над знаниями о времени” [BX_744.6/1: прим.359].

21 марта 1913 г. в газете «Славянин» была опубликована статья «О расширении пределов русской словесности». Можно предположить, что с неё в идиолекте ВХ начинают активно функционировать собственные имена. При этом большинство их используется скорее в функции символов, чем дескрипторов: «В пределах России она (русская словесность. – В.К.) забыла про государство на Волге – старый Булгар²⁸, Казань, древние пути в Индию, сношения с арабами, Биармское царство²⁹. Цельный строй, кроме Новгорода, Псков и казацкие государства остались в стороне от ее русла. Она не замечает в казаках низшей степени дворянства, созданной духом земли, напоминающей японских самураев. Из отдельных мест е<ю> воспет Кавказ, но не Урал и Сибирь с Амуром, с его самыми древними преданиями о прошлом людей (орочоны). Великий рубеж 14 и 15 века, где собрались вместе Куликовская, Косовская³⁰ и Грюнвальдская³¹ битвы, совсем не известен ей и ждет своего Пржевальского³²» [ВХ_757.6/1: 67]. Здесь напряжённость онимного письма уже очевидна.

Чтобы показать «некоторую узость <...> очертаний и пределов» русской словесности при всём «богатстве дарований», ВХ использует перечисления³³. В фигуративно исполненном списке есть названия государств и «отдельных мест», связанных древними путями (в них два потамонима): «государство на Волге – старый Булгар» и «Сибирь с Амуром». Содержание словосочетания «Великий рубеж 14 и 15 века», претендующего на роль хрононима³⁴, раскрыто списком из трёх баталионимов: «Куликовская, Косовская и Грюнвальдская битвы». Любопытно то, что все эти онимы именуют зоны и области, которые обошла своим вниманием русская словесность. Некоторая часть собственных имён из этой публикации уже тем или иным образом использовалась ВХ³⁵. К ним мы ещё вернёмся.

В течение года (конец 1914 – конец 1915 гг.) в родительском доме в Астрахани ВХ работал над «учёным трудом» «Время – мера мира». Он был

²⁸ Булгар – государство волжско-камских булгар-мусульман, существовавшее в X–XIII вв. в Среднем Поволжье и бассейне Камы

²⁹ Биармское царство – (Биармия), по М.В. Ломоносову, некогда находилась на территории нынешней Архангельской области, предположительно в бассейне Северной Двины. Есть и иные мнения. Так интернет-источник указывает, что Биармия (норв. Bjarmeland) находилась к востоку от Карельского Государства, на берегу Белого моря, примерно на территориях современных Коми, Пермской, Вологодской и Архангельской областей, частично Муромский области (Лапландии) и частично Карелии. Столица – современный Архангельск. (<https://komi.fandom.com/>). См. также ниже в тексте П. И. Мельникова-Печерского (с.487) фрагмент о Биармии. По-видимому, скудость сведений о Биармском царстве была одной из причин упоминания его в статье в числе прочих малоизученных народов.

³⁰ Косово – поле, где 15 июля 1389 г. сербско-боснийские войска во главе с князем Лазарем потерпели поражение от армии турецкого султана Мурада I.

³¹ Грюнвальд – деревня в Восточной Пруссии, близ которой 15 июля 1410 г. войска Тевтонского ордена были разбиты польско-литовско-русской армией под командованием великого князя Литовского и короля Польского Владислава II Ягелло.

³² Пржевальский Николай Михайлович – российский путешественник, географ и натуралист, исследователь Монголии, Северного Китая и Тибета. Фамилия использована коннотативно для обозначения талантливого исследователя-первопроходца.

³³ См. монографию Умберто Эко «Vertigo» [10] о круговороте образов, понятий и предметов в различных жанрах словесности и публикации автора статьи на эту тему [3, 4].

³⁴ Хрононим – разряд онима. Собственное имя отрезка времени (по Н. В. Подольской).

³⁵ При описании гидронимии стихотворения «Нижний» очевидной станет связь приведённого перечня с историческим очерком П.И. Мельникова.

опубликован весной 1916 г. отдельным изданием в количестве 700 экземпляров. Корпел ВХ над ним, “роясь в Брокгаузе, многотомных трудах о человечестве” [ВХ_762.6/1: прим 391]. Примечательно начало текста, в очередной раз зафиксировавшее отношение ВХ к состоянию изученности феномена *Время*: “Если есть два понятия близнеца, то это место и время. Но какая разная у них судьба! Одно изучено, и лишь неточность мешает решить, какое оно: греческое, немецкое или русское; о другом – неизвестно ни одной истины. <...> Первым шагом было бы, если бы на пока чистом холсте понятия времени удалось сделать несколько черт, наметив углами и точками нос, уши, глаза, лиц<о> Времени” [ВХ_762.6/1: 102]. Не вдаваясь в анализ математической составляющей этого “учёного труда”, находящегося, увы, за пределами знаний автора статьи, необходимых для этой цели, предпримем попытку поискать “зёрна” мыслей, из которых слагалось отношение ВХ к слову как инструменту научного или поэтического мышления. ВХ строг и критичен: “В словесном мышлении нет налицо основного условия измерения – постоянства измеряющей единицы, и софисты Протагор, Горгий – первые мужественные кормчие, указавшие опасности плаванья по волнам слова. Каждое имя есть только приближенное измерение, сравнение нескольких величин, какие-то знаки равенства. Лейбниц с его восклицанием «настанет время, когда люди вместо оскорбительных споров, будут вычислять» (воскликнут: *calculemus*), Новалис, Пифагор, Аменофис IV предвидели победу числа над словом как приема мышления; над «воздушной» единицей Палаты весов и мер. <...> Будучи устарелым орудием мысли, слово все же останется для искусств, так как оно пригодно для измерения человека через постоянные мира. [ВХ_762.6/1: 108] Для исследователя онимии, наполняющей труд ВХ о времени, несомненный интерес представят извлечённые из недр энциклопедий и исторических трудов избранные наутонимы – имена погибших в морских сражениях кораблей.

* * *

Не могу отказать себе в удовольствии возвратиться к одному из стихотворений ВХ, в котором имя *Волга* употреблено наибольшее число раз. О нём (в вынужденно редуцированном формате) я написал в докладе, который прозвучит осенью этого года в Астрахани. Требования к объёму статьи позволяют быть более обстоятельным. Использование в нём названий рек заслуживает внимания, но, в первую очередь, безусловно особого отношения к функционированию потамопозтонима *Волга*. Для начала – выдержки из стихотворения³⁶.

НИЖНИЙ

1. Нежный *Нижний*! –
2. *Волгам* нужный,
3. *Каме* и *Оке*,
4. Нежный *Нижний*
5. Виден вдалеке

³⁶ Для удобства анализа и описания стихи в выдержках из произведения пронумерованы. В цитируемом источнике номеров стихов нет.

6. **Волгам** и волку.

<...>

10. Свидетели в этом:

11. И **Волга** иволги,

12. Всегда золотая, золотисто-зеленая!

13. И **Волга** волка,

14. В серые краски влюбленная.

15. Старую сказкою око

16. Скитальца-слепца успокоив,

17. *Киев* на **Волге**!

18. Киевский холм на *Оке*!

19. *Киевом* глаз успокоив,

20. Старую лютнею стен,

21. В облачной блещешь руке

22. Сказкою, сказкою иволги!

<...>

44. А время дальней *Москвою*

45. **Волгу** целует.

46. Но если, *Киев* на *Оке*,

47. Тобой стрела *Москвы* крылата,

48. И та сейчас слететь готова

49. С великой тетивы из серой влаги,

50. Будь перьями стрелы!

51. Ведь синий лук реки –

52. Он мечет города далёко,

53. Холмы венчает крепостями

54. И в бога зелени рассыпанные кудри

55. Вонзать привык булавку старой башни.

56. *А под ее стеной зелено-миистой*

57. *Схоронить девушку и ведра.*

<...>

69. А **Волга** из чаш и стаканов

70. В пещеры лилась человека.

<...>

73. И после, точно

74. Священник седой на колокольне

75. Или мулла на минарете,

76. На самый конец волоса над смуглым небом

77. Каплею золотою пота

78. **Волга** солнцу выходит молиться в часы зноя

79. Над потным лицом бурлака.

80. И молится долго

81. Старая **Волга**

82. И вновь улетает. (1918)

[ВХ_320.2: 29].

Стихотворение содержит отмеченные комментаторами собрания сочинений явные признаки знакомства ВХ с двумя историческими очерками П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Оба были опубликованы в 1909 году в семитомном собрании сочинений Мельникова-Печерского. Выдержки из этих работ цитируются по дореволюционному изданию, чтобы читатель видел текст таким же, каким видел его ВХ. Он ведь не случайно так настойчиво повторил в тексте стихотворения важность особого умения видеть и даже *оком скитальца-слепца* провидеть Время.

В очерке «Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ» уроженец города на Волге русский писатель, публицист и этнограф П. И. Мельников-Печерский писал, а ВХ наверняка читал³⁷: «<...> Наши предки въ это время изъ восточныхъ сосѣдей знали только половцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ смежныхъ съ Чернымъ моремъ, да болгаръ, славившихся своею гражданственностью и торговлею, стремленіемъ къ владычеству надъ сосѣдями и враждою съ князьями суздальскими. Знали они еще немного полудикихъ сыновъ Біарміи, у которыхъ мало-по-малу исчезла та гражданственность, которая когда-то сдѣлала у нихъ такіе важные успѣхи, но теперь и отъ сосѣдства болгаръ и русскихъ, дѣлавшихъ біармійцевъ своимъ орудіемъ, и отъ этого уединенія отъ прочихъ народовъ, въ которомъ они находились, пришедшую въ упадокъ³⁸. <...> Суздальскіе князья любили строиться: мыслью Юрія Владиміровича Долгорукаго было – основать вдали отъ Кіева государство отдѣльное, быть въ немъ великимъ княземъ, имѣть своихъ удѣльныхъ князей, свои отдѣльныя дѣйствія, – словомъ, составить новое общество русское на берегахъ Оки и Волги, и по внутреннимъ и по внѣшнимъ формамъ сходное съ обществомъ на Днѣпрѣ. <...> Успѣвъ въ своемъ намѣреніи, князья суздальскіе все еще любилн Кіевъ, почитали этотъ городъ, какъ матер ь городовъ русскихъ, какъ драгоцѣнный залогъ русской гражданственности, какъ городъ, въ которомъ Русь сознала бытіе свое, озарилась свѣтомъ истинной вѣры и сохранила священный прахъ князей славныхъ. <...> Поэтому они наполнили свою страну городами, въ именахъ которыхъ звучали имена родныхъ полей кіевскихъ: явились Владиміръ-на-Клязьмѣ, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Поволжскій, Галичъ и др. <...> Но Суздалю нуженъ былъ Новгородъ, – того хотѣли князья, того требовало общественное мнѣніе, и Юрій рѣшилсѣ сдѣлать свой Новгородъ. Суздаль сдѣлалъ уже свой Переяславль, свой Галичъ; почему же ему не сдѣлать было своего Новгорода? <...> три побудительныя причины имѣлъ великій князь для основанія Нижняго-Новгорода: во-первыхъ, онъ хотѣлъ имѣть свой Новгородъ; во-вторыхъ, хотѣлъ имѣть сторожевой городъ противъ Мордвы; въ-третьихъ, хотѣлъ имѣть оплотъ отъ болгаръ. Лучшаго мѣста онъ не могъ выбрать: находясь у Оки и Волги, Нижний могъ владычествовать и надъ Мордвой, жившею по Окѣ, и надъ болгарами, жившими по Волгѣ» [6, с.487–490].

³⁷ По крайней мере, о существовании семейной библиотеки, в которой была и краеведческая литература, информация в разные велемироведческие источники “проникала”. К сожалению, сведений о библиотеке семьи Хлебникова, равных по качеству анализа материала работам Б. Л. Модзалевского о библиотеке Пушкина, по-видимому, нет.

³⁸ О Биармии см. выше сноску № 26.

Поэтонимия стихотворения «Нижний» богато орнаментирована средствами поэтического языка, разрабатывавшегося ВХ. Внимание к звуковой стороне отразилось в обильных аллитерациях, ассонансах, великолепных рифмах (*Нежный Нижний / Волгам нужный <...> Ты не выдуман / И не книжный*), в паронимической аттракции как специальном приёме образности для потамопоэтонимов (*Волга волка; Волга иволги; Ока и око*). При этом в относительно небольшом тексте (82 стиха) «река индоруссов» *Волга* названа 9 раз. Здесь невольно напрашивается вопрос: а почему имя реки *Волга* во втором и шестом стихах использовано во множественном числе? Ответ достаточно прост: *Волга* олицетворена и в стихотворении «Нижний» многолика: *Нежный Нижний* виден вдалеке и серому волку и певунье иволге.³⁹ «Всегда золотую, золотисто зелёную» (ст. 12) реку солнечного лета назвал ВХ *Волгой иволги*, соединив возможности звукописи и цветописи. Уместно обратить внимание на встроенный в стих 15 «камертон» фольклорных мотивов (*старая сказка*), буквально пронизывающих стихотворение. Все волки русского фольклора *серы*. Поэтому в пасмурные дни или в ненастье об исторических событиях в Нижнем свидетельствует (повествует, рассказывает) Времени «в серые краски влюблённая» (ст. 14) *Волга волка* (ст. 13).

К использованию фольклорных мотивов в «Нижнем» ВХ был подготовлен основательно. От отдельных наблюдений и мыслей, время от времени (и одновременно – постоянно) посещавших его, он в 1916 году перешёл к выводам, сформулированным в заметке «О пользе изучения сказок», сохранившей в рукописи второе название «Ковёр-самолёт». Вот созвучное нашему поиску красных нитей водных путей истории и её поступи во Времени в художественном мире, точнее даже – поэтом мире ВХ из этого текста: «Тысячелетие, десятки столетий будущее тлело в сказочном мире и вдруг стало сегодняшним днём жизни. Провидение⁴⁰ сказок походит на посох, на который опирается слепец человечества» [ВХ_768.6/1: 133-134].

В стихотворении «Нижний» мысли об исторических преданиях пронизаны не аллюзиями на летописи, а реминисценциями о фольклоре и сказителях. Блистательно объединив и «успокоив» *старую сказкою око / скитальца-слепа...* ВХ «старую сказкою» «породнил» город и реку, «построил» города на реке, «въ именахъ которыхъ звучали имена родныхъ полей кievскихъ: <...> Владимiръ-на-Клязьмѣ, <...>, Юрьевъ-Поволжскiй <...> и др.» [6, с.488]. Явились: / *Киев* на *Волге!* / *Киевский холм на Оке!!* (ст. 17–18) и / <...> *Киев на Оке* / (ст. 46). Образ исторических связей ВХ дополнил ещё одной поэтической метафорой: / *время дальней Москвою / Волгу целует...* Три имени существительных *время, Москва и Волга* не просто олицетворяются, но мифологизируются: *Время* словно

³⁹ Иволга (лат. *Oriolus oriolus*) – небольшая яркая птица семейства иволговых. В окрасе хорошо выражен половой диморфизм: оперение самца золотисто-жёлтое с чёрными крыльями и чёрным хвостом. У самки зеленовато-жёлтый верх и белёсый низ. Крылья зеленовато-серые.

⁴⁰ В слове *провидение* ударение может быть поставлено на втором и на третьем слоге. В последнем случае слово реализует значение «высшая божественная сила, управляющая судьбами людей». У ВХ (ударение на втором слоге) – провИдение – «мысленное представление будущего», (по сути – «будетлянство» сказки).

преображается в Χρόνος ⁴¹ – самую древнюю в начинающейся Вселенной (в данном случае, России) силу. Москва становится живым орудием её воли, а Волга превращается в источник, питающий человека.

Хрононим *Троицын день* – развитие поэтического образа Волги иволги – навеянный не только видом берегов, поросших берёзовым лесом, но и временем, когда стихотворение создавалось. Напомню: опубликовано стихотворение 4 августа 1918 г. Писалось оно, скорее всего, во время путешествия ВХ по городам Поволжья (в компании с Сергеем Спасским⁴²), а День Святой Троицы в 1918 году пришёлся на 23 июня 1918 г. (по старому стилю – 10 июня 1918 г.). Обряд крещения в этот день особенно праздничен. Верующие несут в церкви листья молодых берёз, пол застилают свежей душистой травой, иконы убирают цветами. Священники проводят службу в праздничных ризах зелёного цвета. Нижний же: / 19 *Киевом глаз успокоив*, / 20 *Старую лютнею стен*, / 21 *В облачной блещешь руке* / 22 *Сказкою, сказкою иволги!* А у Волги иволги те же цвета: / 23 *Там, где в зеленом железо лугов*, – / 24 *Одуванчиков золото*.

Определённый краеведческий интерес представляет часть текста «Нижнего», мотивированная, что очевидно, фрагментом из другого очерка П. И. Мельникова-Печерского «Преданія въ Нижегородской губерніи»: / 56 *А под ее стеной зелено-мишстой* / 57 *Схоронить девушку и ведра* /. В нём повествуется любопытная топонимическая легенда. Существование источника этой легенды не установлено. Версии, хронологически более поздние, чем пересказ Мельникова-Печерского, в статье не рассматриваются. «Другое преданіе рассказываетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ о кремлевской *Коромысловой башнѣ*. Названіе ея относятъ ко временамъ набѣговъ татарскихъ. Тогда, какъ только-что успѣли выстроить въ Нижнемъ-Новгородѣ стѣну кремлевскую, приходили подѣ Нижній казанскіе царевичи Сеить, да Булатъ, да Качелей (1520 г.). Подошедши къ Ннжнему, какъ записано въ лѣтописи, они простояли тутъ три дня, – *ничтоже сотворше отъидоша вспать*. О причинѣ же отступленія ихъ преданіе рассказываетъ такъ. „Три дня стояли подѣ Нижнимъ разбойники-татары; всѣ православные заперлись въ кремль, и на новую-то стѣну надѣялись, и татарь-то боялись, никто не смѣлъ выйти за ворота, кремлевскія. Была тогда въ городѣ одна дѣвица-красавица; имени и отчества ея не помнятъ. Понадобилось ей за водой сходить на Почайну рѣку; не хотѣлось, видно, пить колодезной. Вотъ взяла она вѣдра на коромыселъ, а коромыселъ тотъ былъ желѣзный, только два пуда вѣсомъ. И пошла она, дѣвица, за городъ на Почайну рѣку. Татары замѣтили ее возлѣ башни и, кто ихъ знаетъ, въ полонъ ли хотели взять, красотѣ ли ея позавидовали, только кинулись всѣ на нее опрочеть. Вотъ она, видя бѣду неминуемую, поставила, вѣдра, на землю, помолилась на соборы нижегородскіе и, взявъ коромыселъ въ руки, дожидалась перваго татарина. Подходили къ ней татары не по одному, не по два, а цѣлыми сотнями: и всѣхъ тѣхъ татаръ дѣвица уложила возлѣ башни спать непробуднымъ сномъ. Уже этихъ

⁴¹ Χρόνος – др.-греч. персонификация времени, одно из трёх первоначал в досократической философии. По одному из мифов, Хаос породил самое древнее, что было в нашей начинающейся Вселенной — Время. Потом всё происходило во времени, так как пространство ещё только зарождалось.

⁴² Воспоминания С. Спасского «Хлебников» опубликованы в: «Литературный современник» №12, 1935.

татаръ она била-била, а все еще ихъ много было. Одолѣли они наконецъ дѣвицу, изрубили ее въ мелкіе куски и похоронили у башни вмѣстѣ съ коромысломъ ея. Князья же татарскіе Сеить, да Булатъ, да Качелей подумали-погадали – да и рѣшили отъ Нижняго убираться по-добру по-здорову. – “Если бабы въ Нижнемъ такія сильныя, – говорили они: – что же съ нами будетъ, если ратные люди на насъ выступаютъ?” Вотъ отчего та башня зовется *Коромысловою*: возлѣ нея было это побоище“. [7, т.7, с.511–512].

В заключительной части стихотворения образ Волги предстаёт сложно устроенной поэтической метаморфозой. *Волга* – вода из чаши и стаканов питает народы, обитающие по её берегам: / И после точно / Священник седой на колокольне / Или мулла на минарете, / <...> / Волга солнцу выходит молиться в часы зноя / <...> / И молится долго / Старая Волга / И вновь улетает. Однако наиболее выразительным всё-таки остаётся набор великолепных пар звуковых повторов.

Автор “лингвистического памятника” ВХ – «Будетлянин» – в монографии «Поэтика слова» отметил, что ещё до проникновения в российскую филологию работ Ф. де Соссюра об анаграммах, в 1908 г. “состоялся поэтический дебют Хлебникова, с именем которого в русской поэзии связано интенсивное распространение особого типа анаграмматических построений – различных способов паронимической аттракции” [1, с.251]. Осенью 1912 года (за 6 лет до написания «Нижнего») в переписке с А. Е. Кручёных ВХ поднимал вопрос смыслов и созвучий в поэзии. Отметив, что японское стихосложение чуждо созвучиям, но певуче, он заключил: “Я уверен, что скрытая вражда к созвучиям и требование мысли, столь присущие многим, есть погода перед дождем, которым прольются на нашу землю японские законы прекрасной речи. Созвучия имеют арабский корень. Здесь предметы видны издали, точно дальний гибнущий корабль во время бури с дальнего каменного утеса” [ВХ_898.6/2: 146]. По воспоминаниям литературного критика и литературоведа, дружившего и встречавшегося с ВХ, А. М. Лейтеса: «Особенно любил он произносить вслух имена собственные, и в первую очередь географические названия, как экзотические, так и не экзотические. Он даже объяснялся в любви с их помощью: “/ Вы были строгой, Вы были вдохновенной, / Я – был Дунаем, Вы были Веной /”. Для Хлебникова звуковая плоть слова была почти осязаемой – так остро он ее чувствовал. Звуки, можно сказать, завораживали поэта. Движение его метафор, сравнений, образов зачастую подчинялось законам звуковых притяжений. Случалось, что в «звуковом поле» его стихотворных строк возникали рифмы одна глубже и звонче другой, придавая стиху необычную мелодичность» [5, с.230]. Постепенно сложившийся в поэтической речи ВХ принципиальный аспект стилистики – акцентуация паронимической аттракции – блестяще осуществился в парах, где один из членов – собственное имя, в том числе, потамоним: *нежный / Нижний / книжный; Волга / волка; Волга / иволга*.

По наблюдениям В. П. Григорьева, «Исчерпать “паронимический фонд” русского ПЯ поэтам удастся еще не скоро даже в собственно номинативном и синтагматическом планах; функционально же он, практически неисчерпаем, как

и запасы “ситуативной синонимии”» [1, с. 173]. Изучив “паронимический фонд” идиолекта ВХ с “соучастием” онимной лексики, можно получить интереснейшие данные, касающиеся поэтики собственных имён, ценные для совершенствования представлений о творчестве Мыслителя и Поэта и, думается, бесценные для поэтонимологии как науки.

Что касается проделанной работы, то она убедила, что объём и качество только этого материала (потамонимия идиолекта ВХ) таковы, что одной статьёй не обойтись. В настоящее время уже закончены две статьи: данная и «Имена собственные в идиолекте Будетлянина» (в печати: Астрахань). Готова к опубликованию третья работа «“Нежный Нижний”: опыт поэтонимологического комментария» (Крым), в которой ещё более детально представлена поэтика стихотворения и изучена смыслообразующая и образосозидающая роль поэтонимии в нём. Однако за пределами проанализированного всё ещё остаётся материал, содержащий поэмы, драматургию, художественную прозу поэта, множество статей и сопутствующих изданию собрания сочинений документов. Без включения перечисленного в круг источников всё уже проделанное – всего лишь подступы к решению поставленных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. / Отв. ред. А. Д. Григорьева. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
2. Григорьев В. П. Будетлянин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 816 с. (Studia poetica).
3. Калинин В. М. Семантика имён и поэтика их перечислений / В. М. Калинин // Λογος όνομαστική : науч. Журнал / гл. ред. Е. С. Отин. – 2009. – № 1(3). – С. 70–83.
4. Калинин В. М. Содержательность и поэтики списков и перечислений имён // Ономастический вестник. – Вып. № 1(1). – Воронежский государственный технический университет. – 2025. – С. 78–82.
5. Лейтис А. Хлебников – каким он был // Новый мир, 1973, № 1. – С. 224–237.
6. Мельниковъ-Печерский П. И. Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ // Полное собраніе сочиненій П. И. Мельникова [Андрея Печерскаго]. Изданіе второе. Томъ седьмой. С.-Петербургъ: Издание Т-ва А. Ф. Марксъ. – 1909. – С. 487–495.
7. Мельниковъ-Печерский П. И. Преданія въ Нижегородской губерніи // Полное собраніе сочиненій П. И. Мельникова [Андрея Печерскаго]. Изданіе второе. Томъ седьмой. С.-Петербургъ. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. 1909. – С. 510–513.
8. Мельникова Н. А. Имя в системе поэтического языка Велимира Хлебникова. – АКД. – Омск, 2004. – 24 с.
9. Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904–1916. – 544 с. – Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 2. Стихотворения 1917–1922. – 608 с. – Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 3. Поэмы 1905–1922. – 504 с. – Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 4. Драматические

поэмы. Драммы. Сцены 1904–1922. – 432 с. – Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 5. Стихотворения в прозе. Рассказы, повести, очерки. Сверхповести 1904–1922. – 467 с. – Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 6. Книга первая. Статьи (наброски). Учёные труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления 1904–1922. – 448 с. – Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 6. Книга вторая. «Доски Судьбы» (избранные страницы). Мысли и заметки. Письма и другие автобиографические материалы. 1897–1922. – 384 с. – Все тома под общ. ред. Р. В. Дуганова. Сост., подгот. текста и примеч. Е. Р. Арензона и Р. В. Дуганова. Москва: ИМЛИ РАН, Общество Велимира Хлебникова. – 2000–2006.

10. Эко Умберто. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов; перевод с итал. – М.: слово/slovo, 2009. 408 с.: ил.; Библиограф.: с.406. – Указатели: с. 399–405. – Перевод изд. Bompiani.

11. Якобсон Р. Из статьи «Подсознательные и вербальные структуры в поэзии» / Р. Якобсон // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования, 1911 – 1998 / Сост.: Вяч. Вс. Иванов и др. – Москва: Языки рус. культуры, 2000. – С. 78–83.

REFERENCES

1. Grigor'ev V. P. (1979). Poëtika slova. Na materiale russkoï sovetskoï poëzii. / Otv. red. A. D. Grigor'eva. M.: Nauka, 1979. 344 p. (In Russian).

2. Grigor'ev V. P. (2000) Budetliānin. M.: Īazyki russkoï kul'tury, 2000. 816 s. (Studia poetica). (In Russian).

3. Kalinkin V. M. Semantika imēn i poëtika ikh perechisleniĭ / V. M. Kalinkin // Λογος ὀνομαστική : nauch. zhurnal / gl. red. E. S. Otin. – 2009. – № 1(3). Pp. 70–83. (In Russian).

4. Kalinkin V. M. (2025). Soderzhatel'nost' i poëtiki spiskov i perechisleniĭ imēn // Onomasticheskiĭ vestnik. Vyp. № 1(1). – Voronezhskiĭ gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 2025. S. 78–82. (In Russian).

5. Leĭtis A. (1973). Khlebnikov – kakim on byl // Novyi mir, 1973, № 1. Pp. 224–237. (In Russian).

6. Mel'nikov"-Pecherskiĭ P. I. (1909). Istoricheskiĭa izvēstiĭa o Nizhnem"-Novgorodě // Polnoe sobranie sochineniĭ P. I. Mel'nikova [Andreĭa Pecherskago]. Izdanie vtroe. Tom" sed'moi. S.-Peterburg": Izdanie T-va A. F. Marks". 1909. Pp. 487–495. (In Russian).

7. Mel'nikov"-Pecherskiĭ P. I. (1909). Predaniĭa v" Nizhegorodskoĭ gubernii // Polnoe sobranie sochineniĭ P. I. Mel'nikova [Andreĭa Pecherskago]. Izdanie vtroe. Tom" sed'moi. S.-Peterburg". Izdanie T-va A. F. Marks". 1909. Pp. 510–513. (In Russian).

8. Mel'nikova N. A. (2004). Imĭa v sisteme poëticheskogo ĭazyka Velimira Khlebnikova. AKD. Omsk, 2004. 24 p. (In Russian).

9. Khlebnikov V. (1904–2006). Sobranie sochineniĭ: V 6 tt. T. 1. Literaturnaĭa avtobiografiĭa. Stikhotvoreniĭa 1904–1916. – 544 s. – Sobraie sochineniĭ: V 6 tt. T. 2. Stikhotvoreniĭa 1917–1922. 608 s. Sobraie sochineniĭ: V 6 tt. T. 3. Poēmy 1905–1922. 504 s. Sobraie sochineniĭ: V 6 tt. T. 4. Dramaticheskie poēmy. Dramy. Stseny

1904–1922. 432 s. Sbranie sochineniĭ: V 6 tt. T. 5. Stikhotvoreniĭa v proze. Rasskazy, povesti, ocherki. Sverkhповести 1904–1922. 467 s. Sbranie sochineniĭ: V 6 tt. T. 6. Kniga pervaiā. Stat'ĭ (nabroski). Uchēnye trudy. Vozzvaniĭa. Otkrytye pis'ma. Vystupleniĭa 1904–1922. 448 s. Sbranie sochineniĭ: V 6 tt. T. 6. Kniga vtoraiā. «Doski Sud'by» (izbrannye stranitsy). Mysli i zametki. Pis'ma i drugie avtobiograficheskie materialy. 1897–1922. 384 s. Vse toma pod obshch. red. R. V. Duganova. Sost., podgot. teksta i primech. E. R. Arenzona i R. V. Duganova. Moskva: IMLI RAN, Obshchestvo Velimira Khlebnikova. 2000– 2006. (In Russian).

10. Ėko Umberto (2009). Vertigo: krugovorot obrazov, poniatiĭ, predmetov; perevod s ital. M.: slovo/slovo, 2009. 408 s.: il.; Bibliograf.: s. 406. – Ukazateli: pp. 399–405. Perevod izd. Bompiani. (In Russian).

11. Ėakobson R. (2000). Iz stat'ĭ «Podsoznatel'nye i verbal'nye struktury v poēzii» / R. Ėakobson // Mir Velimira Khlebnikova: Stat'ĭ. Issledovaniĭa, 1911 – 1998 / Sost.: Viach. Vs. Ivanov i dr. Moskva: Ėazyki rus. kul'tury, 2000. Pp. 78–83. (In Russian).

Приложение.

Список упомянутых, цитируемых и анализируемых произведений ВХ (в порядке № публикации в собрании сочинений)

Шифр и адрес	Название произведения	Комментарий
BX_000.1: 7–9	Свояси	1: прим 450–453
BX_015.1: 29	«Мизинич миг»	1: прим 455
BX_016.1: 31	«Времянин я»	1: прим 455
BX_320.2: 29–31	«Нижний»	2: прим 508–509
BX_645.4: 25–36	И и Э. Повесть каменного века	4: прим 349–350
BX_744.6/1: 7–8	«Пусть на могильной плите прочтут...»	6/1: прим 352–355
BX_744.6/1: 16	«О времени»	6/1: прим 359
BX_750.6/1: 34– 46	«Учитель и ученик. О словах, городах и народах»: Цит. письмо брату Александру	6/1: прим 365
BX_756.6/1: 288–289	«Разговор Олега и Казимира»	6/1: прим 375
BX_757.6/1: 66–67	«О расширении пределов русской словесности»	6/1: прим 375
BX_761.6/1: 83–101	«Битвы 1915–1917 гг. Новое учение о войне»; в комментариях – предисловие А. Кручёных	6/1: прим 387–388
BX_762.6/1: 102–113	«Время – мера мира»	6/1: прим 391–393
BX_764.6/1: 117	«О простых именах языка»	6/1: прим 393–394
BX_768.6/1: 133–134	«О пользе изучения сказок»	6/1: прим 395
BX_742.6/1:	<О будущем человека>	6/1: прим.357
BX_744.6/1: 16–17	«О времени»	6/1: прим 359
BX_762.6/1: 102–113	Время – мера мира	6/1: прим 391–393
BX_768.6/1: 133–134	О пользе изучения сказок	6/1: прим 395
BX_742.6/1	<О будущем человека>	6/1: прим 357
BX_750.6/1: 34– 46	«Учитель и ученик»: Цит. письмо брату Александру	6/1: прим 365
BX_778.6/1: 167–180	«Наша основа. Разговор»	6/1: прим 405–407
BX_825.6/2: 8–72	Доски судьбы	6/2: прим 280–284
BX_843.6/2: 73–104	Мысли и заметки	6/2: прим 293–296

Примечание к приложению: Ссылки на тексты ВХ оформлены по правилам базы данных «Будетлянин», спроектированной и развиваемой автором статьи. Инициал ВХ в пояснении не нуждается. Следующее число – порядковый номер текста в сплошной нумерации, принятой для «Собрания сочинений» в шести томах, изданного ИМЛИ РАН (описание см. в разделе «ЛИТЕРАТУРА»). Цифра после точки обозначает номер тома. Шестой том издан двумя книгами [наклонная черта (/) слэш, 1 или 2]. После двоеточия (:) как и во всём тексте, указывается адрес (страницы). Цитирование комментариев отмечено сокращением *прим.*

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Курбакова Светлана Николаевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского языка
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений МИД России»
(г. Москва, Россия)
s.kurbakova@inno.mgimo.ru

Аннотация. Анализ персуазивной силы слова, в том числе, переводного, заставляет еще раз задуматься о необходимости использовать возможности перевода служить проводником и каналом достоверной информации. Призвание переводчиков служить делу взаимопонимания, диалогу и сотрудничеству между народами. Но наше сложное время диктует новые потребности и открывает новые перспективы развития переводческого дела: сохранение исторической памяти через перевод документальной хроники и художественных произведений с русского языка на английский с целью распространения правдивой информации о России, достойной ее великой роли в истории мирового сообщества. В год празднования 80-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне представляется особо актуальным привлечь внимание самой широкой аудитории к новым вызовам в сфере межкультурной коммуникации и поразмышлять над возрастающей ролью перевода как важнейшем виде посреднической деятельности.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, сохранение исторической памяти, Великая Отечественная война.

PRESERVING HISTORICAL MEMORY: NEW HORIZONS FOR DEVELOPING TRANSLATION MASTERY

Kurbakova Svetlana Nikolaevna
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of the English Language
of FSAEI HE “Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”
(Moscow, Russia)
s.kurbakova@inno.mgimo.ru

Abstract: the research into the persuasive power of words, including in translation, makes it reasonable to think over the necessity of employing the potential of translation to serve a means of true information. Translators are taught to promote mutual understanding and cooperation between peoples. Meanwhile, our turbulent epoch creates new challenges and new horizons for the development of translation mastery: preservation of the historical memory through translation of documentaries and fiction from Russian into English to propagate the true information about Russia, relevant to its great role in the history of the world community. This year, the celebration of the 80th jubilee of the Great Victory of the Soviet people in the 1941-1945 Great Patriotic War makes it even more urgent to draw the attention of the wide public to new challenges in the sphere of cross-cultural communication and analyze the increasing role of translation as one of the basic mechanisms of international cooperation.

Keywords: translation, cross-cultural communication, preservation of historical memory, the 1941-1945 Great Patriotic War.

Для цитирования: Курбакова С. Н. Новые возможности развития переводческого дела в контексте сохранения исторической памяти // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 44-61. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-44-61

Введение

Переводчики всегда служили делу взаимопонимания, диалогу и сотрудничеству между народами. Но наше сложное время диктует новые потребности: не только развитие контактов между народами, укрепление взаимодействия между народами, но и, прежде всего, распространение правдивой информации о России, достойной ее великой роли в истории мирового сообщества. Несколько перефразировав великого поэта, можно сказать, что переводчик в наше время больше, чем переводчик.

В современных англоязычных СМИ эксплицитно создается агрессивный образ России путем распространения лжи, дискредитации, манипуляции, а основными языковыми средствами служат оценочная лексика, метафоры и языковая игра. Ряд исследователей отмечают, что прежний образ коммунистической «империи зла» в зарубежных СМИ был даже не так негативен, как образ современной России. Объяснить это можно лишь эскалацией Западом информационной войны после того, как Россия продемонстрировала самостоятельность и уверенность на международной арене, заявив о защите своих национальных интересов. СЛОВО вновь стало оружием: западные СМИ пытаются использовать вербальные средства для целенаправленного подрыва национального суверенитета России, ее изоляции в мире, разжигания внутренних конфликтов. В этом же русле западные СМИ активно публикуют материалы, искажающие и дискредитирующие роль Советского Союза в победе над фашистской Германией в 1945 году.

В год празднования 80-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне представляется особо актуальным привлечь внимание самой широкой аудитории, в частности, профессионалов и экспертов в области лингвистики, перевода, языковой подготовки, к новым вызовам в сфере межкультурной коммуникации и поразмышлять над возрастающей ролью перевода как важнейшем виде посреднической деятельности.

С одной стороны, мы наблюдаем широкое распространение английского языка в статусе *lingua franca* для лингвистического обеспечения коммуникации на международном уровне, а с другой, мы ощущаем потребность народов познать иноязычную культуру при сохранении своих ценностей и традиций. Кроме того, характер конфликтов в современном мире позволяет говорить о том, что слово становится оружием для оказания целенаправленного воздействия на индивидуальное и массовое сознание, для создания картины мира согласно определенной идеологической установке.

Для западных политиков одной из них, очевидно, является установка на искажение исторической правды о Победе над фашизмом: стереть из массового сознания их граждан память о подвиге советского народа, вынесшего на своих плечах все тяготы страшной войны и добившегося разгрома фашизма. Вот пример одной из таких многочисленных попыток вознести роль США: *“Just as US leadership in World War II had defeated the Third Reich and imperial Japan, so, too, would Wahington turn back the Soviet threat and ensure the survival of freedom”* [11].

В современном англоязычном политическом дискурсе таких попыток «переписать историю» можно обнаружить в изобилии, в западных сми создается в подавляющем большинстве случаев отрицательный образ России, а основными языковыми средствами служат оценочная лексика, метафоры и языковая игра.

Если сравнить, например, что было опубликовано на достаточно умеренном сайте *listverse.com* в сентябре 2012 года с тем, что опубликовано недавно в канун 9 мая 2025 года, то становится очевидным, каким образом замалчивается правда о решающей роли СССР в Победе над фашизмом в 1945 году, о тех жертвах, которые понес СССР, ради достижения Великой Победы. На указанном выше сайте в апреле 2025 года представлена подборка материала, которая называется *«10 Nonviolent Actions Against the Nazis That Proved Effective – 10 ненасильственных операций против нацистов, которые оказались эффективными»* [10]. Автор подборки материалов начинает с ссылки на авторитетное мнение Ганди о том, что «непринятие насильственных мер/ отказ от вооруженной борьбы является уделом сильных». И ставит под вопрос необходимость вооруженной борьбы с нацистской Германией в те годы. При этом автор придает т.н. мирному сопротивлению *«peaceful resistance»* героический статус: *«Nonviolence is a weapon of the strong.” Mahatma Gandhi practiced what he preached and utilized this weapon to overthrow an empire and give freedom to India. It is the less costly alternative to military confrontation and has been proven to work time and again. From ousting a dictator, as in the People Power Revolution of 1986 in the Philippines, to taking down communism in bloodless revolutions in Eastern Europe later in the decade, nonviolence has scored many victories»*. При этом автор публикации задается вопросом «Могли бы такие ненасильственные действия победить нацистов, известных своей животной жестокостью и полным пренебрежением к человеческой жизни? – *But could it have worked against the Nazis, known for their bestiality and disregard for human life?»* И признается, что этот вопрос о необходимости вооруженной борьбы с нацизмом до сих вызывает споры: *«The question is still being debated»*. Автор публикации подчеркивает, что «возможно, военное решение было неизбежным - *and while a military solution may have been inevitable»*, и подчеркивает значимость тех фактов «мирного сопротивления», которые он включил в подборку – *«there were many instances when the Nazis were held in check by nonviolent action. The scale of peaceful resistance varied - from single individuals to small groups to practically an entire nation»*. Мы читаем подзаголовки:

- *A Nation of Heroes – The History of the Dutch Resistance during World War II in the Netherlands (1940 – 1945)* - история сопротивления в Нидерландах в 1940-1945 гг., в которой повествуется об истории спасения еврейского населения на территории Нидерландов;
- *Strike of the 100,000 – The German Invasion of Belgium during World War Two (1940) – The Battle of Belgium* - Битва за Бельгию - так назвали массовую забастовку на сталелитейных заводах Бельгии в 1940 году, в результате которой бельгийские рабочие этих заводов добились от немецких оккупантов повышения зарплаты на 8 %;
- *Rescue by Sea – Why almost all of Denmark's Jews survived the Holocaust* – история об удачном спасении еврейской общины в Дании по морю;
- *Opposing School Nazification – How did Norwegian rebels resist nazi occupation?* – история о том, как норвежские учителя отказались вступить в организацию Youth Front – «Молодежный фронт», которая была нацелена на перевоспитание норвежской молодежи в духе немецкого нацизма;
- *The Town of Refuge – The story of Andre and Magda Trocme – Righteous among the nations* – история французской деревушки, жители которой сумели спрятать большое количество евреев;
- *Halting the Euthanasia Program (in 1939, Hitler's euthanasia program was launched under Dr. Viktor Brack, which targeted the extermination of children who were deemed "mentally defective.")* – история борьбы за прекращение программы эвтаназии, разработанной нацистами в 1939 году для уничтожения детей с «умственными дефектами».
- *The Graffiti Wars* – история сопротивления художников граффити в польских городах, которая по мнению автора, была battle – битвой, которая подрывала моральный дух немцев и давала надежду польскому народу.

Безусловно, такие действия сопротивления немецко-фашистским оккупантам заслуживают внимания и памяти. Но, бесспорно, они лишь дополняют те главные сражения, которые вели советские люди на восточном фронте, где фашисты сосредоточили свои элитные боевые части и основные вооружения. Но об этом в публикации нет ни слова.

В таком контексте становится понятным, почему западному обывателю ничего не известно о том, что именно Красная Армия одержала Победу и воздвигла знамя Победы над рейхстагом, что именно советские солдаты освободили народы Европы от оккупации и истребления в концлагерях, что именно советские люди, представители разных народностей и национальностей, вынесли нечеловеческие тяготы ради достижения Победы над нацизмом и фашизмом! В последние годы наши западные оппоненты, очевидно, и вовсе перестали скрывать свое намерение переписать историю и, в частности, предать забвению великое самопожертвование советского народа и славные подвиги советских граждан, военных и гражданских, на фронте и в тылу, ради Победы над нацизмом и фашизмом.

Очевидно, что назрела острая необходимость нам самим рассказывать народам мира правду о Победе, о наших уважаемых предках, которые своим

героизмом, не щадя своей жизни, одолели нацистов и милитаристов и предопределили исход второй мировой войны. Представляется возможным использовать огромный потенциал переводчиков для перевода документальных материалов и художественных произведений о Великой Отечественной войне с русского языка на английский и их опубликования в глобальной сети Интернета.

Методы

Отечественная школа перевода добилась значительных успехов в разработке способов и приемов достижения адекватности и эквивалентности перевода. Так, Я. И. Рецкер разработал теорию закономерных соответствий, которая дает базу для преодоления трудностей, связанных с переводом реалий при отсутствии прямых соответствий [6]. О семантических трансформациях на материале русского и английского языков, среди которых выделяются синонимические замены, антонимические преобразования, перераспределение семантических компонентов высказывания, подробно пишет А. Д. Швейцер в книге «Перевод и лингвистика» [8]. Разработанные В. Н. Комиссаровым уровни эквивалентности [3] позволяют осмыслить процесс преобразований, который происходит при переводе с одного языка на другой, для сохранения смысла оригинального текста. Семантико-семиотическая модель перевода Л. С. Бархударова [1] позволяет положительно решить вопрос о переводимости и найти эквивалент при наличии лакун в языке для обозначения того или иного предмета и явления: например, несмотря на отсутствие соответствий на одном уровне текста, стихотворение на русском языке может быть адекватно переведено на английский с помощью эквивалентов на разных языковых уровнях так, чтобы и оригинал, и перевод несли одну и ту же смысловую и художественную информацию. Такая прочная теоретическая база классиков отечественного переводоведения активно подкрепляется новыми доказательствами из практики перевода, а также научными исследованиями их учеников и последователей. Опора на такую базу позволяет преодолеть трудности перевода аутентичных материалов и о Великой Отечественной войне.

Результаты/Обсуждение

Источником исторического материала для перевода с русского языка на английский служит документальная хроника событий 1941 – 1945 гг., раскрывающая подлинно глобальный характер борьбы Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников и на полях сражений, и в тылу, и на международной арене. Более того, эти документы свидетельствуют о тех чувствах благодарности, уважения и даже восхищения, которые испытывали народы мира, в том числе Европы, освобожденные от германских нацистов и их союзников.

Так, в 2015 году на сайте ТАСС был опубликован документальный проект под названием «Путь к Победе» [5], который год за годом, месяц за месяцем, день за днем освещает основные события на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. Среди сводок с фронта можно узнать и международной обстановке и активной дипломатической деятельности СССР, и первых успехах по восстановлению мирной жизни:

Так, в январе 1945 года корреспонденты ТАСС сообщают

- «Газета *Daily Express*, сравнивая нынешнее наступление Красной армии с предпринятым недавно немцами наступлением на Западе (в Арденнах. – ТАСС), пишет, что наступление русских демонстрирует превосходство русских генералов над германскими в области тактики и стратегии, – передает корр. ТАСС из Лондона. – По заявлению газеты, в этой области немцы – дети по сравнению с русскими».

- «По мнению обозревателя газеты *Star* Плюмена, – сообщает корр. ТАСС из Оттавы, – быстрота, с которой Советская армия пробил брешь в прочно укрепленных германских линиях в Южной Польше, должна быть изучена английскими, американскими и французскими генералами с целью улучшения их вооружения, боевого порядка и тактики».

- Из Югославии ТАСС сообщил о том, «в Белграде воздвигнут памятник Неизвестному русскому герою, погибшему при освобождении югославской столицы от немецких оккупантов».

- ТАСС сообщает о заявлении Комитета американского славянского конгресса от 21 января 1945 г., в котором он приветствует победы Красной Армии: «Национальный комитет американского славянского конгресса от имени миллионов американцев славянского происхождения сделал представителям печати заявление, в котором приветствует освобождение доблестной Красной Армией и Польской Армией Варшавы и Кракова как блестящую победу Объединенных наций, – сообщает ТАСС из Нью-Йорка. – В заявлении указывается, что продвижение Красной Армии к Берлину радует сердца всех свободолюбивых американцев и неизмеримо усиливает их решимость сделать все возможное, чтобы помочь приблизить день окончательной победы».

- 22 января 1945 года ТАСС опубликовал сообщение из Нью-Йорка: «Наступление русских - один из величайших моментов в истории – Газеты и радио продолжают приветствовать новое наступление Красной Армии, – передает ТАСС из Нью-Йорка. - Газеты публикуют сообщения о победах Красной Армии ежедневно под большими заголовками и печатают на первых страницах фотографии советских полководцев. Дикторы при передаче сообщений по радио вначале сообщают о победах советских войск, а затем передают другие новости. «Радиокомментатор Морган заявляет: «Продвижение русских поистине является одним из величайших моментов в истории. Этот удар превосходит все предыдущие наступления, и он наносится самой мощной военной машиной в истории войны - военной машиной, которая движется на Берлин», – передает агентство.

- 23 января 1945 года Ленинград посетила британская парламентская делегация – Делегация английского Парламента в Ленинграде посетила выставку «героическая оборона Ленинграда, – сообщает ТАСС из северной столицы. – Гости внимательно осматривали стенды выставки, посвященные Ладожской трассе, танки и пушки Красной Армии, которыми были разгромлены немецкие полчища под Ленинградом». После осмотра глава делегации г-н Эллиот оставил в книге посетителей запись: "Британская парламентская делегация получила

огромное впечатление от этой величественной выставки, которая наглядно показывает испытания и торжество граждан и защитников навсегда знаменитого города Ленинграда в войне с немецкими захватчиками. Мы в Лондоне также знали этот ужас».

- Сообщение ТАСС из Ливерпуля от 2 апреля 1945 г. «На родину вернулись англичане, освобожденные русскими войсками» – «Из Одессы в Ливерпуль прибыло более 1 тысячи английских военнопленных, освобожденных Красной Армией. Они рассказали журналистам о тяжелом времени, проведенном ими в концлагерях в Германии и Польше. Летчик Морис Кемп рассказал о том, как ужасно с ними обращались не только эсесовцы, но и гражданское население. Все освобожденные пленные с исключительным воодушевлением говорят о красноармейцах, давших им возможность возвратиться домой. Уильям Кей сказал: «Русские давали нам все самое хорошее. Все, что у них было, они отдавали нам. Я видел русских в бою – они замечательные бойцы».

Приведенные примеры сообщений ТАСС демонстрируют тот материал, который достоин быть переведенным на английский язык для того, чтобы создать информационное поле правды о событиях Великой Отечественной войны и второй мировой войны, в целом.

Для достижения эквивалентности и адекватности переводов представляется целесообразным использовать тот идиоматичный язык, знание которого можно почерпнуть из англоязычных текстов о Второй мировой войне и Восточном фронте (так в западных источниках именуют события Великой Отечественной войны), количество которых, к сожалению, мало.

Так, углубить исторические знания и расширить лексический запас позволяет изучение документального сериала «The Unknown War», примера действительно честной профессиональной журналистики, представители которой стремились донести правду о событиях Великой Отечественной войны, сражениях на Восточном фронте, о которых западному обывателю было и тогда, как и сейчас, практически ничего неизвестно.

Фильм «The Unknown War», снятый в 1978 году американскими тележурналистами по книге Хэррисон Сэлзбери, работавшим в газете *The New York Times* состоит из 20 серий, каждая из которых повествует о важнейших этапах борьбы советского народа и его Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками. В фильме широко использована хроника, снятая советскими военными репортерами на местах боев, а также хроника из английских и американских архивов. Текст читает Берт Ланкастер, обладатель премии Оскар. Как отмечали создатели сериала, целью было познакомить западного зрителя с реальными событиями на Восточном фронте, о которых предпочитали молчать на западе, делая акцент только на роли прежде всего США, Великобритании в Победе над гитлеровской Германией и милитаристской Японией во второй мировой войне. Как указано в справке об истории создания и выпуска сериала на экраны: «Released in 1978, *The Unknown War* is sympathetic to the Soviet struggle against Nazi Germany. It was quickly withdrawn from TV airings after it ran in 1978. Later it returned to airings on cable, including the History Channel». Сериал вскоре

после выхода на экраны в 1978 году был снят с вещания из-за того, что он был «sympathetic to the Soviet struggle against Nazi Germany – с пониманием, сочувствием повествовал к борьбе СССР против нацистской Германии». Хотелось бы отметить, что просмотр этого сериала вызывает большой интерес и у русскоязычных студентов, изучающих английский язык: документальная хроника, содержательный комментарий, идиоматичный язык.

К сожалению, таких примеров честной журналистики на западе очень мало. Среди них стоит обсудить публикацию на сайте, упомянутом ранее, *listverse.com* в апреле 2012 года фактов о Сталинградской битве [10]. Тогда, в 2012 году, автор подборки не побоялся опубликовать краткие рассказы о боях под Сталинградом «10 Facts about the Battle of Stalingrad», которыми он искренне был потрясен: *«The Battle of Stalingrad has been something has long fascinated me, the Soviets at the close of WW2 went on to become the antagonist in the Cold War, thus the Soviet contribution to the defeat of Nazi Germany is often overlooked here in the West, however without the sacrifices made by mostly untrained and poorly armed men, women and in some cases children, it is almost certain we would be living in a very different world today. The battle began on August 23rd 1942 and ended with Germans surrendering on February 2nd 1943. What would eventually bring about the downfall of Hitler began here, carnage, brutality and loss of life unlike any the world had ever seen would mark the bloodiest battle of the most destructive war in history. I've tried to provide a mixture of well-known and slightly more obscure facts to make this list interesting for both those who haven't heard much about the topic and those who know a bit more about it. Now I present to you the Top 10 Facts About The Battle of Stalingrad».*

Автор статьи признается, что его долго интересовала история битвы за Сталинград, но из-за того, что после Второй мировой войны СССР стал противником в Холодной войне, *the Soviet contribution to the defeat of Nazi Germany is often overlooked here in the West*, - роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии игнорируется на Западе.

Однако, как пишет автор, вполне определенно без самопожертвования советских людей, военных и гражданских, в том числе детей, «мы бы сейчас жили в другом мире» - *without the sacrifices made by mostly untrained and poorly armed men, women and in some cases children, it is almost certain we would be living in a very different world today.*

То, что в конечном счете привело к разгрому Гитлера началось именно под Сталинградом, где произошла, как пишет автор, *the bloodiest battle of the most destructive war in history* – самая кровопролитная битва в истории самой разрушительной войны».

На экране представлены 10 фактов о битве за Сталинград, которые, как пишет автор, смогут дать дополнительную информацию тем, кто где-то слышал об этом, или раскрыть глаза тем, кто до сих пор ничего не знал об этом: *I've tried to provide a mixture of well-known and slightly more obscure facts to make this list interesting for both those who haven't heard much about the topic and those who know a bit more about it.*

Среди этих фактов:

1077th Anti-Aircraft Regiment – 1077-й полк ПВО

Сформированный из женщин, большинство из которых были выпускницами школы, этот полк смог за 2 суток уничтожить 83 танка, 15 БМП, 3 батальона пехоты, 14 самолетов противника. Когда превосходящим по численности немецким войскам все же удалось захватить позиции, то они были поражены обнаружить там тела погибших воинов – это были молодые женщины: «The Germans, arriving at the positions they had been receiving such intense fire from were shocked to find the bodies of young women. The 1077th were no more but not before destroying 83 tanks, 15 infantry vehicles, killing 3 battalions of infantry and shooting down 14 aircraft. The German's had yet to know it but the resistance put up by the 1077th would be a sign of things to come».

Stalingrad Tractor Factory – Сталинградский тракторный завод

Mamayev Kurgan – Мамаев курган

Pavlov's House – Дом Павлова

Автора порастил подвиг 25 солдат Красной Армии, которые три месяца отбивали атаки превосходящих сил немцев из 6-ой армии Паулюса, так, что для ведения огня по немцам им приходилось разгребать горы трупов на подходе к дому: «Twenty five poorly supplied soldiers of the Red Army would successfully hold what came to be known as Pavlov's House for three months against numerous attacks from the German Sixth Army. At times the fighting was so intense they would have taken it in turns to run outside and kick down the stacks of corpses mounting at the front of the building to stop the attacking Germans from using them as cover».

Vasily Zaytsev

В этой части автор восхищается подвигом снайпера Василия Зайцева, который организовал курсы снайперов на Тракторном заводе в Сталинграде и его ученики, как пишет автор, поразили до 3,000 фашистов. Автор также упоминает, что после тяжелого ранения с потерей зрения Василий вернулся на фронт и закончил ее на Зееловских высотах под Берлином. После смерти в 1991 году согласно завещанию Василий Зайцев был перезахоронен из Киева в Сталинград (теперь Волгоград) рядом со своими товарищами: «He established a sniper school in a factory in the middle of Stalingrad, bear in mind this was during the battle itself, his 28 students going on to kill and estimated 1000-3000 soldiers during the course of the war. Almost blinded during a mortar attack, his sight was restored by a Professor Filatov, a pioneering eye surgeon and he went straight back out to the front line, finishing the war in Seelow Heights, around 60 miles from Berlin. He died in 1991, aged 76, ten days before the dissolution of the Soviet Union which he'd fought to protect. His final request was to be buried at Stalingrad alongside his fallen comrades, after initially being buried in Kiev he was reburied in 2006 in Volgograd (present day Stalingrad) with full military honors».

Surrender – капитуляция фельдмаршала Паулюса и его 6-й армии

Despite having been promoted to Field Marshall by Hitler (an encouragement to commit suicide as no German Field Marshall had ever been taken alive), General

Paulus surrendered on January 31st, followed shortly by the remainder of the Axis forces on February 2nd.

Aftermath – итоги битвы

Автор обращает внимание на итоги битвы: по окончании боев было установлено число погибших – от 1 до 2 миллионов человек, беспрецедентное количество погибших в одной битве за всю историю человечества: «Only at the end did it become apparent the scale of destruction and death that had occurred at Stalingrad, estimates vary but the death toll is generally accepted to be somewhere between one and two million, though not universal it is generally accepted to be the single largest death toll in any battle in mankind's history».

В память о подвиге защитников Сталинграда на Мамаевом кургане установлен памятник «Родина-Мать зовёт», который автор сравнивает со статуей свободы, так, наверное, иностранцам легче представить монументальность фигуры: «a huge statue was erected in memory of the battle, named “The Motherland Calls” it is comparable in height to the Statue of Liberty and stands on what remained of Mamayev Kurgan. Volgograd today has a population of around one million and is an important industrial hub within modern Russia».

Sword of Stalingrad – Меч Сталинграда

Особое внимание автор уделяет подарку, который вручил Черчилль Сталину на Тегеранской конференции в 1943 году от имени Британской короны: «In honor of the defenders of Stalingrad, King George VI of the United Kingdom commissioned a ceremonial longsword to be presented to the Soviet Union». Автор объясняет особую ценность подарка короля Великобритании в знак восхищения британского народа мужеством, проявленным советскими защитниками Сталинграда во время битвы за город.

Рис.1

Сейчас этот меч экспонируется в музее Сталинградской битвы в Волгограде (на рис. 1): «Thirty six inches long, with a hand grip bound in 18 carat gold wire and a pommel of rock crystal, the blade was inscribed in Russian and English with the words:

TO THE STEEL-HEARTED CITIZENS OF STALINGRAD. THE GIFT OF KING GEORGE VI. IN TOKEN OF THE HOMAGE OF THE BRITISH PEOPLE (на рис. 2)

Рис.2

ГРАЖДНАМ СТАЛИНГРАДА • КРЕПКИМ КАК СТАЛЬ • ОТ КОРОЛЯ
ГЕОРГА VI • В ЗНАК ГЛУБОКОГО ВОСХИЩЕНИЯ БРИТАНСКОГО
НАРОДА (на рис. 3)

Рис.3

Подарок королевской семьи был вручен 29 ноября 1943 года во время встречи Большой тройки в Тегеране на Тегеранской конференции посвящённой обсуждению планов Нормандской операции, в конференц-зале советского посольства в Иране премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем главе СССР Иосифу Сталину в присутствии президента США Франклина Рузвельта и Почётного караула советских и британских солдат на церемонии, приуроченной к открытию этой конференции.

Очевидно, что изучение такого материала позволяет и расширить кругозор, и обогатить языковой запас за счет соответствующей военной лексики, и сформировать компетентность рассказать иностранцам о важнейших страницах отечественной истории – истории нашей Победы.

Сегодня, когда в западных СМИ активно навязывается агрессивный образ россиянина, представляется также актуальным показать миру свои достижения в области духовной культуры. В этой связи особая роль отводится переводу высоких образцов литературного творчества с русского языка на английский, и перевод поэзии периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов отвечает этим потребностям.

В наши дни осмысление таких понятий, как *Родина*, *Отечество*, *патриотизм*, *любовь к родной земле*, *любовь к семье*, *к женщине*, *детям*, *самопожертвование*, *мужество*, *храбрость*, происходит особенно остро и

осязуемо. В данном контексте обращение к лирике К. Симонова, совершенно, закономерно: это великолепный пример лирики поэтов военного поколения, тех, кто сражался за свободу нашей великой Родины, тех, кто лично познали все тяготы и лишения военных лет.

Лирические произведения К. Симонова душевны, горьки и правдивы одновременно. По сути, они глубоко народны, они адресованы простым людям. Именно в них собраны все оттенки душевных страданий защитников Отечества, вся сила и отвага, с которой люди были готовы идти до конца, несмотря ни на что, ради спасения своих родных и близких, ради мира на земле. Константин Симонов лично принимал участие в военных действиях. В 1941 году 25-летний поэт прибыл за Могилев, к линии фронта, служить военным корреспондентом. Он, как никто другой, сумел передать в своих произведениях нелегкую военную жизнь, все трудности, с которыми сталкивались солдаты на войне, все глубокие переживания и душевные раны.

Стихотворение «Жди меня, и я вернусь...» пользуется особой любовью. Оно производит особое впечатление, его простые, но искренние и проникновенные строки берут за душу. По признанию самого К. Симонова, он написал это произведение в 1941 году как личное письмо в стихах и только впоследствии включил его в свой поэтический цикл. Он писал: «И только потом, на Крайнем Севере, на отрезанной от всего остального фронта немцами Малой земле Рыбачьего полуострова, читая эти стихи в землянках и блиндажах, я начал постепенно понимать, что они связаны не только с моей собственной, а и с судьбой многих других людей, гораздо в большей степени, чем мне это казалось сначала» [7, с.10]. В стихотворении воедино слиты личное и гражданское, патриотическое начала. Это стихи о любви, верности и большой вере друг в друга, о том, что помогало переносить суровые испытания, выпавшие на долю сотских людей в войне с фашизмом. Недаром газетные вырезки с дорогими строками, впервые напечатанными на страницах «Правды», мужчины и женщины бережно хранили в карманах гимнастеров и рабочих спецовок, вклеивали в записные книжки, помнили наизусть. Пожалуй, такого не бывало ни с одним стихотворением за всю историю мировой поэзии. «Ваше «Жди меня...», говорилось в одном из бесчисленных писем к поэту, – посылали с тыла на фронт и с фронта в тыл. Оно вселяло надежду и в тех, кто верил, что их ждут, и в тех, кто ждал...» [7, с.12].

Как же донести всю идею и красоту этого произведения для англоязычного читателя? Сначала необходимо проанализировать композицию стиха. Композиционно стихотворение членится на три строфы, в каждой из которых двенадцать стихов. Это обращение лирического героя-воина к любимой женщине. «Поэзия второго лица» пропитана апеллятивной функцией: она либо умоляет, либо поучает. Ориентация на адресата «находит свое чисто грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении» [9, с.200]. Квинтэссенция стихотворения – в первых двух стихах начальной строфы:

*Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.*

Между частями сложносочиненного предложения – подчеркнутая причинно-следственная обусловленность: «я вернусь, если ты будешь ждать». Этот лейтмотив повторяется трижды, начиная каждую строфу. Во втором предложении – акцент на трудности и длительности этого ожидания, необходимости большой воли и веры: только очень жди. Композиционно стихотворение и его смысловая структура строятся именно так, что ожидание женщины спасает фронтовика, ее любовь и верность оказываются залогом его возвращения. Этот композиционный прием, исходящий из самой глубины категории образа авторского видения, подчеркивает, насколько всемогуща верность любимой женщины, насколько она значима для мужчины, сражающегося на фронте с врагом:

*...Ожиданием своим
ты спасла меня.*

Композиционно и семантически почти все стихотворение есть развертывание и конкретизация первых двух стихов начальной строфы, особенно слов: только очень жди. Стихотворение построено как многократное обращение, развивающее тему ожидания, его необходимости. В первой строфе подчеркивается временной аспект этого ожидания: *Жди, когда...* Начало большинства строк представляет здесь настойчивое обращение, а следующие за ним слова – конкретизацию темы «очень жди».

Во второй строфе, развивающей тему предшествующей, – иная конструкция и несколько другой смысловой акцент. Повтор уступительного союза «*пусть*» обращает внимание на то, что ждать надо, несмотря ни на что, вопреки тем, кто уже мог потерпеть веру в возвращение воина.

В заключительной строфе – развертывание иной, взаимосвязанной с предшествующей, темы «я вернусь» как результата верного ожидания:

*Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Стихотворение «*Жди меня, и я вернусь...*» подкупает своей языковой простотой и удивительной непринужденностью стиливой организации, что делает произведение особенно душевным, выразительным и поэтически воспринимаемым. Страстность речи лирического героя и едва заметная тревога передаются многократным повтором и восходящей, создающей напряжение интонацией частей сложных предложений.

Эстетическое воздействие стихов усиливается за счет периодической формы речи, в которой реализуется сложная мысль. Большая часть второй строфы представляет собой период, состоящий из двух частей, разделенных выразительной паузой (на месте многоточия). Первая часть периода, объединяющая ряд подобных конструкций с союзом *пусть*, характеризуется восходящей интонацией, вторая – нисходящей.

Противопоставление контекстуальных антонимов подчеркивает большой охват времени ожидания, продолжительность предстоящей разлуки: дожди –

снега, снега – жара, жди (одна) – всем, кто вместе ждет и др. Большая временная перспектива поддерживается здесь и формами прошедшего и будущего времени, употребляемыми на фоне настоящего:

*Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.*

Полна глубокого смысла и выразительности заключительная антитеза, противопоставление *не ждавшим им* – верной, преданной, любимой и ждущей женщины:

*Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Ее ожидание спасает любимого человека, придает ему мужества в смертельном бою. Такова сила настоящей любви. В ней – источник веры в грядущую встречу. В последней строфе заметно раздвоение авторского голоса. Это важный языковой и композиционный прием выражения высшего видения, уверенности в счастливом исходе событий.

Только глубоко проанализировав и погрузившись в атмосферу этого произведения, можно приступать к переводу, непосредственному подбору лингвистических средств:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть

Wait for me, and I'll come back
Wildly wait, my friend.
Wait for me when rain and hail
Pouring days on end.
Wait during the blizzards frost,
or when it's scalding hot.
Wait when each one's hope is lost,
Drop that desolate thought.
When you haven't heard from me,
My tidings you have not.
Wait through hopelessness I plea,
May we tie the knot.
Wait for me, and I'll come back,
Don't you think too ill
of those, who gave up, who slack
On their belief, their will.
Let my mother, let my son
Cover me with sod.
Let my friends one night sit down
By the fire, talk,
Drink a glass of bitter wine
Saying Rest in Peace
Wait for me, and don't make haste
In following them, please.
Wait for me, and I'll come back
All those deaths despite.
Who forgot me, let them say:

Скажет: - Повезло.	'Lucky', – that's not right.
Не понять, не ждавшим им,	They will never understand
Как среди огня	That I alive can be
Ожиданием своим	Only thanks to your insane
Ты спасла меня.	Love and faith in me.
Как я выжил, будем знать	How I've survived I think we should
Только мы с тобой,	Keep that till the end.
Просто ты умела ждать,	You, of all the people, would
Как никто другой.	Wait for me, my Friend.

Перевод К. Васильевой

В контексте поставленной проблемы важно подчеркнуть, что этот перевод выполнила молодая переводчица, студентка, Ксения Васильева, безусловно, по-особому талантливая девушка, представительница нового поколения. Ей удалось глубоко понять замысел автора и передать на иностранном языке, чтобы другие тоже смогли почувствовать силу духа, заключенного в этом стихотворении К. Симонова.

Работа над переводом заставила вновь задуматься о роли перевода в современном процессе межкультурной коммуникации, вспомнить прописную истину об ответственности писателя и переводчика за каждое слово, с которым он обращается к читателю, публике: художественное произведение должно возвышать человека, призывать к высоким духовным свершениям, а не наоборот.

В качестве краткого отступления в дискуссии хотелось бы привести пример особо тонкого отношения к языку перевода, который демонстрирует американский поэт и переводчик Джулиан Генри Лоуэнфельд, влюбленный в русский язык и достигший совершенства в переводах А.С. Пушкина. Дж. Лоуэнфельд – поэт, драматург, композитор и автор песен, переводчик с восьми языков, судебный юрист – является автором единственного двуязычного сборника избранной поэзии и биографии А. С. Пушкина «Мой Талисман», лауреатом премии «Петрополь». С отличием окончил Гарвардский университет с дипломом по русской литературе, затем стажировался в Ленинградском государственном университете, а позже, самостоятельно, продолжал занятия по русской литературе с признанной пушкинисткой – Надеждой Семеновной Брагинской. Одновременно он получил диплом юриста в Нью-Йоркском университете. Интересны следующие факты из семейной истории Лоуэнфельда: его прадед – известный немецкий славист, Рафаель Лёвенфельд, – был корреспондентом берлинской газеты «BerlinerTagesblatt» в Санкт-Петербурге, первым переводчиком произведений Льва Николаевича Толстого на немецкий, а также автором его литературной биографии «Разговоры о Толстом с Толстым». Мировая премьера пьесы Толстого «Власть Тьмы» была поставлена в основанном Лёвенфельдом Шиллеровском Театре в Берлине. После революции в России у Лёвенфельдов в Берлине жило семейство Набоковых. Владимир Набоков начал писать романы и рассказы под псевдонимом В. Сирин именно в тот год, когда он жил в доме Лёвенфельдов в Берлине. В 2009 году Лоуэнфельд

перевел и поставил «Маленькие трагедии» Пушкина в Центре искусств Михаила Барышникова в Нью-Йорке. В 2012 году Лоуэнфельд перевел на английский книгу архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые святые», которая имела беспрецедентный успех в России и за рубежом и продавалась миллионными тиражами. Перевод получил первую премию на фестивале ReadRussia 2012 в Нью-Йорке. За «выдающиеся литературные переводы и преданную работу по популяризации русской культуры на английском языке» в 2013 году Лоуэнфельд был награжден почетным знаком «За дружбу и сотрудничество» Федерального агентства «Россотрудничество» [4]. В своем интервью Лоуэнфельд посетовал на низкое качество современных произведений и не сдерживал восхищенных слов о А. С. Пушкине: ««Писатели используют свой талант не для того, чтобы соединять и примирять людей, а чтобы вымещать на нас свою желчь. После большинства таких книг хочется, как минимум, перестать с кем-нибудь разговаривать, если не сказать больше. А после стихов Пушкина хочется звонить родным. Напомнить им, как я их люблю» [2, с. 19]. Дж. Лоуэнфельд видит свою миссию в том, чтобы познакомить англоязычного читателя с русской литературой: он переводил А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Блока, А. Ахматову, С. Есенина, М. Цветаеву, В. Маяковского. Лоуэнфельд читал свои переводы и лекции о Пушкине в Пушкинском доме (Институте русской литературы), Музее-квартире Пушкина на Мойке, 12, в Санкт-Петербурге, в Государственном Пушкинском музее в Москве, в ООН в Нью-Йорке, в Пушкинском доме в Лондоне, в Фолджерской Шекспировской Библиотеке в Вашингтоне, в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, в Колумбийском университете, в Университете Лихай в Пенсильвании, в различных филиалах Нью-Йоркской и Бостонской Публичных Библиотек. За «выдающиеся литературные переводы и преданную работу по популяризации русской культуры на английском языке» в 2013 году Лоуэнфельд был награжден почетным знаком «За дружбу и сотрудничество» Министерством иностранных дел РФ.

То обстоятельство, что если рядового американца попросить назвать русского писателя, то в ответ услышишь Ф. Достоевский и Л. Толстой, а еще, может быть, А. Чехов, Дж. Лоуэнфельд объясняет тем, что за пределами России плохо знают русскоязычную литературу, она практически не переводится.

Необходимо приниматься за дело, в котором переводчикам отведена особая роль: показать миру богатство культуры России, ее высокие духовные и нравственные идеалы, миролюбие и стремление к совершенству. Разве цель познакомить иностранного читателя с духовным богатством своего народа, его историей и культурой, служить лучшему пониманию между представителями разных культур, преодолев невежество и недоверие, лишена благородства?

Заключение

Очевидно, что роль переводчиков в современном мире огромна. Переводчик служит делу дружбы народов, их культурному взаимопониманию и развитию. Потребность в переводах русскоязычной литературы – это насущная потребность развития нашего народа, его языка и культуры в целом.

Сегодня представляется особенно важным задуматься о том, как напомнить миру о великом подвиге советского народа, одержавшем Победу над фашизмом и нацизмом в 1945 году, как сохранить историческую правду и поведать миру о силе характера и величии души наших граждан.

Анализ силы слова, в том числе, переводного, заставляет еще раз задуматься о необходимости использовать возможности перевода служить проводником и каналом достоверной информации. Материалы о Великой Отечественной войне требуют особого, бережного, обращения: в них заключена историческая правда и глубокий анализ характера советского народа-победителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода. – М., «Международные отношения», 1975. – 240 с.
2. Бояринова А. Миссия Джулиана Лоуэнфельда // Вечерняя Москва 14-21 января 2016. №1 (27249).
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
4. Лоуэнфельд Дж. Поэт, драматург, композитор и автор песен, переводчик с восьми языков, судебный юрист/ Всемирная ассоциация выпускников высших учебных заведений URL: https://www.alumnirussia.org/services/alumni_film/5?ysclid=mcvqyfhbx0954305981
5. Путь к Победе. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/pobeda/aprel/1876269>
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: «Международные отношения», 1974. – 216 с.
7. Симонов К.М. Стихотворения. Поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. – 442 с.
8. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
9. Якобсон Р. Я. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против: Сб. статей / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. – 467 с.
10. Nonviolent Actions Against the Nazis That Proved Effective [Электронный ресурс] // URL: <https://listverse.com/2025/03/26/10-nonviolent-actions-against-the-nazis-that-proved-effective/>
11. The reckoning that wasn't – Why America remains trapped by false dreams of hegemony, Foreign Affairs, February 28, 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/andrew-bacevich-the-reckoning-that-wasnt-america-hegemony>

REFERENCES

1. Barhudarov L.S. (1975). Yazyk i perevod (Voprosy obshej i chastnoj teorii perevoda) [Language and translation (Issues of general and specific theory of translation)] Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 240 p. (In Russian).

2. Boyarinova A. (2016). Missiya Dzhuliana Louenfelda [Mission of Julian Henry Lowenfeld] Vechernyaya Moskva 14-21 yanvarya 2016 №1 (27249) (In Russian).

3. Komissarov V.N. (1999) Sovremennoe perevodovedenie: Kurs lekciy [Modern theory of translation: course of lectures] Moscow: ETS, 192 p. (In Russian).

4. Lowenfeld J. (2025). Poet, dramaturg, kompozitor i avtor pesen, perevodchik, sudebnyj yurist/ Vsemirnaya asociaciya vypusnikov vysshih uchebnyh zavedenij [Julian Lowenfeld: poet, playwright composer and author of songs, translator of eight languages, litigation lawyer] URL: [https:// ww.alumnirussia.org/services/alumni_film/5?ysclid=mcvqyfbbx0954305981](https://ww.alumnirussia.org/services/alumni_film/5?ysclid=mcvqyfbbx0954305981) (In Russian).

5. Recker Ya.I. (1974). Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika [Translation theory and practice] Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 216 p. (In Russian).

6. Simonov K.M. (1982) Stihotvoreniya. Poemy [Poems] Leningrad: Sovetskij pisatel, 442 p. (In Russian).

7. Shvejcer A.D. (1988). Teoriya perevoda. Status, problemy, aspekty [Theory of translation. Status, problems, aspects] Moscow: Nauka, 215 p. (In Russian).

8. Put k Pobede. (2015). URL: <https://tass.ru/pobeda/aprel/1876269> (In Russian).

9. Jakobson R. Ya. (1975). Lingvistika i poetika. Strukturalizm: za i protiv: Sb. statej / Pod red. E.Ya. Basina i M.Ya. Polyakova [Linguistics and poetics. Sturcturalism: for and against] Moscow: Progress, 467 p. (In Russian).

10. 10 Nonviolent Actions Against the Nazis That Proved Effective (2025). URL: <https://listverse.com/2025/03/26/10-nonviolent-actions-against-the-nazis-that-proved-effective/>

11. The reckoning that wasn't – Why America remains trapped by false dreams of hegemony (2023). Foreign Affairs, February 28. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/andrew-bacevich-the-reckoning-that-wasnt-america-hegemony>

УДК: 81'373.2'42

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С САКРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ О ВОЙНЕ В ДОНБАССЕ)

Марфина Жанна Викторовна

доктор филологических наук, доцент,

доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

(г. Луганск, Россия)

marfina.zhanna@mail.ru

Авдийчук Екатерина Николаевна

ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

(г. Луганск, Россия)

katerina.ism@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется дискурсивная обусловленность использования сакральных ономастических единиц в контекстах современного поэтического субпространства. Особое внимание в статье уделяется сакральной лексике как средству организации сценарного мотива. Исследования современных поэтических контекстов, посвященных событиям войны в Донбассе, демонстрируют актуализацию агионимов, обусловленную интралингвальными факторами. Зачастую ономастические единицы с сакральной семантикой становятся смысловым центром (ядром) сценарного мотива, который обуславливает воздействие всех семантических компонентов структуры поэтического текста. Сакральные языковые элементы, наделённые в русской лингвокультуре особой ценностно-смысловой нагрузкой, интегрируются в тексты о войне в качестве ключевых смыслообразующих компонентов, благодаря которым в сознании адресата формируются и закрепляются основные мировоззренческие категории.

Ключевые слова: ономастикон, агионим, агеоантропоним, поэтическое субпространство, сценарный мотив, языковая картина мира.

ONOMASTIC UNITS WITH SACRED SEMANTICS IN POETIC SUBSPACE (BASED ON POETRY ABOUT THE WAR IN DONBAS)

Marfina Zhanna Viktorovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of the Russian Linguistics and Communicative Technologies
of FSBEI HE “Lugansk State Pedagogical University”

(Lugansk, Russian Federation)

marfina.zhanna@mail.ru

Avdiychuk Yekaterina Nikolaevna

Assistant Lecturer of the Department of the Russian Linguistics and Communicative Technologies
of FSBEI HE “Lugansk State Pedagogical University”

(Lugansk, Russian Federation)

katerina.ism@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the discursive dependance of the use of sacred onomastic units in the contexts of contemporary poetic subspace. The article lays special emphasis on sacred vocabulary as a means of organizing the script motif. Studies of modern poetic contexts devoted to the events of the war in Donbass demonstrate the actualization of hagianyms due to intralinguistic

factors. Frequently onomastic units with sacred semantics become the semantic center (the core) of the script motif, which determines the impact of all the poetic text structure semantic components. Sacral language elements that are endowed with a special axiological load in the Russian linguistics are integrated into the texts about war as key meaning-forming components, which form and fix basic worldview categorical concepts in the consciousness of the addressee.

Keywords: onomasticon, hagionym, hagioanthroponym, poetic subspace, script motif, linguistic world-image.

Для цитирования: Марфина Ж. В., Авдийчук Е. Н. Ономастические единицы с сакральной семантикой в поэтическом субпространстве (на материале поэзии о войне в Донбассе) // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 62-72. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-62-72

Введение

В современных поэтических текстах, отражающих военный конфликт в Донбассе, активно используются лексические средства, несущие особую смысловую и эмоциональную нагрузку. Среди них особое место занимают языковые единицы с сакральным значением, в частности ономастические, которые зачастую лежат в основе создания образов, выполняя наряду с этим функцию передачи исторической и коллективной памяти (т. е. тех концептов, которые непосредственно связаны с локальными и национальными исторически значимыми событиями). Имена при этом могут иметь глубинную ассоциативную связь со священными местами, легендами, мифами, указывать на их героев или связаны с жертвами войны, таким образом становясь своеобразными смысловыми маркерами (например, боли, надежды).

Изучение сакрального ономастикона, по мнению исследователей, дает возможность познать всю многогранность верований, истории, культуры того или иного народа. Неслучайно В. П. Нерозник отмечает, что информация, стоящая за именем, обладает «энциклопедическим» содержанием и является лингвокультурологически значимой [9].

К изучению сакрального ономастикона в разное время обращались М. В. Горбаневский, В. И. Супрун, В. Н. Топоров, В. Я. Дерягин, А. А. Минкин, Л. Д. Самохвалова, М. А. Тяботов, И. В. Бугаева и др.

Сакральный ономастикон в исследуемом корпусе текстов репрезентируется преимущественно агионимами, которые в словаре русской ономастической терминологии определяются как «*имя святого*» [11, с. 26]. Однако, как отмечает И. В. Бугаева, подобное определение представляется недостаточно полным, поскольку, учитывая греческое происхождение термина (agios – «священный», онута – «имя», «название»), агионим целесообразно трактовать в более широком смысле, а именно – как номинацию любого собственного имени, обладающего признаком святости, то есть, в качестве гиперонима. Данная дефиниция взята за основу для нашего исследования.

Важным является тот факт, что все ономастические единицы с сакральной семантикой отличаются своеобразием, обусловленным основной отличительной чертой всех данных наименований – категорией святости, являющейся выражением особого типа религиозной ментальности [3, с. 37].

На сегодняшний день не выработан единый подход к трактовке и классификации языковых единиц с сакральной семантикой. Наиболее точная классификация предложена И. В. Бугаевой. По мнению исследователя, структура агιονимов представляется многоуровневой системой, включающей такие разряды, как агдиоантропонимы (собственно имена святых), агдиотопонимы (наименования городов, поселков и улиц, выступающих результатом трансонимизации вышеперечисленных разрядов агιονимов), эортонимы (названия церковных праздников), эклезионимы (названия храмов и монастырей), иконимы (наименования икон), которые в совокупности формируют ономастическое пространство, объединяемое семой святости [2]. В отличие от Н. В. Подольской, которая имена святых обозначает термином **агионим**, И. В. Бугаева предлагает рассматривать их как **агдиоантропонимы**, подчеркивая их статус апеллятивно-антропонимического комплекса, предназначенного для наименования прославленных христианских святых. Следует подчеркнуть, что агдиоантропонимы, как правило, становятся ономаосновой для дальнейшей номинации различных предметов и объектов, которые либо непосредственно включаются в сакральный ономастикон, либо связаны с ним опосредованно [4].

Агдиоантропонимам принадлежит центральная роль в религиозной модели мира, которые по своей сути представляют собой сложные номинативные структуры, обладающие как обязательными, так и факультативными компонентами, и формируют специфическую агдиоантропонимическую формулу. Примечательно, что в повседневно-бытовом субпространстве двукомпонентные агдиоантропонимы, что является их принципиальным отличием от обычных антропонимов (как вот: *Сергий Радонежский, Иоанн Кронштадтский, Максим Грек*).

Изучение агιονимов, их использования в различных субпространствах, а также связанных с ними собственных имён, так или иначе соотносящиеся с понятием святости, можно реконструировать картину мира и аксиологическую систему представителей различных лингвокультур. Следует отметить, что в современной лингвистической науке до сих пор ощущается недостаток исследований, посвящённых анализу сакральной ономастики в современном поэтическом субпространстве, что и определяет особую актуальность предпринятого нами исследования.

Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужили тексты из сборников поэзии современных авторов о войне в Донбассе [6; 7; 8; 10; 13; 14; 15]. Эмпирическая основа данного исследования была создана с использованием метода сплошной выборки. В качестве ключевых подходов в работе применяются лингвистический анализ текста, дискурс-анализ, а также исследование речевых

актов и дискурсивных маркеров в современных поэтических текстах о войне в Донбассе.

Результаты и обсуждение

В современном поэтическом субпространстве особое внимание уделяется событиям в Донбассе, начало которым было положено в 2014 г.. Локализованная изначально в рамках одного региона борьба приняла всенародный характер, отражаясь в поэтических контекстах современников, где воспеваются мужество и героизм соотечественников, звучит призыв молиться о скорейшем наступлении мира. Вышеупомянутые идеи вербализируются через сакральные ономастические единицы.

Целью нашего исследования является анализ сакральных ономастических единиц в современных поэтических текстах о войне в Донбассе.

Выбор данных исследования был сделан потому, что употребление такой лексики отражает особенности мировоззрения человека, а обобщив и систематизировав данные сведения мы можем говорить о современной языковой картине мира.

Единицы сакральной ономастики используются для создания образа защитника, усиливая эмоциональное воздействие на читателя, апеллируя к его религиозным чувствам, вызывая сострадание. Использование данных единиц в поэзии – способ осмысления трагических событий, поиск духовной опоры, без которых русский человек не сможет выжить в условиях войны.

Анализируемые контексты свидетельствуют, что наиболее часто в современном поэтическом субпространстве употребляются агеоантропонимы, относящиеся к апеллятивно-антропонимическому комплексу, служащему для номинации прославленных христианских святых [5, с. 33].

Номинации христианских святых (Георгий Победоносец, Преподобный Сергей, святой Александр, Пересвет) представлены в сценарных мотивах веры, молитвы, помощи / поддержки на поле боя. Сема ‘защита’ в таких контекстах актуализируется сочетаемостью с конструкциями соответствующей семантики, в т.ч. предикативными, адъективными и пр.: *сразит копьем; стать рыцарем света; под покровом, выходит на смертный бой, крепки светом, силой и молитвами* и пр. (*Нет, это ты погода, Бандеры верный друг, / трезубец твой сразит копьём Победоносец* (Т. Грибанова); *Под покровом Георгия Победоносца премило / За Отечество рыцарем света вновь стать* (В. Белян); *На смертный бой выходит Пересвет – Монах и воин, божия десница* (М. Некрасовский); *Преподобного Сергия светом и силой, / и молитвами воины были крепки* (Л. Желенис)).

Состав агеоантропонимов в анализируемых текстах чаще всего двукомпонентный или однокомпонентный: *Георгий Победоносец, Победоносец* (ср. полное наименование: *Святой Великомученик Георгий Победоносец*), *Преподобный Сергей* (ср. полное наименование: *Преподобный Сергей Радонежский*), *святой Александр* (ср. полное наименование: *святой Александр Свирский*); *Пересвет* (ср. полное наименование: *Преподобный Александр Пересвет*). Таким образом, мы можем наблюдать усечение факультативных

элементов и употребление агиантропонимов только в составе элементов обязательных для номинации, необходимых для понимания каждому христианину.

В одном синонимическом ряду с именами святых в поэтических текстах зачастую стоят имена командиров ополченцев, всемирно известных россиян (писателей, космонавтов и подоб.), а также имена простых людей, выполняющих сегодня свой гражданский долг, что говорит о тождестве значений этих имен в современной языковой картине мира: *С нами вечное воинство наше: / Александр, и Сергей, Гагарин, и Блок, Моторолла, и Гиви, и Даша* (О. Следцов). Состав агеоантропонимом в таких контекстах однокомпонентный с сохранением обязательного элемента номинации и устаревшей формы имени: *Александр, Сергей*. Прецедентные имена *Гагарин, Блок*, автор употребляет как элемент культурной идентичности русского человека и России в целом, антропонимы *Моторолла, Гиви* – как маркер сознания человека с Донбасса, также становятся в данном контексте прецедентными именами, антропоним *Даша* употреблён как имя обобщенное, как символ современных девушек Донбасса, проявивших героизм наравне с мужчинами.

Особое место среди агеоантропонимов в анализируемых текстах занимают номинации, обозначающие приравненных к лику святых мучеников Веру, Надежду и Любовь. В текстах о войне на Донбассе данные агеоантропонимы отождествляются со спасением мира, на что указывает сочетаемость данных номинаций с предикатом соответствующего значения: *Только Вера этот мир спасёт, / и Любовь с Надеждой в помощь ей* (А. Соболев). Употребление данных агеоантропонимов в составе элементов обязательных для номинации и их омонимия с названиями человеческих чувств «вера», «надежда», «любовь» особую эмоциональную тональность уверенности в участии высших сил в судьбе человека и народа.

В поэтических контекстах данные агеоантропонимы создают содержательный фон для контекстуальной сакрализации таких абстрактных номинаций, как *истина, совесть, правда*: *По Любви, по истине, по Вере, / Мы единый набожный народ* (С. Тишкина). *Лишь Победа остановит кровь / И проступит, как во время оно, / Свет и Совесть, Вера и Любовь / На иконах русских и знаменах* (Л. Ладейщикова). *Мы и смерть победим – если надо. / Веру с Правдой по миру несём* (Ю.Габдрахимов).

В анализируемых контекстах отмечаем высокую частотность употребления иконимов – имен собственных, обозначающих наименование икон [5, с. 34].

Иконимы функционально значимы в поэтических текстах, ассоциативно связанных со сценарным мотивом МОЛИТВЫ, вербализация которого варьируется от непосредственного обращения к Богу или святым о покровительстве и заступничестве до эксплицитных призывов к обществу, акцентирующих важность молитвы как неотъемлемого элемента духовной практики: *Сотни крестных ходов / вокруг дома с Казанской иконою. / С ней молились о мире, о Родине* (С. Тишкина). Контекстуально данный мотив

поддерживается использованием номинаций, обозначающих культовые предметы, артефакты и иконы, которые в текстах выступают своеобразными образно-символическими маркерами сакральности, подкрепляющими значимость молитвенного действия и углубляющими его семантическое наполнение [1, с. 58].

Глубоким символическим содержанием наполнены контексты, мотивированные православным мифом о мироточении («плаче иконы»), в котором верующие видят знамение, знак от Бога о предстоящем, как правило, негативном событии, например о войне, голоде, эпидемии. Негативное содержание таких текстов подкрепляется вербальными, атрибутивными, номинативными компонентами с ярко выраженной негативной семантикой: *Взорванная Горловка / И её Мадонна. / И слёзы во сне подступали к горлу, / А на иконе / Плакала Богородица* (Е. Заславская). *Дьявол вновь устроил пир / Плачет кровью Божья Матерь - / Отмолить пытаюсь мир* (М. Некрасовский).

Не менее частотно в поэтических контекстах о войне в Донбассе употребление эортонимов – особого подтипа хрононима, специфику которого составляет обозначение церковных праздников, отличающихся от традиционно фиксированных календарных дат и часто не совпадающих с ними [5, с. 36]. В анализируемых текстах встречаются преимущественно неделимые, семантически цельные эортонимические номинации, используемые как устойчивые единицы.

По нашим наблюдениям, в поэтическом субпространстве особое место занимают те эортонимы, чья употребительность в религиозном дискурсе исключительно высока. К таким относится Пасха, или Светлое Христово Воскресенье, – праздник, считающийся центральным в православной традиции, чье лингвокультурное значение детерминирует его частотность и стабильность в языковой системе.

В русской языковой картине мира эортоним *Пасха* является символом торжества правды, мира, добра и чистоты [12]. В текстах это понятие вербализуется в различных вариантах: как символ единения народов сражений (*Чтоб встретили Христово Воскресенье / Москва и Минск, и Киев мирным днем* (С. Тишкина); символ веры (*А Благовест звучит сквозь канонаду: / Христос воскрес... посреди войны... / Спасите, русские солдаты, бабу Натю! / Донбасской Пасхи / Верные сыны* (Е. Заславская). Зачастую данный эортоним в своем составе отсекает периферийный элемент *Светлое* и употребляется в составе ядерного и окооядерного элемента *Христово Воскресенье* или другого полного наименования *Пасха*. В анализируемых контекстах пасхальное приветствие *Христос воскрес!* употребляется как маркер периода христианского календаря, который говорит нам о том, что войны, обстрелы не заканчиваются даже во время великих церковных праздников и русский солдат с божьей помощью может совершить чудо – спасти российский народ в лице *бабы Наты*.

Покров Пресвятой Богородицы - праздник православной церкви, принадлежит к числу великих. Праздник Покрова установлен в память о видении

блаженному Андрею и его ученику св. Епифанию Пресвятой Богородицы со святыми и ангелами, стоящей на воздухе и простирающей Покров над молящимся народом. Традиционно в восточнославянской культуре Покров символизирует защиту от врага, помощь [12]. Данное символическое содержание текста поддерживается сочетаемостью эортонима с атрибутивами *святой* (*святой, святая*), предикативами, в т.ч. в повелительном наклонении (*укрой, упаси, успокой, помочь отстоять, простерла, способна укрыть, озари, защити*): *От беды нас укрой, Богородица Дева, / Злых людей успокой, / Упаси нас от гнева / В Святый День Покрова* (С. Тишкина). *Молю, о милосердная, Покрова, / Помочь родную землю отстоять* (Л. Снитенко). *Полила кровушкой и потом / здесь каждая земная пядь. / За тяжкий крест под небосводом / Покров простерла Божья Мать* (Т. Грибанова). *Вот и опять настали Покрова - ... / но от войны укрыть и от беды / способна Богородица, лишь Ты* (М. Ахмедова). *О Небесная царица, / Благодатью озари! / И своим Святым покровом / Всю Россию защити* (О. Козловцева). *С ней молились о мире, о Родине, / О покрове Святой Богородицы* (С. Тишкина). Данный эортоним в своем составе отсекает периферийный и околядерный элемент и употребляется только в форме отглагольного существительного, ядра эортонима *Покров* или *Покрова*, наиболее часто сочетаясь с эпитетом *святой*.

Спасами (сокращение от Спаситель) обозначают три летних церковных праздника, посвященных Христу: Медовый Спас, Яблочный Спас и Третий Спас. Номинация «Спас» указывает на связь всех упомянутых событий со Спасителем мира, Иисусом Христом, напоминая о важности веры и надежды на Его милосердие, особенно актуальных во времена опасности и угрозы для жизни [12]. Ассоциативно-образное содержание контекстов, где текстообразующим компонентом выступает эортоним *Спас*, реализуется с помощью текстовых компонентов с семами ‘возрождение’, ‘скорбь’, ‘защита’: *знамя веры; ведет вперед, плачут, слезами скорбящего, преображает, хранящий детей* (*Русь поднимает веры знамя / и спас ведёт её вперед / И Пресвятого духа пламя / преображает весь народ* (А. Ерёмин). *И плачут все свечи Донбасса / По ангелам, в небо ушедшим с войны, / слезами скорбящего Спаса* (И. Узденова). *Расстрелянный образ Спаса, / Хранящий детей Донбасса* (И. Ковалёва).

Рождество Христово – праздник, символизирующий возможности спасения для человечества [12]. При употреблении эортонима *Рождество Христово* отсекается околядерный компонент *Христово*, в языковой картине мира русского человека при неконфессионном общении давно плотно закрепилось название этого праздника как *Рождество*.

В анализируемых текстах эортоним *Рождество*, который обозначает праздник, символизирующий возможности спасения для человечества [12], перекликается с мотивом ПРАВДЫ, ИСТИНЫ: *Срок ожидания оплачен. / Тут каждый, что ни говори, / по жажде правды равнозначен / твердыне Храма-на-Крови. / В перекличке русских судеб, по знамени над блок-постом... / Мы ничего не позабудем / из ночи пред Рождеством* (Л. Цигалова).

– праздник православной церкви, посвящен Успению – праведной кончине Божией Матери [12]. Эортоним Пресвятой Богородицы вербализуется в анализируемых текстах как символ надежды на жизнь, на то, что мы сможем выжить в период обстрелов или бомбежек. Данный эортоним в своем составе отсекает периферийный и околядерный элемент и употребляется только в виде ядра эортонима, существительного *Успение*.

Символами надежды на скорое наступление лучших времен, мира, веры в продолжение жизни в анализируемых текстах выступают эортонимы Сретенье (Сретенье Господне), Успение (Успение Пресвятой Богородицы). Сценарный мотив ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ предикативными и генитивными конструкциями, атрибутивами с позитивной семантикой: *Любовь вернётся в мир вот-вот... / Пришло бы сретенье скорее! / И светлых чувств водоворот, / Я верю, душу отогреет* (С. Тишкина); *Богородице, Мати, призри на детей, / Дай проснутся нам в праздник Успенья* (О. Следцов).

Эклезеонимы (имена собственные, обозначающие наименование храмов) и агитопонимы (имена собственные, обозначающие географические названия) символизируют в современном поэтическом субпространстве сакральные места, укрепляющие дух русского солдата, придающие силы и надежду женщине, молящейся и просящей у Бога сохранить воину жизнь, вернуть его домой. Устойчивая ассоциативно-образная связь ономастических единиц с образами родины, Отечества в анализируемых текстах создается синонимией, которая также создает условия для контекстуальной сакрализации таких лексем, как *шахты, терриконы* и под.: *Сколько б времени дальше ни виться, / Будут вечно звучать и спасать / Красный угол, святая водица, Пустынь Оптиная, Павлов Посад...* (Э. Меньшикова). *Внукам опять случится / За край этот мирный биться, .../ Омытый слезою женской / Храм Свято-Преображенский, / За все в алтаре иконы, / За шахты и терриконы, / За мифы его и были / в налёте угольной пыли* (И. Ковалёва).

Заключение

Проведённый нами анализ дает основание утверждать, что функционирование сакральных ономастических единиц широко распространено в современном поэтическом субпространстве, где актуализирован мотив войны на Донбассе. При этом обращение к подобного рода номинациям обусловлено потребностью авторов выразить трагизм переживаемых событий, раскрывая глубинные пласты религиозных и культурных смыслов, востребованных в гетерогенном поэтическом дискурсе. Важно, что данные лексические образования представляют собой особый тип имен собственных, обладающих сложной семантической структурой и насыщенными значительным символическим, этнокультурным и аксиологическим потенциалом, восходящим к разным аспектам человеческого бытия (включая мифологическое, религиозное и фольклорное измерения), ономастические единицы выступают в качестве медиаторов сакральной информации, способной существенно обогащать духовный опыт индивида и формировать механизмы коллективной памяти, и одновременно с тем становятся эффективными инструментами

интертекстуальной трансляции культурных ценностей, встраиваемых в индивидуальный художественный дискурс.

Наиболее частотны в анализируемых текстах такие группы ономастических единиц с сакральным значением, как агеоантропонимы, иконимы, эортонимы, экклезионимы и агитопонимы, причем процесс их функционирования предполагает структурные трансформации: в поэтическом тексте, как правило, происходит усечение периферийных компонентов структуры, а околоядерные элементы зачастую берут на себя номинативную нагрузку ядра, что обусловлено стремлением к экспрессивной лаконичности и актуализации ключевых сем смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдийчук, Е. Н. Концепт молитва в современной поэзии о войне на Донбассе / Е. Н. Авдийчук // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы пятнадцатой Междунар. научн. конф., посвященной 70-летию кафедры русского языка. (Владимир, 26-28 сен. 2023 г.) / редкол.: Е. А. Абрамова, К. М. Богрова, Е. В. Ковальчук [и др.]. – Владимир : Владимир. Гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2023. – С. 56–60.

2. Бугаева, И. В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ. / И. В. Бугаева. - Москва: ФГОУ ВПО РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, 2007. – 139 с.

3. Бугаева, И. В. Сакральная ономастика в религиозном дискурсе / И. В. Бугаева // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. конф. (Екатеринбург, 8-12 сент. 2009 г.) / редкол.: отв. ред. Е. Л. Березович – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 37–38.

4. Бугаева, И. В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона / И. А. Бугаева. – Текст: электронный // Образовательный портал «Слово». – URL : <https://portal-slovo.ru/philology/42536.php>. (дата обращения: 10.06.2025).

5. Бугаева, И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. на соиск. учен. степ. док. фил. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Бугаева Ирина Владимировна ; Гос. инст. рус. яз. им. А.С. Пушкина. – Москва, 2010. – 49 с.

6. Воля Донбасса. Литература народных республик: Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019. – 352 с.

7. Мы с вами, братья! Антология национальной поэзии. – Москва : ООО «Издательство «Вече»; Союз писателей России, 2023. – 176 с.

8. Мы Выбираем мир!: сборник произведений современных авторов / Сост. : С. Тишкина, И. Агибалов. – Москва : Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского, 2022. – 144 с.

9. Нерознак, В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. - Москва : Наука, 1983. – 209 с.

10. Оберег. Женская поэзия – бойцам СВО. – Москва :ООО «Издательство «Вече»; Союз писателей России, 2023. – 208 с.

11. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. / Отв. ред. А. В. Суперанская. – Москва: Наука. – 1978. – 198 с.
12. Покровский, Д. Л. Краткий словарь православных терминов / Д. Л. Покровский. – Текст : электронный // Православная электронная библиотека – 2002. – URL : <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/123> (дата обращения: 27.06.2025).
13. Свете Тихий – Защитникам Отечества: сборник произведений современных авторов. – Луганск : Пресс-экспресс, 2022. – 108 с.
14. Соболев А. Н. Хроники Новороссии / А. Н. Соболева. – ООО «Колорит» : Севастополь, 2017. – 68 с.
15. Тишкина, С. Рождение Новороссии / С. Тишкина. – ПЛЮ «Свете Тихий» : Луганск, 2016. – 186 с.

REFERENCES

1. Avdiychuk E. N. (2023). Kontsept molitva v sovremennoi poezii o voine na Donbasse [The concept 'prayer' in contemporary poetry about the war in Donbass] in Yazykovye kategorii i edinytsy: sintagmaticheskii aspekt. Materialy pyatnadtsatoi Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 70-letiyu kafedry russkogo yazyka. (Vladimir, 26–28 Sep. 2023) / redkol.: E.A. Abramova, K.M. Bogrova, E.V. Koval'chuk [et al.]. Vladimir: Vladimir. Gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovykh, Pp. 56–60. (In Russian).
2. Bugaeva I. V. (2007). Agionimy v pravoslavnoi srede: strukturno-semanticheskii analiz [Hagionyms in Orthodox environment: structural-semantic analysis]. Moscow: FGOU VPO RGAU-MSHA im. K.A. Timiryazeva, 139 p. (In Russian).
3. Bugaeva I. V. (2009). Sakral'naya onomastika v religioznom diskurse [Sacred onomastics in religious discourse] in Etnolingvistika. Onomastika. Etymologiya: materialy mezhdunar. konf. (Ekaterinburg, 8-12 Sep. 2009) / redkol.: otv. red. E. L. Berezovich. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural. un-ta, Pp. 37–38. (In Russian).
4. Bugaeva I. V. (n.d.). K voprosu o strukture sakral'nogo onomastikona [On the structure of the sacred onomasticon]. In Obrazovatel'nyi portal "Slovo". URL: <https://portal-slovo.ru/philology/42536.php> (accessed: 10.06.2025). (In Russian).
5. Bugaeva I. V. (2010). Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya [The language of the Orthodox sphere: current state, development trends]: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. dok. filol. nauk, spec. 10.02.01 "Russkii yazyk". Gos. inst. russkogo yazyka im. A.S. Pushkina. Moscow, 49 p. (In Russian).
6. Volya Donbassa. Literatura narodnykh respublik: Al'manakh Soyuza pisatelei LNR [The Will of Donbass. Literature of the People's Republics: Almanac of the Writers' Union of the LNR]. (2019). Lugansk: PRESS-EKSPRESS, 352 p. (In Russian).
7. My s vami, brat'ya! Antologiya natsional'noi poezii [We are with you, brothers! Anthology of national poetry]. (2023). Moscow: ООО "Izdatel'stvo 'Veche'"; Soyuz pisatelei Rossii, 176 p. (In Russian).

8. My Vybiryayem mir!: sbornik proizvedenii sovremennykh avtorov [We Choose Peace!: Collection of works by contemporary authors] / comp. S. Tishkina, I. Agibalov. (2022). Moscow: Izdatel'skii dom Akademii imeni N.E. Zhukovskogo, 144 p. (In Russian).

9. Neroznak V.P. (1983). Nazvaniya drevnerusskikh gorodov [Names of Old Russian cities]. Moscow: Nauka, 209 p. (In Russian).

10. Obereg. Zhenskaya poeziya – boitsam SVO [Amulet. Women's poetry for the participants of the Special Military Operation]. (2023). Moscow: ООО “Izdatel'stvo ‘Veche’”; Soyuz pisatelei Rossii, 208 p. (In Russian).

11. Podol'skaya N.V. (1978). Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology] / ed. by A.V. Superanskaya. Moscow: Nauka, 198 p. (In Russian).

12. Pokrovskii D.L. (2002). Kratkii slovar' pravoslavnykh terminov [Brief dictionary of Orthodox terms]. In Pravoslavnaya elektronaya biblioteka. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/123> (accessed: 27.06.2025). (In Russian).

13. Svete Tikhii – Zashchitnikam Otechestva: sbornik proizvedenii sovremennykh avtorov [Svete Tikhii – To Defenders of the Fatherland: Collection of works by contemporary authors]. (2022). Lugansk: Press-ekspress, 108 p. (In Russian).

14. Sobolev A. N. (2017). Khroniki Novorossii [Chronicles of Novorossiia]. Sevastopol: ООО “Kolorit”, 68 p. (In Russian).

15. Tishkina S. (2016). Rozhdenie Novorossii [Birth of Novorossiia]. Lugansk: PLO “Svete Tikhii”, 186 p. (In Russian).

УДК 371.881.1
ORCID 0000-0003-3234-7992

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Воронина Дарья Константиновна
кандидат педагогических наук,
преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина»
(г. Нижний Новгород, Россия)
darya_d_07@mail.ru

Аннотация. Статья освещает необходимость сопровождения учебной деятельности студентов специально отобранными познавательными стратегиями в целях формирования способности к автономному изучению и дальнейшей практики иностранного языка. Анализ и синтез научной литературы по теме исследования позволил отобрать ряд универсальных лингвокогнитивных стратегий, которыми можно сопроводить процесс обучения языкам независимо от изучаемого языка, учебной программы, уровня языковой подготовки студентов, учебно-методических материалов и других условий обучения. Перечень отобранных стратегий сопровождается развернутым обоснованием влияния лингвокогнитивных стратегий на формирование универсальной учебно-познавательной компетенции студентов по следующим критериям: экономичность и оптимальность познавательных действий, активизация познавательного потенциала и накопление личного познавательного опыта, увеличение степени учебной автономии, индивидуализация процесса обучения, создание когнитивной основы иноязычной подготовки и формирование представления о том, как именно происходит процесс овладения иностранным языком. Результаты исследования могут быть полезны преподавателям иностранных языков от среднего общего до высшего образования, авторам учебно-методических комплексов по иностранным языкам, аспирантам и студентам лингвистических и педагогических направлений подготовки.

Ключевые слова: учебные стратегии, познавательные стратегии, стратегии изучения языка, когнитивные стратегии, когнитивный подход, лексические стратегии, грамматические стратегии.

LINGUOCOGNITIVE STRATEGIES AS MEANS OF DEVELOPING EDUCATIONAL COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Voronina Darya Konstantinovna
Candidate of Pedagogy, Lecturer of the Department of Theory and Practice
of Foreign Languages and Linguodidactics
of FSBEI HE "Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University"
(Nizhny Novgorod, Russia)
darya_d_07@mail.ru

Abstract. The article highlights the necessity of supporting students' learning activities with specially selected cognitive strategies aimed at developing their ability to study and practice a foreign language. Analysis and synthesis of scientific literature allowed for the selection of several universal linguocognitive strategies that can accompany the process of language learning regardless of the target language, curriculum, level of language proficiency, teaching materials, or other learning and teaching conditions. The list of selected strategies is accompanied by an extensive justification of

how these linguocognitive strategies influence the formation of students' universal educational-cognitive competence based on the following criteria: efficiency and optimality of cognitive actions, activation of cognitive potential and accumulation of personal cognitive experience, increase in degree of academic autonomy, individualization of the learning process, creation of a cognitive foundation for foreign language acquisition, understanding about how exactly the process of mastering a foreign language takes place. The findings of this study may be useful for foreign language teachers from secondary general education to higher education levels, authors of foreign language textbooks and teaching aids, graduate students, and undergraduate students majoring in linguistic and pedagogical fields.

Keywords: learning strategies, cognitive strategies, language strategies, cognitive approach, lexical strategies, grammatical strategies.

Для цитирования: Воронина Д. К. Лингвокогнитивные стратегии как средство формирования учебно-познавательной компетенции на занятиях по иностранному языку // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 73-83. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-73-83

Введение

Быстрый темп жизни, череда сменяющихся трендов в образовании и бизнесе, мгновенное устаревание объектов и явлений в сферах наукоемких технологий обуславливают необходимость развития универсальной учебно-познавательной компетенции студентов всех профилей и направлений подготовки. Суть компетенции сводится к формированию готовности и способности осуществлять непрерывное развитие, самосовершенствование в профессиональном и личностном планах на протяжении всей жизни. В основе компетенции лежит хорошо известный научно-педагогическим работникам принцип «life-long learning».

В учебных планах университетов появляются новые учебные дисциплины: стратегии личностно-профессионального развития, управление личной эффективностью, профессиональное самоопределение и самосовершенствование, управление карьерой, и тому подобные.

При этом, возникает противоречие следующего характера. Если учебно-познавательная компетенция однозначно признается исследователями в качестве универсального результата освоения образовательной программы, независимо от направления подготовки, то не правильнее ли бы было организовывать ее формирование не в рамках отдельной дисциплины, но в совокупности всех учебных предметов вместе взятых?

И, безусловно, так оно и есть. Каждая дисциплина, так или иначе, учит самостоятельно работать с большими объемами информации, анализировать и синтезировать данные, согласно решаемой задаче, осуществлять проектную деятельность, организовывать работу в команде, включая само и взаимную рефлексию, и т.д.

Тем не менее, остается не вполне раскрытым вопрос о специфических, предметных способах формирования и развития познавательных умений студентов в отношении конкретной дисциплины. В данной статье мы раскроем этот вопрос относительно учебного предмета «Иностранный язык», который, как известно, характеризуется своей «беспредельностью» (термин И. А. Зимней).

Выучить иностранный язык «до конца» не представляется возможным в принципе. Выучить его за 1-2 года на лингвистической специальности, так, чтобы «покрыть» максимально возможное количество коммуникативных ситуаций в будущем выглядит еще более сомнительным. А если к этому добавить еще и разнородный состав студентов в учебных группах (от полного невладения до среднего и выше уровней), то не остается никаких сомнений – обучать нужно не столько языку, сколько способам устранения индивидуальных языковых «пробелов». Это, с одной стороны, поспособствует индивидуализации обучения внутри большой учебной группы, а, с другой, сформирует конкретно-практическую готовность и способность решать новые познавательные задачи, связанные с иностранным языком, в будущем.

В то же время, важно обозначить и **проблему исследования**. Существующие сертифицированные учебные материалы для высшей школы практически не затрагивают вопрос методически обоснованных способов закрытия таких индивидуальных пробелов у студентов. О. Г. Поляков отмечает: «часто приходится с сожалением констатировать, что факторы учения принимаются во внимание в последнюю очередь. Так, в теории обучения иностранным языкам для специальных целей, или профильно-ориентированного преподавания, а также в предназначенных для этого учебных материалах внимание в первую очередь уделяется анализу и систематизации языка, т.е. результату, а не тому, как происходит собственно учение, т.е. пути к нему» [8, с.191].

Таким образом, задача по организации познавательной деятельности студентов ложится на плечи конкретного преподавателя. При этом, важно не допустить бессистемности, хаотичного поискового поведения обучающихся. Присвоение эффективных способов учения обязательно должно сопровождаться четкими алгоритмами познавательных действий. За алгоритмизацию таких действий отвечают *познавательные стратегии*.

Целью настоящей статьи является систематизация наиболее универсальных стратегий изучения и практики иностранного языка, которыми можно дополнить любые учебно-методические материалы конкретного учебного заведения.

Методы

Для достижения цели привлечены следующие методы исследования: теоретический анализ и синтез научной литературы по теме исследования, классификация познавательных приемов с целью обобщения их сущностных характеристик и объединения в совокупности по выделенным признакам.

Результаты

Взятое в широком, философском контексте понятие *стратегии* раскрывается через общий план, программу предметных действий в определенной познавательной сфере. В этом случае понятие познавательной стратегии приближается к историко-политическому контексту: стратегия ведения войны, борьбы, боя.

С другой стороны, ряд исследователей склоняются к точке зрения, сближающей познавательную стратегию с техниками, приемами в процессе изучения предмета, то есть набором определенных операций, шагов, специфических действий, направленных на достижение конкретной познавательной цели. А. А. Карпов предлагает определять стратегию, как закономерность в принятии решений в ходе познавательной деятельности. Иными словами, стратегия представляет собой некий универсальный план познавательной деятельности, не зависящий от специфики объекта познания [4].

Т. Ю. Сазонова пишет, что стратегия представляет собой выбор направления и реализацию шагов/операций/приемов для достижения конкретных лингвистических целей, которые могут применяться как *сознательно*, так и *бессознательно* [9].

Н. Н. Сметанникова определяет учебные стратегии как набор приемов и методов, используемых учащимися для повышения эффективности, упрощения и ускорения освоения материала. Когда применение конкретной стратегии приносит успех, учащийся фиксирует использованные приемы и техники, перенося этот опыт на решение аналогичных задач в будущем, превращая таким образом стратегию в *сознательно* применяемый универсальный инструмент [10, с.67].

В контексте изучения иностранных языков речь может идти о стратегиях овладения аспектами языка (лексические, грамматические, фонетические стратегии), или об овладении видами речевой деятельности (стратегии чтения, аудирования и т.д.).

Вопросами учебных стратегий в отечественной методике обучения иностранным языкам занимались Н. И. Иголкина, Н. Ф. Коряковцева, И. Ю. Мангус, Д. К. Воронина и другие. Все познавательные стратегии можно условно разделить на две макро-группы: прямые, то есть связанные с языком непосредственно, и косвенные. Прямые стратегии имеют отношение к *процессу познания* языка. Ученые называют их то языковыми, то лингвистическими, то лингвокогнитивными [3; 5]. Косвенные стратегии облегчают *процесс применения* языковых средств в речи.

Предпримем попытку сгруппировать описанные исследователями познавательные приемы для выделения универсальных языковых стратегий.

Начнем обзор языковых стратегий с грамматического аспекта языка.

Грамматические познавательные стратегии соотносятся с грамматическим навыком – способностью узнавать грамматические формы в чужой речи и соотносить их с определенным значением, а также способностью выбрать адекватную грамматическую форму и корректно ее использовать в собственной

речи. Стратегии и навыки находятся в тех же взаимоотношениях, что и процесс и результат. Стратегия обеспечивает процесс, а навык – есть результат этого процесса. Важно отметить, что стратегия – это не единичная операция, но группа действий, организованных в определённой последовательности для достижения какой-либо цели.

Стратегически управляемый процесс овладения новым грамматическим явлением, не зависимо от его специфики, может выглядеть следующим образом:

- наблюдение за речевым поведением при рецептивных видах речевой деятельности [3; 15];

- выделение частотных «паттернов» (повторяющихся шаблонов) речевых действий [1];

- формулирование гипотезы и индуктивное выведение языкового правила или языковой модели, стоящей за этими «паттернами» [1; 3];

- верификация правила в грамматических справочниках и иных источниках языковых знаний [1; 3];

- сопоставительный анализ, поиск альтернатив и эквивалентов в родном языке [5];

- имитация грамматического явления в собственной речи в схожих коммуникативных условиях (создание продуктивных речевых «паттернов») [1; 3];

- автоматизация нового грамматического явления с применением грамматических тренажеров, тестов с обратной связью, языковых мобильных приложений и иных ресурсов, представленных в сети Интернет, для быстреего формирования навыка [11; 12];

- выстраивание логических цепочек, отображающих связи между новой информацией и уже существующей; встраивание новой порции материала в адекватный набор уже накопленных сведений (комбинация с уже существующими грамматическими навыками) [13];

- создание собственного, личностно-обусловленного контекста (в том числе и графического, например, изображений, Интернет-мемов) для запечатлевания грамматической единицы (визуализация грамматики) [12].

Далее рассмотрим универсальные лексические стратегии. Среди основополагающих характеристик работы с новой лексикой Н.Д. Гальскова выделяет: наличие визуальных и звуковых опор при ознакомлении с новой лексикой, прогнозирование и семантизация по контексту/словообразовательным элементам/сходству с лексическими единицами в родном языке, стремление к беспереводным способам семантизации (синонимы/антонимы, дефиниции на иностранном языке, изображения) [2]. В данном случае, во-первых, формируется запрос на узнавание новых слов, а, во-вторых, усиливается эмоциональный отклик на новую лексику, формируются ассоциативные связи, включается образное мышление. Вслед за семантизацией следуют первичное закрепление и развитие навыков оперирования введенными лексическими единицами.

Ассоциативные стратегии. Являясь психолингвистическим методом, метод ассоциаций имеет эмоциональный и когнитивный характер одновременно,

и связан с построением смысловых цепочек, затрагивающих ощущения, чувства, личностные представления индивида.

Построение ассоциаций может основываться на похожести звучания (фонетических ассоциациях) иноязычного слова и слова в родном языке, и встраивании определенной логической цепочки, позволяющей запоминать новую единицу на ассоциативном уровне [3].

Приведем пример для предметной области «Информационные технологии». Возьмем термин «host» – устройство формата клиент-сервер, выполняющее функцию сервера. Слово «host» созвучно русскоязычному слову «гость». Гость ходит в гости к *хозяину* (*host*). Клиент ходит к серверу, значит, сервер (хозяин) и есть хост.

Интересную ассоциацию можно предложить слову application (приложение, прикладная программа), основываясь на его созвучии со словом «аппликация». При аппликации части поделки прикладывают друг к другу. Происходит *приложение*.

Чем более яркими, индивидуальными, оказываются ассоциации, вызываемые новым словом, тем прочнее они встраиваются в память, и быстрее находят там эмоциональный отклик.

Н. И. Иголкиной предложен ассоциативный прием «ключевых слов», основанный на поиске «ключевого», известного обучающемуся иноязычного фрагмента и визуализации ассоциативного ряда [3]. В нашем случае, это может быть лексическая единица «firewall» (шлюз безопасности, система сетевой защиты). Изучающему язык известны понятия «fire» (огонь) и «wall» (стена). Визуализация огненной стены, представляющей собой защиту от несанкционированных атак на сегмент сети, и представляет собой суть описываемого приема.

Ассоциации могут основываться на известных из рекламы, песен, повседневного обихода лексических единиц, служащих средством расшифровки и удержания в памяти связанной с ними новой лексики. Например, заимствованный в русский язык «провайдер» (поставщик услуг связи), служит ассоциацией для семантизации и запоминания лексической единицы «provide» – поставлять, снабжать; служба доставки продуктов питания «Delivery club» помогает при расшифровке единицы «deliver» – доставлять, развозить, и т.д. В связи с обилием англоязычных заимствований в русском языке, поиск подобных «зацепок» из повседневной реальности можно рассматривать в качестве эффективной лексической стратегии.

Творческие *стратегии мнемотехники*. Творческие мнемотехнические стратегии, так же, как и метод ассоциаций, затрагивают образную память и связаны с преобразованием текстовой информации в индивидуальные зрительные представления.

К мнемотехническим стратегиям относится рифмизация, символизация, визуализация с помощью изображений (флеш-карточек) в мобильных приложениях и на бумажных носителях [11].

Пространственные мнемотехнические стратегии. Изучаемые объекты могут локализовываться в памяти вместе с местом их расположения (например, в серверной (server room) находятся: server racks, computer servers, routers and switches, cables и т.д.).

При наличии реальных физических объектов их англоязычные понятия могут располагаться прямо на них (подписываются все объекты в серверной комнате). Глаголы могут запоминаться с использованием движений их обозначающих.

Группировка. Подбор синонимов, антонимов, сходных по лингвистической функции лексические единицы (на уровне отдельных слов или микро-контекстов) позволяют эффективно группировать слова, устанавливая между ними естественные связи [13].

Группировка может осуществляться на тематическом уровне, по грамматическим признакам, с опорой на все возможные слова с данным корнем и т.п. (например, back up, set up, start up, update, upgrade, upload – группировка по принципу наличия морфемы up в составе глаголов).

Группировка может преобразовываться в повествовательную цепочку, где все выделенные в группу слова связываются в запоминающуюся историю.

Разновидностью группировки является *категоризация*.

Создание семантических групп терминов по объединяющим признакам служит цели создания долгосрочных предпосылок для пополнения на протяжении всего периода обучения в вузе и далее. Каждый раз, работая с текстовой информацией, содержащей новое терминологическое понятие, обучающийся возвращается к соответствующей группе, добавляя понятие в релевантную категорию. Таким образом, достигается необходимое условие встраивания новой лексической единицы в ряд уже знакомых.

Среди *косвенных стратегий* выделяются *аффективные, социальные и компенсаторные стратегии*.

Аффективные стратегии призваны регулировать внутренние проявления в процессе столкновения с непредвиденными ситуациями в процессе изучения языка: умение концентрироваться, нейтрализовывать «шумовые помехи» и факторы, отвлекающие от процесса достижения локальной познавательной цели, работать с негативными эмоциями, поощрять себя за маленькие победы [13; 14].

Социальные стратегии предполагают наблюдение за речевым и неречевым поведением партнеров по коммуникации, обращение за помощью, переспросы, перифразирования, обмен познавательным опытом [14].

Компенсаторные стратегии являются самой широко исследованной группой лингвистических стратегий и подробно описаны в исследованиях Н. Ф. Коряковцевой, Е. В. Лучиной, Л. В. Павлюкевич и других. Чаще всего исследователями упоминаются: стратегия уклонения от использования конкретного языкового явления, лексико-грамматические замены, языковую и контекстуальную догадку, использование экстралингвистических средств коммуникации (изображения, мимика, жесты и т.п.) [5; 6; 7].

Заключение

Лингвокогнитивные стратегии формируются (присваиваются) на основе работы с конкретным языковым и речевым материалом, а затем переносятся на любую познавательную деятельность на изучаемом языке, то есть являются универсальными инструментами для продолжения его изучения. Овладение системой стратегий реализует воспитательную и развивающую функции учебно-образовательного процесса, поскольку позволяют анализировать, синтезировать, отбирать, организовывать собственные когнитивные действия в процессе познания.

Обучение познавательным стратегиям наравне с самими языковыми явлениями позволяют:

- наглядно отобразить для обучающихся широту возможностей при изучении иностранного языка;

- обучить студентов эффективному, экономичному и осознанному продвижению в процессе освоения языка (хаотичность в усвоении информации противопоставляется системности привлечения стратегий);

- активизировать и автоматизировать у обучающихся приемы овладения и совершенствования в аспектах языка – личностный инструментарий, необходимый для осуществления непрерывности в изучении языка уже вне стен образовательных учреждений

- увеличить степень автономности в процессе изучения языка с учетом регулятивных функций познавательной деятельности студентов, что вносит существенный вклад в формирование одной из ключевых компетенций – учебно-познавательной компетенции

- сформировать когнитивную основу и опыт осмысленной деятельности в процессе изучения языка;

- достигнуть целей индивидуализации и личностной обусловленности в процессе обучения языку.

Таким образом, стратегический компонент в составе иноязычной коммуникативной компетенции препятствует хаотичности, бессистемности и несогласованности действий обучающихся в процессе познания, и имеет существенное значение для развития универсальной учебно-познавательной компетенции учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина, Д. К. Обучение иностранному языку студентов информационно-технологических специальностей на основе решения комплексных коммуникативно-когнитивных задач (английский язык) : дис. ... канд. пед. наук : 5.8.2 / Д. К. Воронина. – Тамбов, 2024. – 261 с.

2. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учебное пособие / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – Москва : Академия, 2006. – 336 с.

3. Иголкина, Н. И. Комбинации познавательных стратегий при усвоении иностранных языков : монография / Н. И. Иголкина. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2014. – 88 с.

4. Карпов, А. А. Проблема формирования и развития метакогнитивных стратегий в процессе обучения в высших учебных заведениях / А. А. Карпов // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (46). – С. 92–96.

5. Коряковцева, Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык : пособие для учителей / Н. Ф. Коряковцева. – Москва : Аркти, 2002. – 176 с.

6. Лучина, Е. В. Методика формирования компенсаторной компетенции при обучении слуховой рецепции на начальном этапе языкового вуза (французский язык) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Е. В. Лучина. – Москва, 2017. – 239 с.

7. Павлюкевич, Л. В. Компенсаторные стратегии как средство преодоления языкового барьера у студентов неязыкового факультета / Л. В. Павлюкевич, О. И. Максимова // Вопросы педагогики. – 2022. – № 10. – С. 64–69.

8. Поляков, О. Г. Концепция профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / О. Г. Поляков. – Тамбов, 2004. – 308 с.

9. Сазонова, Т. Ю. Стратегии идентификации новых слов носителями языка (на материале прилагательных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. Ю. Сазонова. – Тверь, 1993. – 19 с.

10. Сметанникова, Н. Н. Стратегический подход к обучению чтению : монография / Н. Н. Сметанникова. – Москва : Школьная библиотека, 2005. – 509 с.

11. Al-Fadda, H. A. Determining how social media affects learning English: an investigation of mobile applications Instagram and Snap Chat in TESOL classroom / H. A. Al-Fadda // Arab world English journal. – 2020. – Vol. 11, no. 1. – Pp. 3–11.

12. Cheng, W., Noordin, A. N. Can TikTok make a difference?: The impact of language learning strategies on English speaking competence / W. Cheng, A. N. Noordin // International journal of academic research in business and social sciences. – 2025. – Vol. 15, issue 1. – Pp. 856–870.

12. Kehing, K. L., et al. Engineering students' language learning strategies (LLS) and their motivation in learning speaking skills / K. L. Kehing, M. S. Suhaili, R. R. Mara, A. A. Kana, D. A. Ipan, C. C. Blaise, H. Hashim // International journal of academic research in business and social sciences. – 2021. – Vol. 11, no. 6. – Pp. 756–770.

13. Norfaeza, Z., Harwati, H., Md Yunos, M. A review of affective strategy and social strategy in developing students' speaking skills / Z. Norfaeza, H. Harwati, M. Md Yunos // Creative education. – 2019. – Vol. 10, no. 12. – P. 3082–3090.

14. Pawlak, M. Investigating language learning strategies: prospects, pitfalls and challenges / M. Pawlak // Language teaching research. – 2021. – Vol. 25, no. 5. – Pp. 817–835.

REFERENCES

1. Voronina D K. (2024) Obuchenie inostrannomu yazyku studentov informatsionno-tehnologicheskikh special'nostey na osnove resheniya kompleksnykh kommunikativno-kognitivnykh zadach (Angliyski yazyk) [Teaching foreign languages to IT students based on complex communicative-cognitive tasks (English language)]: dis. ... kand. ped.nauk : 5.8.2.Tambov. 261p. (In Russian).
2. Gal'skova N. D. (2006) Teoriia obucheniia inostrannym iazykam. Lingvodidaktika i metodika [Theory of Foreign Language Teaching. Linguodidactics and Methodology]. Moscow: Akademiya Publ., 336 p. (in Russian).
3. Igolkina N. I. (2014) Kombinatsii poznavatel'nykh strategii pri usvoenii inostrannykh iazykov [Combinations of Cognitive Strategies in Acquisition of Foreign Languages]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 88 p. (in Russian).
4. Karpov A. A. (2018) Problema formirovaniya i razvitiya metakognitivnykh strategii v protsesse obucheniya v vyssikh uchebnykh zavedeniyakh [Problems of formation and development of metacognitive strategies in higher education process] In Vestnik Yar GU. Seria Gumanitarnye nauki [Vestnik of YarGU. Series Humanitarian Sciences]. N 4(46). Pp.92-96. (in Russian).
5. Koryakovtseva N. F. (2002) Sovremennaya metodika organizatsii samostoiatel'noi raboty izuchaiushchikh inostrannyi iazyk [Modern Methods of Organizing Independent Work for Foreign Language Learners]. Moscow: ARCTI Publ., 176 p. (in Russian).
6. Luchina E V. (2017) Metodika formirovaniya kompensatornoj kompetentsii pri obuchenii slukhovoy reptsii na nachal'nom etape yazykovogo vuza (frantsuzskiy yazyk) [Methodology of forming compensatory competence in training auditory reception at initial stage of the university language department (French language)]:dis. ... kand.ped.nauk:13.00.02.Moscow.239p.(In Russian).
7. Pavlyukevich V., Maksimova O.I. (2022) Kompensatornye strategii kak sredstvo preodoleniya yazykovogo bar'era u studentov neyazykovogo fakulteta [Compensatory strategies as a means for overcoming language barrier in non-language students]. In Voprosy pedagogiki [Issues in Pedagogy]. №.10. Pp.64–69 (InRussian).
8. Polyakov O G. (2004) Konceptsiia profil'no-orientirovannogo obucheniya angliiskomu yazyku v vysshei shkole [Concept of profile-oriented teaching of English in higher school]: dis. ... dok. ped. nauk: 13.00.02. Tambov. 308 p. (In Russian).
9. Sazonova T.Yu. (1993) Strategii identifikatsii novykh slov nositelem iazyka (na materiale prilagatel'nykh) [Strategies for identification of new words by native speakers (based on adjectives)]:avtoref.dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Tver'. 19 p. (In Russian).
10. Smetannikova N N. (2005) Strategial'nyi podkhod k obucheniiu chteniiu [Strategic Approach to Reading Instruction]. Moscow: Shkol'naiia biblioteka Publ., 509 p. (in Russian).
11. Al Fadda Hind A. (2020) Determining how social media affects learning English: an investigation of mobile applications Instagram and Snap Chat in TESOL classroom. Arab world English journal, vol. 11 (1), Pp. 3–11.

12. Cheng W., Norhakimah A. Noordin N. (2025) Can TikTok make a difference? : the impact of language learning strategies on English speaking competence. International journal of academic research in business and social sciences, vol. 15, issue 1. Pp. 856–870.

13. Kehing K. L., Suhaili M. S., Mara R. R., Kana A. A., Ipan D. A., Blaise C. C., & Hashim H. (2021) Engineering students' language learning strategies (LLS) and their motivation in learning speaking skills. International journal of academic research in business and social sciences, vol. 11(6), Pp. 756–770.

14. Norfaeza Z., Harwati H., Melor Md. Yu. (2019) A review of affective strategy and social strategy in developing students' speaking skills. Creative education, vol. 10. no 12. P. 3082–3090.

15. Pawlak M. (2021). Investigating language learning strategies: Prospects, pitfalls and challenges. Language Teaching Research, vol. 25(5), Pp. 817–835.

УДК 811.161.1'243:81'38

К ВОПРОСУ О ТЕСТИРОВАНИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Долгая Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры русского языка и общего языкознания

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

(г. Горловка, Россия)

helena.dolgaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема тестирования в коммуникативно ориентированной методике преподавания русского языка как иностранного. Автор отмечает, что организация и внедрение в учебный процесс системы контроля за приобретёнными знаниями и умениями представляет собой первостепенное значение. Подчёркивается, что эффективное обучение возможно только при непрерывном контроле знаний, сопровождающем весь процесс изучения русского языка как иностранного. Ключевым фактором является соответствие типа контроля уровню развития коммуникативной компетенции на каждом конкретном этапе обучения. Автор приходит к выводу, что при разработке тестов для урока, преподаватель русского языка как иностранного должен умело комбинировать различные формы тестовых заданий.

Ключевые слова: коммуникативно ориентированная методика преподавания русского языка как иностранного, система контроля, тестовые задания.

ON TESTING IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Dolgaya Elena Aleksandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor

Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics
of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov”

(Gorlovka, Russia)

helena.dolgaya@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of testing in a communicative-oriented methodology of teaching Russian as a foreign language. The author notes that the organization and

implementation of a system of control over acquired knowledge and skills in the educational process is of paramount importance. It is emphasized that effective learning is possible only with continuous knowledge control that accompanies the entire process of learning Russian as a foreign language. The key factor is the correspondence of the type of control to the level of development of communicative competence at each specific stage of learning. The author comes to the conclusion that when developing tests for a lesson, a teacher of Russian as a foreign language should skillfully combine various forms of test tasks.

Keywords: communicative-oriented methodology of teaching Russian as a foreign language, control system, test tasks.

Для цитирования: Долгая Е. А. К вопросу о тестировании в методике преподавания русского языка как иностранного // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 83-92. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-83-92

На текущий момент времени методика преподавания русского языка как иностранного считает принцип коммуникативной направленности основополагающим принципом обучения русскому языку в иноязычной аудитории. В соответствии с этим принципом преподаватель русского языка как иностранного обучает иностранных студентов разнообразным видам коммуникативной деятельности на русском языке. Таким образом, вся система преподавания иностранного языка и учебный процесс, в частности, базируются именно на принципе коммуникативной направленности.

Вышеуказанный принцип методика преподавания русского языка как иностранного учитывает определённые лингвометодические положения:

1) скрупулёзно отобранный лингвистический минимум, оправданный с точки зрения его функционирования в языке, и соответствующий определённому коммуникативному уровню;

2) оценивание любого продукта языковой деятельности относительно факта его наличия в речевой коммуникации;

3) разработка тематики учебного теоретического и практического материала сообразно той социальной роли, которую впоследствии будут выполнять иностранные граждане в качестве специалистов в той или иной сфере знания.

Организация и внедрение в учебный процесс системы контроля за приобретёнными знаниями и умениями представляет собой первостепенный компонент в коммуникативно ориентированной методике преподавания русского языка как иностранного.

Система контроля предполагает: оценивание работы студентов-иностранцев в ходе учебного процесса; определение уровня овладения ими русской речью; установление соотношения между поставленной целью и полученными результатами. Помимо всего вышеуказанного система контроля ориентирована на то, чтобы выявить, насколько успешно и продуктивно протекает процесс обучения русскому языку как иностранному, и в случае

надобности оптимизировать этот процесс. Эффективность процесса обучения русскому языку в конкретной академической группе напрямую зависит от эффективной организации системы контроля.

Система контроля в коммуникативно ориентированной методике преподавания русского языка как иностранного имеет две основные функции: функцию обучения и функцию контроля. Реализуя функцию контроля, преподаватель русского языка как иностранного обнаруживает, с какими трудностями сталкиваются иностранные студенты при освоении русского языка, и намечает пути преодоления этих трудностей путём оптимизации учебного процесса. Функция обучения, не менее существенная в системе контроля, ориентирована на формирование у иностранных студентов навыков самоконтроля и навыков самооценки. Эти навыки способствуют стимуляции учебно-познавательной и коммуникативной деятельности обучающихся.

Теоретики и практики в области методики преподавания русского языка как иностранного считают, что учебный процесс может быть эффективным при условии, что оценивание сопутствует ему на каждом этапе усвоения русского языка как иностранного. Тип контроля с учётом уровня формирования коммуникативной компетенции должен соответствовать определённому этапу освоения русского языка.

На уроках русского языка как иностранного в высших учебных заведениях Российской Федерации реализуются три вида контроля: текущий, промежуточный и итоговый.

Цель проведения текущего контроля – проверка уровня сформированных конкретных знаний, умений и навыков на конкретном этапе обучения. Как правило, текущий контроль организуется на каждом уроке. Объектами проверки могут быть слово или словосочетание, определённые грамматические конструкции или фразы-клише, простое или сложное предложение и т.п. Проверка осуществляется по усмотрению преподавателя как в форме устного опроса, так и в форме письменного контроля с применением раздаточного материала.

Цель проведения промежуточного контроля – проверка уровня сформированных определённых знаний, умений и навыков на конкретном лексико-грамматическом материале. Промежуточный контроль может проводиться, например, в конце изучения той или иной лексико-грамматической темы. Этот вид контроля может быть организован как собеседование преподавателя с иностранным студентом по заранее подготовленным вопросам к конкретной лексико-грамматической теме; как обсуждение и анализ ответов иностранных студентов; как письменная контрольная работа. Отличием этого вида контроля от текущего контроля является то, что объектом проверки здесь служит более обширный лексико-грамматический материал.

Цель проведения итогового контроля – проверка уровня совокупности сформированных знаний, умений и навыков во всех видах и формах коммуникативной деятельности обучающихся. Этот вид контроля осуществляется традиционно в конце семестра или учебного года. Итоговый

контроль может быть проведён как собеседование; как диалоги между иностранными студентами на заданные темы; как рассказ-монолог на заданные темы с опорой на мультимедийные презентации; как письменная контрольная работа и т.п.

Теоретиками и практиками в области методики преподавания современного русского языка как иностранного определяется два вида контроля: субъективный и объективный. Контроль субъективный направлен на проверку рецептивной, репродуктивной и продуктивной коммуникативной деятельности обучающихся. Формами этого контроля выступают как устные опросы (проводятся обычно на каждом занятии с целью актуализации знаний, умений и навыков), так и письменные контрольные работы (проводятся обычно в конце изучения определённой лексико-грамматической темы). Контроль объективный направлен на проверку уровня сформированности определённых рецептивных навыков. Формами этого контроля выступают обычно тесты.

Тесты, или тестовые задания, являются одной из форм стандартизированного контроля. В. С. Аванесов подчёркивает, что «тест состоит не из заданий в тестовой форме, не из вопросов и задач, а только из тестовых заданий» [2, с. 17]. Для тестовых заданий характерно наличие одинаковой структуры, их выполнение осуществляется однотипно.

В. С. Аванесов рассматривает тестовые задания как «первое основное понятие педагогической теории измерений» [2, с. 10] и подчёркивает, что тестовые задания представляют собой дидактически и технологически эффективное средство объективного контроля подготовленности [2].

А. Н. Кирейцева определяет тест «как испытание, представляющее собой систему заданий и позволяющее измерить уровень учебных достижений, т.е. выразить его на некоторой числовой шкале...» [4, с. 48].

Перед началом тестирования преподавателю русского языка как иностранного необходимо дать тестируемым инструкцию по выполнению тестовых заданий. В инструкции должна содержаться следующая информация: тема, по которой проходит тестирование; количество представленных вопросов для тестирования, форма ответов; время прохождения тестирования. Рекомендовано продублировать инструкцию по выполнению тестов на письменном носителе, чтобы тестируемые могли в случае необходимости самостоятельно ознакомиться с алгоритмом работы с тестами.

Тестовый контроль, представляя собой объективный контроль знаний иностранных студентов конкретной академической группы, даёт оперативные данные о степени освоения обучающимися конкретной лексико-грамматической темы изучаемой дисциплины. Тестовые задания должны быть составлены таким образом, чтобы быть направленными на объективную проверку усвоения важной и трудной информации, содержащейся в каждой изучаемой теме.

Результаты тестовых заданий призваны помочь преподавателю русского языка как иностранного своевременно обратить внимание на вопросы, вызывающие затруднения у обучающихся, подвергнуть эти вопросы тщательному анализу, затем актуализировать соответствующие лексико-

грамматические темы, скорректировать умение обучающихся самостоятельно осваивать лексико-грамматический материал изучаемой дисциплины, а также развивать наблюдательность и языковую догадку.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного существуют определённые требования к составлению тестов. Тестовые задания должны:

- 1) относиться к одной изучаемой дисциплине;
- 2) быть написанными простым, понятным для иностранных студентов языком;
- 3) представлять собой однородный текст;
- 4) быть логически выверенными;
- 5) иметь чёткий и однозначный смысл;
- 6) обладать целостностью структуры и содержания;
- 7) соответствовать критериям надёжности и валидности;
- 8) иметь системный характер;
- 9) иметь одинаковую структуру;
- 10) быть стандартизированными.

По мнению В. С. Аванесова, «одно из соображений, положенных в основу создания тестов – иметь инструмент быстрого и относительно точного оценивания больших контингентов испытуемых» [1, с. 194].

Как правило, время на прохождения тестов, указанное в инструкции, выше реального среднего времени. Необходимым условием тестирования является ограничение времени, предназначенного для выполнения тестовых заданий, ввиду того что скорость владения учебным материалом на изучаемом языке (в данном случае – русском) отражает уровень сформированности умений и навыков коммуникативной деятельности.

В соответствии с классической теорией тестов [4], тестовое задание должно отождествлять с логически выстроенным утверждением. Впоследствии – при правильно данном иностранным студентом ответе – оно трансформируется в подлинное высказывание. Или – при неправильно данном ответе – трансформируется в ложное высказывание. Однако в тестовых заданиях часто встречаются вопросы, которые невозможно причислить к высказываниям, поскольку их контент не выявляется ни как подлинный, ни как ложный, а сам контекст высказываний не является достаточным для их понимания тестируемыми.

Точность и логичность построения высказываний сопряжена с корректным порядком компонентов тестовых заданий. Представление о трудности тестовых заданий соотносится с оценкой контента текста, который не должен быть только трудным, только средним или только лёгким. В данном случае тест как инструмент измерения является неоднозначным, так как лёгкие тестовые задания не могут дать понимания об уровне усвоения русского языка как иностранного, в то время как направленность на трудные задания, зачастую применяемые как инструмент мотивации к учёбе, демонстрирует баллы заниженные. Вместе с тем увеличение тестовых заданий средней сложности искажает контент теста: он

теряет потенциал объективного выражения контента изучаемой дисциплины, где, как правило, присутствует как трудный, так и лёгкий материал для усвоения обучаемыми. Чтобы достичь эффективного оценивания, представляется предпочтительным выстраивание тестовых заданий по возрастающей трудности [3].

Тестовые задания должны быть выстроены соответствующим образом и с точки зрения стилистики. Например, не может не привести к двусмысленности использование в рамках одного предложения форм именительного и винительного падежей имени существительного. Например: «Дочь любит мать». Подобная двусмысленность, безусловно, недопустима в тестовых заданиях.

Структура тестовых заданий по русскому языку как иностранному не различается кардинальным образом от тестовых заданий других сфер знаний. Она характеризуется линейностью и трёхчастностью, поскольку включает в себя три части: информационную, операционную и инструментальную. Разрабатывая тестовые задания, преподаватель русского языка как иностранного наполняет их соответствующим контексту содержанием. К критериям написания тестовых заданий можно отнести: лаконичность, корректность, целесообразность, соответствие выбора формы с логикой формы, с надлежащим размещением компонентов тестовых заданий, с наличием чёткого места для ответа.

По своей форме тестовые задания характеризуются относительной стабильностью и устойчивостью даже при условии изменения контента. Эти качества дают возможность классифицировать формы тестовых заданий. В классической теории тестов [2, 4] предложена следующая классификация форм тестовых заданий:

- 1) тестовые задания закрытой формы: тест множественного выбора, тест с выбором правильного / правильных ответа / ответов;
- 2) тестовые задания открытой формы: тест на дополнения, тест со свободно конструируемым ответом;
- 3) тестовые задания на установление соответствия: тест на соответствие, тест перекрёстного выбора;
- 4) тестовые задания на установление правильной последовательности: тест на систематизацию, тест на группировку.

Наличие совокупности единых критериев к тестовым заданиям способствует возможности их распределения в отдельную категорию, которая отличает вышеуказанные тестовые задания от тестовых заданий и упражнений обычного, традиционного контроля: каждое тестовое задание имеет свой порядковый номер, каждое тестовое задание имеет эталон правильного ответа, все компоненты тестовых заданий занимают чётко установленное место, зафиксированное в рамках избранной формы, тестовые задания подобной формы предполагают наличие стандартной инструкции, которая предшествует формулировке тестовых заданий.

В связи с существованием четырёх форм тестовых заданий встаёт вопрос их значимости, целесообразности и эффективности. Будет ли правильным предпочесть конкретную форму тестовых заданий? Следует ли комбинировать в

тестовых заданиях все существующие формы? Если часто и безосновательно изменять форму тестовых заданий, то это может затруднить выполнение тестов иностранными студентами, а также осложнить обработку преподавателем русского языка как иностранного результатов тестирования. Вместе с тем тесты, выстроенные путём применения тестовых заданий одной формы, по причине своего однообразия могут снизить как продуктивность выполнения тестов обучающимися, так и мотивацию к работе с тестами.

Контролируемый объём знаний, умений и определённых навыков определяется преподавателем русского языка как иностранного в соответствии с минимальными требованиями к уровню сформированности у иностранных студентов вышеназванных знаний, умений и определённых навыков. Количество тестовых заданий, их тип и уровень сложности определяется преподавателем русского языка как иностранного с учётом цели проведения тестов (установить уровень освоения русского языка как иностранного на конкретном этапе обучения).

Разрабатывая тесты для конкретного урока, преподаватель русского языка как иностранного должен грамотно и умело комбинировать различные формы тестовых заданий. По справедливому замечанию В. С. Аванесова, «создание настоящего задания всегда является результатом творческой композиции, умелым соединением формы и содержания» [2, с. 9].

При разработке системы тестовых заданий для контроля различных аспектов языковой компетенции иностранных студентов необходимо руководствоваться представленными ниже дидактическими принципами.

1. Тестовые задания по языковой подготовке должны быть взаимосвязаны и направлены на создание целостной картины изучаемого материала. Они должны проверять не только отдельные знания, но и умение применять их в контексте лексики, грамматики, языка специальности, страноведения (включая художественную литературу) и различных видов речевой деятельности, таких как чтение, аудирование и говорение.

2. Цель тестов – стимулировать аналитическое мышление студентов, развивать их способность к письменному выражению мыслей, формировать логику рассуждений, повышать общую культуру мышления и дисциплинировать умственную деятельность.

3. Тестовые задания должны способствовать развитию речевых навыков (чтение, письмо, говорение, аудирование) и умения применять полученные знания для решения практических задач.

4. Тесты должны соответствовать общепринятым стандартам. Каждый вопрос должен предлагать несколько вариантов ответа.

5. Количество вариантов ответа должно быть оптимизировано таким образом, чтобы тест действительно оценивал знания, а не способность к случайному угадыванию.

6. Тестовые задания для иностранных студентов должны быть не просто инструментом проверки знаний, но и способом обучения. Предлагая варианты

ответов и различные версии, они должны стимулировать познавательный процесс.

7. Система тестов должна выполнять не только контрольную и образовательную роль, но и способствовать формированию важных личностных качеств: ответственности, целеустремленности, трудолюбия, честности и самоанализа. Это особенно важно для тестов, используемых в итоговом контроле. Кроме того, тесты должны развивать навыки точного и всестороннего обоснования своей позиции, а также умение её защищать.

9. Важно, чтобы тесты были разработаны таким образом, чтобы преподаватель мог быстро проверить большое количество работ.

Тестирование позволяет преподавателю оценить, насколько успешно студенты осваивают учебную программу, и на основе этого анализа скорректировать свою методику преподавания (функции контроля). Для студентов тестирование представляет собой возможность увидеть свои сильные и слабые стороны в учёбе и сравнить свои достижения с целевыми показателями, что стимулирует самосовершенствование (функции самоконтроля).

Создание качественных тестовых заданий требует прохождения множества этапов: от первоначальной разработки заданий до финального форматирования. Каждый этап включает в себя апробацию на сотнях студентов, рецензирование экспертами, редактирование, статистический анализ, корректировку, подбор последовательности заданий и повторную апробацию. Этот процесс занимает значительное время, часто несколько лет.

Профессионально разработанные тестовые задания всегда обладают набором специфических характеристик. Они должны быть:

- технологичными, что означает оптимизацию применения и анализа данных;
- валидными, что обеспечивает достаточную точность в определении необходимых характеристик объекта;
- комплексными, то есть предоставлять полные инструкции по применению, обработке и рекомендациям по использованию результатов.

По завершении заданий студентам присуждаются баллы на основе чётко определенных критериев. Мы считаем, что для студентов-иностранцев тестовые задания лучше формулировать в виде утверждений, которые, в зависимости от ответов, могут быть классифицированы как истинные или ложные.

Наиболее часто применяемые типы тестовых заданий включают:

1. **Альтернативные вопросы («правильно/неправильно»).** Этот формат обычно используется для проверки знаний грамматики на начальном этапе обучения (например, после подготовительного факультета), а также для контроля понимания общего содержания при чтении художественной литературы и страноведческих текстов на 1–4 курсах.

2. **Вопросы с множественным выбором.** В этом типе заданий необходимо выбрать все верные ответы из предложенных вариантов, при этом правильный ответ может быть и единственным. Такие задания подходят для текущего контроля усвоения лексики и грамматики.

3. **Задания с кратким ответом (открытая форма).** Этот тип заданий, требующий самостоятельной формулировки ответа, применяется на начальном этапе обучения для проверки знаний лексики и грамматики после подготовительного факультета.

4. **Числовые вопросы (закрытая форма).** В этом случае ответом является число.

5. **Вопрос на установление соответствия.**

Итак, поскольку ведущим принципом методики преподавания русского языка как иностранного является принцип коммуникативной направленности, система контроля должна быть направлена на проверку уровня сформированности языковых и речевых умений и навыков, приобретаемых иностранными студентами в процессе обучения. Осуществление этой направленности может быть достигнуто путём комбинирования и в обучении, и при контроле разнообразных форм тестовых заданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов В. С. Композиция тестовых заданий: учеб. книга для преподавателей вузов, техникумов и училищ, учителей школ, гимназий и лицеев, для студентов и аспирантов педагогических вузов / В. С. Аванесов. Изд. 3-е, доп. М. : Центр тестирования, 2002. 240 с.

2. Аванесов В. С. Форма тестовых заданий: учеб. пособие для учителей школ, лицеев, преподавателей вузов и колледжей / В. С. Аванесов. Изд. 2-е, перераб. и расш. М. : Центр тестирования, 2005. 156 с.

3. Балыхина Т. М. Основы теории тестов и практика тестирования / Т. М. Балыхина. М. : «Логос», 2005. 170 с.

4. Кирейцева А. Н. Азбука тестирования. Практическое руководство для преподавателей РКИ (электронное издание) / А. Н. Кирейцева. СПб. : Златоуст, 2015. 184 с.

5. Крокер Л., Алгина Дж. Введение в классическую и современную теорию тестов: учебник / Л. Крокер, Дж. Алгина. М. : «Логос», 2020. – 668 с.

6. Шерина Е.А. Эффективные технологии обучения русскому языку как иностранному в техническом вузе (на примере групп академического обмена) / Е.А. Шерина // Фундаментальные исследования. 2013. №4–4. С.1011–1014; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31316> (дата обращения: 18.11.2023).

7. Щукин А. Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы): учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов / А. Н. Щукин. М. : ВК, 2012. 336 с.

REFERENCES

1. Avanesov, V. S. (2002). Kompozitsiia testovykh zadaniy [Composition of test tasks] (3rd ed., revised). Tsentr testirovaniia. Moscow. 2002. 240 p. (In Russian).

2. Avanesov, V. S. (2005). Forma testovykh zadaniy [Form of test tasks] (2nd ed., revised & expanded). Tsentr testirovaniia. Moscow. 2005. 156 p. (In Russian).

3. Balykhina, T. M. (2005). *Osnovy teorii testov i praktika testirovaniia* [Fundamentals of test theory and testing practice]. Moscow, Logos. 2005. 170 p. (In Russian).

4. Kireitseva, A. N. (2015). *Azbuka testirovaniia. Prakticheskoe rukovodstvo dlia prepodavatelei RKI* [The ABC of testing. A practical guide for teachers of Russian as a foreign language] (Electronic edition). StP, Zlatoust. 2015. 124 p. (In Russian).

5. Kroker, L., & Algina, J. (2020). *Vvedenie v klassicheskuiu i sovremennuiu teoriiu testov* [Introduction to classical and modern test theory]. Moscow, Logos. 2020. 668 p. (In Russian).

6. Sherina, E. A. (2013). *Effektivnye tekhnologii obucheniia russkomu iazyku kak inostrannomu v tekhnicheskom vuze (na primere grupp akademicheskogo obmena)* [Effective technologies for teaching Russian as a foreign language in a technical university (on the example of academic exchange groups)]. *Fundamental'nye Issledovaniia*, 4(4), 1011–1014. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31316> (дата обращения: 18.11.2023). (In Russian).

7. Shchukin, A. N. (2012). *Teoriia obucheniia inostrannym iazykam (lingvodidakticheskie osnovy)* [Theory of teaching foreign languages (linguodidactic foundations)]. Moscow, VK. 2012. 336 p. (In Russian).

УДК 82'0
0000-0002-0274-6944

ЯЗЫК ПОВЕСТЕЙ М.П. ПОГОДИНА КАК ВЫРАЖЕНИЕ СТИЛЯ ЭПОХИ

Логвинова Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры философии,
истории, теории культуры и искусства
ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке»
(г. Москва, Россия)
Lo-grina@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован язык повестей М.П. Погодина (1820-30-е годы) с точки зрения принципа историзма. Изображая ту или иную историческую эпоху, воспроизводя ее быт, речь того времени, писатель дает читателю исторически правдивую картину времени или описание стиля определенной эпохи.

Ключевые слова: историзм, русская литература XIX века, М.П. Погодин, язык литературного произведения, повесть, стиль эпохи.

THE LANGUAGE OF MIKHAIL POGODIN'S NOVELS AS THE STYLE OF EPOCH EXPRESSION

Logvinova Irina Vladimirovna
Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Art
of SBEI HE "Moscow State Institute of Music named after A.G. Schnittke"
(Moscow, Russia)
Lo-grina@yandex.ru

Abstract. The article analyses the language of Mikhail Pogodin's novels (1820-30s) from the point of view of the principle of historicism. Depicting this or that historical epoch, reproducing its everyday life, speech of that time, the writer gives the reader a historically true picture of the time or a description of the style of a certain epoch.

Keywords: Historicism, Russian literature of the 20th century, Mikhail Pogodin, language of literary work, novella, style of the epoch.

Для цитирования: Логвинова И. В. Язык повестей М.П. Погодина как выражение стиля эпохи // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 93-99. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-93-99

Мы уже рассматривали ранее отдельные повести М.П. Погодина 1820-30-х гг. с точки зрения принципа историзма [1; 2; 3; 4; 5] и говорили о том, что изображая ту или иную историческую эпоху, воспроизводя ее быт, речь того времени, писатель дает читателю исторически правдивую картину времени. Задача данной статьи – рассмотреть подробнее язык повестей М.П. Погодина сквозь призму принципа историзма. Что дает нам такой взгляд на литературное произведение?

Понимание изображаемого времени, верность описания представителей разных сословий, их речи, словом, того, что составляет стиль определенной эпохи (термин И. Г. Минераловой [6]). Под стилем эпохи мы понимаем черты эпохи, которые отражаются в художественном слове, запечатлевают характерные для эпохи слова и выражения, реалии, мировоззрение. При этом художник слова может в произведении выразить свою эпоху, особенности современной ему культуры, своей собственной речи и мировоззрения, а может изобразить другую эпоху, стилизовав речь под персонажей и рассказчика. Поэтому, говоря о повестях М. П. Погодина, мы будем иметь в виду не только изображение современной писателю эпохи, но и изображение иных эпох. Черты эпохи находят отражение в различных деталях: в речи персонажа, речи рассказчика, изображаемых реалиях, в передаваемом духе времени (через мировоззрение персонажей).

Нужно отметить, что язык в повестях М. П. Погодина отражает описываемые время и местность, принадлежность персонажей к разным сословиям. Поэтому можно сказать, что язык служит средством портретной характеристики персонажа и средством изображения эпохи. В этом проявляется принцип историзма – максимально точно описать дух изображаемой эпохи.

С одной стороны, в эпоху, когда писал М. П. Погодин (1820-30-е гг.), формировался русский литературный язык и писатели искали языковые средства для изображения разных слоев общества. А. С. Пушкин пишет роман в стихах «Евгений Онегин» (первая и вторая главы написаны в 1823), трагедию «Борис Годунов» (1825), «Песни о Стеньке Разине» (1826). Здесь звучит голос народа, живая русская речь. В середине 1820-х годов наблюдается интерес к русской истории (Погодин исследует летописи), к фольклору, в том числе к малороссийскому (это также отражается в творчестве Погодина, который пишет в 1831 г. повесть «Петрусь», по мотивам комической оперы И. П. Котляревского «Наталка-Полтавка»). Язык этой эпохи нашел отражение в тех повестях Погодина, в которых рассказывается о современности. Это московские повести «Русая коса» (1825), «Сокольницкий сад» (1825), «Суженый» (1828), «Черная немочь» (1829), «Преступница» (1830), «Адель» (1830), «Как аукнется, так и откликнется» (1826), «Нищий» (1826), «Невеста на ярмарке» (1827 - 1837), а также повести, сюжет которых почерпнут из чужих рассказов: «Психологические явления» (1827), «Васильев вечер» (1831), «Петрусь» (1831), «Дьячок-колдун» (1831). Так, героини московских повестей, интеллигентные дамы выражаются правильным литературным языком, который представлен в их переписке, а также в диалогах. В повести «Сокольницкий сад» представлен образец эпистолярного общения образованных молодых людей. Кроме того, в письме к Катеньке главная героиня, Луиза Винтер описывает интерьер дома, где они живут с отцом: *«Я позабыла описать тебе наш дом, а еще принялась за перо для этого. <...> Он не велик, но уютен. По стене стоит небольшой турецкий диванчик, обитый малиновою материею, на котором, в уголку, пригорюнясь или облокотясь на подушку, я люблю сидеть в сумерки, сидеть и мечтать. Пред диваном столик, на котором я пишу только то, что мне приятно писать.*

Налево библиотечка, еще очень бедная: у меня только Шиллер, кое-что из Байрона, Крылов, Карамзин, Дмитриев, Жуковский, мадам Сталь да «Чернец» Козлова...» [7, с. 54]. В этой «бедной» библиотеке собраны, однако, все литературные новинки и значительные для того времени произведения. Влюбившийся в Луизу Б. Б. так описывает ее таланты и начитанность своему другу Всеволоду: «Какие прекрасные познания имеет она! Вкус такой, который бы доставил честь лучшему ученику Мерзлякова» [7, с. 63]. Речь няnek, прислуги отличается от речи образованных людей. Так, в повести «Суженый» читаем рассказ няни: «Невеста наша, моя голубушка, света божьего не взвидит. И руками и ногами. Противен он ей, как горькая редька. Боится только сказать отцу. Уж мы ее и так, и сяк – слышать не хочет, плачет да вопит. И то сказать – девке шестнадцатый год, а жениху под пятьдесят. Собою она у нас как маков цвет, а он такой нешто суровый да грозный. Боится, моя сердечушко. Богат он шибко – вот только за тем и гонимся. Я наплакалась давеча на мою Дунюшку: уже она и Богу-то молится, и в карты загадывает, и ворожей к себе призывает. Вчера была у нее какая-то из Рогожской, рикиминдовала подружка от соседей...» [7, с. 190]. Речь няни отличается употреблением просторечия (давеча, нешто, шибко и т.д.), уменьшительно-ласкательных суффиксов (сердечушко, Дунюшка), фонетических ошибок (рикиминдовала). Также и речь няни в повести «Преступница» (в которой речь идет об истории, произошедшей в конце XVIII в.) выдает в ней человека из народа, из крепостных крестьян: «“Но я придумала средство спастись нам без шума и с честью...” – “Какое?” – спросила я стремительно. – “А вот какое: мы живем близко реки. Теперь же вода прибыла после дождей, я поклонюсь нашему дворнику Симиёну, и подкуплю его. Ночью, когда все улягутся спать, он придет сюда, возьмет тело и стащит чрез сад в воду. Все равно лежать ему, моему голубчику, в земле или воде: его ведь не поднимешь”...» [7, с. 109]. Здесь просторечные выражения: живем близко реки, Симиён. И образ мысли няни совершенно простонародный: концы схоронить в воду. Няня виновата в том, что привела молодого человека в комнату Настасьи Львовны, а потом, испугавшись, что не вовремя вернулись ее родители, спрятала его под перину, где он задохнулся и умер.

В повести «Черная немочь» звучит речь московских купцов: «Бог посетил нас, батюшко, ума приложить не могу. Сынку нашему Ганюшке так тоскуется, что на свет божий подчас не смотрит, все молчит, как к смерти приговоренный, иногда плачет. Я уж и тем, и сем его тешу: и шубу енотовую купила в семьсот рублей, и шапку бобровую...» [7, с. 202]. По контрасту с речью матери звучит просторечие служанки в доме отца Феодора: «Я ведь и забыла его имя; навыкла все звать батюшкою. <...> Он изволил лечь отдохнуть после обеда, да скоро встанет: пономарь приходил уж спрашиваться, не пора ли благовестить к вечерне, но матушка велела обождать маленько» [7, с. 199]. Речь попадьи пестрит поговорками: «...Но зато и капуста! Кочни тугие, белые. Одной серой для рабов нарубили ушатов семь. Правду сказать: и дорого, да мило; и дешево, да гнило» [7, с. 200]. Чаще всего в повестях Погодина пословицы и поговорки украшают речь людей простого звания, купцов, мещан. Любят

меткое слово няни, прислуга. Дворяне чаще всего приводят стихотворные цитаты и литературные сравнения. Например, в повести «Сокольницкий сад» Б.Б. так описывает Всеволоду свою возлюбленную: *«Это Галатhea. В голубых глазах ее сколько кротости, добросердечия! <...> Маленький ротик, какой едва ли был и у Гебы...»* [7, с. 50]. В речи духовенства чаще звучат отсылки к Евангелию и святым отцам: *«Здесь будем мы молиться вместе, здесь в Евангелии, писаниях святых отцов и мудрых мужей будем мы почерпнуть святыи уроки истины, и, может быть, духовный глад души твоей утолится и ты спокойно, не яко Моисей, но яко Навин, узришь землю обетованную»* [7, с. 220].

С другой стороны, у М. П. Погодина есть повести, отражающие дух прошлых эпох, например, «Васильев вечер». Это святочный рассказ, повествующий о реальных событиях, произошедших в деревне Синьково, в Муромских лесах в ту пору, когда там обитали разбойники.

По речи в повестях М. П. Погодина можно узнать представителей различных губерний. В повести «Нищий», например, это орловский крестьянин, с характерными оборотами речи: *«...Отец мой был зажиточен: хлеба у нас стояли всегда скирды непочатые, закромы полны, покосов, скотины, одежи, всего вдоволь. – Семья у нас была большая, но мы жили согласно, и нам во всем спорилось. – Батюшка любил меня: я был у него как порох в глазе. Когда подрос я, меня отдали к сельскому дьячку на выучку. Грамота мне далася и полюбилася, и в год стал я читать и писать скорешенько»* [7, с. 40-41]. В рассказах цикла «Психологические явления» персонажи из маленьких торговых российских городов, которые не названы, кроме одного тульского купца, который ехал с ярмарки домой на извозчике из Орла (рассказ «Корыстолюбее»). У них речь, характерная для Тульской и Орловской губерний начала XIX века:

«- Здравствуйте, батюшко; как вас Бог милует?»

– Помаленьку, да где ты пропал из Орла наредни? Я не успел и спасибо сказать за твою службу.

– Спешил домой; наша деревня ведь подгородная» [7, с. 83].

Южнорусская речь звучит и в повести «Петрусь». Персонажи говорят на малороссийском диалекте: *«Я давно вже люблю Наталку, и вона мене любит; мы будем целый вик з нею молить за тебе Бога, будем любить тебе от всего сердца, и дeты наши, колы вони будут...»* [7, с. 119]. М. П. Погодин использует здесь речь для обрисовки характера и мировоззрения Петра и Наталки. Читатель погружается в дух малороссийской культуры, где пьют вишневку и терновку, носят дорожную свиту, готовят «снидание»: *«горячий борщ с салом, бараниною и куркою, пампушки с олеею и луком, корши с маком и медом»* [7, с. 118]. И сам язык рассказчика приобретает малороссийский колорит. Повествуя о Наталке, о которой размышляет Петро, рассказчик вставляет в свою речь его слова, не характерные для речи жителей центральных губерний Российской империи: *«И в самом деле эта дивчина во всем околоте славилась своими достоинствами: разумная, до всякого дела дотепная, трудящая, почтительная...»* [7, с. 117]. Речь стилизуется под местные реалии. Читатель переносится мыслями в

Полтавскую губернию, погружается в местный колорит, пограничный между Малороссией и Великой Россией, пропитанный историей о казачьей доблести. При этом в это же время уже вышла поэма А. С. Пушкина «Полтава» (1829). В 1830 году начинается литературная деятельность В. И. Даля, а Н. В. Гоголь пишет первые рассказы, которые войдут потом в «Вечера на хуторе близ Диканьки». С января 1820 года Погодин общается, дружит и переписывается с малороссийским филологом М. А. Максимовичем, а также с 1832 года – с Н. В. Гоголем.

Характерной для языка повестей Погодина является также профессиональная лексика. Если речь идет о купеческом сословии, то в тексте упоминаются торговые расчеты, в описании интерьера детально прописываются подробности быта представителей разных сословий: купеческого (церковные календари, счета, сундуки, товары), мещанского (лавки, самовары, посуда), дворянского (книги, уютные кабинеты, письменные столы). Также персонажи вписаны в контекст характерного для их сословия времяпрепровождения. Например, в повести «Суженый» читаем о сироте Иване, мещанском сыне, воспитанном купцом: *«Всегда трезвый, всегда исправный, раньше всех приходил он в город и, помолвившись на Спасские ворота, а потом рядскому образу, садился за прилавок; и позднее всех, с последними разносчиками, которые оставались для распродажи своих остатков, забирался из лавки <...> Наконец, он любил и погулять подчас с товарищами: никто не был забавнее его на пирушках, когда, бывало, начнет он точить балы или представлять разных покупателей, перецыганивать старых приказчиков, играть комедию...»* [7, с. 183-184]. В характеристике Ивана, как видно, используются выражения, употребляемые в речи московских купцов: точить балы (балясы), перецыганивать. По поводу фразеологизмов в языке повестей Погодина можно сказать, что они также служат стилистическим маркером определенного сословия и эпохи. Поскольку Погодин был собирателем древностей, историком, а по образованию филологом, то и в своем творчестве он употреблял различные языковые средства не просто так.

Таким образом, в языке повестей М. П. Погодина эпоха выражается несколькими способами: речь персонажей, описание быта, портретные характеристики (описание внешности, а также характера и уровня образованности), описание местности, экскурсии в историю (например, описание Муромских лесов, где лет 50-60 назад, как пишет писатель, жили разбойники). Изображая разные исторические эпохи, воспроизводя быт и речь представителей разных губерний, писатель, следуя принципу историзма, дает читателю правдивую картину времени или описание стиля эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логвинова И.В. Жанровая природа повести М. П. Погодина «Васильев вечер» // Синтез в русской и мировой художественной культуре. Материалы XXIII и XXIV международной научно-практической конференции, посвященной памяти Алексея Федоровича Лосева. Ярославль, 2024. С. 151-157.

2. Логвинова И.В. М.П. Погодин об историческом методе: К постановке проблемы // Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху. Сборник научных трудов. М., 2022. С. 296-299.

3. Логвинова И.В. Повести М. П. Погодина с точки зрения принципа историзма // Новые горизонты русистики. 2024. № 1 (23). С. 62-67.

4. Логвинова И.В. Повесть М.П. Погодина «Адель» в свете ономастики // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2022. № 3. С. 46-49.

5. Логвинова И.В. Художественное творчество М. П. Погодина в контексте натуральной школы: К постановке проблемы // Язык. Культура. Перевод: цифровые технологии и вербальная коммуникация. Материалы Международного научно-практического форума. М., 2024. С. 271-274.

6. Минералова И. Г. Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма. М.: ФЛИНТА : Наука, 2011. 256 с.

7. Погодин М.П. Повести. Драма / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Н. Виролайнен. М.: Советская Россия, 1984. 430 с.

REFERENCES

1. Logvinova I.V. (2024). Zhanrovaya priroda povesti M. P. Pogodina «Vasil'ev vecher» [The Genre Nature of M. P. Pogodin's Story Vasiliev Evening] in Sintez v russkoj i mirovoj xudozhestvennoj kul'ture. Materialy` XXIII i XXIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj pamyati Alekseya Fedorovicha Loseva [Synthesis in Russian and World Artistic Culture. Proceedings of the XXIII and XXIV International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Alexey Fedorovich Losev]. Yaroslavl`, 2024. Pp. 151-157.

2. Logvinova I.V. (2022). M.P. Pogodin ob istoricheskom metode: K postanovke problemy` [Pogodin on the Historical Method: On Formulating the Problem] in Yazy`k. Kul'tura. Perevod: mezhkul'turnaya kommunikaciya v cifrovuyu e`poxu. Sbornik nauchny`x trudov [Language. Culture. Translation: Intercultural Communication in the Digital Age. Collection of Scientific Works.]. Moscow., 2022. Pp. 296-299.

3. Logvinova I.V. (2024). Povesti M. P. Pogodina s točki zreniya principa istorizma [Pogodin's Stories from the Perspective of the Principle of Historicism] in Novy`e gorizonty` rusistiki [New Horizons of Russian Studies.]. 2024. № 1 (23). Pp. 62-67.

4. Logvinova I.V. (2022). Povest` M.P. Pogodina «Adel`» v svete onomastiki [Pogodin's Story 'Adel' in the Light of Onomastics] in Vestnik Doneczkogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psixologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology]. 2022. № 3. S. 46-49.

5. Logvinova I.V. (2024). Xudozhestvennoe tvorchestvo M. P. Pogodina v kontekste natural'noj shkoly`: K postanovke problemy` [Artistic Creativity of M. P. Pogodin in the Context of the Natural School: On the Problem Statement] in Yazy`k. Kul'tura. Perevod: cifrovye texnologii i verbal'naya kommunikaciya. Materialy` Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma [Language. Culture.

Translation: Digital Technologies and Verbal Communication. Proceedings of the International Scientific and Practical Forum]. M., 2024. Pp. 271-274.

6. Mineralova I. G. (2011). Analiz xudozhestvennogo proizvedeniya: stil' i vnutrennyaya forma [Analysis of a Literary Work: Style and Inner Form]. Moscow, 2011. 256 p.

7. Pogodin M.P. (1984). Povesti. Drama [Novellas. Drama]. Moscow, 1984. 430 p.

УДК 81`42.81`25: 001.8
ORCID 0000-0001-7348-2248

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ТОПОЛОГИИ ЛИРИЧЕСКОГО ИСХОДНОГО ТЕКСТА В ТЕКСТ ПЕРЕВОДА КАК УСЛОВИЕ ЕГО АДЕКВАТНОСТИ

Луговская Елена Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)

lugowska@spsu.ru

Аннотация. Постоянное совершенствование средств машинного перевода текста обуславливает необходимость рассмотрения проблем адекватности передачи художественного содержания оригинального текста средствами языка перевода не только с точки зрения сохранения целостности и связности авторского текста, но и с точки зрения сохранения в переводном тексте значимых концептуальных структур и особой художественной эстетики оригинала. Оценка качества перевода в таком понимании должна базироваться на критериях понятности и понимаемости, то есть герменевтического и риторического анализов соответственно. Однако и такому подходу не хватает системности и целостности – анализ может подтвердить или опровергнуть уместность отбора и организации средств передачи художественного содержания в целом или для конкретного образа (системы образов), но синергетика оригинального текста даже при комплексном анализе не схватывается в сколько-нибудь структурированном виде, для того чтобы можно было говорить о степени ее воспроизводимости в тексте перевода. Решением этой проблемы может стать использование топологической структуры представления элементов художественного текста, порождаемой определенной смысловой базой – так, для лирического произведения определяющей будет выступать топология Лирического, для эпоса и драмы – эпического и драматического соответственно. Целью настоящего исследования выступает оценка гомеоморфизма топологии Лирического исходного текста топологическому пространству Лирического текста перевода. Исследование реализовано на материале текста стихотворения Н. Гумилёва. В работе использован синергетический подход, комплексный лингвостилистический анализ и сопоставительный анализ лексико-грамматических трансформации при переводе русского поэтического текста на английский язык. Показано, что реализация средствами языка перевода смысловых баз, задающих топологию Лирического, позволяет делать выводы о степени выраженности основного смысла стихотворения средствами английского языка.

Ключевые слова: топология, Лирическое, смысловая база, синергетический подход, системный анализ, гомеоморфизм.

IMPLEMENTING THE TOPOLOGY OF THE LYRICAL SOURCE TEXT IN THE TRANSLATION TEXT AS A CONDITION FOR ITS ADEQUACY

Lugovskaya Elena Grigoryevna

Candidate of Philology, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Art
of SEI “Pridnestrovian State University”

(Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic)

lugowska@spsu.ru

Abstract. The continuous improvement of machine translation tools necessitates consideration of the adequacy of conveying the artistic content of the original text through the means of the target language, not only in terms of preserving the integrity and coherence of the author's text, but also in terms of preserving the meaningful conceptual structures and unique artistic aesthetics of the original in the translated text. The assessment of translation quality in this sense should be based on the criteria of comprehensibility and intelligibility, i.e., hermeneutic and rhetorical analysis, respectively. However, even this approach lacks systematicity and integrity: the research can confirm or refute the suitability of means selection and operation to convey artistic content (in general or for a specific image or imagery), but the original text synergy, even with a comprehensive analysis, cannot be learned in a structured manner to check its reproducibility in the target text. This problem can be solved by using the topological structure, generated by a specific semantic base, for the artistic text elements representation. Thus, for a lyrical work, the topology of the Lyrical will be decisive, and for an epic and a drama, the Epic and Dramatic, respectively. This study aims to evaluate the homeomorphism of the original text topology to the target text topological space. The study is based on the poem by N. Gumilyev. The work employs a synergistic approach, incorporating comprehensive linguistic and stylistic analysis, as well as a comparative analysis of lexical and grammatical transformations in the translation of Russian poetic texts into English. The implementation of semantic bases that determine the topology of the Lyrical via the target language allows us to conclude the expression degree of the poem's key meaning.

Keywords: topology, Lyrical, semantic base, synergetic approach, system analysis, homeomorphism.

Для цитирования: Луговская Е. Г. Имплементация топологии лирического исходного текста в текст перевода как условие его адекватности // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 99-109. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-99-109

Введение

Вопрос о возможности адекватной передачи смыслов поэтического текста с одного языка на другой (см., например, [5], [1], а также [3], [2], [7]), вероятно, никогда не будет решен, и не только в силу разницы языковых картин мира говорящих на разных языках, но и в силу того, что сам по себе поэтический текст (как, впрочем, любой текст) текуч и изменчив для наблюдателя, открывающего этот текст для себя и вписывающий его в моментальный контекст своего восприятия мира.

Вместе с тем, есть что-то постоянное, скрепляющее разные варианты понимания того или иного текста и обуславливающее внимание к нему читателя и исследователя, есть какой-то вечный контекст, внутри которого встречаются адресант и адресат, кем бы они ни были – автор, читатель, переводчик,

лирический герой. Для поэтического текста это, прежде всего, топология Лирического, понимаемая как *особым образом организованная совокупность элементов текста, порождаемых определенной смысловой базой* [4, с. 81]. Надо отметить, что для текста как произвольного множества его элементов, организованных той или иной смысловой базой, можно определить разные топологические пространства. Так, на множестве «стихотворение Н. Гумилева “Жираф”» можно задать топологию Лирического, топологию феминности, маскулинности; топологию ассоциативно-семантических связей, топологию метонимического и лексико-грамматического представления лирического героя и т. п. с помощью разнообразных смысловых баз (пространства-времени, «фигура и фон», образа воды, дождя, символа Жираф) [4].

Цель исследования

В настоящем исследовании пристальное внимание уделено топологии Лирического и топологии лексико-грамматического представления лирического героя. Такой выбор обусловлен, прежде всего, определяющей значимостью топологии Лирического для поэтического текста, вместе с тем, понимая перевод текста как трансформацию [1] пространства текста, мы ставим перед собой задачу определения таких его свойств, которые сохраняются при непрерывных деформациях экспликации поэтических смыслов средствами разных языков. В таком представлении качество перевода текста на другой язык, его понятность и понимаемость [3], могут быть оценены степенью неизменности соответствующих топологий при разнообразии задающих их смысловых баз. Разнообразие же и, возможно, несопоставимость смысловых баз, задающих средствами разных языковых систем одну и ту же топологию на тексте как множестве, таким образом, расширяет и углубляет понимание целостности текста, что и будет показано на примере анализа топологического пространства лексико-грамматического представления лирического героя.

Материалом исследования выступают оригинальный и переводной тексты стихотворения Н. Гумилева «Жираф». Использован перевод Малькольма Линдси [6], как наиболее соответствующий топологической структуре оригинального текста.

Методы исследования

Предварительно нами был проведен отбор текстов перевода на основании результатов анализа оригинального текста, представленного в [4]. Отбор проводился в два этапа: 1) лингвостилистический и ритмико-мелодический анализ, в результате которого было выбрано шесть русскоязычных и англоязычных перевода по три соответственно (с учетом возможной гендерной специфики перевода) авторов Алексей Ткаченко-Гастев, Марианна Кауфман, Katharine Gilbert, James Stotts, Burton Raffel и Алла Бураго, Malcolm Lindsay [6]; 2) синергетическое прочтение перевода – комплексный системный анализ текста.

Для доказательства гомеоморфизма топологического пространства Лирического, определенного для оригинального и переводного текстов

стихотворения Н. Гумилева «Жираф», использован сопоставительный анализ особенностей лексико-грамматических и семантико-ассоциативных трансформаций при переводе с русского на английский язык.

Результаты и обсуждение

Предварительный отбор на основании анализа ритмико-мелодического рисунка и лингвостилистической уместности отобранных языковых средств показал, что ритмико-мелодическая структура перевода Малькольма Линдси в целом соответствует оригинальной структуре – это и звуковой образ иноходи как специфического способа передвижения жирафа, и композиционно значимый повтор ...*far away, on Lake Chad / Roams a proud giraffe* – ...*далеко на озере Чад / Изысканный бродит жираф* с постпозицией заголовочной номинации. Немаловажным нам показался и выбор глагола для обозначения основного действия жирафа – *бродит* – среди всех синонимов именно *roam* кажется нам наиболее уместным в силу фонетического созвучия с оригинальным глаголом (два слога, есть вибрант и губной) и семантико-стилистических особенностей (например, Оксфордский словарь [10] дает в числе прочих такое значение: (literary) *beautiful, tall and impressive* / *прекрасный, стройный и впечатляющий*, а Кэмбриджский (Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus) [8]: *sticking out from the surrounding area* / *торчащий из окружающего пространства*).

Топология лексико-грамматического представления лирического героя

Лирический герой стихотворения Н. Гумилева «Жираф» реализован в стихе тремя ипостасями: лирическое Я (собственно лирический герой), лирическое Ты (Другой лирического героя – предмет любви) и лирическое Оно (пространства любовного диалога: в стихотворении представлено символом *Жираф* – здесь и далее обозначено курсивом с заглавной буквы) [4].

В логике появления ипостасей в стихотворении начнем рассмотрение с лирического Ты. Для него значимо представление через деталь – *взгляд; тонкие руки*, которые обнимают колени; *вдыхала тяжелый туман; ты плачешь*. Описание предмета любви в стихотворении реализовано опосредовано, через пространство диалога, обозначенное как *Жираф*, все эпитеты, относящиеся к *Жирафу*, приложимы к описанию любимой (изысканность, грациозность, стройность), даже описание сказочного мира, в котором пребывает *Жираф* и который он же и определяет, ассоциативно связано с образом любимой (например, *черная дева, страсть молодого вождя, тропический сад*, др.) [4].

Деталь *тонкие руки* в русском тексте коррелирует с образом длинной тонкой шеи жирафа и указывают на изнемождённость (*ведь слишком долго вдыхала тяжелый туман*) лирического Ты и характеризуют его незащищенность (вместе с позой закрытости – *колени обняв*). В английском тексте данная деталь представлена как *fragile* ('*weak or in poor health, physically or mentally easily damaged or broken*' [8] (*слабого или плохого здоровья, физически и ментально легко повреждаемый или сломленный*)), которое также указывает на

незащищенность, но и оказывается связанным с характеристикой *sad* (*грустен*) не только лексическим повтором *particularly* (*особенно*), но и семантически. Безусловно, ассоциативно-семантическая переключка *грустный – тонкий* есть и в русскоязычном варианте, но для английского она более очевидна.

Закрытость позы лирического Ты подчеркивается глаголом *clasped* (*обнятый, обвитый, закрытый, застегнутый, обхваченный, прижатый*, др.) – его фоносемантические особенности коррелируют с соответствующими характеристиками короткого и закрытого *обняв*, и только строгие правила грамматики английского языка, а также ритмическая структура не позволили переводчику переместить это слово в конец стиха: *And your hands are particularly fragile, clasped over your knees* (*А твои руки особенно хрупки, сцепленные на коленях*) / *И руки особенно тонки, колени обняв*.

Для описания лирического Я значимы знаки – *я вижу, я знаю и (как) я (тебе) расскажу* – они сохранены в переводе. Интересен знак *расскажу* – для английского языка глагол *tell* может передавать значения *speak, show, know, say* [8], в сочетании *tell about* – принимает значение ‘*used to say that you feel the same way or have had the same experience*’ (обычно используется если вы чувствуете то же самое или у вас был один и тот же опыт), что обнажает глубинную семантику русской фразы *как я тебе расскажу*, ведь рассказать словами невозможно то, что можно только прочувствовать.

Для лирического Оно значимы предметность обозначаемого реального африканского жирафа и символизм знака *Жираф*, реализуемые соотносимыми образами пятнистой кожи (мерцанием), длинной шеи (маскулинной вертикальностью), а также самим процессом трансформации *Жирафа* как точки реального пространства озера Чад в пространство вымышленного мира лирического Оно, в котором происходит диалог влюбленных [4]. *Жираф* вначале показан максимально приближенно – мы можем рассмотреть волшебный узор его шкуры, затем мы видим его вдали (он *похож на цветные паруса корабля*), после чего он прячется в грот, как бы сливаясь с ним (пятнистая шкура/мраморный грот) и распространяясь на все пространство таинственных стран с тропическими садами и немыслимыми травами. Поэтому, когда он возвращается кольцевым повтором, это уже не реальная точка в пространстве озера Чад, а символическое пространство вымышленного мира. Посмотрим, как указанная последовательность реализована средствами английского языка

В русском тексте эпитет *изысканный*, как мы уже подчеркивали, указывает на лирического Другого (точнее Другую), фоносемантическая специфика этого слова хорошо ложится на звукопись шума дождя, разлитую по всему стихотворению до последнего катрена, где дождь проливается и заканчивается: «Кольцевой повтор обращения лирического Я к лирическому Ты в конце стихотворения превращает дождь как причину грусти с его фоновым шумом в яркий тропический ливень (можно проследить движение голоса и шума <...> тропический ливень воображаемого мира становится катарсисом (*Ты плачешь?*) для лирического Ты и теперь эти ипостаси (лирическое Я и лирическое Ты) не просто слышат в унисон некое лирическое Оно (*жираф*), они сливаются с ним и

друг с другом в единое далёко на озере Чад Изысканный бродит жираф» [4, с. 86].

Английское *proud* (изысканный) фонетически соотносится с *rain* (дождь, но не с другим окружением номинации жираф *blessed with bliss gracefulness, glistening bouncing, glides, gleeful* (благословленная блаженством грациозность / ему грациозная стройность и нега дана; сверкающие подпрыгивания (дробясь и качаясь на влаге <...> озер), скольжение / [бег] плавен; ликование / радостный [полет]), для которого подтверждается семантика фонового шума дождя (свистящие звуки) и одновременно плавность самого жирафа (I).

Кроме того, для лексемы *proud* важно отметить наличие дополнительного смысла, который не так актуализирован в русском тексте – а именно указание на выделенность фигуры из окружающего пространства (одно из значений *proud* – ‘*sticking out from the surrounding area*’). Отмеченный смысл согласуется с эпитетом *straight-standing (palms)* / стройные (пальмы), который согласно оригинальному тексту должен повторяться в *грациозной стройности жирафа* (а она, в свою очередь в английском тексте передана лексемами *blessed, gracefulness, bliss*, которые фоносемантически реализуют и мерцание (сверкание), и шум дождя, а ассоциативно-семантически (поле лексем *bless* ‘*to ask for God's help and protection for someone or something, or to call or make someone or something holy*’ [8] / просить Божьей помощи и защиты для кого-то или чего-то, или призывать или святить кого-то или что-то и *grace* в значении ‘*approval or kindness, especially (in the Christian religion) that is freely given by God to all humans*’ [6] / одобрение или доброта, особенно (в христианской религии), которую Бог дарует всем людям) подготавливает читателя к восприятию библейского образа черной девы из Песни Песен) – здесь мы видим как поразному организованные смысловые базы для русского и английского текста задают одну и ту же топологию.

Для исчезновения *Жирафа* как точки пространства и его трансформации из фигуры фон важен переход от узора на шкуре (внутри которой жираф) к мраморному гроту, в который он прячется. В этом смысле переключка английских омонимов *hide* – шкура и *hide* – прячет(ся) более очевидна для передачи этого смысла. Интересно, что слово *grot* вызвало у переводчика сомнения – в комментарии к этому переводу он сомневается, использовано ли слово грот в значении *grotto*, или в значении *mainsail* и поясняет, что «*This interpretation would continue the comparison of the movement of the giraffe to that of a gliding boat, and give the line: When at sunset he disguises himself as a marble sail*» (Это толкование продолжило бы сравнение движения жирафа с движением глиссирующей лодки и дало бы следующую линию: когда на закате солнца он маскируется под мраморный парус) [6] и, видимо, растворяется вдали. Конечно, русское *прячется в мраморный грот* не оставляет сомнений в том, что речь идет не о том, что жираф камуфлируется под мраморный парус, но само по себе замечание значимо, потому что даже в таком значении трансформация из точки в пространство подтверждает способность смысловой базы «фигура – фон» и смысловой базы символа Жираф задавать топологию ассоциативно-семантических связей.

Еще одно замечание по анализируемому переводу: для перевода эпитета *цветные* (*паруса*) уместнее было бы не *coloured*, а *colourful* – разноцветные (*‘having bright colours or a lot of different colours; 2. interesting and exciting’* [8] / *имеющий яркие цвета или много разных цветов*) как элемента смысловой базы символа *Жираф* – *мраморность/мерцание/свет и тени*). Возможно, омонимия *грот–грот* и *цветной–цветной* перед анализируемым автором поставила сложно разрешимую задачу.

Перейдем к анализу смысловой базы времени, задающей топологию Лирического и связанную с ней топологию лексико-грамматического представления героя.

Today your look is sad // But you have breathed in the heavy fog for too long // You don't want to believe in anything but the rain // You're crying? (Сегодня особенно грустен твой взгляд // Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман // Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя // Ты плачешь?) Смысловая база поэтического времени полностью сохранена – совпадение порядка слов позволяет *today* мыслить связанным с *I see / Я вижу*, а *your look is sad/грустен твой взгляд* – рассматривать в значении ‘обычно, всегда’.

Форма *you have breathed* в Present Perfect как нельзя более точно передает содержание фразы *Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман* – по сравнению с русским текстом в английском есть грамматическое указание на то, что это «вдыхание» вот сейчас и прекращается (Present Perfect – *for something that started in the past and continues in the present or when we are talking about our experience up to the present* [9] / *для чего-то, что началось в прошлом и продолжается в настоящем или говорится о некотором опыте до настоящего*).

Глагол *want* в *You don't want to believe* (Ты не хочешь верить) используется в значении близком модальному со значением указания на нежелание (по типу *can* – ‘неспособность’) что-либо делать, и именно наличие этой модальности также позволяет рассматривать отрицательную конструкцию Present Simple как ‘способность вообще’.

Апеллятив *You're crying?* (Ты плачешь?), представленный утвердительной конструкцией с вопросительным интонированием, выступает главной частью сложного предложения с придаточной частью, вынесенной в препозицию и присоединяемую с помощью связочного слова *when* (conjunction: *considering that; although* / союз со значением ‘учитывая, хотя’). Придаточная часть с *when* в значении ‘в то время когда’ (*‘at the time that’*) требует главной части для полноты значения и по правилам английской пунктуации, когда придаточная часть (*when-clause*) стоит перед главной частью, используется запятая – в нашем случае использовано многоточие.

Другими словами, *в то время как я тебе рассказываю – ты плачешь*: в русском варианте немного другие отношения – *как я тебе расскажу = не расскажу (потому что словами нельзя передать)*, однако в лексико-грамматическом представлении этого элемента на английском языке есть дополнительный плюс – актуализация одновременности рассказа о волшебном

мире и момента трансформации лирического Ты, а также их взаимосвязи – в русском тексте такая взаимосвязь не очевидна, в английском же она подтверждается и использованием *just* ('*exactly; very recently; in the immediate past*' / 'как раз, точно; практически сразу; только что' [8]) с семантикой моментальности и привязанности к ситуации. *You're crying when I tell you about a tropical garden... <...> Just listen... / Ты плачешь, в то время как я рассказываю тебе о волшебном саде... <...> Так слушай...* (Для И как я тебе расскажу про тропический сад, / Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав... / – Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф).

Лингвокультурные вариации смысловых баз, задающих топологию лексико-грамматического представления лирического героя

Как видим, текст стихотворения переведен практически дословно, однако интересны именно несоответствия – остановимся на них.

В фрагменте *Я знаю веселые сказки таинственных стран / Про черную деву, про страсть молодого вождя* собственно *страсть молодого вождя* переосмыслена как '*страх перед вождем*' (*the fear of a youthful chief*), но это страх как '*fear of God a sense of awe, and submission to, a deity*' [8] (*страх перед Богом, чувство благоговения и покорности божеству*) – так, отсылка к библейскому тексту становится более очевидной, чем в оригинале.

В фрагменте *И как я тебе расскажу про тропический сад, / Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...* из-за буквального перевода *тропический сад* / *a tropical garden*, напротив, ассоциативная связь с *райским садом* / *Garden of Eden* теряется; а *straight-standing palms* / *стройные пальмы* не коррелирует с *He has been blessed with gracefulness / Ему грациозная стройность...* ('*the quality of being smooth, relaxed, and attractive and bliss*' / *характеристика расслабленности, привлекательности, блаженства*). Интересен выбор эпитета в описании *запаха немыслимых трав* / *unbelievable scent of the grasses* – переводчик использует *unbelievable* (с мотивированностью невозможностью поверить, а не помыслить (от *немыслимый*)), для чего есть слово *inconceivable* – ритмомелодически вполне абсолютно так же встраиваемое в текст). Эпитет *unbelievable*, имеющей отношение к топологии лирического Оно (волшебный мир *Жирафа*, в который лирическое Я приглашает лирическое Ты), в переводе перекликается с характеристикой лирического Ты (как мужской ипостаси, дождя): *You don't want to believe / Ты не хочешь верить*. Нежелание ни во что не верить, только – в дождь (*don't want to believe in anything but the rain*) по сравнению с инверсированным русским *верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя*, то есть «верить хочешь, но только в дождь, а не что-нибудь <другое>, кроме дождя», в переводном тексте корректируется именно повтором *don't want to believe – unbelievable*. Русская инверсия *верить не хочешь* – акцентирует именно акт веры, а не желания/нежелания, английский текст не может себе позволить перестановки частей (Infinitive Construction *want + to + verb* – грамматическая структура, в которой инфинитив описывает объект или дополняет основной глагол, по сути, *don't want to believe* – это способ выразить

нежелание совершить действие, обозначенное глаголом инфинитива). И «почти лексический» повтор *don't want to believe – unbelievable* позволяет переводчику скорректировать смысловое наполнение кульминационного момента перед трансформацией (*You're crying? /Ты плачешь?*) лирического Ты и слиянием его с лирическим Я в пространстве диалога.

Таким образом, отобранный в результате предварительно проведенного лингвостилистического, ритмико-мелодического анализа и синергетического прочтения текста перевод Малькольма Линдси стихотворения Н. Гумилева «Жираф» как наиболее соответствующий оригиналу, в основном, подтвердил свою адекватность в способности передать глубинный смысл и лирическую модальность стихотворения. В сопоставляемых текстах выявлена разная степень соответствия между лексико-грамматическим представлением ключевых концептов стихотворения и их смыслов, реализованная как топологический изоморфизм, так и алломорфизм (так, например, можно говорить о значимой для текста стихотворения смысловой базе библейского текста, более широкой чем в русском тексте).

Заключение

Предложенный в настоящем материале подход к анализу адекватности перевода с помощью топологического анализа данных при рассмотрении «поэтического текста как множества его элементов с выделенной структурой, формирующей его смыслы» [4, с. 80] основан на идее топологических инвариантов, таких, например, как связность (например, когезия и когерентность текста), компактности (например, концептуализация и категоризация при анализе образа), метризуемость (например, ритм, мелодика), полнота (синергетика текста), не изменяемых при деформации (в частности, при переводе на другой язык). При таком подходе, определённые на этапе анализа оригинального текста топологические пространства и топологические пространства, определённые для перевода, должны быть гомеоморфными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Е.Д. Структура образа в стихотворении Н. Гумилева «Слово» и его трансформации в переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 3-2 (69). – 2017. – С. 57–60.
2. Голев Н.Д., Мельникова В.С. Переводимость и понятность как внутренние свойства языковых единиц (онтологические аспекты транслятивной лингвистики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Т. 18. – № 4. – 2025. С. 1585-1596. doi:10.30853/phil20250225.
3. Клышинский Э.С., Логачева, В.К., Белобокова Ю.А. Понимаемость текста на иностранном языке: случай славянских языков //Препринты ИПИМ им. М.В. Келдыша. 2017. № 13. – 23 с. doi:10.20948/prepr-2017-13 URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2017-13>
4. Луговская Е.Г. Топология лирического в синергетике текста Н. Гумилева «Жираф» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – № 4 (125). – 2024. – С. 78-89. DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.010

5. Марченко Т.В. Сохранение образных доминант как один из критериев оценки перевода поэтического текста // Гуманитарные и юридические исследования. – № 2. – 2019. – С. 182–188.

6. Николай Гумилёв: электронное собрание сочинений. URL: <https://gumilev.ru/> (дата обращения: 08.12.2025).

7. Фонова Е.Г., Шитц О.А. К вопросу о профессиональных компетенциях переводчиков в эпоху искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного педагогического университета. – № 1 (237). – 2025. – С. 148–156. doi:10.23951/1609-624X-2025-1-148-156

8. Cambridge Dictionary. – Cambridge University Press & Assessment 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 06.05.2025).

9. Present perfect. English Grammar. Verbs. Present tense. – LearnEnglish. [Электронный ресурс]. URL: <https://learnenglish.britishcouncil.org/grammar/english-h-grammar-reference/present-perfect> (дата обращения: 08.12.2025).

10. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 08.12.2025).

REFERENCES

1. Andreeva E.D. (2017). Struktura obraza v stikhotvorenii N. Gumileva «Slovo» i ego transformatsii v perevode [The structure of the image in N. Gumilev's poem “The Word” and its transformation in translation]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. № 3–2 (69). Pp. 57–60 (In Russian).

2. Golev N.D., Mel'nikova V.S. (2025). Perevodimost' i ponyatnost' kak vnutrennie svoistva yazykovykh edinit (ontologicheskie aspekty translyativnoi lingvistiki) [Translatability and comprehensibility as internal properties of linguistic units (ontological aspects of translational linguistics)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. Vol. 18. № 4. Pp. 1585–1596. doi:10.30853/phil20250225 (In Russian).

3. Klyshinskii E.S., Logacheva, V.K., Belobokova Yu.A. (2017). Ponimaemost' teksta na inostrannom yazyke: sluchai slavyanskikh yazykov. [Comprehensibility of a text in a foreign language: the case of Slavic languages]. Preprinty IPM im. M.V. Keldysha. [Preprints of the Keldysh Institute of Mathematics and Physics]. №13. 23 p. doi: 10.20948/prepr-2017-13 URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2017-13> (In Russian).

4. Lugowska H. (2024). Topologiya liricheskogo v sinergetike teksta N. Gumileva «Zhiraf» [Topology of the lyrical in the synergetics of N. Gumilev's text “Giraffe”]. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. [Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]. № 4 (125). Pp. 78–89. DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.010 (In Russian).

5. Marchenko T.V. (2019). Sokhranenie obraznykh dominant kak odin iz kriteriev otsenki perevoda poeticheskogo teksta [Preservation of figurative dominants as one of the criteria for evaluating the translation of a poetic text]. Gumanitarnye i

yuridicheskie issledovaniya. [Humanities and Legal Studies]. № 2. Pp. 182-188 (In Russian).

6. Nikolai Gumilev: elektronnoe sobranie sochinenii. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://gumilev.ru/> (In Russian).

7. Fonova E.G., Shitts O.A. (2025). K voprosu o professional'nykh kompetentsiyakh perevodchikov v epokhu iskusstvennogo intellekta. [On the issue of professional competencies of translators in the era of artificial intelligence]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. № 1 (237). Pp. 148-156. doi:10.23951/1609-624X-2025-1-148-156 (In Russian).

8. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press & Assessment (2025). URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.

9. Present perfect. English Grammar. Verbs. Present tense. LearnEnglish. URL: <https://learnenglish.britishcouncil.org/grammar/english-grammar-reference/present-perfect>

10. Oxford Learner's Dictionaries. 2025 Oxford University Press. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

**ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО
ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ СМИ (В КОНТЕКСТЕ СТАТЕЙ ПО
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ)**

Полубоярова Марина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода и практики перевода английского языка
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
(г. Москва, Россия),
доцент кафедры английского языка (второго)
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ
(г. Москва, Россия)
mvp1410@gmail.com
Кузнецова Вера Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка (второго)
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ
(г. Москва, Россия)
vera087@mail.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена рассмотрению особенностей визуальной медийной метафоры как средства эмоционального воздействия и социальной стигматизации. Актуальность данной темы обусловлена недостаточной изученностью роли визуальных метафор в медийных текстах, освещающих военно-политическую ситуацию в мире. Обосновывается, что визуальная метафора способствует активизации когнитивных схем, отвечающих за восприятие и осмысление имплицитных смыслов.

В рамках исследования были изучены визуальные метафоры по текущим военно-политическим событиям, представленные на сайте РИА Новости. Для достижения поставленных в исследовании задач применялся комплексный подход, объединяющий качественный и количественный анализ данных. Доказывается, что визуальные образы в печатных СМИ могут оказать такое же сильное воздействие на читателей, как и заголовки, которые идут над ними. Исследование вносит вклад в развитие теории визуальных метафор и теорию информационной войны.

Ключевые слова: визуальная метафора, вербальная метафора, медийный дискурс, стигматизация, инструмент «мягкой силы».

**VISUAL METAPHOR AS A MEANS OF EMOTIONAL AND COGNITIVE
IMPACT IN MODERN MEDIA (IN THE CONTEXT OF ARTICLES ON
MILITARY AND POLITICAL EVENTS)**

Poluboyarova Marina Vladimirovna
Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Translation Studies and English Translation Practice
of FSBEI HE “Moscow State Linguistic University”
(Moscow, Russia),
Associate Professor of the Department of English (Second Foreign Language)
of FSPMEI HE “Prince Alexander Nevsky Military University”
of the Ministry of Defense of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

mvp1410@gmail.com

Kuznetsova Vera Yuryevna

Candidate of Philology, Associate Professor

Associate Professor of the Department of English (Second Foreign Language)

of FSPMEI HE “Prince Alexander Nevsky Military University”

of the Ministry of Defense of the Russian Federation

(Moscow, Russia)

vera087@mail.ru

Abstract. The presented article is devoted to the consideration of the features of visual media metaphor as a means of emotional impact and social stigmatization. The relevance of this topic is due to the insufficient study of the role of visual metaphors in media texts covering the military-political situation in the world. It is substantiated that visual metaphor contributes to the activation of cognitive schemes responsible for the perception and comprehension of implicit meanings. The study examined visual metaphors for current military-political events presented on the RIA Novosti website.

To achieve the objectives of the study, an integrated approach was used, combining qualitative and quantitative data analysis. It is proved that visual images in print media can have the same strong impact on readers as the headlines that go above them. The study contributes to the development of the theory of visual metaphors and the theory of information warfare.

Keywords: visual metaphor, verbal metaphor, media discourse, stigmatization, soft power instrument.

Для цитирования: Полубоярова М.В., Кузнецова В. Ю. Визуальная метафора как средство эмоционально-когнитивного воздействия в современных СМИ (в контексте статей по военно-политическим событиям)// Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 110-122. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-110-122

Введение

Не секрет, что сегодня современные СМИ достаточно активно обращаются к различным средствам воздействия на читателей, чтобы не просто удержать их внимание, но и сформировать у них определенное отношение к конкретным лицам, проблеме или ситуации. Достаточно много исследований посвящено анализу средств воздействия и, в том числе, метафоре как оружию «мягкой силы»: О. И. Калинин (теория креативной метафоры) [3], Е.Б. Рябых (концепция функционирования индивидуально-авторской метафоры) [4],], Э. В. Будаев (роль метафора в политической коммуникации) [1], В. Е. Чернявская (визуальная метафора в персуазивной коммуникации) [6], V. Bardzokas (проблемные аспекты интерпретации креативной метафоры) [10], А. Б. Елизаров (Лингвопрагматический потенциал метафоры в военно-политическом дискурсе) [2], В. Birdsell, N. Tatsuta (лингвокогнитивные основы визуальной метафоры) [11], N. Kravchenko, M. Prokopchuk (анализ визуальных метафор с использованием инструментов теории

релевантности) [12]. Тем не менее, не так много исследований, изучающих роль визуальной метафоры в современных печатных и онлайн СМИ.

Полагаем, что визуальные метафоры могут занимать иногда более выгодные позиции по сравнению с вербальными, т.к. имеющиеся возможности наложения различных семиотических систем могут создавать более яркие и запоминающиеся образы.

Методология и источники

В настоящее время не вызывает сомнения, что политическая метафора является одним из эффективнейших средств манипулирования общественным сознанием. Подтверждение данной мысли можно найти в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. По мнению ученых, метафора является мощным инструментом, который связывает, казалось бы, не связанные концепции посредством образов, создавая более глубокий смысл и эмоциональный резонанс. Это не просто риторические приемы, а фундаментальные аспекты того, как мы понимаем и взаимодействуем с миром, формируем наши мысли и восприятие [4]. Данное утверждение в равной степени может относиться как к вербальным, так и визуальным метафорам, поскольку визуализация в меньшей степени позволяет и помогает осознать неизвестное и труднопознаваемое.

Значимый вклад в исследования визуальной метафоры внесла группа ученых из Уральского педагогического университета под руководством А. П. Чудинова. В рамках их научной деятельности метафора рассматривается в контексте невербальных семиотических систем на основе реализованных медиатекстов [8; 9].

Важно отметить и научные изыскания Н. М. Чудаковой [7]. Исследователь выявила взаимозависимость и взаимодополнение между метафорической системой и видеорядом креолизованного текста. Она также отмечает, что метафора неразрывно связана с национальной культурой, что делает изучение визуальной метафоры эффективным способом верификации теории когнитивной природы метафоры.

Если исследования вербальной метафоры как отдельного феномена начались достаточно давно, то сопоставительные исследования визуальных и вербальных метафор в печатных и онлайн СМИ появились относительно недавно.

Увеличение количества визуальных элементов в СМИ свидетельствует о том, что подобное средство создания образности является достаточно эффективным.

В общем и целом, визуальные метафоры в текстах средств массовой информации можно условно разбить на несколько групп. К ним относятся:

1. Абсолютно визуальные метафоры (не содержат вербальных элементов). Чаще всего такие метафоры являются самодостаточными и не вызывают когнитивной перегрузки. Однако даже такие метафоры должны рассматриваться в контексте статьи, поскольку их значение тесно связано с заголовком и основным текстом (примеры будут представлены ниже).

2. **Визуальные метафоры с вербальной вставкой**, которые встречаются гораздо чаще. Подобные метафоры обычно идут в связке с вербальным текстом. Например, на одной из обложек журнала *The Economist*⁴³, посвященной политике Д. Трампа, представлено множество выразительных средств – как визуальных, так и вербальных. Карикатура выполнена в стиле постера фильма «12 друзей Оушена». На обложке: президент США Дональд Трамп идет впереди, а за ним следуют лидеры многих держав: глава КНР Си Цзиньпин, наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман ас-Сауд, турецкий лидер Реджеп Тайип Эрдоган, премьер Израиля Беньямин Нетаньяху. Данная визуальная метафора призвана показать, что приблизился мир, в котором крупные государства ведут свою политику, запугивают мелкие государства и пытаются управлять миром. Главным же политическим «трансформатором» является Д.Трамп. Его фигура изображена на переднем плане: она значительно больше фигур остальных политиков. Дополнительно на обложке присутствует вербальная метафора – «Donald Trump has begun a mafia-like struggle for global power» («Дональд Трамп начал мафиозную борьбу за мировую власть»).

3. **Визуальные метафоры, требующие вербальной подписи**. Этот тип встречается реже и нуждается в дополнительной поддержке со стороны текста. Например, в статье на новостном сайте «The Babylon bee»⁴⁴ представлен визуальный метафорический образ: Сатана с табличкой «No King Of Kings» и заголовок «Satan Holds 'No King Of Kings' Rally». Здесь мы видим игру слов, которая подкрепляется визуальным образом. Чтобы понять, о чем идет речь, необходимо знать, откуда пошла фраза «No Kings» («Нет Королям»). Данная фраза связана с массовыми протестами в США в рамках акции «No Kings», в результате которой погибло много мирных жителей. Фраза «King Of Kings» («Царь царей») имеет религиозный смысл. Этот титул связан с Иисусом Христом, который в христианской традиции считается «Царем царей» или «Царем царствующих». Трамп во время своего инаугурационного выступления пытался показать, что он и есть Мессия. Задача визуального образа в данной статье показать в саркастической форме, что никто не верит, что Трамп – это посланник Бога, который должен спасти весь мир.

На основе этих примеров можно предположить, что агрегация вербальной и визуальной метафоры является динамическим процессом, оказывающим сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Кроме того, агрегация вербальной и визуальной метафоры представляет собой синтез интертекстуальных, онтологических и ассоциативных метафор. Для их создания и правильной интерпретации необходимо обладать историческими, культурными знаниями, а также понимать идеологические установки, доминирующие в обществе. В основе визуальной метафоры лежат коллективные символы, имеющие важное значение для общества. Выбирая метафору для своего материала, авторы статей должны обязательно учитывать

43 The Economist. URL: <https://dzen.ru/a/Z-mIsx69KxZ2lPdZ>

44 The Babylon Bee. URL: <https://babylonbee.com/news/satan-holds-no-king-of-kings-rally>

ее предшествующий контекст и ассоциации, которые она может вызывать у читателей.

Агрегация визуальной и вербальной метафор также заслуживает особого внимания поскольку является источником имплицитной информации.

В рамках данной статьи будут рассмотрены только абсолютно визуальные метафоры. Важно отметить, что абсолютно визуальные метафоры в современных СМИ обычно несут либо позитивный (аттрактивный эффект), либо негативный (репеллентный эффект) эмоциональный заряд, тем самым осуществляя воздействие на эмоциональном и психологическом уровне.

Проведенный анализ примеров позволил разделить абсолютно визуальные метафоры на три группы.

1. Группа образов: позиция «сильный/ слабый».
2. Группа образов: позиция «противник слаб».
3. Группа образов: позиция «мы сильные».

Рассмотрим каждую из обозначенных групп отдельно. К первой группе (позиция «сильный/ слабый») относятся визуальные метафоры, содержащие в себе некий контраст или противопоставление. Подобные визуальные образы способны ярко отражать основное содержание статьи. Кроме того, следуя за заголовком подобные образы усиливают эффект, достигнутый за счет вербального метафорического образа в заголовке.

Не под дых, а в сердце: Украина получила удар, от которого уже не оправится

Рисунок 1

Только не это: перед переговорами в Стамбуле Путин рассказал про страх

Рисунок 3

Вместо Ирана должна была быть Россия: подлый удар по Калининграду сорвался

Рисунок 2

Вот за это не прощу: Трамп твердо решил арестовать Зеленского

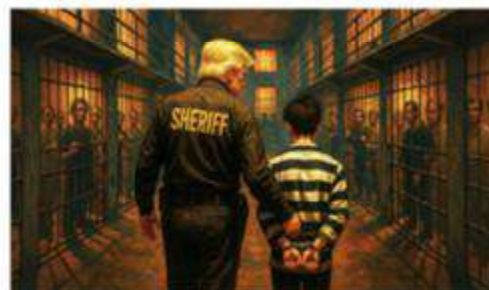

Рисунок 4

Представленные визуальные политические метафоры были использованы в статьях, размещенных на сайте РИА Новости, посвященных ходу специальной военной операции. Данные визуальные образы являются очень яркими и запоминающимися. Они усиливают

значение вербальных метафорических образов, представленных в заголовке. Первая визуальная метафора (рис.1⁴⁵) призвана показать, что Украина несмотря на поддержку Европы не сможет одержать победу в СВО. Интересно, что визуальная метафора дублирует вербальную метафору в заголовке, оказывая сильное как когнитивное (за счет необходимости анализа креативного вербального образа), так и эмоциональное воздействие (за счет яркого визуального образа). Такой же эффект достигается, если обратиться к рис.3⁴⁶.

Рис. 2⁴⁷ и рис. 4⁴⁸ интересны тем, что превосходство одной стороны выражено через гиперболу, т.е. фигура лидирующей стороны значительно увеличена, тогда как фигура слабой стороны намеренно уменьшена. Например, на рис.2 медведь (образ России) формирует в сознании читателя следующие ассоциации: большой, сильный, хитрый, беспощадный, дающий отпор, а котята (европейские страны) символизируют неопытность, некомпетентность и даже наивность. Представленные образы создают саркастический эффект и подчеркивают контраст между желаемым и реальным положением дел. На рис. 4 представлены президент США Д. Трамп и президент Украины В. Зеленский. Фигура Д.Трампа значительно больше фигуры Зеленского, что говорит о политической силе президента США и его нежелании налаживать связи с Зеленским.

Ко второй группе (позиция «противник слаб») относятся визуальные метафорические образы, формирующие негативное отношение к отдельному человеку или группе лиц на основании каких-то психологических, физических, интеллектуальных и других особенностей (стигматизация).

"Этому клоуну конец": Зеленский переступил последнюю красную линию Трампа

Рисунок 5

Лучше смерть: европейцы признались в главном животном страхе перед Россией

Рисунок 6

Кишка тонка: европейцы испугались вводить "мирные войска" на Украину

Рисунок 7

Чтобы загнать в угол Россию, США и Украина красиво облапошили друг друга

Рисунок 8

45 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250611/ukraina-2022114804.html>

46 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250616/kaliningrad-2022967990.html>

47 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250616/kaliningrad-2022967990.html>

48 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250524/tramp-2018755130.html>

Представленные выше рисунки (рис. 5⁴⁹, рис. 7⁵⁰) являются яркими примерами визуальной метафоры, направленной на формирование отрицательного отношения к конкретным лицам и странам. На рис. 5 можно увидеть яркий образ клоуна, символизирующий президента Украины В. Зеленского (это связано с тем, что он был комиком). Более того, данный образ намекает на то, что В. Зеленский является марионеткой, которая дергает конечностями на сцене под красивую «англосаксонскую дудку», и, что США не планируют учитывать его мнение. Не менее интересны и рисунки 6⁵¹ и 7, изображающие европейские войска, которые боятся противостоять России, т.к. понимают, что это значит идти на смерть (образ Смерти с косой над европейскими войсками символизирует неизбежность их гибели на поле боя, а образ французских и британских солдат в памперсах показывает их реальную смелость и нежелание принимать участие в боевых действиях на Украине).

Рис. 8⁵² является символически насыщенным. Представленные персонажи – президенты США и Украины – предстают шулерами, которые пытаются обыграть друг друга. Карта «королева бубен» в руках Д. Трампа символизирует практичность и дальновидность президента США, а также мудрость в управлении ресурсами.

Раз так, будем добивать: Россия
исчерпала добрую волю

Рисунок 9

Будет вот так или никак: Москва в
итоге додала Киев и Вашингтон

Рисунок 10

Слово "Орешнику": Путин больше
ничего говорить не будет

Рисунок 11

Запад в смятении: Россия знает, как
спасти весь мир

Рисунок 12

49 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250417/zelenskiy-2011701790.html>

50 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250412/ukraina-2010849766.html>

51 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250619/evropa-2023780611.html>

52 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250502/ugol-2014595625.html>

Рисунки 9–12 направлены на формирование у читателя позитивного образа России. Данные визуальные образы призваны отразить смелость российских военнослужащих (рис 9⁵³), мощь военной техники (рис. 10⁵⁴, рис. 11⁵⁵), доброту русского человека (рис 12⁵⁶). Отметим, что заголовки помогают усилить эмоциональный эффект абсолютно визуальных метафор.

Результаты

Проведенный анализ визуальных медийных метафор в контексте современных военно-политических событий позволил составить их типологизацию (см. таблица 1).

Таблица 1. Типологизация абсолютных визуальных медийных метафор в контексте современных военно-политических событий

Группы образов	Характеристики	Эффективность
позиция «сильный – слабый»	Использование двух образов (персонажей), связанных между собой по тематическому принципу. Один образ (персонаж) в обязательном порядке доминирует над другим (см. рис.1-4). За счет этого у аудитории формируется понимание того, что власть распределена неравномерно (один партнер контролирует другого, принимает решения, а другой вынужден подчиняться) и кто является реальным «хозяином» ситуации. Очень часто подобные образы строятся на саркастической подоплеке.	Является эффективным средством воздействия, т.к. в яркой и доступной для понимания форме расставляет приоритетные роли всех политических игроков на мировой арене.
Позиция «противник слаб» (стигматизация)	Использование семиотических и символических знаков, направленных на формирование образа слабого противника. Обычно строятся на основе ярких, саркастических образов (см. рис 5-8).	Является эффективным средством для создания отрицательного образа врага.
Позиция «мы сильные» (позиция самоутверждения)	Использование символических и семиотических знаков, которые демонстрируют силу страны, мужество ее граждан, превосходство техники.	Является эффективным средством для формирования веры в свое превосходство, мощь и укрепления чувства патриотизма.

53 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250601/rossiya-2020171257.html>

54 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250326/politika-2007328731.html>

55 РИА Новости. URL: https://ria.ru/20241122/oreschnik_putin-1985104980.html

56 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240508/rossiya-1944512042.html>

В рамках исследования был также проведен эксперимент, в котором приняли участие 30 человек (возраст участников от 20 до 30 лет). Участникам эксперимента было предложено изучить представленные выше визуальные метафорические образы и оценить их по шкале эмоционального воздействия от 0 до 5, где 0 – отсутствие воздействия, образ не интересен, а 5 – сильное эмоциональное и когнитивное воздействие, образ является интересным и запоминающимся. Цель эксперимента состояла в том, чтобы определить, как сегодня воспринимаются визуальные образы.

Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты оценки визуальных метафор (по шкале эмоционального воздействия)

	0	1	2	3	4	5
Рис.1	3 (10%)	0 (0%)	3 (10%)	6 (20%)	3 (10%)	15 (50%)
Рис.2	0 (0%)	3 (10%)	0 (0%)	3 (10%)	6 (20%)	18 (60%)
Рис. 3	0 (0%)	2 (6.67%)	3 (10%)	4 (13.33 %)	6 (20%)	15 (50%)
Рис.4	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	6 (20%)	9 (30 %)	15 (50%)
Рис.5	3 (10%)	0 (0%)	0 (0%)	9 (30%)	3 (10%)	15 (50%)
Рис. 6	0 (0%)	0 (0%)	3 (10%)	6 (20%)	3 (10%)	18 (60%)
Рис.7	0(0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	8 (26.67 %)	22 (73.33%)
Рис. 8	0 (0%)	2 (6.67%)	6 (20%)	7 (23.33%)	6 (20%)	9 (30%)
Рис. 9	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	30 (100%)
Рис. 10	0 (0%)	0 (0%)	3 (10%)	3 (10%)	10 (33.33%)	14 (46.67%)
Рис. 11	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	2 (6.67%)	28 (93.33%)
Рис. 12	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	9 (30 %)	21(70%)

Представленные выше результаты убедительно доказывают, что визуальные метафорические образы являются достаточно яркими, оказывающими сильное эмоциональное воздействие. Интересно, что рис. 9 (образ российских военнослужащих), по мнению участников эксперимента, оказывает сильное эмоциональное и когнитивное воздействие. Рис. 11 (образ «Орешника») по эмоциональности оказался на втором месте. Рис. 7 (образ французских и британских солдат в памперсах) также оказался ярким и эмоциональным. Самым неэмоциональным оказался рис. 8 (образ двух шулеров – Д. Трампа и В. Зеленского).

Выводы

Результаты исследования показали, что визуальная метафора способна оказывать сильное эмоциональное и когнитивное воздействие. Участники эксперимента достаточно высоко оценили визуальные образы, связанные с новостями о ходе СВО.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует еще раз отметить, что визуальная метафора является важным инструментом воздействия на аудиторию. За счет удачного сочетания вербального метафорического образа (в заголовке) с визуальным метафорическим образом формируется многомерный образ, оказывающий воздействие как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне.

Данные образы способны в значительной степени влиять на сознание аудитории, формируя то или иное отношение, за счет апеллирования к конкретным чувствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э.В. Метафора в политической коммуникации: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
2. Елизаров, А. Б. Лингвопрагматический потенциал метафоры в военно-политическом дискурсе : на материале английского и русского языков : дис. ... к. филол. наук : 5.9.8. / А. Б. Елизаров. – Москва, 2024. – 152 с. Текст : электронный. – URL : https://vumo.mil.ru/upload/site57/document_file/4xyKYZnmR8.pdf?ysclid=mcembmr1vb501018707 (дата обращения: 25.05.2025).
3. Калинин, О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: 10.02.19 «Теория языка (филологические науки)»: дис. ... д-ра филол. наук / Калинин Олег Игоревич. Москва, 2022. – 480 с. Текст : электронный. – URL: <https://www.mgpu.ru/dissertatsiyakalinina-o-i/> (дата обращения: 22.06.2025).
4. Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Рябых Е. Б. Порождение, понимание и распознавание индивидуально-авторской метафоры в рамках художественного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 4. – С. 90–98.
6. Чернявская, В.Е. Визуальная метафора в персуазивной коммуникации / В.Е. Чернявская, Н.Э. Горшкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.М. Герцена. – 2021. – № 202. – С. 175–182.
7. Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 277 с.
8. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург, 2003. – 251 с.
9. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография. Екатеринбург, 2001. – 242 с.
10. Bardzokas V. Creative metaphors and non-propositional effects: An experiment. Pragmatics Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA). 2024. Pp. 473–500. URL : https://www.researchgate.net/publication/373206111_Creative_metaphors_and_non-propositional_effects_An_experiment (дата обращения: 25.05.2025).
11. Birdsell J, Tatsuta N. Effects of Visual Metaphors on Enhancing the Power of Advertisements. IAFOR Journal of Psychology & the Behavioral Sciences. 8. 2022, 5-22. Текст : электронный. – URL : https://www.researchgate.net/publication/362659142_Effects_of_Visual_Metaphors_on_Enhancing_the_Power_of_Advertisements (дата обращения: 25.05.2025).
12. Kravchenko, N., Prokopchuk, M., Muntian, O., Zvereva, M., & Kozachuk, A. Visual metaphor analysis: a relevance theory approach. Amazonia Investiga, 13(80),

2024. Рр. 233-241. Текст: электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/385023634_Visual_metaphor_analysis_a_relevance_theory_approach (дата обращения: 25.05.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. The Babylon Bee. URL: <https://babylonbee.com/news/satan-holds-no-king-of-kings-rally> (дата обращения: 21.06.2025).
2. РИА Новости. URL: <https://dzen.ru/a/Z-mIsx69KxZ2lPdZ> (дата обращения: 21.06.2025).
3. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250611/ukraina-2022114804.html> (дата обращения: 21.06.2025).
3. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250616/kaliningrad-2022967990.html> (дата обращения: 21.06.2025).
4. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250616/kaliningrad-2022967990.html> (дата обращения: 21.06.2025).
5. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250524/tramp-2018755130.html> (дата обращения: 21.06.2025).
6. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250417/zelenskiy-2011701790.html> (дата обращения: 21.06.2025).
7. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250412/ukraina-2010849766.html> (дата обращения: 25.05.2025).
8. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250619/evropa-2023780611.html> (дата обращения: 21.06.2025).
9. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250502/ugol-2014595625.html> (дата обращения: 21.06.2025).
10. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250601/rossiya-2020171257.html> (дата обращения: 21.06.2025).
11. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250326/politika-2007328731.html> (дата обращения: 21.06.2025).
12. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20241122/oreshnik_putin-1985104980.html (дата обращения: 21.06.2025).
13. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240508/rossiya-1944512042.html> (дата обращения: 21.06.2025).

REFERENCES

1. Budaev E.V. (2008). Metafora v politicheskoi kommunikatsii: monografiia [Metaphor in political communication]. Moskow : Flinta : Nauka. 248 p. (In Russian).
2. Elizarov, A. B. (2025). Lingvopragmaticheskiy potentsial metafory v voenno-politicheskom diskurse : na materiale angliyskogo i russkogo yazikov [The linguapragmatical potential of metaphor in military political discourse]. dis. ... k. ilol. nauk. Moskva, ilol. nauk. Moskva, 152 p. URL : https://vumo.mil.ru/upload/site57/document_file/4xyKYZnmR8.pdf?ysclid=mcembmr1vb501018707 (In Russian).
3. Kalinin, O. I. (2022). Funktsional'nyi potentsial metafory v diskurse [The functional potential of metaphor in discourse]. dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 480 p. URL : <https://www.mgpu.ru/dissertatsiyakalinina-o-i/> (In Russian).

4. Lakoff D., Dzhonson M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moskva: Editorial URSS. 256 p. (In Russian).

5. Riabykh E. B. (2021). Porozhdenie, ponimanie i raspoznavanie individual'no-avtorskoi metafory v ramkakh khudozhestvennogo diskursa [Generation, understanding and recognition of individual-authorial metaphor within the framework of artistic discourse] // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2021. no 4. Pp. 90–98. (In Russian).

6. Cherniavskaia, V.E. (2021). *Vizual'naia metafora v persuazivnoi kommunikatsii* [Visual Metaphor in Persuasive Communication]// *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.M. Gertsena*. 2021. No 202. pp. 175–182. URL:

https://www.researchgate.net/publication/357536486_Vizualnaa_metafora_v_persuazivnoj_kommunikatsii (In Russian).

7. Chudakova N. M. (2005). *Kontseptual'naia oblast' «Nezhivaia priroda» kak istochnik metaforicheskoi ekspansii v diskurse rossiiskikh sredstv massovoi informatsii (2000-2004 gg.)* [The conceptual area of "Inanimate nature" as a source of metaphorical expansion in the discourse of Russian mass media (2000-2004)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 277 p. (In Russian).

8. Chudinov A.P. (2003). *Metaforicheskaiia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern politics] : Monografiia. Ekaterinburg. 251 p. (In Russian).

9. Chudinov A.P. (2001). *Rossiiia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991 – 2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991 – 2000)]. Monografiia. Ekaterinburg, 2001. 242 p. (In Russian).

10. Bardzokas V. (2024). Creative metaphors and non-propositional effects: An experiment. *Pragmatics Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA)*. 2024. Pp. 473 – 500. URL: https://www.researchgate.net/publication/373206111_Creative_metaphors_and_non-propositional_effects_An_experiment

11. Birdsell J, Tatsuta N. (2022). Effects of Visual Metaphors on Enhancing the Power of Advertisements. *IAFOR Journal of Psychology & the Behavioral Sciences*. 8. 2022, 5- 22 URL : https://www.researchgate.net/publication/362659142_Effects_of_Visual_Metaphors_on_Enhancing_the_Power_of_Advertisements

12. Kravchenko, N., Prokopchuk, M., Muntian, O., Zvereva, M., & Kozachuk, A. (2024). Visual metaphor analysis: a relevance theory approach. *Amazonia Investiga*, 13(80), 2024. Pp. 233– 241. URL : https://www.researchgate.net/publication/385023634_Visual_metaphor_analysis_a_relevance_theory_approach

LIST OF SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. The Babylon Bee. URL: <https://babylonbee.com/news/satan-holds-no-king-of-kings-rally>

2. RIA Novosti. URL: <https://dzen.ru/a/Z-mIsx69KxZ2lPdZ> (In Russian).

3. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250611/ukraina-2022114804.html> (In Russian).
4. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250616/kaliningrad-2022967990.html> (In Russian).
5. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250616/kaliningrad-2022967990.html> (In Russian).
6. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250524/tramp-2018755130.html> (In Russian).
7. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250417/zelenskiy-2011701790.html> (In Russian).
8. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250412/ukraina-2010849766.html> (In Russian).
9. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250619/evropa-2023780611.html> (In Russian).
10. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250502/ugol-2014595625.html> (In Russian).
11. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250601/rossiya-2020171257.html> (In Russian).
12. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20250326/politika-2007328731.html> (In Russian).
13. RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20241122/oreshnik_putin-1985104980.html (In Russian).
14. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20240508/rossiya-1944512042.html> (In Russian).

УДК 811.161.3'373.2:821.161.3

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7618-4241>

ХРОНОНИМЫ КАК НАЗВАНИЯ ПРАЗДНИКОВ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Сливец Ольга Григорьевна

кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина»
(г. Мозырь, Республика Беларусь)
olgaslivets@mail.ru

Аннотация. В статье на материале поэзии Николая Метлицкого, Анатолия Зекова и Михаила Башлакова рассматриваются функциональные возможности и специфика использования хрононимов как названий праздников белорусского народного календаря в художественном контексте, определяется роль этих единиц номинации в отражении национально-культурных реалий, народных традиций и представлений белорусов. Актуальность исследования видится в том, что анализ художественных текстов как образного отражения действительности, с акцентом на изучении роли хрононимов в пространственно-временной организации литературных произведений, позволяет обобщить закономерности её художественного построения в общей картине национального образа мира. Сделан вывод о полифункциональности (выражение временных отношений, формирование хронотопа,

образная, эмоционально-стилистическая функции) хрононимических номинаций в художественном произведении.

Ключевые слова: образ, художественный контекст, народный календарь, семантика, функции, хрононим.

CHRONONYMS AS NAMES OF FOLK CALENDAR HOLIDAYS IN THE ARTISTIC TEXT

Slivets Olga Grigoryevna

Candidate of Philology, Head of the Research Sector
of EI “Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin”
(Mozyr, Republic of Belarus)
olgaslivets@mail.ru

Abstract. The article deals with the functional possibilities of the poetry, written by Mikola Myatlitsky, Anatol Zekau, and Mikhas Bashlakou; the author reveals the peculiarities of using chrononyms as holidays names of the Belarusian folk calendar in the artistic context, outlines the role of nomination units in reflecting national and cultural realities, folk traditions, and ideas of Belarusians. The relevance of the study is given in the fact that with an emphasis on studying the role of chrononyms in the spatial and temporal organization of literary works the artistic texts analysis as figurative reflection of reality gives the possibilities to generalize the patterns of its artistic construction in the overall picture of the national image of the world. The author makes the conclusion about the multifunctionality (expression of temporal relations, formation of a chronotope, imaginative, emotional-stylistic functions) of chrononymic nominations within the framework of an art work.

Keywords: image, artistic context, folk calendar, semantics, functions, chrononym.

Для цитирования: Сливец О. Г. Хрононимы как названия праздников народного календаря в художественном тексте // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 122-132. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-122-132

Народны каляндар – гэта адна з першасных форм адлюстравання духоўнага быцця чалавека, якая ўвабрала ў сябе памяць і свядомасць цэлага народа, веды і вопыт яго штодзённых назіранняў і клопатаў. Святы, абрады, звычаі сталі адбіткам усталяванага ладу жыцця, які грунтуецца на цэлым комплексе каляндарных ведаў (фэналагічных, астранамічных, аграрна-аэраграфічных і інш.) і вераванняў, што складваліся на працягу шэрагу стагоддзяў. Адпаведна, у тэрміналогіі беларускага народнага календара выявіліся традыцыйныя ўяўленні, у якіх спалучыліся язычніцкія і хрысціянскія погляды на парадак светаўладкавання, у тым ліку яго прасторава-часавую арганізацыю, пэўныя асаблівасці гісторыка-культурнага развіцця грамадства.

Хрононімы як уласныя імёны асобных адрэзкаў часу, назвы народных свят у прыватнасці, неаднаразова становіліся аб'ектам навуковай цікавасці не толькі фалькларыстаў, этнографістаў, але і лінгвістаў. Варта прыгадаць комплексную этналінгвістычную працу С. Талстой, прысвечаную вывучэнню традыцыйнага народнага календара Палесся, у тым ліку і каляндарнай тэрміналогіі (назваў свят,

асобных дат і перыядаў года, ушанаваных і “небяспечных” дзён), якая, паводле высновы даследчыцы, мае дыялектны характар і спалучае ў сабе царкоўныя паводле паходжання хранонімы, адаптаваныя і мадэфікаваныя, часта пад уздзеяннем народнай этымалогіі, і ўласна народныя намінацыі, што нярэдка адлюстроўваюць міфарытуальны змест свята ці пэўнага перыяду [18].

ДысERTAцыйная праца В. Атрошанка прысвечана рускай народнай хрананіміі – назвам каляндарных дат, перыядаў і свят, якія выяўляюць у сваіх значэннях і сістэмных сувязях характэрныя для традыцыйнай культуры прадстаўленні аб каляндарным часе [1]. Важным вынікам гэтага даследавання, як нам здаецца, стала абагульненне сістэмна-функцыянальных асаблівасцей хранонімаў і прынцыпаў іх лексікаграфічнага апісання, што атрымала далейшы працяг у выданні этналінгвістычнага слоўніка, які ўвабраў ў сябе звыш 7000 каляндарных назваў дзён, тыдняў, свят, прырададней, пастоў, а таксама звязаных з імі звычайў, павер’яў, абрадаў, прыкмет [2].

Да шматаспектнай характарыстыкі рускай хрананіміі (з выкарыстаннем матэрыялаў палескай – рускай, украінскай і беларускай – хранонімнай лексікі) звяртаўся і С. Рэммер. Хранонімы ім разглядаюцца як асобы клас уласных імёнаў, прызначэнне якіх звязана з адлюстраваннем асаблівасцей нацыянальнай гісторыі, культуры і побыту народа. Аналізуючы спецыфіку функцыянавання хранонімаў, ён разглядаў іх выкарыстанне ў розных стылях маўлення: газетнай перыёдыцы, літаратурных творах, размоўным маўленні і ў фальклору [16].

На матэрыяле поўнага корпуса беларускамоўных тэкстаў мастацкай літаратуры XIX стагоддзя хранонімы як уласныя назвы аб’ектаў духоўнай культуры ў ліку іншых разрадаў прапрыяльнай лексікі вывучала Н. Сянкевіч, якая звяртала ўвагу на шматварыянтнасць найменняў свят, абумоўленую поліканфесіянальнасцю рэлігійнага жыцця беларусаў [17].

Аднак у літаратурнай анамастыцы храноніменная лексіка не атрымала яшчэ сістэмнага апісання. У большасці даследаванняў гэтыя моўныя адзінкі разглядаюцца як частка перыферыйнага анамастыкону твораў асобных аўтараў [7], [8], [19], [20]. Аднак, на наш погляд, вывучэнне функцыянальных магчымасцей хранонімаў у паэтаніміконе твораў пэўных мастакоў слова бачыцца перспектыўным напрамкам анамастычных даследаванняў, бо любы мастацкі тэкст ёсць вобразнае адлюстраванне рэчаіснасці, змадэляванай пасродкам ўяўлення, аўтарскай светапогляднай канцэпцыі, што ў сваю чаргу дае магчымасць зрабіць выснову адносна заканамернасцей яе канструявання як часткі нацыянальнага вобраза свету.

Мэтаю нашага даследавання стала апісанне функцый і спецыфікі выкарыстання хранонімаў (як назваў свят народнага календара беларусаў) у анамастычнай прасторы мастацкіх тэкстаў Міколы Мятліцкага, Анатоля Зэкава і Міхася Башлакова. Усе названыя аўтары з’яўляюцца ўраджэнцамі Гомельшчыны, што рэгіянальна яднае створаныя імі вобразы-локусы (пераважна Палесся). Адпаведна, быў ажыццёўлены адбор хранонімаў, прааналізаваны мастацкія кантэксты іх ужывання і акрэслена роля хранонімных адзінак у адлюстраванні нацыянальна-культурных рэалій. З выкарыстаннем апісальна-

інтэрпрэтацыйнага і стылістычнага метадаў вывучэння онімных адзінак у мастацкім тэксце, сабраных шляхам мэтавай выбаркі, здзейснены іх кантэкстуальны аналіз.

Намі былі зафіксаваны наступныя хранонімы: *Вадохрышча, Дзяды, Каляды, Купалле, Куцця, Мікола, Радаўніца, Чысты чацвер, Усе Святые, Узвіжанне, Яблычны Спас / Спас*. Разгледзім асаблівасці іх функцыянавання і спосабы ўвядзення ў мастацкі тэкст падрабязней.

Хранонімы з’яўляюцца адзінкамі катэгорыі часу. Іх тэмпаральная семантыка дапамагае суаднесці дзеянне з пэўным часам ці падзеямі. Напрыклад: *Іх дзеці, што тут нарадзіліся, ходзяць у школу, / Збіраюцца ў маі ісці ў Варацец на Міколу* [13, с. 321]. У дадзеным выпадку хранонім *Мікола* фармальна выражаны антрапонімам (агіёнімам) – імем хрысціянскага святога *Мікалая Мірлікійскага*, вядомага ў народзе як *Мікалай Цудатворац, Мікалай Угоднік*. У беларускім народным календары *Мікола* адзначаецца двойчы – 22 мая і 19 снежня: “І Мікола зімовы, і Мікола летні як бы адкрывалі кожны свой сезон” [5, с. 324]. Відавочна, што ў прыведзеных радках з верша М. Мятліцкага ідзе размова пра *Міколу летняга*.

Аднак у межах мастацкага твора гэтыя лексічныя адзінкі выражаюць не толькі часавыя адносіны. Апелюючы да шырокага кола экстралінгвістычных фактаў, яны выразна дэманструюць комплекс нацыянальна-культурных і рэгіянальных уласцівасцей, што дапаўняе мастацкі кантэкст і вобразную арганізацыю літаратурнага тэксту. Параўнайце: *У самы час Каляд захлюпала прырода, / Вятрыстаю рукой сцірае хмар свінец, / Змяшаліся ў адну чатыры поры года, / Нібыта настае біблейскі той канец* [12, с. 63]. У дадзеным прыкладзе аўтар засяроджвае ўвагу на неадпаведнасці пэўных прыродных з’яў з часам іх працякання, на які ўказвае хранонім, узмацняючы такім чынам мастацкі вобраз: вядома, што *Каляды* прыпадаюць на самы халодны перыяд года – з 6 па 19 студзеня. Як гавораць у народзе, “Калядкі – добрыя святкі, але мароз пракляты”. Аднак тое надвор’е, якое апісана ў вершы, для гэтай пары нехарактэрна.

Увогуле *Каляды* з’яўляюцца адным з самых урачыстых і старажытных святкаванняў усяго года, адносна якога існуе шмат народных уяўленняў і павер’яў. Так, у вершы М. Мятліцкага “Ваўкі” хранонім *Куцця*, матываваны назвай рытуальнай стравы, што гатуецца на прэдадзень калядных свят, таксама ўзнаўляе шэраг асацыяцый, звязаных з гэтым святочным перыядам: *Самотна нуднага выця / Густую цемрань кроцяць зыкі. / – Не ў час выюць! / – Бы ўжо Куцця! – / Касцоў-начлежнікаў ускрыкі* [13, с. 120]. Пачатак *Каляд* супадае з канцом шасцітыднёвага *Піліпаўскага посту*, калі, як заўважылі нашы продкі, ваўкі збіраюцца ў зграі і ў лесе становіцца асабліва небяспечна. На гэты конт казалі: “разгуляцца як ваўкі на Піліпаўку”, “выць як воўк у Піліпаўку”.

Дзень завяршэння *Каляд* прыпадае на *Вадохрышча*, калі святкуецца хрышчэнне Ісуса Хрыста. Каляндарна *Вадохрышча* супадае з самым халодным перыядам зімы, пасля якога, паводле народных уяўленняў, год паварочваецца на лета: “Трэшчы – не трэшчы, прайшлі Вадахрэшчы. Не к Раству, а к Пятру!” [5,

с. 61]. Нездарма і месяц, калі адзначаецца гэтае свята, мае такую “гаворачую” назву: *студзень* ← *сцюдзёны*. У прааналізаваных намі мастацкіх кантэкстах зафіксавана толькі адно словаўжыванне гэтага храноніма, які дапамае акрэсліць агульны фон дзеяння твора: *Вадохрышча. Мароз траскучы* [11, с. 207].

Калі яшчэ ў старажытнасці святкаванне *Каляд* звязвалі з зімовым сонцастаяннем, то да летняга прымеркавана *Купалле*. Нягледзячы на тое, што ў хрысціянстве гэтае свята судносіцца з днём Раства Іаана Хрысціцеля, якое праваслаўныя адзначаюць у ноч з 6 на 7 ліпеня, і сёння ў народнай традыцыі захоўваецца вельмі выразны язычніцкі след у купальскай абраднасці, прасякнутай міфалагічнымі ўяўленнямі, што ў першую чаргу датычацца культу агню і вады: *Гараць Купальскія агні / і зырка асвятляюць далеч, / і ноч глядзіць у твая дні, / якія ўзнікнуць за Купаллем*. <...> *Гараць Купальскія агні – / і па рацэ плывуць вяночкі* [10, с. 84]. Адначасова *Купалле* лічыцца часам разгулу звышнатуральных сіл прыроды, якія могуць прынесці шмат шкоды чалавеку і яго гаспадарцы. Натуральна, што містычнасць купальскай ночы натхніла не аднаго пісьменніка на стварэнне запамінальных мастацкіх вобразаў і сюжэтаў. У працытаваных вышэй радках з верша А. Зэкава ўзгадваецца вядомы абрад варажбы на вянках, якія пускалі па вадзе, каб даведацца, што чакае ў будучым.

Да падобных матываў звяртаецца і М. Башлакоў, па-мастацку пераасэнсоўваючы мінулае сваіх продкаў: *Вадзілі карагоды на Купалле. / Скакалі праз языцкія кастры. / Вянкі дзяўчаты па вадзе пускалі, / Каб прыплылі каханнем на зары* [3, с. 89]. Шчыра ўлюбёны ў Палессе паэт шмат твораў прысвяціў сваёй малой радзіме, спасцігаючы яе гісторыю і багатую культурную спадчыну: “Нідзе, напэўна, не захаваліся такія, як тут, старажытныя язычніцкія абрады і звычаі, а таксама даўнія, задумліва-пранізлівыя песні...” [9, с. 38].

Яшчэ ў адным вершы гэтага аўтара хранонім *Купалле* ўваходзіць у склад параўнальнай канструкцыі, якая задзейнічана ў стварэнні запамінальнага мастацкага вобраза, здольнага выклікаць у дасведчанага чытача пэўныя візуальныя асацыяцыі, якія ў сваю чаргу апелююць да ведаў у галіне беларускай міфалогіі: *А ў завадзі світальныя лілеі, / Як на Купалле рукі берагінь...* [4, с. 28]. Так, берагіні – гэта персанажы ўсходнеславянскай міфалогіі, якія ў беларускіх павер’ях часам атаясамліваюцца з русалкамі [6, с. 172].

Хранонімы ў спалучэннях з іншымі лексічнымі адзінкамі здольны ўскладняць мастацкі кантэкст за кошт актуалізацыі ў рэцыпіентаў фонавых ведаў рознага характару. На пэўную вопытнасць чытача, відаць, разлічваў і А. Зэкаў, ствараючы верш “Зварот да Купалы”, у якім чытаем наступныя радкі: *Прыйдзі, пясняр, зноў на Купалле, / прыйдзі, паглянь на нас і час: / а ці такімі сёння сталі, якімі марыў бачыць нас?* [11, с. 44]. Гэты твор прысвечаны *Янку Купале* (Івану Дамінікавічу Луцэвічу) – класіку беларускай літаратуры, чые імя з’яўляецца нацыянальна-прэцэдэнтным для беларусаў. Паэт нарадзіўся якраз у купальскую ноч. Адсюль і яго адметны псеўданім.

У вершы М. Мятліцкага “Чарнобыльскі ранак” тапонім *Чарнобыль* і хранонім *Купалле* выступаюць маркёрамі часу і дапамагаюць чытачу дакладна вызначыць дату нараджэння пляменніка аўтара, узнаўляючы шэраг

агульнавядомых не толькі для беларусаў фактаў і адпаведных канатацый (Чарнобыль → аварыя на Чарнобыльскай АЭС → 1986 год; Купалле → 6–7 ліпеня.). Параўнайце: *У той пракляты светам грозны год / На свет з’явіўся ён [пляменнік. – В.С.] у час Купалля, / Калі на рэчкі, жоўтыя ад ёду, / Свае вянкi пускала Беларусь* [14, с. 200].

Нельга не адзначыць, што чарнобыльская тэма стала адной з ключавых у творчасці многіх сучасных аўтараў, бо набыла для іх асабістую значымасць. Так, родная вёска М. Мятліцкага Бабчын, што на Гомельшчыне, у выніку гэтай тэхнагеннай катастрофы была адселена ў месцы, не забруджаныя радыяцый, і з 2011 года ўвогуле спыніла сваё існаванне. Паводле ўспамінаў паэта, бабчынцы вымушаны былі пакінуць свае сялібы на *Узвіжанне*: “27 верасня 1986 года Бабчын быў выселены. Якраз на святое Узвіжанне, рэлігійнае свята, якое адзначалася ў вёсцы штогод. У апошні раз перад развітаннем бабчынцы вынеслі сталы прама на вуліцу, выпілі горкую чарчыну ростані і выцерлі слёзы” [9, с. 292]. Аб гэтым жа гаворыцца ў вершы “Год”: “Нас высаляюць!” Неяк шпарка / Якiсь чужак ідзе сялом. / У хаце кожнай за сталом / **Узвіжання** астача-чарка [13, с. 107]. Сімвалічна, што згодна з народнымі ўяўленнямі ў гадавым коле гэта свята вылучаецца “як дзень шляху ў вырай птушак і змей (а з імі і душаў продкаў)” [5, с. 516]. Так і жыхары вёскі вымушаны былі падацца ў шлях, пакідаючы самае дарагое, каб уратаваць сваё жыццё. Між тым, у хрысціянскай традыцыі *Узвіжанне* з’яўляецца адным са значных свят у гонар Крыжа, на якім быў укрыжаваны Ісус Хрыстос, як сімвала выратавання чалавечага роду [5, с. 515].

Дарэчы, да сыходу, “здвіжання” змей беларусы адносяцца як да сакральнай і адначасова небяспечнай з’явы. У аднайменным вершы “*Узвіжанне*” іншага паэта – М. Башлакова – якраз узгадваецца гэта прыродная асаблівасць, калі змеі збіраюцца разам, рыхтуючыся да зімовага сну: *На Узвіжанне спаўзаюцца вужы / Па сцёжках таямнічых на паляны. / Гадзюкі свае чорныя крыжы / На гульбішча нясуць неспадзявана* [4, с.42].

Паводле апісанняў М. Мятліцкага, у яго родным Бабчыне *Узвіжанне* святкавалася даволі маштабна, верагодна, таму што ў гэты час асноўныя клопаты па зборы ўраджаю павінны былі скончыцца і пачынаўся восеньскі мясעד. Параўнайце: **Узвіжанне** – тыдзень гулянкi! [13, с. 169]; свята персаніфікуецца і паўстае як “у вышыванкі досвета прыбранае”, “светлае, узрушлівае, п’янае” [14, с. 149]. Аднак у аўтарскім светаўспрыманні, змененым трагічнымі падзеямі 1986 года, гэты хранонім набывае канатацыі іншага характару, бо становіцца сімвалам выгнання з роднага дому: *Сягоння зноў Узвіжанне святое, / І сонца – вераснёвай зіхаты. / О, як балесна ведаць мне пра тое, / Што Бабчын мой бязлюдны і пусты, / Што некалі, было, у раз апошні, / На вуліцы павынесшы сталы, / Ён развітаўся воклічна-галосна, / Гасцям аддаўшы смутна чэсць хвалы* [13, с. 397].

Новыя сустрэчы з аднавяскоўцамі ў Бабчыне сталі магчымымі толькі на *Радаўніцу*, калі яны прыязджаюць, каб адведаць магілы родзічаў і свае апусцелыя хаты. У аўтабіяграфіі М. Мятліцкі піша: “Вясной на радаўніцу з’язджаюцца ў

вёску былыя яе жыхары – прыбіраюць магiлы бацькоў і дзядоў, плачуць над імі не толькі на мёртвых, але і на жывых. Заглядаюць і ў свае хаты, і зноў плачуць у выстылых сценах. Ужо разумеюць – ніколі сюды не вярнуцца. Многія з параскіданых на ўсім свеце аднавяскоўцаў пажадалі, каб іх пахавалі на бабчынскіх могілках. Як не штогод паяўляюцца тут свежыя надмагільныя груды. Дазіметр паказвае на іх радыяцыю ў дзесяткі разоў меншую” [9, с. 292].

Святкаванне Радаўніцы мае глыбокія язычніцкія карані і, як вядома, звязана з культам продкаў. У праваслаўнай традыцыі Радаўніца адзначаецца ў аўторак, на дзявяты дзень пасля Вялікадня (Пасхі) – самага вялікага і значнага вясенняга свята народнага календара, з надыходам хрысціянства прымеркавана да ўваскрасення Ісуса Хрыста, – і прадугледжвае памінанне памерлых, наведванне могілак: Ёсць добры звычай у жывых, / У даўняй прошласці заведзены: / Пад пошум хвоек веснавых / Хадзіць да мёртвых у адведзіны [12, с. 27]. У паэтычным зборніку М. Мятліцкага “Цяпло буслінага крыла” адразу два вершы маюць назву “Радаўніца”. Асноўная іх ідэя – захаванне памяці аб сваіх продках, “*памяці сэрца чалавечага*”, падтрымання духоўнай еднасці і пераемнасці паміж пакаленнямі, каб у жыцця быў працяг. Наступныя радкі паэт прысвяціў сваёй памерлай маці: *Ты адплывала ў вечным чаўне, / Хаду маю мерала небам, / Здаецца, шаптала з Вечнасці мне: / – Плакаць не трэба. / Бачыш, якою густой сцяной / Жыта наўзбоч каласуе* [14, с. 73].

У паэтычным дыскурсе М. Башлакова таксама прысутнічае верш, які ўтрымлівае ў сваім загаловку хранонім Радаўніца: “*Радаўніца ў мёртвай зоне*”. Ідэйна-мастацкі змест гэтага твора зноў жа скіроўвае да тэмы чарнобыльскай трагедыі (паэт асабіста прымаў удзел у ліквідацыі наступстваў аварыі), праблемы захавання памяці аб сваіх продках і паважлівага стаўлення да родных каранёў. Адметна, што М. Башлаковым у дэталіх перадаюцца рэгіянальныя звычаі святкавання Радаўніцы: *На Радзіме маёй старажытны ёсць звычай: / На магiлы да продкаў прыходзіць вясной. / Гэты дзень настае... І нас быццам хтось кліча. / Сцелем белы абрус, тканы ўмелай рукой. / Пасярэдзіне пасха – царыца ў кароне. / Фарбаваныя яйкі, каўбаса і тварог. / Чарка кругам абыйдзе – і радня загамоніць, / І гарэлкі ліне на магiльны мурог* [3, с. 154].

Часткай велікоднай абраднасці з’яўляецца Чысты чацвер: “У гэты дзень напярэдадні вялікага свята абавязкова наводзілі чысціню, каб увесь год потым было чыста: прыбіралі ў хаце і на падворку, мылі хлебную дзяжу. Неабходна было памыць свойскую жывёлу, асабліва коней, каб яны былі дужыя. <...> Адначасова з імі трэба было і людзям мыцца ў лазні, каб не мучыцца ад хваробаў” [5, с. 561]. Гэты звычай філасофскі пераасэнсоўвае М. Мятліцкі ў вершы “Чысты чацвер”, зноў робячы акцэнт на важнасці захавання вопыту продкаў, усталяваных традыцый, якія паўплывалі на фарміраванне народнага менталітэту: *Ёсць даўняя звычка ў маіх землякоў: / У лазню збірацца у Чысты чацвер, / Дзе венік-хвастач дакранецца бакоў, / Як памяць радзімы – ёй толькі і вер. // <...> Мае землякі! Паляшукі наш лёс / Ўсіх еднасцю лучыць у Чысты чацвер. // <...> Вы рушыце з лазні ў чатыры бакі, / Уцісніце памяць у клеткі*

кватэр. / Зямныя багі – вы, мае землякі, – / Прачыстыя духам у **Чысты чацвер** [13, с. 332–333].

У восьмую нядзелю пасля Вялікадня праваслаўныя вернікі адзначаюць *Дзень Усіх Святых* (каталікі – 1 лістапада) – свята памяці ўсіх ушанаваных хрысціянскай царквою святых. Прычым у каталіцкай традыцыі наступны дзень (2 лістапада) прысвечаны ўспаміну аб ўсіх памерлых, што супадае з *Восеньскімі Дзядамі* ў праваслаўных. У вершы М. Мятліцкага “*Дзяды*” якраз гаворыцца аб гэтай традыцыі: *На могілках, дзе жухлая трава, / З журбінай мёртвых сёння памянём. / Сыпучая магільная жарства / Сагрэта чуйнай памяці агнём* [15, с. 162]. У змадэляванай паэтам карціне свету сваіх землякоў-палешукоў феномен ушанавання памяці ўвогуле мае асобае аксіялагічнае значэнне як падмурак для захавання духоўнасці. Праз апісанне ўсталяваных рэгіянальна адметных урачыстасцей і абрадаў ён дэманструе народную светапоглядную канцэпцыю, якая базуецца на гуманізме высокай ступені. Параўнайце: **Усе Святых!** – *кажа горкі скон: / І той, хто рук зацягла тужыў жылы / І лёг пад покрыў стылае магілы / У старасці і хто у юні дзён / Сышоў сюды – павечна малады – / У раі пасвіць божыя авечкі. // <...> І, вершачы прысуд свой, скрушны лёс / Жывым суцешна кажа: / – **Ўсе Святых!*** [12, с. 275–276].

З выпяваннем ураджаю ў народным земляробчым календары звязваюць святкаванне *Спаса*, або *Яблычнага Спаса* (19 жніўня), якое мае даўнія старажытныя карані. Спраўляюць таксама *Мядовы Спас*, які адзначаецца 14 жніўня (храналагічна ён першы), і *Хлебны (арэхава) Спас* – 29 жніўня. У хрысціянскай традыцыі гэтае свята суадносіцца з *Праабражэннем Гасподнім*. Аднак у дачыненні менавіта да *Яблычнага Спаса* існуе нямаля народных павер’яў, якія яшчэ раз падкрэсліваюць паважлівае стаўленне беларусаў да сваіх памерлых. Адно з іх апісаў М. Мятліцкі: *Бабуля ніколі не ела яблык да **Спаса**, / Ушчувала і мяне, неслуха, / Калі ўрываўся ў хату / З поўнай пазухай Антосевых жытнікаў: / – Там, у Царстве Нябесным, / Бог абдзеліць яблыкамі / Тваю сястрычку...* [13, с. 184]. І землякі паэта строга прытрымліваліся гэтага табу, захоўваючы заповіт сваіх продкаў: *Каторы ўжо год / Сустракае душная вуліца / **Спас** згоднай пакорай – / Ні яблыка не абарвана* [13, с. 185].

У народнай вусна-паэтычнай творчасці *Спас* нярэдка персаніфікуецца, падаецца антрапаморфна, бо лічыцца “надзейным апекуном і памочнікам селяніна ва ўсіх яго справах гэтай пары” [5, с. 486]. Падобнае чалавечае аблічча *Спас* набывае і ў вершах М. Мятліцкага: *Стары **Спас** / Жмурыць задаволена / Жоўтыя вочы...* [13, с. 185].

Такім чынам, здзейснены аналіз хранонімаў, адабраных з паэтычных тэкстаў М. Мятліцкага, А. Зэкава і М. Башлакова дазваляе зрабіць наступныя высновы:

1) нягледзячы на статус перыферычных онімаў, у анамастычнай прасторы літаратурных твораў хранонімы з’яўляюцца даволі поліфункцыянальнымі;

2) той факт, што яны адносяцца да лексічных адзінак катэгорыі часу, абумоўлівае, у першую чаргу, іх выкарыстанне мастакамі слова для выражэння тэмпаральных адносін, стварэння фону дзеяння і фарміравання хранатопа твора;

3) хранонімная лексіка, дзякуючы сваёй семантыцы і магчымасці ўзнаўляць у свядомасці рэцыпіента цэлы пласт фонавых ведаў, здольна выконваць вобразастваральную і эмацыянальна-стылістычныя функцыі, удзельнічаць у фарміраванні ідэйнага зместу твора, у якасці асобнага кампанента ўваходзіць у склад сродкаў мастацкай выразнасці;

4) хранонімы як назвы народных свят выступаюць своеасаблівымі маркёрамі-ідэнтыфікатарамі, якія ўказваюць на цэлы пласт экстралінгвістычнай культурназначнай і рэгіянальна адметнай інфармацыі, што дазваляе значна паглыбіць і ўзбагаціць мастацкі кантэкст.

ЛІТАРАТУРА

1. Атрошенко О. В. Русская народная хрононимия : системно-функциональный и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Екатеринбург, 2013. – 28 с.
2. Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А, Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. – М. : АСТ-Пресс, 2021. – 544 с.
3. Башлакоў М. Дні мае залатыя : кніга паэзіі. – Гомель : Сігма, 1993. – 174 с.
4. Башлакоў М. Матчыны грыбы перабіраю : вершы. – Мінск : Ураджай, 2000. – 86 с.
5. Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.
6. Беларускі фальклор : энцыклапедыя. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 1. – 768 с.
7. Бут-Гусаім С. Ф. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у мастацкіх творах берасцейскіх пісьменнікаў. Брэст : БрДУ, 2020. – 145 с.
8. Волкова С. Н. Функции периферийных онимов в художественном тексте (на примере хрононимов и геортонимов в романе О. Ермакова «Знак зверя») // Вестн. МГУ. Сер. Русская филология, 2011. – № 1. – С. 29–34.
9. З росных сцяжын : аўтабіяграфіі пісьменнікаў Беларусі / уклад. М. Мінзер. Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2009. – 464 с.
10. Зэкаў А. Вершы // Польша, 2010. – № 1. – С. 84.
11. Зэкаў А. М. Прыгарадныя чайкі. Вершы. – Мінск : Харвест, 2019. – 352 с.
12. Мятліцкі М. Жыцця глыбінныя віры : вершы і балады. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 383 с.
13. Мятліцкі М. Мой боль вырастае да зор : чарнобыльскія вершы. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 429 с.
14. Мятліцкі М. Цяпло буслінага крыла : палескія вершы. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 208 с.
15. Мятліцкі М. Чаканне сонца : вершы. – Мінск : Маст. літ, 1994. – 222 с.
16. Реммер С. А. Хрононіми як особливий розряд власних імен : афтореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Дніпропетровськ, 2005. – 18 с.
17. Сянкевіч Н. Уласныя назвы аб'ектаў духоўнай культуры ў беларускай літаратуры XIX ст. // Этналінгвістыка і традыцыйная культура : дыяхранічны і

сінхранічны аспекты міжмоўнага ўзаемадзення : зб. навук. арт. – Мінск : Беларуская навука, 2024. – С. 222–229.

18. Толстая С. М. Полесский народный календарь. – М. : Индрик, 2005. – 600 с.

19. Шотова-Николенко Г. В. Онімний простір романів Ю. І. Яновського : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. – Одеса, 2006. – 21 с.

20. Шур В. В. Уласнае імя ў мастацкім тэксе : манагр. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2010. – 206 с.

REFERENCES

1. Atroshenko O. V. (2013). Russkaja narodnaja hrononimija : sistemno-funkcional'nyj i leksikograficheskij aspekty [Russian folk chrononymy: systemic-functional and lexicographic aspects] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. Ekaterinburg, 2013. 28 p. (In Russian).

2. Atroshenko O. V., Krivosshapova Ju. A, Osipova K. V. (2021). Russkij narodnyj kalendar'. Jetnolingvisticheskij slovar' [Russian Folk Calendar. Ethnolinguistic Dictionary]. M. : AST-Press. 544 p. (In Russian).

3. Bashlakou M. (1993). Dni mae zalatyja : kniga pajezii. [My golden days : book of poetry]. Gomel' : Sigma. 174 p. (In Belarusian).

4. Bashlakou M. (2000). Matchyny gryby perabiraju : vershy [I'm picking my mother's mushrooms : poems]. Minsk : Uradzhaj. 86 p. (In Belarusian).

5. Belaruskaja mifalogija : jencyklaped. sloun. (2004) [Belarusian mythology: encyclopedic dictionary]. Minsk : Belarus'. 592 p. (In Belarusian).

6. Belaruski fal'klo r : jencyklapedyja. (2005). [Belarusian folklore : encyclopedia]. Minsk : BelJen. Vol. 1. 768 p. (In Belarusian).

7. But-Gusaim S. F. (2020). Zhanrautvaral'naja rolja pajetonimau u mastackih tvorah berascejskich pis'mennikau. [The genre-forming role of poetic names in the works of Brest writers]. Brest : BrDU. 145 p. (In Belarusian).

8. Volkova S. N. (2011). Funkcii periferijnyh onimov v hudozhestvennom tekste (na primere hrononimov i geortonimov v romane O. Ermakova «Znak zverja») [Functions of peripheral onyms in a literary text (using chrononyms and geortonyms in O. Ermakov's novel «The Mark of the Beast» as an example)] in Vestn. MGU. Ser. Russkaja filologija. [Messenger of Moscow State University. Ser. Russian Philology]. № 1. Pp. 29–34. (In Russian).

9. Z rosnyh scjazhyn : aŭtabijagrafii pis'mennikaŭ Belarusi (2009) [From the dewy paths: autobiographies of Belarusian writers]. Minsk : Litaratura i Mastactva. 464 p. (In Belarusian).

10. Zjekau A. (2010). Vershy [Poems] in Polymja [The Flame]. № 1. P. 84. (In Belarusian).

11. Zjekau A. M. (2019). Prygaradnyja chajki. Vershy [Suburban Seagulls. Poems]. Minsk : Harvest. 352 p. (In Belarusian).

12. Mjatliski M. (2001). Zhyccja glybinnyja viry : vershy i balady [Deep whirlpools of life: poems and ballads]. Minsk : Mast. lit. 383 p. (In Belarusian).

13. Mjatliski M. (2016). Moj bol' vyrastae da zor : charnobyl'skija vershy [My pain grows to the stars: Chernobyl poems]. Minsk : Belaruskaja navuka. 429 p. (In Belarusian).
14. Mjatliski M. (2010). Cjaplo buslinaga kryla : paleskija vershy [The warmth of a stork's wing: poems from the Polesie]. Minsk : Litaratura i Mastactva. 208 p. (In Belarusian).
15. Mjatliski M. (1994). Chakanne sonca : vershy [Waiting for the sun: poems]. Minsk : Mast. lit. 222 p. (In Belarusian).
16. Remmer S. A. (2005). Hrononimi jak osoblivij roztrjad vlasnih imen [Chrononyms as a special category of proper names] : aftoref. dis. ... kand. filol. Nauk : 10.02.02. Dnipropetrovs'k. 18 p. (In Ukrainian).
17. Sjankevich N. (2024). Ulasnyja nazvy ab'ektau duhounaj kul'tury u belaruskaj litaratury XIX st. [Proper names of objects of spiritual culture in Belarusian literature of the 19th century] in Jetnalingvistyka i tradycyjnaja kul'tura : dyjahanichny i sinhranichny aspekty mizhmounaga uzaemadzennja : zb. navuk. art. [Ethnolinguistics and traditional culture : diachronic and synchronic aspects of interlingual interaction : collection of scientific articles]. Minsk : Belaruskaja navuka. Pp. 222–229. (In Belarusian).
18. Tolstaja S. M. (2005). Polesskij narodnyj kalendar' [Polesie folk calendar]. M. : Indrik. 600 p. (In Russian).
19. Shotova-Nikolenko G. V. (2006). Onimnij prostir romaniv Ju. I. Janovskogo [The onymous space of the novels of Yu. I. Yanovsky] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. Odesa. 21 p. (In Ukrainian).
20. Shur V. V. (2010). Ulasnae imja u mastackim tjeksce : managr. [Proper name in literary text : monograph]. Mazyr : MDPU imja I. P. Shamjakina. 206 p. (In Belarusian).

Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў па дагаворы № Г24М-047 ад 02.05.2024.

УДК 811.161.1

ORCID: 0009-0007-5495-9400

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КВАЗИПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Соловцова Елена Валериевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
(г. Горловка, Россия)
elenasolovcova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются функционально-прагматические особенности квазиперформативов – гибридных речевых актов, широко представленных в современных газетно-публицистических текстах. Традиционная дихотомия перформативных и

констативных высказываний недостаточна для углубленного анализа особенностей функционирования речевых актов в медиадискурсе, где формальное описание фактов часто сочетается со скрытой иллокутивной силой. Цель работы – выявить специфику квазиперформативов, их роль в манипуляции читательским восприятием. В работе охарактеризованы семантико-грамматические маркеры квазиперформативных высказываний, определены особенности их контекстуального функционирования и прагматические эффекты. Полученные в ходе исследования результаты подтверждают способность квазиперформативов выступать инструментом косвенного воздействия.

Ключевые слова: квазиперформативное высказывание, медиадискурс, речевой акт, прагматическое воздействие, газетно-публицистические тексты.

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC POTENTIAL OF QUASI-PERFORMATIVE STATEMENTS

Abstract. The article deals with the functional and pragmatic features of quasi-performative statements – hybrid speech acts widely represented in modern newspaper and journalistic texts. The traditional dichotomy between performative and constative utterances is insufficient to describe speech acts in media discourse, where the formal presentation of facts often coexists with concealed illocutionary force. The aim of the study is to identify the specifics of quasi-performatives, their role in shaping reader perception. The research focuses on identifying semantic and grammatical markers of quasi-performatives, their contextual functioning, and pragmatic effects. The results demonstrate the ability of quasi-performatives to act as an instrument of indirect influence.

Key words: quasi-performative statement, media discourse, speech act, pragmatic influence, newspaper and journalistic texts.

Для цитирования: Соловцова Е. В. Функционально-прагматический потенциал квазиперформативных высказываний // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 132-144. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-132-144

Изучение квазиперформативов в современной лингвистике тесно связано с расширением понятийного аппарата, возникшего на стыке теоретической прагматики и функциональной семантики. Традиционный подход к классификации речевых актов на перформативные и констативные не охватывает разнообразия языковых конструкций, которые используются в современных газетно-публицистических текстах. Квазиперформативы представляют собой гибридные формы, в которых перформативная стратегия переплетена с эксплицитным описанием фактов [8], что делает эти конструкции особенно интересными в плане прагматического анализа. Вместе с тем квазиперформативы нельзя рассматривать как особый подкласс перформативов, поскольку само их существование отражает эволюционное движение языка к новым формам воздействия на читателя и реализации коммуникативных целей. Именно поэтому данный пласт языкового материала требует детального анализа.

В газетно-публицистических текстах часто используются конструкции, имеющие одновременно и декларативную, и оценочную нагрузку.

Квазиперформативность в подобных случаях можно интерпретировать как возможность высказывания не только описывать реальность, но и условно изменять ее, предъявляя читателю интерпретационную схему события [7]. Например, заголовки, функционирующие как констатация факта, могут обладать скрытым императивным посылом, если это соответствует интенции автора, что позволяет говорить о своеобразной смещенной иллюкутивной силе, которая может усиливаться контекстуальными рамками. Квазиперформатив, в свою очередь, может содержать скрытую установку, имеющую особую значимость в газетных текстах, где важна быстрая передача идеи и оказание воздействия на читателя. Необходимо отметить, что «цифровизация СМИ позволяет характеризовать автора публицистического текста не только как продуцента высказывания определенного жанра и иллюкутивной направленности, но и как полноценного участника коммуникативного процесса» [10, с. 219]. Сетевая публицистика предполагает диалог автора и читателя, который происходит в одном пространстве (комментарии, чаты, электронные письма).

Сущность понятия *квазиперформатив* неоднозначно трактуется в разных работах, посвященных речевым актам. Одни исследователи подчеркивают существенные расхождения с классическими перформативами, тогда как другие рассматривают квазиперформативы как периферийные элементы системы речевых актов. Изучение особенностей газетных текстов позволяет прийти к выводу о том, что квазиперформативность может проявляться даже в тех высказываниях, которые изначально ориентированы на констатацию события. Поэтому возможно лишь условное разграничение этих форм, исходя из того, как выражена в них иллюкутивная сила, а также в какой мере авторский замысел предполагает активное воздействие на читателя и манипуляцию его сознанием. Языковая форма в таких случаях ориентирована не только на понимание, но и на эмоциональное восприятие, что усиливает эффективность сообщения.

Одним из дифференциальных признаков, различающих перформативы и квазиперформативы, выступает институционально-ролевое закрепление, отражающее право говорящего совершать определенные действия словами [6]. Если для классических перформативов этот момент формализован (судья провозглашает приговор, президент объявляет решение), то в случае квазиперформативов подобное закрепление может отсутствовать, хотя на уровне прагматики наблюдается имплицитная директива к выполнению определенного действия. Газетные статьи, особенно в жанре колонок или авторских блогов, работают именно с этой имплицитной директивностью: читателю внушается мысль о том, что высказывание обладает некой силой, хотя фактически его институциональное обеспечение может быть весьма сомнительным. Такая двусмысленность делает тексты более эффективными с точки зрения психологического влияния: квазиперформатив способствует формированию эффектов внушения, поскольку читатель зачастую не осознает, что сталкивается не с простой информацией, а с побудительным речевым актом, построенным на манипулятивной схеме. Журналист, пользуясь этими приемами, завуалированно управляет восприятием читателя, в то время как формально речь идет об

описании или констатации фактов. Анализ такого языкового материала демонстрирует, насколько тесно переплетаются в квазиперформативах функции информирования и побуждения.

Одна из ключевых идей современных лингвистов состоит в том, что квазиперформативы способствуют размыванию границ между речевым актом и его описанием. Если классическое комиссивное перформативное высказывание *Я обещаю...* четко реализует акт обещания, то в газетном дискурсе подобные акты часто приобретают нарочитую или, наоборот, завуалированную форму. Фразы типа *Мы должны признать, что...* как будто иницируют коллективное признание, хотя реальной коллективной договоренности может и не быть. Здесь присутствует скрытая апелляция к согласию аудитории, и таким образом речь превращается в акт, направленный на формирование убежденности, не будучи формально объявленным как акт убеждения. Семантика подобной конструкции, а также ее иллокутивная сила заключаются именно в том, что фокус внимания смещается к предполагаемому согласию.

Таким образом, квазиперформативы в газетно-публицистических текстах могут выполнять функцию интенсификатора иллокутивной силы: читатель невольно воспринимает подобные фразы как руководство к действию, пусть даже и осознает, что прямая директивность не заявлена открыто. Например, высказывания, оформленные как предположения, могут в действительности представлять собой призыв к определенному поступку [1]. Подобная практика особенно распространена в авторских колонках и политических обзорах, где журналист использует прием «парадоксальной перформативности»: формально заключая высказывание в условную рамку, автор подразумевает его фактическую обязательность.

Квазиперформатив – это комплексная речевая стратегия, используя которую, автор целенаправленно подводит аудиторию к определенному выводу, фактически формируя нужный фон для последующего восприятия фактов и аргументов [3]. В политических баталиях, описанных в газетах, авторы могут, например, использовать высказывание «*Мы заявляем о необходимости...*», хотя у них нет реальных полномочий «заявлять», если рассматривать речевой акт в строгих юридически-институциональных терминах. Однако аудитория в большинстве случаев не вникает в эти формальные противоречия и воспринимает высказывание как обладающее высокой степенью обязательности. Так создается и квазиперформатив, распространяющий свою силу на сознание читателя.

Квазиперформативность в газетных текстах – это не разовое явление, а стабильная черта современного медийного дискурса. При этом важно понимать, что изменившиеся медиа-реалии усиливают эффект подобных речевых стратегий, поскольку читатель вынужден обрабатывать большие объемы информации в ограниченное время [2]. Быстрая подача новостей через электронные порталы, социальные сети и мессенджеры приводит к тому, что у аудитории почти не остается ресурсов на глубокий анализ каждой публикации. Именно в таких условиях квазиперформативы проявляют максимум

эффективности, навязывая желаемую точку зрения при минимуме сопротивления.

В истории журналистики и публицистики постоянно происходило обновление риторических способов влияния на массовую аудиторию. Но если раньше преобладали открытые призывы, лозунги, то сегодня превалируют гибридные формы, которые трудно однозначно классифицировать [5]. Квазиперформатив выполняет функцию связующего звена между заявленной нейтральностью информационного сообщения и скрытым побуждением. Понимание этой динамики призвано раскрыть механизмы формирования современных медиариторических практик, в которых аудитория оказывается не просто пассивным реципиентом информации, но и участником специфически сконструированного коммуникативного процесса. Лингвопрагматический анализ подобных процессов имеет не только лингвистическое, но и социальное значение, поскольку в массовой коммуникации распределение речевых ролей со временем меняется, и читатель все чаще сам выступает в роли автора, размещая комментарии и репосты, тем самым транслируя полученную квазиперформативную установку дальше. Происходит своего рода цепная реакция, когда относительно неявная перформативность тиражируется многократно, набирая массовость. В результате первичный смысл может даже искажаться, но сама иллокутивная сила, заложенная в квазиперформативе, только возрастает, благодаря коллективному переосмыслению.

Первый аспект, который необходимо охарактеризовать при анализе квазиперформативов, – это их функциональное отличие от классических перформативов, таких как *объявляю, клянусь, запрещаю* и т. д. В теории речевых актов, у истоков которой стояли Дж. Остин и Дж. Серль, под *перформативом* понимается такое высказывание, которое при произнесении или написании тут же осуществляет обозначаемое действие. Например, фраза «*Объявляю заседание открытым*» при определённых условиях не только является сообщением о факте начала заседания, но и производит его. Однако в современных газетно-публицистических текстах часто встречаются выражения, внешне и лексически схожие с перформативами, но не обладающие истинной перформативной силой. Именно поэтому их называют *квазиперформативами*. В данном исследовании мы проанализируем лингвистические свойства таких единиц и определим, в чем состоит их семантическая и прагматическая специфика.

Если классический перформатив подчинён строгим конвенциям (определённый институциональный или социальный контекст, говорящий обладает правом совершать это речевое действие и т. д.), то квазиперформативы воспроизводят лишь внешние атрибуты перформатива. В подобных высказываниях продуцент может выступать в роли авторитета или официального лица, однако не иметь указанного социального статуса и, как следствие, высказывание не будет обладать истинной перформативной силой. Квазиперформативы часто употребляются в политической и общественной публицистике, где авторы обладают возможностью приписывать себе роль говорящего от «имени» народа, государства, общественного движения, тем

самым пытаюсь возвысить значимость сообщаемого. Именно в этом обманчивом сочетании претензии на официальность и отсутствии реальных правомочий зарождается особая прагматика квазиперформативных конструкций.

Рассмотрим особенности функционирования квазиперформативов в газетно-публицистических текстах. Так, в статье, посвящённой политической дискуссии, наблюдаем следующий пример: *Заявляю, что правительство должно пересмотреть свою позицию в вопросе налоговых льгот* («Коммерсантъ», 12 февраля 2025). Предикативный центр в указанном предложении – глагол *заявляю* в классической перформативной форме (1-е лицо единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога). В классической ситуации, если бы говорящий был официальным лицом (к примеру, председателем правительства) и произносил эти слова в ходе институционально значимой процедуры, данное высказывание получило бы статус полноценного декларативного речевого акта. Однако в публицистике журналист или эксперт не наделён правом издавать или отменять законы (несоответствие между пропозициональным содержанием высказывания и реальностью), поэтому *заявляю*, выступая в указанном контексте «иллокутивным глаголом речевого сообщения» [9, с. 216], лишь подчёркивает субъективную точку зрения автора и реализует ассертивную интенцию (общий интенциональный смысл, объединяющий лексические единицы, входящие в группу ассертивных глаголов, – описать какую-либо ситуацию, сообщить об этой ситуации).

Семантическое содержание квазиперформативов тесно связано с их иллокутивной силой. Многие исследователи (например, А. Д. Шмелёв, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова) отмечают, что в подобных конструкциях значение «бессилия говорящего» часто вступает в конфликт с декларируемой «официальностью». Так, в высказывании *Торжественно обещаю, что впредь ни одно важное совещание не будет проводиться за закрытыми дверями* (Российская газета, 15 марта 2024), сочетание глагола комиссивной интенции с интенсификатором *торжественно* имеет выразительную окраску, формально близкую к обещанию как перформативному акту. Однако по контексту очевидно, что автор – журналист, выступающий с позицией гражданского контроля, – не может непосредственно контролировать процесс проведения совещаний в государственных учреждениях. Следовательно, речевой акт не выполняет собственно перформативного действия, а лишь направлен на интенсификацию выразительности и способствует созданию ощущения торжественности заявления.

Рассмотрим конструкции с глаголом *гарантирую*, который эксплицитно реализует комиссивный речевой акт и часто используется в публицистике для привлечения внимания. В классической ситуации говорящий, наделённый полномочиями, с помощью глагола *гарантирую* мог бы юридически обязаться исполнить что-либо. Однако во многих газетных статьях конструкции типа *Гарантирую скорейшее принятие правовых норм...* (Известия, 22 марта 2025) употребляются авторами в риторических целях. Наблюдается парадокс: в

процессе чтения подобного материала можно впечатлиться мнимой «властной силой», хотя реализация этих обещаний лежит вне компетенции автора.

С прагматической точки зрения, характерная для квазиперформатива классическая перформативная формула используется с целью придать дополнительный вес речевому акту, который, по сути, остаётся декларативно-оценочным или призывным. Таким образом, достигаются сразу две цели: во-первых, говорящий создаёт иллюзию ответственности и значимости собственных слов, а во-вторых, побуждает читателя воспринимать тезис как более убедительный или социально легитимированный. По мнению Н. Д. Арутюновой, квазиперформативы часто используются в общественно-политической дискуссии для манипуляции восприятием аудитории, так как у читателя возникает впечатление, будто речь идёт о прямом действии, тогда как реальные полномочия говорящего остаются за кадром.

Особенное значение имеет анализ лексико-семантических маркеров, указывающих на связь квазиперформативного высказывания с его иллокутивной силой (*заявляю, объявляю, клянусь, обещаю, призываю, постановляю, гарантирую* и т. д.). Когда автор публицистического текста употребляет подобные лексические единицы в перформативной функции, он сознательно вызывает в памяти читателя формулы официального или институционального дискурса, порождая нужную прагматическую установку. Однако отличие от собственно перформативного речевого акта состоит в том, что сам контекст (газетная полоса, колонка, авторская заметка) обычно не предполагает юридически значимого эффекта.

Чтобы глубже раскрыть специфику семантики квазиперформативов, проанализируем ещё один пример: ***Объявляю, что наше сообщество писателей отныне берёт на себя обязательство лоббировать интересы читателя во всех парламентских комиссиях*** (Литературная газета, 07 сентября 2024). С одной стороны, употребление глагола *объявляю* создаёт впечатление торжественного официального заявления. С другой стороны, очевидно, что сообщество писателей не обладает прямыми юридическими полномочиями участвовать в парламентских комиссиях. Следовательно, заявление не может инициировать законодательно значимые последствия. Это высказывание функционирует как средство привлечения внимания к проблеме и как символическое провозглашение цели, а глагол *объявлять* является ассертивным перформативным глаголом декларативного типа [9].

Таким образом, в семантическом плане квазиперформативные высказывания концентрируют в себе элементы декларации, обещания, призыва или гарантии, однако в действительности не всегда способны выполнять действие, которое ими обозначается. Формула с глаголом *объявляю* предполагает, что нечто будет изменено фактически, однако автор газетной статьи меняет в лучшем случае восприятие читателя, но не правовую сторону вопроса. В структуре подобных конструкций семантически присутствует идея перехода от слова к делу («объявляю», «постановляю»), тогда как в

действительности происходит лишь коммуникативное, но не институциональное изменение.

С точки зрения основных принципов теории речевых актов, в квазиперформативах присутствует сбой между пропозициональным содержанием (говорящий сообщает о намерении совершить или совершает некий акт) и перлокутивным эффектом (как это воспринимается аудиторией). В идеале перформатив несёт установку на реальное действие, а квазиперформатив ограничивается иллокутивным воздействием: продуцент высказывания хочет, чтобы квазиперформатив был принят за реальный акт, но фактически не всегда это достигается. Тем не менее успешность употребления квазиперформативов в публицистике нередко определяется фактором восприятия аудиторией: если читатель готов «поверить» в авторитет автора, то квазиперформатив будет воспринят как перформатив. Если же читатель понимает, что реальной силы за словами нет, подобные конструкции воспринимаются лишь как стилистический приём.

В современных СМИ активно используются квазиперформативы, особенно в заголовках или в первых абзацах текстов, где важно привлечь внимание читателя эмоциональной и яркой формулировкой: ***Призываем** всех воздержаться от провокаций* (РБК, 05 ноября 2023); *Мы не пытаемся плыть против течения, мы просто **призываем** к формированию стратегии ответственного поведения* (Ведомости, 12 декабря 2021). Глагол *призываем* функционирует как квазиперформатив: подобный призыв официально формулируется теми органами, которые обладают правом или, по крайней мере, властью настаивать на выполнении выдвинутого требования. В газетном контексте журналисты лишь выражают пожелание к обществу, не имея прямых рычагов воздействия. Поэтому высказывание может восприниматься как перформативное (почти как постановление или приказ), но в действительности оно не несёт юридически обязывающей силы.

При всей видимой «фиктивности» квазиперформативов нельзя недооценивать их воздействие на массовое восприятие. Лингвистическая природа подобных конструкций опирается на прагматический эффект «власти слова», сложившийся исторически: люди привыкли, что призыв, заявление или постановление имеют высокий статус. В публицистике использование таких формул часто оправдано желанием автора завоевать доверие читателя или продемонстрировать серьёзность своей аргументации. В результате квазиперформативы служат эффективным инструментом воздействия, даже если они не меняют фактической реальности.

Важным представляется и тот факт, что в современных медиа наблюдается взаимообусловленность квазиперформативов и коммуникативной стратегии авторов текстов. Политические обозреватели, блогеры, редакторы новостей пользуются эффектом усиления собственных тезисов: ***Торжественно провозглашаю, что эпоха бездействия закончилась*** (Московский комсомолец, 10 августа 2024). Стилистическое решение здесь очевидно: речь наполнена патетикой, автор хочет вдохновить читателя, показать, что начинается «новый

этап». В то же время с точки зрения объективной реальности ничто, кроме слов, возможно, не изменилось. Однако употребление перформативной формулы приковывает внимание и заставляет читателя воспринимать информацию более эмоционально.

В квазиперформативе может проявляться не только иллокутивная претензия на действие, но и самоутверждение автора: употребляя *Я заявляю*, автор заключает внутрь текста свою позицию как «истинную» или «полновесную». Это усиливается, когда за утверждающим компонентом следует апелляция к высокой морали, важным этическим нормам или коллективным интересам, например: *Твёрдо **обещаем** отстаивать права граждан* (АиФ, 03 февраля 2025), где форма *обещаем* может заставить читателя задуматься, действительно ли у автора есть ресурсы для отстаивания этих самых прав. Часто подобные конструкции ориентированы на эмоциональный отклик, при этом реципиент не всегда соотносит модусную и диктумную части высказывания с коммуникативной ситуацией.

Особый случай употребления квазиперформативов – это сфера рекламных и маркетинговых текстов, где формулы *гарантируем качество, торжественно заверяем в надёжности* и т. д. звучат особенно часто. Подобные заявления при их размещении на упаковке товаров или в рекламных слоганах могут создавать иллюзорный эффект официального заверения, не подкреплённого юридическим обязательством: *Гарантируем лучшее решение для вашего бизнеса!* (рекламная рубрика; Ведомости, 01 мая 2025).

В газетно-публицистическом дискурсе наибольший интерес представляют случаи, когда перформативная лексика перекликается с риторикой «народной воли» или «обязательств от имени общества». Особенно это характерно для публицистики, затрагивающей политические, социальные и моральные аспекты. Например, высказывание *«Отныне запрещаем умалчивать о коррупции»* (авторская колонка; Новая газета, 19 июля 2025) воспроизводит идею нормативного прохибитивного акта, при этом газета или её автор не являются институтом, способным принимать правовые запреты. Результат подобного стилистического приёма – формирование у читателя чувства, что речь идёт о «всенародном решении», хотя на самом деле это всего лишь выразительная фигура.

В лингвистической перспективе семантическое поле квазиперформативов характеризуется пересечением нескольких тематических микрополей: «обязательство», «объявление (прокламация)», «обещание», «призыв», «постановление» и т. д. При этом квазиперформатив имеет тенденцию включать дополнительные модально-оценочные элементы и интенсификаторы, которые усиливают выразительность. Например, фраза *настоятельно призываю* содержит, помимо призыва, оттенок настойчивости и вызывает соответствующую эмоциональную реакцию: *Настоятельно **призываем** власти принять меры к немедленному улучшению качества дорог* (Газета.ру, 27 января 2025). Фраза *«Призываем власти»* безусловно имитирует официальный запрос (классический акт обращения, который может быть реализован только при

наличии правомочий), однако в приведенном примере это всего лишь редакционная «просьба», не имеющая обязательной силы. Но сила публицистического стиля заключается в том, что подобная формула резонирует с читательскими ожиданиями и заставляет воспринимать её серьезнее, чем обычное пожелание.

Квазиперформативные конструкции могут также функционировать как инструмент критики, когда автор имитирует указ или распоряжение, чтобы подчеркнуть несостоятельность реальных институтов, например: *Мы постановляем: все без исключения должны нести ответственность за доклады о состоянии природных ресурсов* (Эхо Москвы, 14 апреля 2025). Здесь автор резко указывает на то, что несуществующее решение могло бы быть принято, если бы власть или конкретные должностные лица исполняли свои обязанности. Подобное *постановляем* имеет ярко выраженный оценочный и обличительный характер, причём приём имитации официальности помогает привлечь внимание к проблеме обмана или бюрократической бездеятельности.

Анализ использования квазиперформативов в современных газетно-публицистических текстах показывает, что их семантико-прагматическая специфика заключается в следующем: 1) в квазиперформативных высказываниях в позиции предиката употребляются глаголы интенционально-семантических групп, характерных для перформативных актов, но при этом отсутствует формальная институциональная среда, где такой акт был бы действителен; 2) квазиперформативы опираются на иллюзию или намёк на официальность и авторитет, что повышает их риторическое влияние на читателя и помогает авторам текстов достичь коммуникативных целей: привлечь внимание, вызвать эмоциональную реакцию, побудить к действиям или усилить доверие к изложенным фактам; 3) их успешность во многом зависит от готовности аудитории принимать подобные речевые ходы как нечто потенциально важное.

В аспекте прагматики квазиперформативы функционируют как промежуточные речевые акты, находящиеся между истинным перформативом и констативом. Они представляют собой коммуникативное средство, с помощью которого подчёркивается претензия на действие, но не реализуется само действие в юридическом или институциональном поле. Однако в контексте общественного-политического дискурса квазиперформативы нередко становятся мощным оружием символического воздействия и могут инициировать реальные действия со стороны общества, если эти действия подкрепляются массовой поддержкой.

Анализ иллюстративного материала свидетельствует о том, что квазиперформативы могут усиливать выражение гражданской позиции (*Торжественно обещаю добиться прозрачности в выборах*) (Новое время», 12 октября 2024), подчёркивать статус публициста как «глашатая общественного мнения» (*Я объявляю этой несправедливости бойкот!* (Свободная пресса, 04 ноября 2025) или служить инструментом критики, высмеивания, провокации, когда автор намеренно придаёт высказыванию избыточную официальность.

Общим для всех подобных случаев является базовое свойство квазиперформативов – «имитация действия», которая придаёт дополнительную силу журналистскому или публицистическому выступлению, но почти всегда оказывается лишённой прямого легитимного статуса.

Исследование квазиперформативов представляет значимость не только в рамках теоретической лингвистики, но и в контексте медиаисследований, риторики и социологии массовой коммуникации. Квазиперформативы воплощают в себе противоречие между формой декларативного высказывания и его фактической неосуществлённостью на уровне юридических или оправданных социальных действий. Семантически они содержат призыв, инициативу, обращены к читателям, но прагматически оставляют за собой лишь возможность внушить или воодушевить, определить эмоциональный вектор реакции. Квазиперформативность, требует междисциплинарного подхода, сочетающего в себе принципы лингвистики, социологии, психологии и теории коммуникаций [4]. Понимание механизмов функционирования квазиперформативов позволит лучше оценивать реальную динамику информационного влияния, а также разрабатывать методы противостояния манипуляциям в медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андиш И. Б., Бекетова С. В. Семантико-прагматические особенности непредикатных маркеров истинности в аналитических газетных статьях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 5. С. 166–173.
2. Бобровская Г. В. Лингвокреативный потенциал газетного дискурса (на примере образных перифраз) // Грани познания. 2010. № 1(6). С. 12–14.
3. Иовва Н. И. Прагматика публицистического высказывания // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3-1(20). С. 168–202.
4. Ляпун С. В. Газетная публицистика в парадигме лингвистических исследований XXI века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 109–115.
5. Матвеева А. С. Лексические и грамматические преобразования пресс-релиза в текстах СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1(15). С. 174–179.
6. Новохачёва Н. Ю. Лексико-семантические способы трансформации прецедентных феноменов в газетно-публицистическом дискурсе // Lingua-Universum. 2007. № 5. С. 57–58.
7. Покровская Е. В. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. 2006. № 3. С. 81–87.
8. Попова Т. Г. Коммуникативно-прагматическая структура испанского научно-технического текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2006. № 1. С. 77–81.
9. Соловцова Е. В. Лексико-семантические группы ассертивных иллокутивных глаголов // V Новиковские чтения: функциональная семантика и

лингвосомиотика : сборник научных статей, Москва, 19 апреля 2019 года / Российский университет дружбы народов. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 215–220.

10. Соловцова Е. В. Специфика репрезентации перлокутивного эффекта публицистического текста в электронных медиа Донбасса // Региональная журналистика: культурные коды, пространство смыслов, полиэтнический дискурс : Материалы I Всероссийской конференции, Ростов-на-Дону, 10–12 ноября 2022 года / Отв. редакторы А. Г. Беспалова, К. Р. Нигматуллина, Е. В. Ширина. Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2022. С. 219–221.

REFERENCES

1. Andish I. B., Beketova S. V. (2013). Semantiko-pragmaticheskie osobennosti nepredikatnykh markerov istinnosti v analiticheskikh gazetnykh stat'yakh [Semantic and pragmatic features of non-predicative markers of truth in analytical newspaper articles in Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University]. No. 5. Pp. 166–173 (In Russian).

2. Bobrovskaya G. V. (2010). Lingvokreativnyi potentsial gazetnogo diskursa (na primere obraznykh perifrasy) [The linguocreative potential of newspaper discourse (on the example of figurative periphrases)] in Grani poznaniya [Spheres of cognition]. No. 1(6). Pp. 12–14 (In Russian).

3. Iovva N. I. (2018) Pragmatika publitsisticheskogo vyskazyvaniya [Pragmatics of journalistic statements] in Sovremennyyi diskurs-analiz [Modern discourse analysis]. No. 3-1(20). Pp. 168–202 (In Russian).

4. Lyapun S. V. (2011). Gazetnaya publitsistika v paradigme lingvisticheskikh issledovaniy XXI veka [Newspaper journalism in the paradigm of 21st-century linguistic research] in Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Studies]. No. 1. Pp. 109–115 (In Russian).

5. Matveeva A. S. (2012). Leksicheskie i grammaticheskie preobrazovaniya press-reliza v tekstakh SMI [Lexical and grammatical transformations of press releases in media texts] in Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. [Journal of Volgograd State University. Series 2: Philology]. No. 1(15). Pp. 174–179 (In Russian).

6. Novokhacheva N. Yu. (2007). Leksiko-semanticheskie sposoby transformatsii pretsedentnykh fenomenov v gazetno-publitsisticheskom diskurse [Lexico-semantic ways of transforming precedent phenomena in newspaper journalistic discourse] in Lingua-Universum [Lingua-Universum]. No. 5. Pp. 57–58 (In Russian).

7. Pokrovskaya E. V. (2006). Pragmatika sovremennogo gazetnogo teksta [Pragmatics of the modern newspaper text] in Russkaya rech' [Russian Speech]. No. 3. Pp. 81–87 (In Russian).

8. Popova T. G. (2006) Kommunikativno-pragmatische struktura ispanskogo nauchno-tekhnicheskogo teksta [Communicative-pragmatic structure of Spanish scientific and technical text] in Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices]. No. 1. Pp. 77–81 (In Russian).

9. Solovtsova E. V. (2019). Leksiko-semanticheskie gruppy assertivnykh illokutivnykh glagolov [Lexical-semantic groups of assertive illocutionary verbs] in V Novikovskie chteniya : funktsional'naya semantika i lingvosemiotika : sbornik nauchnykh statei, Moskva, 19 aprelya 2019 goda [V Novikov Readings : Functional Semantics and Linguosemiotics : Collection of Scientific Articles, Moscow, April 19, 2019] / Rossiiskii universitet družby narodov. Moscow: Rossiiskii universitet družby narodov (RUDN), 2019. Pp. 215–220 (In Russian).

10. Solovtsova E. V. (2022). Specifika reprezentatsii perlokutivnogo effekta publicisticheskogo teksta v elektronnykh media Donbassa [The specifics of the representation of the perlocutionary effect of a journalistic text in the Donbass electronic media] in Regional'naya zhurnalistika: kul'turnye kody, prostranstvo smyslov, poliehtnicheskij diskurs : Materialy I Vserossijskoj konferencii, Rostov-na-Donu, 10–12 noyabrya 2022 goda [Materials of the First All-Russian Conference, Rostov-on-Don, November 10-12, 2022] / Otv. redaktory A. G. Bespalova, K. R. Nigmatullina, E.V. Shirina. Rostov-na-Donu – Taganrog: Yuzhnyj federal'nyj universitet, 2022. Pp. 219–221 (In Russian).

УДК 811.161.1'276.45

ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АРГОТИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Фефелова Виктория Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры романо-германской филологии

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»

(г. Горловка, Россия)

vicf21@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются модели образования арготизмов в современном французском языке и их влияние на язык и культуру, а также их роли в формировании идентичности различных социальных групп французского общества. Актуальность изучения арготизмов подтверждается тем фактом, что данное языковое явление находит отражение не только в разговорной речи, но и проникает в литературный язык, язык прессы, выполняет разноплановые функции в коммуникации.

Ключевые слова: арготизм, словообразовательная модель, социальная группа, верлан, вёль, юрт.

ORIGINS AND WORD-FORMATION MODELS OF ARGOTISMS IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE

Fefelova Viktoria Valentinovna

Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of the Roman and Germanic Philology
of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov”
(Gorlovka, Russia)
vicf21@mail.ru

Abstract. The article analyses the models of argotism formation in modern language and their influence on the language and culture, as well as their role in the formation of identity of various social groups of French society. The relevance of studying argot is confirmed by the fact that this linguistic phenomenon is reflected not only in colloquial speech, but also penetrates into literary language, the language of the press, performs diverse functions in communication.

Keywords: argotism, word-formation model, social group, verlan, vel, yaurt.

Для цитирования: Фефелова В. В. Истоки возникновения и словообразовательные модели арготизмов в современном французском языке // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 144-154. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-144-154

Современный французский язык, как и любой живой язык, постоянно развивается и изменяется. В нём отражается динамика эволюции общества, культуры и компьютерных технологий. Вследствие этого в языкознании возникают вопросы, связанные с систематизацией лексики, установлением законов и принципов её модифицирования и моделирования.

Одним из наиболее интересных и многогранных аспектов языкового развития является использование арготизмов (специфических слов и выражений, характерных для определённых социальных групп и субкультур). Слова-арготизмы не только обогащают словарный запас языка, но и служат важным инструментом самовыражения, идентификации и социальной дифференциации.

Арготизмы отражают социальный, культурный и исторический аспекты языка, поэтому их изучение в современном языкознании представляет собой важную область лингвистических исследований. В условиях глобализации и быстрого изменения коммуникационных практик, арготизмы становятся неотъемлемой частью повседневного общения, особенно среди молодого поколения.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа моделей образования арготизмов в современном французском языке и их влияния на повседневную коммуникацию и на культуру. Рассматривается их роль в формировании идентичности различных социальных групп французского общества.

Актуальность изучения арготизмов подтверждается тем фактом, что данное языковое явление находит отражение не только в разговорной речи, но и проникает в литературный язык, язык прессы, выполняет разноплановые функции в бытовом, научном, деловом общении.

В исследовании делается попытка очертить истоки возникновения арготизмов в современном французском языке и проанализировать сферы их употребления. Исследование направлено на понимание того, по каким моделям арготизмы формируются, развиваются и функционируют в различных социальных контекстах.

Объектом исследования являются арготизмы, используемые в современном французском языке.

Предметом исследования выступают семантические и структурные особенности слов-арготизмов, словообразовательные модели по которым они создаются, а также контексты их употребления в различных социальных группах и ситуациях.

В статье анализируются термины «арго» и «арготизмы»; история развития арготизмов во французском языке; основные модели образования слов-арго; сферы употребления арготизмов; влияние арготизмов на развитие современного французского языка.

В современном французском языке присутствуют сленговые слова и выражения. Это слова арготического происхождения. В словарях наблюдается различное интерпретирование термина «арго». В «Большом словаре французского языка Робер» арго представлен как «словарный запас и языковые привычки, характерные для замкнутой среды» [7, с. 533].

Словарь французского языка XIX и XX веков «Сокровище французского языка» характеризует арго как «язык или особый словарь, который создаётся внутри определенных социальных или профессиональных групп и с помощью которого индивид демонстрирует свою принадлежность к группе и своё отличие от большинства носителей языка» [11, с. 478].

В «Большой российской энциклопедии»: «арго́ (франц. argot), – это разновидность условного языка. Как жаргон и сленг, используется отдельными социальными группами, нередко отрицающими общепринятые мораль и законы. <...> Главное назначение арго – шифровка сообщений, которые должны быть понятны говорящему и слушающему, но не окружающим» [2].

В «Толковом словаре Ефремовой»: арго – это «речь какой-либо социально замкнутой группы лиц, характеризующаяся специфичностью используемой лексики, своеобразием её употребления, но не имеющая собственной фонетической и грамматической системы (создаётся с целью замкнутого общения в пределах лиц данной группы, обособления данной группы от остальной части общества и сокрытия предмета коммуникации)» [1].

Из приведённых дефиниций можно сделать вывод, что арго – это выдуманный язык, используемый замкнутыми социальными группами, характеризующийся специфической лексикой и особенностями употребления слов. Арго часто не соответствует языковым нормам. Он функционирует согласно тем правилам, которые были обговорены членами общества, в котором эти слова и выражения были придуманы. Главная функция арго – шифровка информации, что обеспечивает скрытность общения и защиту от внешнего контроля. Так люди, пользующиеся таким языком, могут отличать «своих» от

«чужаков». В результате арг становится не только средством общения, но и символом принадлежности к определённой социальной группе.

Как слово выступает основной единицей языка и речи, так и арготизм (франц. *argotisme*) является единицей тайного языка арг.

Рассматривая этимологию этих терминов, можно сказать, что французское слово «*argot*» имело значение «тайный язык», а слово «*argotisme*» было образовано путём добавления к основе «*argot*» суффикса «*-isme*», который наделяет образованные с его помощью слова теми или иными свойствами того, что обозначает базовая основа. То есть арготизмы – это слова или обороты, входящие в состав арг и имеющие функцию кодировки в рамках определенной общественной группы.

История создания арг (специального языка для «своих») восходит к временам средневековой Франции. Многие кварталы Парижа представляли собой общество с ярко выраженной социальной градацией, где каждая группа имела свои особенности и традиции. В условиях ограниченной мобильности и строгих социальных норм, закрытые сообщества, такие как гильдии ремесленников или торговцев, а также маргинализированные группы, создавали свои уникальные языковые средства общения. Эти средства помогали не только сохранять тайну внутри сообщества, но и утверждать его идентичность. Именно в таких условиях и возникли первые арготизмы, которые изначально были секретным языком для взаимодействия внутри группы.

Ремесленники и торговцы средневековой Франции играли важную роль в формировании арг. Они использовали специальные термины и выражения для обозначения своих профессиональных процессов, инструментов и товаров. Эти термины часто были непонятны для непосвящённых, что помогало защищать профессиональные секреты от конкурентов. Закрытость ремесленных гильдий и их стремление к сохранению уникальности способствовали развитию арготизмов как средства защиты информации.

Преступные сообщества средневековой Франции также внесли значительный вклад в развитие арг. Для сокрытия своих намерений и действий от властей и посторонних, они создавали специальный тайный язык, который позволял им эффективно общаться внутри группы. Этот язык, известный как арг, включал в себя как изменённые формы общеупотребительных слов, так и полностью новые термины. Так арготизмы стали важной частью их культуры и помогали поддерживать сплочённость сообщества.

Первые упоминания арготизмов в письменных источниках относятся к XIV веку, когда начали фиксироваться термины, используемые в закрытых сообществах. Слово арг изначально обозначало секретный язык, предназначенный для сокрытия информации. Эти термины не только выполняли функции шифрования, но и способствовали идентификации членов сообщества, укрепляя связи внутри группы и подчеркивая её уникальность в обществе. Тем не менее, исследования показывают, что недифференцированное употребление терминов «арго», «жаргон», «сленг» указывает на размытость границ между этими близкими явлениями, что требует более точной формулировки [4, с. 5].

Первый французский текст, посвященный жизни и языку мелких торговцев и нищих, был опубликован в Лионе в 1596 году Жаном Жульероном: «Pechon de Ruby. La vie généreuse des merselots, gueux et bohémiens» [10]. Там описывалась жизнь воришек, это произведение стоит у истоков французской арготической литературы. Он вмещал более 150 арготических слов, которые эволюционировали от одного издания к другому (всего текст издавался пять раз).

Слово «арго» появилось в 1628 году с выходом в свет работы Оливье Шеро «Жаргон реформированного арго» и обозначало воровской язык [6].

Арготизмы за последние триста лет заметно эволюционировали. XVIII век во Франции был временем значительных социальных и экономических изменений. В этот период продолжалось развитие ремёсел и торговли, что способствовало увеличению числа профессиональных сообществ, использующих арготизмы в своей речи. Эти лексические элементы помогали сохранять профессиональные секреты и обеспечивать коммуникацию внутри узких групп. Арготизмы стали важным инструментом социальной идентификации и защиты интересов.

Социальные и политические потрясения, такие как Французская революция 1789–1799 годов, оказали значительное влияние на развитие французского арго. В этот период возникли новые лексические единицы, отражающие революционные идеи и изменившиеся социальные реалии. Арготизмы, появившиеся в это время, использовались для выражения политических взглядов и сокрытия информации от представителей власти, что подчеркивает их роль как средства общения и инструмента социальной борьбы.

Арго продолжает эволюционировать, оставаясь актуальным инструментом общения и самовыражения в современном мире. Миграционные процессы также сыграли важную роль в обогащении словарного запаса французского языка словами-арго. В результате взаимодействия различных культур в крупных городах, таких как Париж, арготизмы стали включать заимствования из иностранных языков. Это способствовало увеличению их разнообразия и адаптации к изменяющимся социальным условиям, делая их важным элементом межкультурного общения.

На данном этапе развития французских слов-арготизмов выделяют три основных способа кодирования слов: *verlan*, *veul*, *yaourt* [3, с. 94].

«Верлан» (фр. *verlan*) – это метод словообразования во французском арго, основанный на перестановке слогов внутри слова, что приводит к образованию слов-шифров.

Само слово «верлан» представляет собой верланское образование от французского наречия *à l'envers* (наоборот). Этот способ формирования слов опирается на лексику литературного языка, однако не все слова подлежат верланизации – обычно это лишь наиболее распространенные и устоявшиеся термины.

Первые упоминания о верлане относятся к Средним векам. Например, в романе Беруля «О Тристане» (1190) имя Тристан меняется на Тантрис (*Tristan* →

Tantris). К концу XVI века также появляются примеры инверсии слогов в устной речи, когда Бурбонов стали называть Бонбурами (Bourbons → Bonbours).

В XVIII веке французский писатель Вольтер, создавая свой псевдоним, поменял местами слоги в названии своего родного города Эрво, что привело к образованию имени Вольтер (фр. Airvault → vault-air → Voltaire).

В 1930-х годах верлан стал использоваться преступниками как шифр. Верлан также встречается в романах XIX-XX веков.

Писавший на верлане Гастон Есно, в своей статье отметил: «Я ввел Верлан в литературу в помощь людям, в 1954. Верлан по отношению к другим аргю имеет отличие в том, что слова пишутся практически так, как пишут все... Верлан создан нами, мной и Джено Шапито, в 1940-41» [9, с. 5].

Словообразовательная модель «верлан» основана на перемещении слогов в слове. В связи с этим существуют несколько правил, которые определяют, какие буквы или слоги меняются местами.

1. Инверсия букв: верлан основывается на перемещении букв или слогов в словах. Например, слово «femme» (женщина) трансформируется в «teuf», а «arabe» (араб) – в «beur». Исключения составляют буквы «h» или «u», которые могут оставаться на своих местах в верланизованном слове.

2. Полное переворачивание, при котором можно полностью изменять порядок букв и плюс их замена в слове. Например, «flic» (полицейский) становится «keuf».

3. Трансформация произношения. Верланизованные слова обычно произносятся с изменённым ударением и интонацией, что придаёт им уникальность и делает их легко узнаваемыми для носителей языка.

Изначально верлан выполнял функцию тайного языка. Однако во второй половине XX века он стал частью общего сленга и превратился в общеупотребительную экспрессивную лексику с элементами языковой игры. С течением времени верлан стал повсеместным.

В 1985 году президента Франсуа Миттерана на интервью спросили, знает ли он, что значит быть «продвинутым», на что он ответил: «Знаете, когда я был ребёнком, мы меняли порядок слогов в словах, так что сегодня это уже не очень ново! Это означает быть «продвинутым», конечно же».

В настоящее время французский верлан играет значительную роль в общении молодежи. Он часто встречается в песнях, фильмах и в повседневной речи. Некоторые слова и выражения распространились настолько широко, что их используют даже те, кто утверждает, что избегает верлана в своем языке.

Примеры современного верлана: Auch – от chaud (горячий, жаркий); Cimer – от merci! (Спасибо); Reloud (обычно в переносном смысле: раздражающий) – от lourd (тяжелый); Ouf (сумасшедший) – от слова fou (безумный); Une teuf – от fête (праздник, вечеринка); Ziva = Vas-y (Давай); Sakom = Comme ça (Вот так); Chelaoim = Lâche-moi (Оставь меня в покое); C'est cheum = c'est moche (это уродливо); Laisser béton = laisser tomber (забывать, отпускать); C'est zarbi = c'est bizarre (это странно); Céfran = français (французский, француз).

Как видно из приведённых примеров, верлан является формой разговорного французского языка, которая представляет собой игру со слогами в рамках одного или двух слов, при которой слоги или буквы слов переворачиваются или переставляются. Этот приём слово моделирования часто используется в молодежной культуре и уличном жаргоне. Верлан позволяет создавать новые слова и фразы, придавая разговору неформальный характер.

Вёль (фр. *veul*) – это новая трансформация верлана, которая сочетает в себе элементы классического верлана и различные сокращения.

Данный способ образования слов не имеет строгих правил, что делает его более гибким и разнообразным. Это позволяет молодежи «играть» с языком, создавая уникальные лексемы, которые могут быть поняты только в определенных кругах.

Представленные ниже примеры иллюстрируют, как происходит игра со звуками и слогами. Этот процесс может быть как интуитивным, так и основанным на каких-то внутренних правилах, которые не всегда очевидны для внешнего наблюдателя. Например: *Asmeuk* – от *sakom* – от *comme ça*; *Greune* – от *negre*; *Lasse* – от *celui-là*; *Keul* – от *kelou* – от *look*; *Leust* – от *style*.

Яурт (фр. *yaourt*) представляет собой начальную стадию лингвистической игры. Использование этого метода связано не столько с желанием скрыть истинное значение слова, сколько с потребностью в творчестве и самовыражении. Термин «яурт» в научный обиход был введен П. Мерль, написавшим об этом языковом явлении научную работу [12, с. 55].

Приведём примеры свидетельствующие, как молодежь может экспериментировать с языком, создавая новые слова и фразы: *Deusk* – от *disque* (компактный диск); *Fonb* – от *hovffon* (дурак); *One* – от *con* (дурак); *Lyep* – от *leried* (наслаждение, кайф).

Анализируемые языковые явления подчёркивают богатство и разнообразие современного французского языка, а также стремление молодежи к языковым инновациям и самовыражению. Это также свидетельствует о том, как язык может эволюционировать и адаптироваться к культурным и социальным изменениям.

Важно отметить, что при формировании арготической лексики активно применяются и традиционные методы словообразования, которые зачастую сочетаются с типичным для аргоса верланом.

Например, апокопа (усечение последних слогов), характерная для аргоса вообще и особенно для молодежного сленга, наряду с такими общеупотребительными терминами, как «*le bac*», «*le foot*», «*le prof*», «*la récré*», привела к образованию верланизированных слов, таких как «*le mane*» (от «*manesi*» < *cinéma*), «*la tec*» (от «*teci*» < *cité*) и «*la turve*» (от «*turvoi*» < *voiture*).

В то же время афереза (выпадение начальных слогов) используется гораздо реже и обычно не комбинируется с другими методами деривации: примеры включают «*dwich*» (от *sandwich*), «*leur*» (от *controleur*), «*zic*» (от *musique*) и другие. Однако в некоторых случаях афереза может сочетаться с верланом

(«cainri» от «ricain» < américain) или сопровождаться редупликацией слогов («gengen» от argent).

Помимо упомянутых способов деривации, в арготической лексике широко применяется суффиксация, часто в сочетании с метафоризацией и верланом, как, например, в словах «pestouille» (от peste + -ouille) и «rabzouille» (от «rabza» < les arabes + -ouille), а также префиксация («hypergénial», «méganote», «supraintéressant»).

В некоторых случаях встречаются контаминация («foultitude» от foule + multitude; «trifouiller» от tripoter + fouiller), конверсия (elle est colère; il l'a eu facile) и другие модели словообразования.

Во французском языке арготизмов наблюдается большое множество. Они даже собраны в специальные словари, которые зачастую разделены на сферы употребления арготизмов.

Одним из таких словарей является словарь «Dictionnaire argot-français», автором которого является Эжен Франсуа Видок – французский преступник, ставший одним из первых современных частных детективов и «отцом» уголовного розыска в его современном виде [8].

В своем «Словаре французского аргю» Э. Ф. Видок собрал как перевод слов с аргю на обычный французский язык, так и наоборот. Чаще всего слова, представленные в словаре, связаны с криминальным миром, с миром мошенников и преступников. Например:

- baches (faire les) или bachotter – это термин, которым пользуются мошенники и который означает делать ставки в игре;
- galiotte или gaye (faire une) – это два игрока, которые договариваются друг с другом, чтобы заставить тех, кто делает ставки против одного из своих партнеров, проиграть;
- tirer une dent – ввести кого-то в заблуждение и выманить у него деньги, рассказав ему историю.

Интерес представляет и словарь арготической и фамильярной лексики «Боб» («Bob, l'autre trésor de la langue»), который выставляется в интернете и регулярно обновляется. Этот словарь интересен прежде всего тем, что позволяет проследить эволюцию арготизмов [5]. В нём, помимо прочих, содержатся рубрики «notices entrantes», «notices révisées», «notices écartées», в которых арготическая лексика сгруппирована по трём признакам: (1) слова, недавно появившиеся во французском языке, (2) арготизмы, зафиксированные в последних изданиях словаря «Petit Robert», и (3) лексика, выходящая из употребления.

В двух последних выпусках данного словаря представлено более тридцати новых арготизмов, которые позволяют убедиться, что в современном словотворчестве используются практически все возможные механизмы. Здесь мы видим и суффиксацию («paluchard» – se palucher, «sympatoche» – sympathique), и усечение («doc» – documentaire, «fut» – futsal), и метафору («envelopper» – заканчивать, «se froter» – иметь интимные отношения, «macaron» – голова, череп). Кроме этого, есть несколько интересных каламбуров: «fabriquer un

deuxième pombril» (букв. проделать второй пупок) следует понимать как застрелить; «ne pas se faire de mal aux gencives» (букв. не причинять себе боль в деснах) – молчать, хранить секреты.

Большое разнообразие французских арготизмов связано с тем, что арго появилось много веков назад и прошло интересный исторический путь до наших дней, приобретая новые направления и функции использования.

Подводя итог можно сделать несколько выводов. Арго представляет собой динамичное явление, которое не только обогащает лексический запас языка, но и служит важным инструментом социальной идентификации и коммуникации внутри различных социальных групп. Исторические, культурные и социальные факторы способствовали формированию лексики арго. Арготизмы часто возникают в контексте субкультур, профессиональных сообществ или молодежных движений, отражая специфические реалии и потребности этих групп.

Сферы употребления арготизмов разнообразны: от повседневного общения до искусства и средств массовой информации. Их использование может варьироваться от неформальной беседы до литературных произведений, что подчеркивает их универсальность и адаптивность.

Таким образом, арго не только является дополнительным продуктивным источником пополнения и существования национального языка, но и выполняет функции социальной связи, культурной идентичности и даже протеста. В условиях глобализации и быстрого развития технологий арго продолжает эволюционировать, оставаясь актуальным и значимым аспектом современного французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 17.02.2025).
2. Красухин К. Г. Большая российская энциклопедия 2004–2017, [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 17.02.2025).
3. Ситдилов Б.А., Рябцова Н.И. Способы образования молодежного арго во французском языке // Тенденции развития науки и образования. № 92-16. 2022. С. 94–97.
4. Ускова А.И. Статус арго в английском языке и художественной речи: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Воронеж, 2014, – 17 с.
5. Bob, l'autre trésor de la langue. Dictionnaire d'argot, de français familier et de français populaire [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.languefrancaise.net/Bob/%20Introduction> (дата обращения: 17.02.2025).
6. Caradec F. N'ayons pas peur des mots [Texte]. – P.: Larousse, 1988. – 689 p.
7. Dictionnaire alphabétique de la langue française de P. Robert. 2. éd. T. 1. – P.: Le Robert, 1986. – P. 533.
8. Vidocq Eugène-François. Dictionnaire argot-français – P.: Editions du Boucher, 2002. – 169 p.

9. Tahereh Khameneh Bagheri Etude sur la formation du verlan dans la langue française Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji. – No. 53, Special Issue, French, 2009. – P. 5–21.

10. Pechon de Ruby, La vie généreuse des Mercelots, Gueux et Bohémiens, 1596. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.languefrancaise.net/Argot/VieGenereuse1596> (дата обращения: 14.05.2025).

11. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle. Paris: Centre national de la recherche scientifique, Institut de la langue française. 1974. P. 478.

12. Merle P. Argot, verlan et tchatches. – Toulouse: Les Essentiels Milan, 1997 – 147 p. URL : <https://archive.org/details/argotverlanettch0000merl> (дата обращения: 14.05.2025).

REFERENCES

1. Efremova T. F. (2000). Novy'j slovar' russkogo yazy'ka. Tolkovo-slovoobrazovatel'ny'j [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming.]. Moscow, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (access date: 17.02.2025) (In Russian).

2. Krasuxin K. G. (2004–2017). Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya 2004–2017 [Great Russian Encyclopedia 2004-2017]. URL: <https://old.bigenc.ru/> (access date: 17.02.2025) (In Russian).

3. Sitdikov B.A., Ryabczova N.I. (2022). Sposoby' obrazovaniya molodezhnogo argo vo francuzskom yazy'ke [Ways of education of youth argo in French] in Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in the development of science and education]. No. 92–16. 2022. Pp. 94–97 (In Russian).

4. Uskova A.I. (2014). Status argo v anglijskom yazy'ke i xudozhestvennoj rechi [The status of argo in English and artistic speech] : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Voronezh, 2014. 17 p. (In Russian).

5. Bob, l'autre trésor de la langue. Dictionnaire d'argot, de français familier et de français populaire URL : <https://www.languefrancaise.net/Bob/%20Introduction>

6. Caradec F. (1988). N'ayons pas peur des mots [Texte]. P.: Larousse, 1988. 689 p.

7. Dictionnaire alphabétique de la langue française de P. Robert. 2. éd. Vol. 1. P.: Le Robert, 1986. P. 533.

8. Vidocq Eugène-François. Dictionnaire argot-français (2002). P.: Editions du Boucher, 2002. 169 p.

9. Tahereh Khameneh Bagheri (2009). Etude sur la formation du verlan dans la langue française Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji. – No. 53, Special Issue, French, 2009. P. 5–21.

10. Pechon de Ruby (1596). La vie généreuse des Mercelots, Gueux et Bohémiens, 1596. URL: <https://www.languefrancaise.net/Argot/VieGenereuse1596>.

11. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1974). Paris, 1974. P. 478.

12. Merle P. (1997). Argot, verlan et tchatches. – Toulouse: Les Essentiels Milan, 1997. 147 p. URL : <https://archive.org/details/argotverlanettch0000merl> (access date: 14.05.2025).

УДК 81'344 811.111

СУПРАСЕГМЕНТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИЛЛОКУТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ «ДРАМАТИЧЕСКОГО МОНОЛОГА»

Штакина Людмила Александровна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
(г. Горловка, Россия)
leksali@mail.ru

Аннотация: статья отражает специфику интеграции просодических подсистем, маркирующих коммуникативные имплицатуры, динамику смыслового квантирования прагматических разновидностей «драматического монолога». На основе аудитивного и акустического анализа установлены особенности делимитации образцов «драматического монолога», характеристики структуры фоносинтагм с учётом иллокутивной силы. Определена специфика тональной реализации предъядерных и ядерных участков фоносинтагм, их динамических и временных характеристик. Выявлена степень корреляции просодических подсистем в процессе актуализации иллокутивной доминанты.

Ключевые слова: монолог, имплицатура, фоносинтагма. корреляция, интеграция, доминанта.

SUPRASEGMENTAL DIFFERENTIATION OF THE “DRAMATIC MONOLOGUE” ILLOCUTIVE DOMINANT

Shtakina Lyudmila Aleksandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of English Philology
of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov”
(Gorlovka, Russia)
leksali@mail.ru

Abstract. The article highlights specifics of the prosodic subsystems integration to mark communicative implicature as well as dynamics of semantic quanting of the “dramatic monologue” pragmatic varieties. The data obtained expose specifics of the pre-nuclear and nuclear tone realization of phonetic syntagmas as well as their intensity and temporal characteristics. The degree of prosodic subsystems correlation has been determined within the framework of the auditory and acoustic analysis of the “dramatic monologue” samples. The statistic figures reveal the suprasegmental subsystems vital importance in terms of the illocutive dominant realization.

Keywords: monologue, implicature, phonetic syntagma, correlation, integration, dominant.

Для цитирования: Штакина Л. А. Супraseгментная дифференциация иллокутивной доминанты «драматического монолога»// Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.:

С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 154-162. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-154-162

Современный этап развития лингвистической науки ориентирован на изучение речевой деятельности в широком социальном контексте, который отражает личностно-ориентированный характер дискурса. Исходя из этого внимание исследователей сосредоточено на взаимодействии языковых подсистем в синергетическом процессе порождения дискурса как макро-речевого акта, декодирующего различные параметрические признаки коммуникации. Применение «синергетических» принципов анализа и синтеза к исследованию языковой системы в динамике коммуникативного процесса позволило исследователям Т. И. Домброван [2], Г. Г. Москальчук [5], Е. В. Пономаренко [7] получить весомые научные результаты и в области дискурса. Синергия – результат (эффект), получаемый в процессе кооперации, координации, согласованного взаимодействия элементов системы. Этот постулат предусматривает комбинаторику, функционирование дополнительных свойств системы, возникающих вследствие взаимодействия её элементов. Самоорганизующаяся система может иметь мало или много устойчивых состояний, однако всё их множество дискретно, i.e. одно устойчивое состояние отличается от другого своим уникальным набором параметров и диапазоном значений [4].

Варьирование языковой системы в процессе коммуникации целесообразно, с нашей точки зрения, рассматривать как результат взаимодействия лингвистических и нелингвистических (социальных) факторов. Социально обусловленная вариативность языковой системы отражает особенности вербализации коммуникативной интенции и наряду с этим адекватное использование разноуровневых языковых средств актуализации коммуникативного замысла. К тому же анализ специфики вербализации коммуникативной интенции предусматривает учёт лингвистической и социологической оценки исследуемого дискурса, поскольку языковое варьирование соотносится с системно упорядоченными социальными различиями [6]. В нашем понимании, исследование особенностей дискурса с учётом взаимодействия ситуативного и стратификационного параметров даёт возможность дифференцировать речевое поведение коммуникантов в соответствии с личностными социальными признаками, что, в свою очередь, направлено на раскрытие социальной обусловленности коммуникативной компетенции и, в конечном итоге, означает проекцию на социальную идентичность. Именно поэтому важным направлением социопрагматических исследований являются особенности речевого поведения коммуникантов и, в частности, фонетические (супрасегментные) характеристики вербальных стереотипов.

Следует также отметить, что социокоммуникативные характеристики дискурса отражают прежде всего феномен ситуации наряду со значимым параметром – социальным статусом коммуниканта, который раскрывается в

ролевых и нормативных характеристиках речевого поведения и отражается в стратегиях и средствах невербального и вербального общения индивидов [3]. В социологии получило распространение понятие «социальной роли», под которой понимают различные формы общественного поведения человека. Совершенно очевидно, что ситуация речевого общения в современном понимании является базовым компонентом процесса реализации прагматических задач и поэтому эффективность общения – это не просто вопрос совпадения имплицатур адресанта и адресата, а проблема воздействия, определяющего достижение желаемого перлокутивного эффекта [11]. Лингвистический аспект изучения социальных ролей является одним из ключевых в социопрагматике, ориентированной на социолингвистическое поведение индивида [8, с.68].

В центре внимания социопрагматических исследований находится ситуативно-стратификационный подход, который даёт возможность выявления закономерностей построения дискурса определённой прагматической стратегии. В свете современных исследований такого многоаспектного феномена как речевое общение, приоритетным представляется прагматический аспект речевой просодии, что открывает перспективу исследований в области прагмафонетики [1].

Понимание языка как речевого набора социальных норм показывает, что многие его элементы подвержены варьированию, отражающему изменения во времени и под влиянием нелингвистических (социальных) факторов. Особенно заметными в этом отношении являются показатели, основанные на элементах звуковой системы языка. Исходя из вышеизложенного, представляется актуальным изучение роли социальных факторов в процессе реализации коммуникативных имплицатур дискурса с учётом прагматического аспекта речевой просодии.

Интегративная коммуникативная функция стала предметом пока ещё не многочисленных исследований. Определение прагмалингвистических особенностей дискурса, закономерностей межуровневой интеграции ставит задачу выявления в рамках макро-речевого акта специфики просодической реализации интегративной иллокутивной силы. Поскольку дискурс как коммуникативное событие представляет собой реализацию тех или иных коммуникативно-когнитивных структур, такими структурами являются фреймовые модели [9].

Объектом нашего исследования является макро-речевой акт – монолог. По нашему мнению, монологическая речь ориентирована на пассивное и опосредованное восприятие со свойственной структурно-семантической спаянностью речевых актов, образующих индивидуальную логико-композиционную структуру, прогнозируемую топиком, представленным сложной пропозицией. Монолог подразумевает адекватность языковых средств определённому психическому состоянию адресанта. Особенность синергии монолога состоит в последовательности и непрерывной направленности континуума вдоль временной оси, т.е. от абсолютного начала к абсолютному концу. Эта последовательность неоднородна по ряду параметров. На линейную протяжённость цепи индивидуальных речевых актов накладываются

интонационно-коммуникативные, эмотивные и прагматические характеристики, которые согласовываются с целым, как его компоненты [5, с.19].

Следует отметить, что эволюция жанров монолога тесно связана со сменой культурно-бытовых форм общения, а также расслоением речи в плане вариативности. Наше исследование базируется на звуковых моделях англоязычного «драматического монолога» (ДМ), который мы определяем как автороцентрический интраперсональный макро-речевой акт с индивидуальной композицией. Целесообразно предположить, что синергизм «драматического монолога» как фреймовой модели определённым образом обусловлен взаимодействием подсистем фонетического уровня с подсистемами других языковых уровней, что отражается определённой экспрессией и риторической эффективностью [10]. Этот речевой акт отличается макро-семантикой, объединяющей индивидуальные речевые акты. Учитывая известный принцип построения дискурса, мы подчёркиваем, что с точки зрения социальных факторов и условий, которые управляют речевым общением, наиболее действенными, с нашей точки зрения, в «драматическом монологе» являются постулаты количества, тактичности и способа выражения.

В рамках этой публикации представлены результаты анализа супrasegmentных характеристик двух моделей «драматического монолога» – апеллятива с иллюкутивной доминантой «вежливый отказ» (ДМВ) и «рассуждение» (ДМР), представляющими собой эквиполентную оппозицию с присущими её членам специфическими прагматическими и социофонетическими признаками. Например:

(ДМВ) ... *Well, why shouldn't I be quiet? And why shouldn't I be shy? And if you say I am pretty, why shouldn't I be? People always seem to think anybody in my position has to be bossy, and aggressive – but there are plenty of man who aren't. And nobody thinks they can't cope. Mind you, it's taken a long time to convince them I know what I'm doing and that I mean what I say. But it's coming along very nicely now and even the accountant seems to accept me. The deputy manager has done from the start – he's been marvelous – and not in the way you think. What I mean is he's just accepted it as a normal thing and judged me on me merits. However, to come to the point : it wouldn't work would it? I know you're the best man in the business in your line, and I know you're just what we need. And I know the deputy manager has said O.K. Perhaps if I'd known you were you and you'd known I was me, things would've been different last night – though I've no complaints. But on this, I do mean what I say – and it is my decision* [12].

(ДМР) ... *You know, a lot of people find this sort of situation quite frightening. Terrifying, in fact. Anyway, the light's still on. Oh – spoke too soon. What is happening, I wonder. And the trouble is, I am not sure there is anyone left in the building now. I'll try to telephone again if you like, but I should think it's not working. And, as I say, I am not sure even if it is anybody there. Now this bottom button's the alarm, I seem to remember. No. Doesn't right. Can't I suppose, if there's no power. There is that little seat in the corner, you know. Ouch! No, it's nothing – just my foot. My fault entirely. Well, you can tell I know this thing very well. Should do. I've worked here for twenty*

years. Never replaced – though they service it, of course. Afraid, I haven't got any sandwiches or anything. I do have some on the way up, of course. Well, the canteen isn't very exciting, is it? And it is very expensive, don't you think? We're supposed to be going to the theatre, actually. Ballet. Used not to like ballet, but somehow I seemed to be getting used to the idea in my old age. Prefer it to opera in many ways. Alice has always been keen, of course. Oh – one thing to remember is that there's no problem about air: well, you can feel the draught yourself, can't you? One advantage of being old fashioned I suppose I say – aren't you? What's-his-name's new secretary? He's a lucky chap. You should see mine. Anyway, shall we both just give one more shout? [12].

В ходе изучения специфики супrasegmentной экспликации интегративной иллокутивной силы (ИС) «драматического монолога» были проанализированы звуковые модели в исполнении носителей языка двух гендеров. Результаты анализа перцептивных и акустических особенностей звуковых фреймов исследуемого дискурса с учётом гендерного фактора дают основание полагать, что коммуникативные импликатуры коррелируют с характером делимитации дискурса, динамикой смыслового квантирования, которое обеспечивается интеграцией просодических подсистем – тональной (частота основного тона), динамической (интенсивность), темпоральной (длительность).

Таблица 1. Характеристики частотности пауз ДМ (%)

ДМ / ИС	паузы	сверхкраткая 195 мс	краткая 380 мс	Продолжительная 1170 мс
	гендер			
ДМВ	В(м)	49	27,2	23,8
	В(ж)	51	43,6	5,4
ДМР	Р(м)	28	30	42
	Р(ж)	30	30	40

Статистические данные анализа перцептивных и акустических характеристик эмпирического материала отражают особенности признаков параметров трёх подсистем (акустический уровень), в частности, локализации тонального максимума (статистические данные представлены в таблице 3), локализации максимума интенсивности (таблица 2) и характеристик паузации ДМ (таблица 1). Сопоставление перцептивных и акустических данных обработки исследуемых звуковых моделей проводилось с помощью компьютерной программы UCL Wave Surfer 1.8.3. акустического анализа речи.

Не вызывает сомнения тот факт, что речь индивидуума должна быть определённым образом квантирована, i.e. обладать признаками дискретности. Являясь базовым паузоопределяющим фактором, иллокутивная сила предопределяет как дискретность звучащей речи, так и её временн*ую регламентированность. Сравнение данных относительно паузации двух разновидностей ДМ подтверждает это обстоятельство (таблица 1). Сверхкраткая пауза, как и другие типы пауз, представленные в таблице 1 с акустическими классификационными характеристиками в миллисекундах (классификация профессора Дубовского Ю.А.), является наиболее частотной в двух гендерных

реализациях монолога с ИС «вежливый отказ», однако в монологе «рассуждение» в силу специфики иллокутивной силы максимально частотной является продолжительная пауза. Этот факт можно объяснить тем, что «рассуждение» требует больших временных затрат для реализации коммуникативного замысла.

Как базовая ритмомелодическая единица делимитации информационно-смыслового поля, фоносинтагма характеризуется определёнными акцентными характеристиками, а именно количественными показателями ритмических групп, составляющих ритмический каркас этой смысловой единицы. Результаты статистических подсчётов показывают, что типичной для монолога с интегративной иллокутивной силой «вежливый отказ» является фоносинтагма, состоящая из 1-2 ритмических групп. Заметим, что более высокие релевантные показатели частотности по этому параметру наблюдаются в реализациях женским голосом, что, с нашей точки зрения, связано с психологическими особенностями гендера. В монологе с иллокутивной силой «рассуждение» наблюдается вариативность ритмической структуры фоносинтагм (1-2-3 ритмогруппы) со статистической предпочтительностью структур с двумя ритмогруппами в двух гендерных реализациях. Общая тенденция ритмизации дискурса с иллокутивной силой «вежливый отказ» и «рассуждение» проявляется и в особенностях акцентуации речевого континуума гендерных реализаций со специфической интегративной иллокутивной силой.

Таблица 2. Локализация максимума интенсивности (%)

ДМ / ИС	фоносин гендер тагма	начальная	промежуточная	конечная
ДМВ	В(м)	44,4	22,2	33,4
	В(ж)	49,8	17	33,2
ДМР	Р(м)	12,4	49,6	38
	Р(ж)	12	33,3	54,7

Дифференциальным признаком двух прагматических разновидностей ДМ является также структурный тип фоносинтагмы, напрямую коррелирующий со смысловым членением речевого континуума. Результаты наших статистических подсчётов отражают частотность как простых, так и сложных (с внутрисинтагменной паузой) фоносинтагм в зависимости от гендера и иллокутивной силы. В реализациях монолога с иллокутивной силой «вежливый отказ» мужским голосом доминируют простые фоносинтагмы, а в реализациях женским голосом наблюдается сбалансированность простых и сложных структур; в монологе с ИС «рассуждение» доминируют сложные фоносинтагмы. Этот признак коррелирует с разновидностью ДМ, поскольку «рассуждение» строится на основе шкалы вероятностной оценки и подчёркивает гипотетичность речевого события. Интерес также представляют характеристики интенсивности (таблица 2). Энергетически нагруженными являются начальные, промежуточные и конечные фоносинтагмы в ДМВ двух гендерных реализаций. Однако,

локализация пиков интенсивности в двух гендерных реализациях ДМВ и ДМР имеет некоторую специфику актуализации коммуникативного замысла, о чём свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 3. Локализация тонального максимума (%)

ДМ / ИС	фоносинтаг гендер ма	начальная	конечная
ДМВ	В(м)	60	40
	В(ж)	78,8	21,2
ДМР	Р(м)	60	40
	Р(ж)	78,8	21,2

Релевантным акустическим признаковым параметром, маркирующим разновидности ДМ, является частота основного тона (ЧОТ). Контур ЧОТ иллюстрирует вариативность предтерминального движения тона в зависимости от иллокутивной силы. Частотным является ровное скользящее движение мелодии в двух прагматических моделях ДМ в реализациях двух групп коммуникантов. Однако в процентном отношении данные по этому признаковому параметру выше в ДМ с иллокутивной силой «рассуждение». Специфику реализаций ДМ составляет нисходящее скользящее движение, восходящее скользящее и скандентное движение в моделях, продуцированных женским голосом. Наблюдается сбалансированность общего нисходящего и ровного движения в шкале и скользящего в ритмических группах фоносинтагм в монологе с ИС «вежливый отказ». Напротив, характер сбалансированности нисходящего и ровного движения наблюдаем в монологе «рассуждение» в реализациях мужским голосом, а вариант монолога ДМР в презентации женским голосом отражает статистическую предпочтительность ровного движения. В том или ином случае предтерминальное движение тона маркирует специфику вербализации рациональной оценки происходящего. Статистические данные таблицы №3 показывают особенности локализации тонального максимума, коррелирующего с иллокутивной силой ДМ. В обоих гендерных вариантах монолога (ДМВ и ДМР) тональный максимум маркирует начальную фоносинтагму речевых актов макроструктуры, что коррелирует с регрессивной экспликацией коммуникативного замысла. Причём, гендерные реализации ДМВ и ДМР отличаются количественными показателями локализации тонального максимума в начальной фоносинтагме наряду с общей тенденцией; в реализациях женским голосом наблюдается ощутимый дисбаланс распределения ядерных акцентов начальной и конечной фоносинтагм.

Анализ характера взаимодействия просодических признаков параметров частоты основного тона, интенсивности и длительности в прагматических вариантах «драматического монолога» даёт основание утверждать, что коммуникативные импликатуры дискурса маркированы интегративными просодическими моделями. Результаты наших наблюдений дают основание констатировать, что реализация смысловой программы

обеспечивается интеграцией лингвистических и нелингвистических подсистем, обуславливающих синергизм исследуемого макро-речевого акта. Сопоставление просодической специфики актуализации иллюкутивной доминанты моделей «драматического монолога» сигнализирует действие механизма прагмафонетики дискурса и открывает новые перспективы для дальнейшего научного поиска в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев, Е. И. Прагматический аспект речевой просодии (экспериментально-фонетическое исследование) : 10.02.04 : дис. ... д-р филол.наук / Григорьев Евгений Иванович. – Москва, 1996. – 433 с.
2. Домброван, Т. И. Язык в контексте синергетики / Т. И. Домброван. – Одесса : КП ОГТ, 2013. – 346 с.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М., 2002. – 282 с.
4. Кобзева, Н. М. Синергизм процессов организационных изменений / Н. М. Кобзева. – Режим доступа. – <http://www.uecs.ru/uecs> – 48-122012/item/1888-2012 – 12-26-09-46-43.3
5. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – М : УРСС, 2003. – 294 с.
6. Петренко, А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – К.: 1998. – 249 с.
7. Пономаренко, Е. В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса / Е. В. Пономаренко// Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – Вып.18. №13(156). – С. 131-140.
8. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К.: Фитосоциоцентр, 2002. – 334 с.
9. Тюрина, С. Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] / С. Ю. Тюрина. – Владимир, 2008. – Режим доступа : <http://www.vtn'lu.wladimir.ru/files/netmav3/arll.doc>.
10. Штакина, Л. А. Фоностилистика / Л. А. Штакина. – Горловка : ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2018. – 152 с.
11. Штакина, Л. А. Риторика речевой коммуникации / Л. А. Штакина. – Горловка : ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. – 132 с.
12. Ockenden, M. C. Dramatic Monologues. Sound Version / M. C. Ockenden. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 101 p.

REFERENCES

1. Grigoryev E. I. (1996). Pragmatischen aspekt rechevoi prosodii (eksperimental'no foneticheskoye issledovaniye) [The pragmatic aspect of speech prosody (experimental phonetic research)] : dis.... d-r. filol.nauk :10.02.19. Moscow (In Russian).
2. Dombrovan T.I. (2013). Yazik v kontekste synergetiki [Language in the context of synergetics]. Odessa : KP OGT, 346 p. (in Russian).

3. Karasik V. I. (2002) Yazik sitsial'nogo statusa [Language of social status]. Moscow. 282 p. (In Russian).
4. Kobzeva N. M. (2012). Synergizm protsessov organizatsionnykh izmenenii [Synergism of organizational change processes]. URL : <http://www.uecs.ru/uecs> - 48-122012/inem/1888-2012 - 12-26-09-46-43.3 (In Russian).
5. Moskalchuk G. G. (2003). Struktura teksta kak synrgeticheskii protsess [Text structure as a synergistic process]. Moscow : URSS, 294 p. (In Russian).
6. Petrenko A. D. (1998) Sotsiofoneticheskaya variativnost' sovremennogo nemetskogo yazyka v Germanii [Sociophonetic variability of the modern German language in Germany]. K: Fitosotsiotsentr, 249 p. (In Russian).
7. Ponomarenko E. V. (2013). O samoorganizatsii i synergizme funktsional'nogo prostranstva angliiskogo diskursa [On self-organization and synergy of the functional space of English discourse] in Nauchnyye vedomosti BelGU [Scientific statements of BelSU. Humanities series]. Issue. 18. No. 13(156). Pp. 131–140. (In Russian).
8. Selivanova E. A. (2002). Osnovi lingvisticheskoi teorii teksta i kommunikatsii [Fundamentals of the linguistic theory of text and communication]. K.: Fitosotsiotsentr, 334 p. (In Russian).
9. Tyurina S. Yu. (2008). Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Discourse as an object of linguistic research]. URL : <http://www.vtn'lu.vladimir.ru/files/nttmav3/arll.doc>. (In Russian).
10. Shtakina L. A. (2018). Fonostilistika [Fonostilistics]. Gorlovka: GOU VPO "GIIYA". 152 p.
11. Shtakina L. A. (2020). Ritorika rechevoi kommunikatsii [Rhetoric of speech communication]. Gorlovka: GOU VPO "GIIYA". 132 p.
12. Ockenden M. C. (2000). Dramatic Monologues. Sound Version. Oxford: Oxford University Press. 101 p.

УДК 378.147: 37. 037.1(043.3)

ПРИНЦИПЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА В КИТАЕ

Хэ Цзяньфэн

преподаватель китайского языка

УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»

(г. Мозырь, Республика Беларусь)

tatyana.chechko@yandex.ru

Чечко Татьяна Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент,

заведующий кафедрой белорусской и русской филологии

УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»

(г. Мозырь, Республика Беларусь)

tatyana.chechko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ведущие принципы организации содержания нравственного воспитания студентов в образовательной системе Китая. Опираясь на теоретические положения китайской педагогики и результаты педагогического эксперимента, проведённого в профессионально-техническом колледже Сукянь Зеда (КНР), авторы выделяют и описывают три ключевых принципа: принцип интегративной целостности, принцип национальной идентичности и принцип культурной преемственности. Особое внимание уделено анализу учебных курсов, внеучебной и волонтерской деятельности, а также роли фольклорных и философских текстов как основы формирования нравственно-эстетических ценностей у студентов. Статья может быть полезна педагогам, организаторам воспитательной работы и исследователям, занимающимся проблемами нравственного воспитания в межкультурном контексте.

Ключевые слова: нравственное воспитание студентов, профессиональное образование, образовательная система Китая, интеграция, национальная идентичность, культурная преемственность, педагогические условия.

PRINCIPLES AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR ORGANIZING THE MORAL EDUCATION OF COLLEGE STUDENTS IN CHINA

He Jiangfeng

Chinese Language Teacher

of EI “Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin”

(Mozyr, Republic of Belarus)

tatyana.chechko@yandex.ru

Chechko Tatyana Nikolaevna

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,

Head of the Department of the Belarusian and Russian Philology

of EI “Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin”

(Mozyr, Republic of Belarus)

tatyana.chechko@yandex.ru

Abstract. The article examines the key principles of organizing the content of moral education for students in the Chinese educational system. Based on the theoretical foundations of Chinese pedagogy and the results of a pedagogical experiment conducted at the Suqian Zeda Vocational College (PRC), the author identifies and describes three main principles: the principle of integrative

wholeness, the principle of national identity, and the principle of cultural continuity. Special attention is paid to the analysis of academic courses, extracurricular and volunteer activities, as well as the role of folklore and philosophical texts as a foundation for developing students' moral and aesthetic values. The article may be of interest to educators, educational organizers, and researchers working on moral education in intercultural contexts.

Keywords: moral education of students, vocational education, the educational system of China, integration, national identity, cultural continuity, pedagogical conditions.

Для цитирования: Хэ Ц, Чечко Т. Н. Принципы и педагогические условия организации содержания нравственного воспитания студентов колледжа в Китае // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 163-172. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-163-172

Процесс формирования у студентов нравственно-эстетических ценностей представляет собой сложное историко-социальное явление, неразрывно связанное с культурными традициями, а также с национальными и региональными особенностями социума. Он обладает многоуровневой структурой, характеризуется динамичностью, длительностью, обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов. При этом результаты воспитательного воздействия, как правило, не имеют мгновенного выражения и проявляются в образовательной и социальной среде в отложенной перспективе. Данное обстоятельство предопределяет специфику содержания, методов и условий нравственно-эстетического воспитания, а также влияет на формирование ценностных приоритетов и векторов духовного развития личности студента.

В научной литературе категория «нравственно-эстетические ценности» рассматривается с различных теоретико-методологических позиций. Так, в трудах Л. В. Вершининой, М. Я. Виленского, Е. В. Матвеевой, А. А. Реана, В. В. Сластёнина, А. М. Столяренко и других авторов акцент делается на таких компонентах, как ценностные ориентации, моральные установки, духовные и гуманистические ценности, эстетические предпочтения. Подобный подход позволяет рассматривать нравственное воспитание как целенаправленную, системную деятельность, ориентированную на развитие личности в процессе её включения в общественную, профессиональную и культурную жизнь [1, с.75–77], [2, с. 13–15], [3, с. 43–50].

Согласно позиции Н. А. Буравлевой, эффективное обеспечение нравственного становления личности в образовательном пространстве требует активного включения студентов в творческую деятельность, расширения их профессиональных возможностей в рамках культурно-исторического и регионального контекста. Приоритетным направлением такой работы является опора на лучшие образцы традиционной народной культуры, что способствует осознанию и принятию национальной идентичности [4], [5], [12]. В этой связи

усвоение ценностей собственной культуры рассматривается как основа для дальнейшего понимания и принятия культурного многообразия мирового сообщества. Таким образом, формирование системы подготовки специалистов должно быть соотнесено с задачами включения в контекст профессионального образования возможностей творческой самореализации студентов. При таком подходе профессиональные компетенции становятся не самоцелью, а инструментом создания культурно значимого продукта, опирающегося на национальные традиции и эстетические идеалы [9].

В китайской педагогической традиции категория «нравственное воспитание» рассматривается как многоаспектный процесс формирования внутреннего мира личности на основе социальных, идеологических и культурных норм.

Так, исследователи Ху Шоувэнь (胡守棻) и Чжао Ханьчжан (赵翰章) трактуют нравственное воспитание как образовательную деятельность, направленную на трансформацию общественно значимых идеологических установок, политических и моральных норм в индивидуальные моральные убеждения и мировоззрение личности [13, с. 529–533].

Ван Даоцзюнь (王道俊) и Ван Ханьлань (王汉澜) акцентируют внимание на необходимости систематического и целенаправленного педагогического воздействия на моральные и идеологические установки личности. Они рассматривают нравственное воспитание как результат «активного понимания и принятия» моральных норм, реализуемого через регулярную практику в образовательной среде [13, с. 529–533].

В свою очередь, Тань Чжуаньбао (檀传宝) обращает внимание на ключевую роль педагогической среды как фактора нравственного развития. По его мнению, функция педагога заключается не только в передаче знаний, но и в создании особого образовательного пространства, способствующего формированию и укреплению нравственных ценностей. Такое пространство может охватывать как учебную и внеучебную деятельность, так и семейное и общественное взаимодействие. Важнейшая задача воспитания – не просто обучить моральным нормам, но содействовать непрерывному личностному и нравственному росту обучающегося [11, с. 185–190].

Таким образом, актуальным является вопрос определения принципов организации содержания нравственного воспитания студентов и выявления педагогических условий эффективной его реализации.

Цель статьи – выявить и определить ведущие принципы и педагогические условия организации и реализации содержания нравственного воспитания студентов колледжа в Китае.

Результаты анализа научной литературы, а также учебно-программной документации профессионально-технического колледжа Сукянь Зеда (КНР) позволили нам выявить значительный образовательный потенциал применения интегративного подхода на всех этапах проектирования и реализации процесса нравственного воспитания студентов; определить ведущие принципы

организации содержания нравственного воспитания и эффективные педагогические условия его реализации в китайской образовательной практике.

Результаты проведенного нами педагогического эксперимента позволили выявить и определить следующие принципы организации содержания нравственного воспитания студентов профессионально-технического колледжа Сукиянь Зеда (КНР):

1. Принцип интегративной целостности. Реализуется на всех уровнях системы нравственного воспитания студентов – на уровне формирования мотивационно-целевых установок, проектирования и реализации содержания нравственного воспитания, мониторинга уровня сформированности нравственных установок студентов – посредством *комплексной инкрустации в образовательный процесс теоретических курсов, ориентированных на формирование нравственных установок.*

В учебно-воспитательной практике колледжей Китая используется развернутая система преподавания дисциплин, интегрирующих нравственные компоненты. Она охватывает специальные курсы, культурно-просветительские мероприятия, а также элементы духовно-нравственного содержания в рамках базовых учебных предметов. Таким образом обеспечивается многоуровневое и непрерывное формирование нравственной культуры личности.

К примеру, первокурсники в первом семестре проходят дисциплину «Идеологическое и нравственное воспитание с правовыми основами» (2 часа в неделю), направленную на формирование базовых морально-правовых ориентиров. Во втором семестре студенты изучают курс «Идеи Мао Цзэдуна и основы социализма с китайской спецификой», где акцент сделан не только на историко-идеологической составляющей, но и на моральных аспектах лидерства, служения обществу, социальной ответственности.

На втором курсе преподавание углубляется курсами «Принципы марксистской философии» и «Краткий обзор современной истории Китая». Эти дисциплины способствуют развитию аналитического мышления, формируют устойчивую нравственно-ценностную позицию, воспитывают патриотизм и понимание социальной справедливости.

Таким образом, создается прочный фундамент мировоззренческого развития студентов, сочетающий политико-идеологические и нравственные компоненты, что и реализует идею интегративной целостности [6], [8], [10].

Не менее эффективным педагогическим условием реализации принципа интегративной целостности организации содержания нравственного воспитания студентов является *вовлечение студентов в волонтерские инициативы и социально значимую деятельность.*

Одной из эффективных форм нравственного становления выступает включение студентов в добровольческие проекты и социокультурную практику. Колледжи активно сотрудничают с общественными и благотворительными организациями, предоставляя студентам возможность реализовать знания на практике в процессе решения актуальных социальных задач.

Так, в рамках кампании «Передай дух и радость помощи другим», прошедшей в апреле 2024 года, студенты и преподаватели проявили себя в реальной волонтерской деятельности, которую впоследствии проанализировали, выделив как позитивные результаты, так и сложности. Это способствовало формированию рефлексивной позиции и готовности к социальному действию.

Подобные практики развивают у молодежи чувство сопричастности, альтруизма, усиливают мотивацию к коллективному взаимодействию. Например, проект благоустройства территории детского дома, осуществлённый студентами архитектурного факультета в мае 2024 года, стал значимым примером объединения профессиональных знаний и гуманистических ценностей.

Индивидуализированное сопровождение и развитие культуры нравственного общения – педагогическое условие развития нравственно-коммуникативной культуры личности.

В учебных заведениях реализуется подход, ориентированный на формирование устойчивых нравственных установок в условиях повседневного взаимодействия. Разнообразные формы внеучебной активности – лекции, дискуссии, театрализованные постановки, ролевые игры, – дополняются онлайн-форматами (лекции, консультации, просветительские программы), что делает процесс более гибким и доступным.

Особую роль играет платформа «Моральный WeChat», позволяющая студентам осваивать нравственные нормы в интерактивной форме, применяя полученные знания в конкретных жизненных ситуациях.

Создание позитивной морально-культурной атмосферы кампуса, где нравственные ориентиры становятся частью повседневности, служит эффективным механизмом воспитания.

Параллельно осуществляется психологическая поддержка: функционируют центры консультирования, проводятся профилактические и просветительские мероприятия, направленные на формирование устойчивой психозмоциональной и нравственной зрелости.

Формирование среды нравственных ориентиров наиболее эффективно осуществляется на основе примеров для подражания. Так, в рамках воспитательной стратегии колледжа важное место занимает поощрение студентов с ярко выраженными моральными качествами. Их деятельность становится образцом для сверстников, формируя в молодежной среде устойчивые модели поведения.

Так, студенты колледжей Фэн Цзысюань, Фан Якун и Тянь Тянь были удостоены признания за значимый вклад в общественную деятельность, демонстрируя образцы искреннего служения обществу. Их история и достижения включаются в воспитательные практики как примеры реального воплощения нравственных идеалов.

Таким образом, принцип интегративной целостности реализуется через объединение теоретических, практико-ориентированных и личностно-

рефлексивных компонентов нравственного воспитания, что обеспечивает устойчивость и глубину формируемых нравственно-эстетических ценностей у студентов.

2. Принцип национальной идентичности в нравственном воспитании.

К. Д. Ушинский подчеркивал, что система воспитания органично формируется на основе исторического пути народа, его духовных традиций и материальной культуры [12]. Богатый воспитательный потенциал, накапливаемый веками, нашел свое отражение в фольклоре, который наиболее понятно и близко воспринимается представителями одной культурной общности, разделяющими схожую ценностную систему. Фольклорные произведения концентрируют в себе проверенные поколениями народно-педагогические средства: они способствуют развитию речи, музыкального и поэтического слуха, логического и образного мышления, чувства юмора, трудовых и физических навыков, при этом представленные в художественно выразительной форме.

Особое значение фольклора в формировании национальной идентичности демонстрирует опыт Китая. В 2011 году китайский фольклор был официально включён в государственный проект по охране нематериального культурного наследия КНР, что закрепило за ним статус символа культурной самобытности, традиционных устоев и ментальности китайского народа. Это подтверждает, что фольклорные формы являются неотъемлемой частью национальной культуры и служат важнейшим источником нравственных ориентиров [11, с. 185–190], [13, с. 529–533]. Таким образом, эффективным педагогическим условием реализации принципа национальной идентичности в нравственном воспитании является *имплементация фольклорных текстов в образовательный процесс*.

Китайская фольклорная традиция основана на стремлении к глубинному осмыслению жизненного опыта. Произведения различных жанров не только передают мудрость и знания предков, но и содержат сведения о философских представлениях, этических установках и устойчивых поведенческих моделях. Одним из ярких примеров являются древние китайские каноны, содержащие элементы мифологии, этикета и философии.

Так, в «Каноне гор и вод» (《山与水的经典》), одном из древнейших текстов, прослеживается символическая связь между природными элементами и нравственными качествами человека. Гордая высота гор ассоциируется с возвышенностью духа и устойчивостью нравственных принципов, тогда как текучесть вод символизирует гибкость мышления и устремленность к цели. Таким образом, китайский фольклор через образы природы формирует у целостное восприятие мира, стремление к внутренней гармонии и нравственному самосовершенствованию [6], [8].

В другом каноническом тексте – «Записках о совершенном порядке вещей правления и обрядов» (《政礼事完美秩序笔记》) – рассматриваются нормы поведения, вопросы идеологии, политического устройства и религиозных традиций. Центральная мысль заключается в том, что даже при изменении внешних условий — климата, политического строя – не должны теряться основы национального характера, нравов и обычаев. Этот посыл воспитывает уважение

к собственным культурным корням и устойчивости к разрушительным внешним влияниям [6], [8].

Художественные образы китайских народных басен также несут глубокие нравственные уроки. Так, в истории о воре (民间寓言 "堵耳朵偷铃"), который закрывает себе уши, чтобы не слышать звон краденого колокольчика, выражается критика самообмана. Эта притча служит предостережением от иллюзий и поверхностного отношения к действительности: если человек игнорирует очевидное, это не освобождает его от последствий. Здесь фольклорный текст подчеркивает значимость честности, способности к саморефлексии и силы духа, необходимых для признания собственных ошибок [6], [8], [10].

Особую роль в китайской традиции занимают сказания о выдающихся исторических личностях, таких как Конфуций. В одной из народных историй философ, беседуя с простой девушкой, извлекает важный нравственный урок. Несмотря на свою ученость, он признаёт ценность мудрости, исходящей от народа. Это произведение иллюстрирует принцип взаимного уважения и признания чужого опыта, независимо от социального статуса, что особенно значимо в воспитательном процессе. Изречения Конфуция, такие как «Из троих обязательно найдётся тот, у кого можно чему-то научиться», стали неотъемлемыми элементами содержания образования, направленного на воспитание уважения, скромности и стремления к знаниям.

Таким образом, китайский народ с глубокой ответственностью сохраняет фольклорное наследие, передаваемое из поколения в поколение. Фольклорные образы, сюжеты и аллегории не только остаются актуальными в массовой культуре, литературе, кинематографе и телевизионных программах, но и активно участвуют в формировании нравственных и патриотических качеств граждан. Народные сказания, мифы, притчи и каноны выступают мощным средством укрепления национальной идентичности, способствуя духовно-нравственному становлению личности и осознанию принадлежности к великой культурной традиции.

3. Принцип культурной преемственности является важнейшим методологическим основанием в организации содержания нравственного воспитания, поскольку предполагает обращение к ценностям, традициям и моральным нормам, накопленным человечеством в процессе историко-культурного развития. Суть данного принципа заключается в целенаправленной передаче социально одобряемых моделей поведения, устоявшихся нравственных ориентиров, культурных смыслов и символов от одного поколения к другому. Благодаря механизму преемственности сохраняется живая связь времён, обеспечивается интеграция прошлого опыта в современную воспитательную практику, формируется историческое сознание и личностная идентичность студента.

Принцип культурной преемственности особенно ярко проявляется в традиционной китайской педагогике, для которой характерна опора на тысячелетний морально-философский фундамент. Источниками

воспитательных идеалов выступают канонические тексты конфуцианства, даосизма и буддизма, а также устное народное творчество, художественная литература, семейные ритуалы и обрядовая практика. Например, учение Конфуция, представляющее собой не только философско-этическую систему, но и педагогическую программу формирования добродетельного человека (цзюньцзы), на протяжении веков передавалось как в формализованной образовательной системе, так и через семейное воспитание. Моральные максимы, зафиксированные в «Лунь юй» («Беседы и суждения»), по-прежнему изучаются в китайских школах и университетах, выступая одновременно учебным и воспитательным материалом [6], [8].

Следует отметить, что в китайской образовательной системе принцип культурной преемственности реализуется через *сохранение ключевых категорий национального мировоззрения*: почитание старших, коллективизм, сдержанность, стремление к гармонии. Эти установки не только сохраняются в сознании молодёжи, но и обретают новые формы выражения в современных социально-культурных условиях. Тем самым происходит не механическое воспроизведение традиций, а их осмысленная адаптация, способствующая устойчивому формированию нравственных ориентиров.

Таким образом, принцип культурной преемственности обеспечивает преодоление воспитательной разобщённости, формирует у студентов чувство сопричастности к истории и культуре своего народа, воспитывает уважение к духовному опыту предков и готовность к его осмысленному продолжению. Данный принцип выступает связующим звеном между национальной идентичностью и актуальными задачами нравственного становления личности в современном обществе.

Рассмотрение содержания нравственно-эстетического воспитания студентов в контексте китайской педагогической практики позволило выявить устойчивую тенденцию к интеграции традиционных культурных ценностей, моральных норм и современных образовательных стратегий. В условиях стремительных социокультурных изменений и глобализации актуальность приобретает обращение к педагогическому опыту, обеспечивающему не только передачу знаний, но и формирование духовно-нравственной зрелости личности.

На основе проведённого анализа выделены три ключевых принципа, положенных в основу организации содержания нравственного воспитания студентов в профессионально-технических колледжах КНР: принцип интегративной целостности, принцип национальной идентичности и принцип культурной преемственности. Их реализация осуществляется через сочетание учебной и внеучебной деятельности, включение студентов в социокультурные практики, использование фольклорных и философских источников, а также создание целостной образовательной среды, способствующей формированию нравственных установок.

Выявленные педагогические условия – вовлечение студентов в общественно значимую деятельность, сопровождение нравственно-коммуникативного развития, использование позитивных образцов для

подражания, культурно ориентированное содержание учебных дисциплин – подтверждают эффективность системного подхода к формированию ценностной сферы студентов.

Таким образом, представленные результаты могут служить методологической основой для модернизации систем нравственного воспитания в профессиональных образовательных учреждениях, в том числе с учётом национальных и региональных особенностей, а также способствовать разработке интегративных моделей воспитательной работы, ориентированных на развитие гармоничной, социально ответственной и духовно зрелой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибков, А. Ю. Педагогические условия формирования нравственных ценностей у студентов колледжа // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. – 2019. – № 3. – С. 74–78.
2. Добронравова, И. С. Методологические основания нравственного воспитания в современном образовательном пространстве // *Педагогика*. – 2020. – № 6. – С. 12–19.
3. Зверев, И. Д. Ценностные основы образования: сущность и развитие // *Вопросы философии*. – 2018. – № 8. – С. 45–51.
4. Кон, И. С. Нравственное сознание личности: психолого-педагогический аспект. – М. : Наука, 2019. – 256 с.
5. Кульневич, С. В., Трушников Д. И. Педагогика: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 432 с. – (Высшее образование).
6. Ли, Сюэцин. Китайская традиционная культура и народное воспитание. – Пекин: Изд-во нар. образования, 2015. – 245 с.
7. Ли, Сяо. Культурное и нравственное воспитание в китайских колледжах: кейс-стади // *Сравнительное образование*. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 552–570.
8. Сборник китайских народных сказок / сост. Ху Чжэньхуа; пер. с кит. под ред. В. А. Алексеевой. – М.: Восточная литература, 2008. – 318 с.
9. Сластенин, В. А. Педагогика: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 9-е изд. – М. : Юрайт, 2023. – 512 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс).
10. Сунь, Цзы. Искусство войны / пер. с кит. и коммент. В. Е. Винокурова. – М. : Эксмо, 2020. – 192 с.
11. У, Го. Воспитание нравственного характера в Китае: теория и практика // *Журнал морального образования*. – 2021. – Т. 50, № 2. – С. 180–195.
12. Ушинский, К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. – М.: Педагогика, 1990. – 382 с.
13. Чжан, Лэй. Интеграция традиционной китайской культуры в нравственное воспитание в колледжах профессионального образования // *Международный журнал образования и практики*. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 527–534.

REFERENCES

1. Gribkov A.Yu. (2019). Pedagogicheskie usloviya formirovaniya nravstvennykh tsennostei u studentov kolledzha [Pedagogical conditions for the formation of moral values among college students]. No. 3, pp. 74–78. (In Russian).
2. Dobronravova I.S. (2020). Metodologicheskie osnovaniya nravstvennogo vospitaniya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Methodological foundations of moral education in the modern educational space]. Pedagogika, No. 6, pp. 12–19. (In Russian).
3. Zverev I.D. (2018). Tsennostnye osnovy obrazovaniya: sushchnost' i razvitie [Value foundations of education: essence and development]. Voprosy filosofii, No. 8, pp. 45–51. (In Russian).
4. Kon I.S. (2019). Nravstvennoe soznanie lichnosti: psikhologo-pedagogicheskii aspekt [Moral consciousness of the individual: psychological and pedagogical aspect]. Moscow: Nauka, 256 p. (In Russian).
5. Kulnevich S.V., Trushnikov D.I. (2022). Pedagogika: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Pedagogy: textbook and practicum for universities]. 2nd ed., rev. and ext. Moscow: Yurait, 432 p. (In Russian).
6. Li Xueqin. (2015). Kitaiskaya traditsionnaya kul'tura i narodnoe vospitanie [Traditional Chinese culture and folk education]. Beijing: People's Education Press, 245 p. (In Russian).
7. Li Xiao. (2019). Kul'turnoe i nravstvennoe vospitanie v kitaiskikh kolledzhakh: keis-stadi [Cultural and moral education in Chinese colleges: case study]. Sravnitel'noe obrazovanie, Vol. 63, No. 4, pp. 552–570. (In Russian).
8. Khu Zhenkhua (Ed.). (2008). Sbornik kitaiskikh narodnykh skazok [Collection of Chinese folk tales]. Trans. from Chinese ed. by V.A. Alekseeva. Moscow: Vostochnaya literatura, 318 p. (In Russian).
9. Slastenin V.A. (2023). Pedagogika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Pedagogy: textbook for bachelor and master's programs]. 9th ed. Moscow: Yurait, 512 p. (In Russian).
10. Sun Zi. (2020) Iskusstvo voyny [The Art of War]. Trans. and commentary by V.E. Vinokurov. Moscow: Eksmo, 192 p. (In Russian).
11. Wu Guo. (2021). Vospitanie nravstvennogo kharaktera v Kitae: teoriya i praktika [Moral character education in China: theory and practice]. Zhurnal moral'nogo obrazovaniya, Vol. 50, No. 2, pp. 180–195. (In Russian).
12. Ushinskii K.D. (1990). Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoi antropologii [Man as an object of education. Experience of pedagogical anthropology]. Moscow: Pedagogika, 382 p. (In Russian).
13. Zhang Lei. (2020). Integratsiya traditsionnoi kitaiskoi kul'tury v nravstvennoe vospitanie v kolledzhakh professional'nogo obrazovaniya [Integration of traditional Chinese culture into moral education in vocational colleges]. Mezhdunarodnyi zhurnal obrazovaniya i praktiki, Vol. 8, No. 3, pp. 527–534. (In Russian).

УДК 81'42:659.1

ЯЗЫК ВОЗДЕЙСТВИЯ: ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Давидкова Елизавета Павловна

ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»
(г. Луганск, Россия)
davidkova1704@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых средств выразительности, используемых в дискурсе современной социальной рекламы Луганской Народной Республики. На материале уличных баннеров города Луганска (2022–2025 гг.) анализируется, каким образом вербальные и визуальные компоненты взаимодействуют в рамках рекламного сообщения, усиливая его коммуникативное и идеологическое воздействие.

Особое внимание уделяется функциям выразительных средств в формировании общественных установок, ценностных ориентиров и патриотической идентичности. Работа рассматривает социальную рекламу как элемент институционального дискурса, выполняющий не только информационно-просветительскую, но и мобилизационно-воспитательную функцию.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, дискурс социальной рекламы, визуально-вербальное взаимодействие, выразительные средства, институциональная коммуникация, патриотическое воспитание.

THE LANGUAGE OF INFLUENCE: EXPRESSIVE MEANS IN THE DISCOURSE OF CONTEMPORARY SOCIAL ADVERTISING IN THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Davidkova Yelizaveta Pavlovna

Assistant Lecturer at the Department of the Russian Linguistics and Communication Technologies
of FSBEI HE "Luhansk State Pedagogical University"
(Lugansk, Russia)
davidkova1704@mail.ru

Abstract. The article explores the expressive linguistic means used in the discourse of contemporary social advertising in the Lugansk People's Republic. Based on an analysis of street banners in the city of Lugansk (2022–2025), the study examines how verbal and visual components interact within advertising messages to enhance their communicative and ideological impact. Special attention is paid to the role of expressive means in shaping public attitudes, value orientations, and patriotic identity. Social advertising is considered as a form of institutional discourse that fulfills not only an informational and educational function but also a mobilizing and ideological one.

Keywords: advertising, social advertising, social advertising discourse, visual-verbal interaction, expressive means, institutional communication, patriotic education.

Для цитирования: Давидкова Е. П. А. Б. Язык воздействия: выразительные средства в дискурсе современной социальной рекламы Луганской Народной Республики // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. –

Реклама – это форма массовой коммуникации, целью которой является распространение информации о товарах, услугах, идеях или образах с целью их продвижения, убеждения и формирования определённого отношения у целевой аудитории. По определению Ф. Котлера, реклама представляет собой «любую платную форма неличного представления и продвижения идей, товаров или услуг со стороны чётко обозначенного заказчика» [11].

Однако современное понимание рекламы выходит за пределы сугубо экономических задач. Так, В. И. Карасик в своих трудах рассматривает рекламу с позиций дискурсологии, трактуя её как разновидность институционального дискурса, направленного на воздействие и убеждение адресата: «Рекламный дискурс – это разновидность институционального дискурса, основной целью которого является формирование у адресата положительного отношения к продвигаемому объекту (товару, услуге, идее) и побуждение к определённому действию» [8].

Владимир Ильич Карасик подчёркивает, что рекламные тексты функционируют в рамках социально-культурных установок и отражают универсальные ценности, обращаясь к типичным моделям мышления и поведения. Кроме того, реклама обладает высокой прагматической направленностью, то есть её структура (как вербальная, так и визуальная) организована таким образом, чтобы оказывать максимальное психологическое воздействие на адресата.

В рамках различных научных подходов ученые выделяют основные функции рекламы, каждая из которых раскрывает тот или иной аспект её воздействия:

1. Информационная функция состоит в передаче сведений о продукте, явлении или идее. Она особенно ярко проявляется на начальных стадиях знакомства потребителя с объектом [11].

2. Убедительная (или персуазивная) функция направлена на формирование предпочтений, стимулирование интереса и побуждение к действию (покупке, поддержке идеи и пр.) [11].

3. Эмоциональная и эстетическая функции связаны с воздействием на чувства и настроение адресата, с созданием положительного ассоциативного фона [18].

4. Имиджевая функция заключается в формировании у аудитории устойчивого положительного образа продвигаемого объекта, нередко с использованием символов, культурных кодов и стереотипов [5].

5. Манипулятивная функция – одна из наиболее разработанных в современной лингвистике. В. И. Карасик в работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» считает, что рекламный текст зачастую апеллирует не к рациональному мышлению, а к глубинным культурным и эмоциональным

стереотипам личности, что позволяет формировать нужные установки без прямого логического убеждения [8].

6. Оценочная функция связана с таким свойством рекламы, как способность передать и сформировать субъективную оценку адресату, навязываемую в определённой эмоционально-прагматической рамке [9].

Ключевая особенность рекламы – её ориентированность на аудиторию: она всегда адаптирована под особенности восприятия, мышления и ожиданий конкретных социокультурных групп. Это обуславливает активное использование различных выразительных средств, направленных на усиление воздействия на адресата.

Следует также отметить, что реклама – это текст особого рода, подчинённый законам лаконичности, выразительности, визуального привлечения и высокой коммуникативной эффективности. Современные рекламные тексты, как правило, являются поликодовыми, то есть включают в себя как вербальные (словесные), так и невербальные (визуальные, графические, звуковые и пр.) элементы. Эта особенность особенно ярко проявляется в социальной рекламе.

Социальная реклама многими своими показателями отличается от всех видов коммерческой рекламы. Её сущностная специфика и деятельностные функции изучены гораздо меньше представителями лингвистики, социологии, психологии и т.д.

Современная социально-политическая ситуация в России и особенно в отдельных ее регионах обусловили выдвижение в центр современной социальной коммуникации такую ее разновидность как социальная реклама. Нами собран значительный объем картографического материала по использованию в общественном пространстве социальной рекламы в Луганской Народной Республике в период с 2023 по 2025 гг.

Современной науке еще предстоит описать ее отличительные функции и дискурсивную специфику. Однако уже ясно, что социальная функция – особенно важна для дискурса социальной рекламы. Она заключается в трансляции моральных и культурных ценностей, формировании норм поведения, патриотических чувств, гражданской ответственности и солидарности. В этом контексте социальная реклама выполняет не только коммуникативную, но и воспитательную роль, становясь инструментом влияния на социокультурную среду и сознание адресата. Л. В. Горюнова прямо указывает на социальную функцию рекламы как одну из ведущих в контексте социальной коммуникации, считая, что она «...ориентирована на формирование нравственно значимых установок, на развитие гражданского сознания и патриотизма», тем самым выполняя воспитательную и регулятивную функцию, которая по существу является социальной [8].

Социальная реклама отличается от коммерческой тем, что её цель – не продажа товаров или услуг, а изменение общественного поведения, формирование социальных установок и ориентация на ценности. Согласно определению, приведённому в статье Н. Г. Чернышовой «Социальная реклама

как форма публичной коммуникации», социальная реклама – это «коммуникативная деятельность, направленная на популяризацию общественно значимых идей и моделей поведения» [20].

Рассматривая языковые особенности социальной рекламы, А. А. Олянич определил, что основная задача социальной рекламы заключается в «формировании у адресата определённой установки и поведения в соответствии с общественными нормами» [15]. При этом автором подчеркнута значимость социальной рекламы как регулятора социальных процессов и носителя общественного сознания.

Одним из первых теоретиков, систематизировавших функции социальной рекламы, был американский исследователь Филип Котлер. В рамках концепции социального маркетинга, он рассматривал социальную рекламу как элемент более широкой системы, направленной на изменение поведения во имя общественного блага: «Социальный маркетинг – это деятельность, направленная на планирование и реализацию программ, предназначенных для изменения поведения людей ради их собственного и общественного блага» [12].

Е. Л. Вартанова в работе «Массовые коммуникации в России: социально-культурная динамика» выделяет следующие функции социальной рекламы:

1. Информационная функция – информирование общества о значимых социальных проблемах (здоровье, экология, безопасность и т.д.).

2. Воспитательная (нормативная) функция – формирование у аудитории нравственных ориентиров, позитивных поведенческих моделей, социальных норм.

3. Побудительная (мобилизационная) функция – призыв к действию: к участию в акциях, изменению поведения, социальной активности.

4. Социально-компенсаторная функция – поддержка уязвимых групп населения, повышение социальной солидарности и взаимопомощи.

5. Социальная (интеграционная) функция – содействие сплочению общества, укреплению национальной идентичности, формированию гражданской позиции [4].

Е. А. Черепанова, анализируя язык социальной рекламы, утверждает, что она выполняет не только воспитательную и информационную, но и идентификационную функцию: помогает индивидам осознавать свою принадлежность к определённой группе, социальной или национальной [19].

Кроме того, социальная реклама всё чаще рассматривается как особая форма публичного дискурса, формирующего и транслирующего нормативные образы поведения. Её предметом становятся такие темы, как охрана окружающей среды, здоровый образ жизни, гражданская ответственность, патриотизм, семейные ценности и др. В. В. Савчук связывает социальную рекламу с «визуальным поворотом» современной культуры, когда визуальные формы становятся основным средством донесения смысла [16].

По словам А. А. Зинченко, «эффективность социальной рекламы обусловлена не столько новизной формы, сколько глубиной эмоционально-нравственного воздействия» [7].

Таким образом, социальная реклама выступает важным инструментом общественного влияния, формирующим ценностные ориентиры и социальные установки. Она ориентирована не столько на экономическое, сколько на культурное и моральное воздействие, и в этой связи особенно значимым становится вопрос о том, какими именно средствами она реализует свою коммуникативную функцию.

Одним из ключевых ресурсов воздействия социальной рекламы выступает язык, а точнее – языковые средства выразительности, которые позволяют не просто передать информацию, но и сделать её убедительной, эмоционально окрашенной, запоминающейся. Рассмотрим, что представляет собой этот класс выразительных средств, каковы их особенности и типология.

Языковые средства выразительности представляют собой совокупность приёмов и форм речевого оформления, предназначенных для усиления выразительности текста, повышения его эмоционального воздействия, а также актуализации смысла и стилистической окраски. Они служат важнейшими инструментами риторического и художественного влияния, особенно в таких сферах, как литература, публичная речь и реклама.

В лингвистике существует устоявшееся деление языковых средств выразительности на тропы (метафора, метонимия, гипербола, ирония и др.) и фигуры речи (повторы, инверсия, параллелизм, антитеза и т.п.). Эта классификация восходит к античной риторической традиции, но в современной науке была существенно расширена и конкретизирована.

И. М. Арнольд определял языковые выразительные средства как специальные языковые приемы и средства, применяемые для усиления эмоционального воздействия текста, придания ему выразительности, образности и индивидуального стиля. В своих работах он подчёркивал, что выразительные средства играют ключевую роль в формировании стилистической окраски высказывания и обеспечивают эффективную коммуникацию с адресатом [3].

В различных своих трудах И. М. Арнольд говорит о том, что языковые выразительные средства – это элементы языка, способствующие усилению выразительности речи, обогащению её образностью и эмоциональной окраской содержания [3], что это не просто лексические или синтаксические конструкции, а средства, создающие особую стилистическую атмосферу и влияющие на восприятие текста.

По мнению В. В. Одинцова, выразительные средства – это неотъемлемая часть прагматической организации текста, так как они формируют отношение говорящего к содержанию и воздействуют на адресата не только логически, но и эмоционально [14]. В работе «Стили речи», В. В. Одинцов исследовал функциональную роль выразительных средств и типологизировал их по языковым уровням:

- 1) лексико-семантические (тропы, экспрессивная лексика);
- 2) синтаксические (усилительные конструкции, параллелизмы, эллипсис);
- 3) графико-композиционные (шрифтовые выделения, структура текста).

Т. А. Копыленко в работе «Стилистика современного русского языка» говорит о том, что выразительность в языке создаётся не только тропами и фигурами, но и средствами, ранее считавшимися исключительно «графическими» или «техническими»: шрифтовыми выделениями, пунктуационными сбоями, необычной организацией текста. Данный автор предложил следующую классификацию выразительных средств:

- 1) фонетические (звуковые повторы);
- 2) словообразовательные (неологизмы, экспрессивные суффиксы / приставки);
- 3) морфологические (эмфатическое использование форм);
- 4) лексические (тропы и экспрессивная лексика);
- 5) синтаксические (фигуры речи);
- 6) пунктуационные и графические (особенности оформления текста, например, пунктуация как выразительное средство) [10].

Особо исследовались языковые средства выразительности в рекламе. Так, С. В. Ильясова и Л. П. Амири в работе «Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы» анализировали морфологические и словообразовательные приёмы, используемые для создания выразительности рекламных слоганов. Е. В. Куликова («Язык рекламы») и С. Л. Кушнерук («Лингвистическое миромоделирование в рекламе») рассматривали использование прецедентных феноменов (цитат, аллюзий, культурных клише) в рекламных текстах, указывая на их высокую эмоциональную и ассоциативную эффективность [13].

Считаем, что особую роль языковые выразительные средства играют в социальной рекламе, где помимо информативной функции они призваны оказывать эмоциональное и мотивационное воздействие на адресата в комплексе. Если дискурсивные функции языковых средств в коммерческой рекламе исследованы системно и основательно (существуют классификации, определены функции и механизмы воздействия на потребителя и т.д.), то в контексте социальной рекламы эти вопросы пока освещены фрагментарно. Между тем, дискурс современной социальной рекламы опирается на специализированный арсенал выразительных средств для усиления эмоционально-воспитательного, морально-нравственного воздействия на целевого адресата.

А. А. Олянич считает, что языковые выразительные средства в социальной рекламе выполняют особую дискурсивную функцию, выступая инструментом для передачи значимых социальных сообщений и формирования эмоциональной реакции аудитории. В связи с тем, что в отличие от коммерческой рекламы, которая преимущественно направлена на продвижение товаров и услуг, социальная реклама ориентирована на изменение общественного поведения, воспитание ценностей и формирование моральных ориентиров, выразительные языковые средства в ней не только привлекают внимание, но и обеспечивают глубокое смысловое и эмоциональное воздействие [15].

Согласно исследованиям С. В. Куликовой, использование тропов (метафор, гипербол, антитез и др.) в социальной рекламе способствует упрощению сложных социальных проблем и делает их более доступными для восприятия [13]. Например, метафорическое выражение «*Страна без памяти – это страна без будущего*» позволяет наглядно и образно подчеркнуть важность патриотизма и исторической памяти народа. В то же время, Л. П. Амири в работе «Средства визуальной актуализации в текстах рекламной коммуникации» говорит о том, что эмоциональная окраска, достигаемая за счёт риторических вопросов и призывов, усиливает вовлечённость адресата и формирует личностное отношение к проблеме [1].

Приведем пример социальной рекламы с включением риторического вопроса на билборде в Луганске [социальная реклама № 1]:

Рис.1

Фраза начинается с двух риторических вопросов – «*Забыть? Простить?*», которые предоставляют адресату выбор, но на самом деле не предполагается один вариант ответа: «*Забыть преступления украинского режима нельзя*», так как ниже строка «*Авианалет. Луганск. 2 июня 2014 года*». Данная парцелированная конструкция в предельно сжатой, суггестивно выраженной форме напоминает о страшном преступлении Украины по отношению к жителям Луганска в 2014 году. Риторические вопросы, парцелляция выполняют функцию мощного эмоционального воздействия, заставляя задуматься над серьезностью трагедии и невозможностью простить или забыть произошедшее. Этот прием активизирует мыслительный процесс и побуждает к моральной рефлексии. Краткое и категоричное «*Нельзя*» служит сильным запретом, который подчеркивает моральное осуждение события и необходимость помнить трагедию. Использование однозначного отрицания усиливает эмоциональную напряжённость и акцентирует внимание на важности памяти и справедливости.

Структура дискурса социальной рекламы подчеркнута простая и максимально емкая – всего три коротких предложения, что соответствует принципу экономии языковых средств в социальной рекламе. Такая компактность способствует быстрому восприятию и запоминанию послания. Указание даты и события («*Авианалет, Луганск, 2 июня 2014 года*») придаёт сообщению историческую достоверность и конкретность, что усиливает его эмоциональное и социальное воздействие. Этот прием способствует

формированию коллективной памяти и патриотического отношения к городу и его жителям. Также в данном дискурсе мы видим такую стилистическую фигуру, как синтаксический параллелизм – повторение одинаковой синтаксической структуры в первых двух вопросах («Забывать? Простить?»), он создает ритмическое единство и усиливает выразительность послания. Это способствует лучшему запоминанию и эмоциональному отклику.

Таким образом, комплекс языковых выразительных средств в социальной рекламе выполняет не только эстетическую, но и глубоко прагматическую функцию – они формируют, усиливают и направляют воздействие рекламного сообщения на адресата. Однако эффективность социальной рекламы определяется не только вербальной составляющей. Современная социальная реклама является поликодированным дискурсом, в котором язык тесно взаимодействует с визуальными образами. Этот синтез усиливает коммуникативную силу послания, повышая его эмоциональную и когнитивную значимость. Следовательно, важно исследовать взаимодействие языка и изображения в структуре социальной рекламы, роль креолизованных текстов как особого лингговизуального феномена. Ведь в условиях современной медиакommunikации синтез визуального и вербального компонентов становится неотъемлемой чертой большинства рекламных посланий, что особенно ярко проявляется в социальной рекламе, стремящейся к краткости, эмоциональной выразительности и воздействию на ценностные установки адресата.

Термин «креолизованный текст», введенный Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым в работе «Креолизованные тексты и их особенности», обозначает «тексты, сочетающие вербальные и невербальные элементы» [17]. Креолизованный текст в социальной рекламе проявляется как сложное, многослойное коммуникативное образование, в котором языковая и визуальная составляющие находятся в тесной семантической и прагматической связи. Он не просто соединяет слова и изображения, а создает новое качество смыслового восприятия, при котором каждый элемент влияет на интерпретацию другого.

Так, Е. Е. Анисимова рассматривает креолизованные тексты как «лингговизуальные феномены, в которых происходит «двойное кодирование»: вербальный и визуальный ряды не просто дополняют друг друга, а взаимодействуют на концептуальном уровне, формируя единый смысловой образ» [2].

Оценивая потенциал выразительных возможностей дискурса социальной рекламы, важно рассмотреть вербально-визуальные средства выразительности, их задачи в рамках патриотического и морально-нравственного воздействия в синтезе изображения с текстом.

Рис. 2

На билборде города Луганска была размещена социальная реклама, содержащая текст: «*Русская душа... Необъятна, словно золотистое поле*» [социальная реклама № 2]. Вербальный компонент основан на метафоре – русская душа сравнивается с бескрайним золотистым полем, что отсылает адресата к образу щедрой, бескрайней, богатой Родины. Используется эпитет «*золотистое*», вызывающий положительные, тёплые ассоциации. Дискурс сложно организован на синтаксическом уровне: после фразы «русская душа» стоит многоточие, что говорит о том, что этот компонент представлен как самостоятельная синтагма в силу множества концептуальных смыслов в его лингвокультурном содержании.

Взаимодействие текста с изображением девушки в русском национальном костюме с букетом полевых цветов, бегущей с распахнутыми руками по полю, создает сильный кумулятивный эффект образа России, где текстовое определение «*необъятна*» визуально подтверждается бескрайним пейзажем. Таким образом, визуальный образ не просто иллюстрирует, а активно участвует в формировании патриотического нарратива и эмоционального кода послания социальной рекламы.

При помощи концептуального понятия «русская душа» определяем типичные для русского характера черты: безграничная удаль, задушевность, бескомпромиссность, нравственный максимализм («*всё или ничего*»), общительность, гостеприимство, спонтанность и другие.

Во фразе «*Необъятна, словно золотистое поле*» используется яркое поэтическое сравнение, в котором абстрактное понятие («душа») наделяется визуальной и пространственной конкретикой. Поле как символ широты, плодородия, свободы.

Таким образом, визуально-вербальный образ данной социальной рекламы транслирует идею неразрывной связи с Родиной, национальной идентичностью и эмоциональной связью с ее историей и традициями.

Рис. 3

Следующий баннер был размещён на фасаде здания на Театральной площади в центре Луганска в период празднования Дня Республики, в год официального вхождения ЛНР в состав Российской Федерации. Он содержит патриотическое послание: *«Кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет! На том стоит, и стоять будет земля русская!»* [социальная реклама № 3]. Данная фраза представляет собой яркий пример патриотического, героико-воинского высказывания, насыщенного выразительными средствами и культурно-историческими аллюзиями.

Фраза *«Кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет»* представляет собой высказывание, приписываемое Александру Невскому, и ставшее устойчивым элементом историко-культурного кода России. Его использование в социальной рекламе актуализирует патриотическую память, формирует ассоциативную связь с героизмом, защитой Отечества и священным правом на оборону.

Конструкция *«на том стоит, и стоять будет земля русская»* представляет собой пример синтаксического параллелизма, который усиливает звучание финала и придает высказыванию риторическую мощь. Он также задаёт ритмическую структуру, что способствует лучшему запоминанию.

«Меч», *«земля»*, *«погибнуть»*, *«стоять»* – все эти слова отсылают к тематике войны, защиты, жертвы, устойчивости, создавая семантическое поле борьбы за Родину.

В данной социальной рекламе наблюдается гармоничное взаимодействие вербального и визуального компонентов, где каждый усиливает другой:

- 1) текст задаёт смысл (угроза агрессору, призыв к стойкости и защите);
- 2) изображение воина задаёт эмоцию (благородство, сила, готовность к бою).

Вместе они создают единый блок – креолизированный текст, обеспечивающий мгновенное, мощное и глубокое восприятие послания.

Центральная фигура – изображение былинных русских воинов (предположительно Александра Невского и других защитников земли русской), выполнено в героико-эпическом стиле. Красный цвет в надписях символизирует борьбу и жертвенность. Масштабное оформление, наличие флагов и обращение к воинской доблести усиливает мобилизующую функцию социальной рекламы.

Здесь вербальный текст действует как лозунг-утверждение, апеллирующий к устойчивому мифу о защитнической миссии русского народа.

Особое социальное звучание в Луганске приобрела историческая фраза «*На том стоит, и стоять будет земля русская!*», подчеркивающая для каждого жителя Луганской Народной Республики факт принадлежности к России, ее истории и воинской славе. Гражданам республики, 8 лет боровшихся за это право, увидеть подтверждение своих чаяний в содержании баннера, было особенно значимо.

Рис. 4

Следующий пример социальной рекламы продолжает тему «русской души», где основное выразительное средство – метафора: «*Русская душа... Ласковая, словно лучи солнца на рассвете*» [социальная реклама № 4]. Сравнение человеческой души с утренним солнечным светом создаёт образ нежности, теплоты, внутреннего спокойствия. Здесь «душа» – не только характеристика человека, но и символ национального характера, менталитета, традиционно воспринимаемого как мягкий, светлый, добрый.

«*Ласковая*» – качественный эпитет, усиливающий эмоциональную окраску и воздействие. «*Лучи солнца на рассвете*» – еще одна образная характеристика, вызывающая ассоциации с обновлением, надеждой, миром и утренней свежестью. Эти эпитеты формируют поэтический строй высказывания, придавая ему приподнятость и душевную теплоту.

Также здесь присутствует эллипсис – стилистическая фигура, заключающаяся в пропуске одного или нескольких членов предложения, которые легко восстанавливаются из контекста. Основная цель эллипсиса – создать эффект эмоциональности, выразительности, динамики речи. Конструкция «*Русская душа...*» с многоточием предполагает незавершённость, оставляя пространство для личной интерпретации. Это стимулирует внутренний диалог у получателя, вовлекая его в соавторство содержания дискурса.

Сравнение «*русская душа – ...словно лучи солнца на рассвете*» создаёт эмоционально тёплый образ, нацеленный на пробуждение чувства нежности, сопричастности к общей национальной культуре. Визуально этот эффект подкреплён изображением природного пейзажа – деревянных храмов на фоне воды и восходящего солнца. Такой синтез текста и изображения направлен на

формирование эстетического и духовного идеала, связанного с образом традиционной России.

Баннер *«Русская душа... Ласковая, словно лучи солнца на рассвете»* является примером эмоционально-гуманистической социальной рекламы, в которой языковые выразительные средства (метафора, эпитет, эллипсис) и визуальные компоненты (пейзаж, религиозные архитектурные образы) образуют единое гармоничное послание. Оно направлено на воспитание патриотизма, духовности и культурной сопричастности через мирные, умиротворённые образы, усиливающие эффект воздействия на массового адресата.

Таким образом, анализ выразительных средств в дискурсе современной социальной рекламы, размещенной в Луганской Народной Республике с 2022 по 2025 гг., позволил установить, что их функциональное и содержательное наполнение представляет комплексный характер и играет ключевую роль в реализации коммуникативных, воспитательных и идеологических задач. Языковая выразительность в социальной рекламе выступает как важнейший механизм смыслового воздействия, активизирующий ассоциативные связи, эмоциональную отзывчивость и когнитивное восприятие у адресата.

Особое значение приобретают вербально-визуальные формы, поскольку именно они обеспечивают целостное восприятие рекламного послания. Синтез текста и изображения способствует формированию устойчивых смыслов, а также закреплению определённых мировоззренческих установок. Эстетическая составляющая таких дискурсов используется как средство повышения уровня доверия к сообщению, его внутренней убедительности и социальной релевантности.

Задачи выразительных средств в социальной рекламе выходят далеко за рамки привлечения внимания – они включают в себя воздействие на ценностные ориентиры, формирование гражданской позиции, воспитание чувства сопричастности и принадлежности к определённому культурному коду. Это придаёт социальной рекламе статус значимого инструмента общественного воздействия и делает её частью дискурсивного пространства, в котором конструируется национальная идентичность и символическая картина мира.

Выразительные средства в дискурсе социальной рекламы представляют собой неотъемлемый элемент идеологического пространства, влияющий на формирование мировоззренческой и поведенческой модели адресата, формируя эмоционально насыщенное, эстетически оформленное и символически значимое послание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амири, Л. П. Средства визуальной актуализации в текстах рекламной коммуникации // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 30–36.
2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во «Академический проект», 2003. – С. 86.
3. Арнольд, И. В. Введение в стилистику. – М.: Высшая школа, 1979.

4. Вартанова, Е. Л. Массовые коммуникации в России: социально-культурная динамика. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 271 с.
5. Галеев, Н. Л. Рекламный дискурс: прагматика и стилистика. – Казань: Казан. федер. ун-т, 2013. – 244 с.
6. Горюнова, Л. В. Социальная реклама в системе социокультурной коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – 248 с.
7. Зинченко, А. А. Психология текста. – М.: Наука, 1981. – 320 с.
8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 174.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
10. Копыленко, Т. А. Стилистика современного русского языка. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 256 с.
11. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
12. Котлер, Ф., Ли, Н. Социальный маркетинг. Как изменить поведение людей во благо общества. – М.: Вильямс, 2008. – 528 с.
13. Куликова, Е. В. Языковые особенности рекламного текста. – М.: Логос, 2012. – 184 с.
14. Одинцов, В. В. Стили речи. – М.: Академия, 2004. – 320 с.
15. Олянич, В. Я. Социальная реклама как коммуникативный феномен. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2011. – 208 с.
16. Савчук, В. В. Иконический поворот в современной культуре: визуальность, смысл, коммуникация. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 224 с.
17. Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 180–186.
18. Уфимцева, А. А. Язык рекламы как объект лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 1997. – № 1. – С. 3–13.
19. Черепанова, Т. А. Социальная реклама: теория и практика. – М.: Инфра-М, 2016. – 192 с.
20. Чернышова, Н. Г. Социальная реклама как форма публичной коммуникации. – М.: ЛКИ, 2009. – 160 с.

REFERENCES

1. Amiri, L. P. (2013). Sredstva vizual'noi aktualizatsii v tekstakh reklamnoi kommunikatsii [Means of visual actualization in advertising communication texts] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, T. 13, vyp. 2, pp. 30–36. (In Russian).
2. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Text linguistics and intercultural communication]. Moscow: Izd-vo «Akademicheskii proekt», 86 p. (In Russian).

3. Arnol'd, I. V. (1979). Vvedenie v stilistiku [Introduction to stylistics]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
4. Vartanova, E. L. (2001). Massovye kommunikatsii v Rossii: sotsial'no-kul'turnaya dinamika [Mass communications in Russia: socio-cultural dynamics]. Moscow: Aspekt Press, 271 p. (In Russian).
5. Galeev, N. L. (2013). Reklamnyi diskurs: pragmatika i stilistika [Advertising discourse: pragmatics and stylistics]. Kazan': Kazan. feder. un-t, 244 p. (In Russian).
6. Goryunova, L. V. (2010). Sotsial'naya reklama v sisteme sotsiokul'turnoi kommunikatsii [Social advertising in the system of socio-cultural communication]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 248 p. (In Russian).
7. Zinchenko, A. A. (1981). Psikhologiya teksta [Psychology of the text]. Moscow: Nauka, 320 p. (In Russian).
8. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 174 p. (In Russian).
9. Karaulov Yu. N. (1987). Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka, 263 p. (In Russian).
10. Kopylenko, T. A. (2001). Stilistika sovremennogo russkogo yazyka [The style of modern Russian language]. Moscow: Aspekt Press, 256 p. (In Russian).
11. Kotler, F. (2006). Marketing menedzhment [Marketing Management]. Eks press-kurs. 2-e izd. / Per. s angl. pod red. S. G. Bozhuk. St. Petersburg: Piter, 464 p. (In Russian).
12. Kotler, F., Li, N. (2008). Sotsial'nyi marketing. Kak izmenit' povedenie lyudei vo blago obshchestva [Social marketing. How to change people's behavior for the benefit of society]. Moscow: Vil'yams, 528 p. (In Russian).
13. Kulikova, E. V. (2012). Yazykovye osobennosti reklamnogo teksta [Linguistic features of the advertising text]. Moscow: Logos, 184 p. (In Russian).
14. Odintsov, V. V. (2004). Stili rechi [Speech styles]. Moscow: Akademiya, 320 p. (In Russian).
15. Olyanich, V. Ya. (2011). Sotsial'naya reklama kak kommunikativnyi fenomen [Social advertising as a communicative phenomenon]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 208 p. (In Russian).
16. Savchuk, V. V. (2010). Ikonicheskie povoroty v sovremennoi kul'ture: vizual'nost', smysl, kommunikatsiya [Iconic turn in modern culture: visuality, meaning, communication]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 224 p. (In Russian).
17. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya [Creolized texts and their communicative function // Optimization of speech impact]. Moscow: Vysshaya shkola, pp. 180–186. (In Russian).
18. Ufimtseva, A. A. (1997). Yazyk reklamy kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Voprosy yazykoznaniya [Advertising language as an object of linguistic research // Questions of linguistics]. № 1, pp. 3–13. (In Russian).
19. Cherepanova, T. A. (2016). Sotsial'naya reklama: teoriya i praktika [Social advertising: theory and practice]. Moscow: Infra-M, 192 p. (In Russian).

20. Chernyshova, N. G. (2009). *Sotsial'naya reklama kak forma publichnoi kommunikatsii* [Social advertising as a form of public communication]. Moscow: LKI, 160 p. (In Russian).

УДК 81'271.12-044.922

**РАСШИРЕНИЕ УЗУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ КАК МАРКЕР
ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА)**

Колбасова Юлия Руслановна

аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

(г. Луганск, Россия)

juliakolbasova17@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса расширения узуального значения в современном медиадискурсе как индикатора трансформации языковой нормы. Рассматриваются теоретические основания понятия «узус», его соотношение с кодифицированной нормой, а также социокогнитивные механизмы, способствующие изменению семантики слов в медиaprостранстве. Дискурс-анализ языка современных медиа показывает, что закрепление новых значений в узусе отражает тенденции демократизации и вариативности языка, ведет к размыванию традиционных границ литературной нормы и формированию медианормы как специфического явления современной коммуникации.

Ключевые слова: узус, языковая норма, медиадискурс, расширение значения, трансформация нормы, демократизация языка, медианорма, языковая динамика.

**EXPANSION OF USUAL MEANING AS A MARKER OF LANGUAGE NORM
TRANSFORMATION
(BASED ON THE MATERIAL OF MODERN MEDIA DISCOURSE)**

Kolbasova Yulia Ruslanovna

Postgraduate Student of the Department of the Russian Linguistics and Communication
Technologies of FSBEI HE "Lugansk State Pedagogical University"

(Lugansk, Russian Federation)

juliakolbasova17@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the process of expanding the usual meaning in modern media discourse as an indicator of the transformation of the language norm. The theoretical foundations of the concept of *usus* are considered, as well as its relationship with the codified norm, and the socio-cognitive mechanisms that contribute to the change in the semantics of words in the media space. The discourse analysis of the language of modern media shows that the consolidation of new meanings in the *usus* reflects the trends of democratization and variability of the language, leading to the blurring of the traditional boundaries of the literary norm and the formation of the media norm as a specific phenomenon of modern communication.

Keywords: usage, language norm, media discourse, expansion of meaning, transformation of the norm, democratization of language, media norm, and language dynamics.

Для цитирования: Колбасова Ю. Р. Расширение узуального значения как маркер трансформации языковой нормы (на материале современного медиадискурса) // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание».

Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 187-196. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-187-196

Общественно-политические процессы последних лет обусловили изменения в разных сферах русского литературного языка. Интенсивное словообразование, активное проникновение заимствованной лексики, распространение жаргонизмов в пределах общеупотребительного языка, а также появление слов, отражающих новые реалии современности, – все это задает вектор языковых изменений последних десятилетий. К ключевым тенденциям, обуславливающим указанные процессы, можно отнести демократизацию и интеллектуализацию речевой практики, а также усиление субъективно-личностного начала, что ведет к трансформации системы функциональных стилей и постепенному размыванию границ литературной нормы.

Изменения в русском языке сегодня происходят почти так же стремительно, как и перемены в политической сфере. Многое переплелось, перегруппировалось, размыто, но еще не обрело окончательной формы. Некоторые из текущих явлений в сфере значений слов могут оказаться временными и не закрепиться в качестве нормы. Тем не менее, фиксация таких изменений на определенном этапе развития языка представляет значительный интерес, поскольку каждый этап отражает уникальные тенденции и заслуживает внимательного изучения [8].

Современный медиадискурс представляет собой уникальную сферу, где активно формируются и закрепляются новые языковые практики. Именно в языке средств массовой информации «наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка. В знаковой монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)», где были отмечены все процессы, характерные для русского языка «новой эпохи», Е. А. Земская пишет о том, что «средства массовой информации высоко популярны, они оказывают влияние на повседневную речь и отражают ее особенности» [8].

Одним из наиболее заметных семантических процессов является расширение узуального значения – постепенный выход слова или выражения за пределы закрепленной словарем семантики и закрепление новых оттенков значения в массовом употреблении.

В трудах Л. П. Крысина, Н. Д. Федяевой, Н. Д. Арутюновой отмечается, что норма не является статичной категорией: ее трансформация неизбежна в условиях социальной и культурной динамики. Расширение узуса при этом выступает важным индикатором изменения языковой нормы, отражая когнитивные и коммуникативные стратегии общества.

Узус определяется как реальная практика языкового употребления, которая может отличаться от кодифицированной нормы. Расширение узуального значения – это процесс, при котором слово приобретает новые семантические

оттенки в повседневной речи, закрепляющиеся благодаря массовому использованию [6].

В отличие от инноваций, возникающих на периферии языка (жаргон, сленг), расширение узуса предполагает перенос или метафоризацию значений существующих слов и их закрепление в медиатексте, а затем и в литературной норме.

По словам Л. П. Крысина, отклонения от нормы ярче всего проявляются в тех сферах речевой деятельности, где межличностная коммуникация наиболее свободна, не подвержена редакторскому и какому-либо иному контролю [5].

В современном русском языковом пространстве отчетливо прослеживается тенденция к свободному и творческому построению высказываний, при котором говорящие нередко отказываются от строгих стилистических норм и устоявшихся риторических традиций. Все большее распространение получают выразительные и стилистически окрашенные языковые средства, с помощью которых авторы стремятся придать речи эмоциональную насыщенность, индивидуальность и оценочность. Такое стремление демонстрирует отказ от риторики официально-делового и идеологизированного советского дискурса, характеризовавшегося шаблонностью, чрезмерной пафосностью или, напротив, сухой книжностью. Таким образом, современные носители языка частотно проявляют не только свою оценку описываемым событиям, но и стремятся проявить свой креативный потенциал и найти языковые средства самовыражения.

Лингвисты, анализируя эту тенденцию в разных сферах коммуникации, обращают внимание на значительное усиление личностного начала в русской речи конца XX – начала XXI века. Это явление рассматривается как результат переосмысления коллективистского мировосприятия прошлого и перехода от унифицированного, обезличенного «мы» к утверждению ценности индивидуальности, что во многом обусловлено демократизацией общества и либерализацией языковой политики. Под личностным началом понимается активная языковая репрезентация авторского «я», выраженная через субъективную модальность текста, включающую такие характеристики, как эмоциональная окраска, экспрессивность и оценочность [4].

Особенно отчетливо этот процесс проявляется в медиадискурсе, где стремление к выразительности и привлечению внимания аудитории стимулирует широкое использование разговорных элементов, включая жаргонные, просторечные, заимствованные слова, а также неологизмы. Постепенное привыкание адресата к сниженным языковым единицам приводит к их закреплению в употреблении и способствует расширению границ литературной нормы.

М. Р. Желтухина считает, что «...любой материал в средствах массовой информации следует относить к полю или пространству медиадискурса. Корреляция различных типов дискурса и дискурса массмедиа состоит в преломлении данных видов дискурса сквозь призму языка СМИ, приобретении новых качеств и свойств» [2, с. 295].

В рамках когнитивной парадигмы норма рассматривается не только как внешне предписываемое правило, но и как ментальная категория, определяющая способы концептуализации действительности. Медиадискурс выступает пространством пересечения институциональных и индивидуальных стратегий речевого поведения, что приводит к переосмыслению нормативных границ.

Через медиатексты транслируются представления о социальных группах, их ценностях и мировоззрении. Различные медиа формируют собственные узувальные нормы, которые затем могут оказывать давление на литературный язык (примером может являться пролонгирование и популяризация экзотизмов-англицизмов в некоторых изданиях: *апдейт, стрим, тайминг, кринж, вайб* и *мн.др.*).

В публицистической речи значение слов подвергается определенным модификациям – сужению или расширению смыслового объема, семантическим сдвигам и стилистическим изменениям [8]. Рассмотрим расширение узувального значения на примерах из современного медиадискурса.

Остановимся на анализе двух семантических процессов трансформации лексического значения – *деспециализации и разгерметизация терминов, а также метафоризации лексического значения.*

Разгерметизация и деспециализация терминов происходит при переходе слов из стилистически окрашенного пласта лексики в межстилевую. Рассмотрим дискурсивные примеры, отражающие данный процесс.

В последние годы в медиаречи активно функционирует прилагательное **токсичный**. Изначально лексема **токсичный** имела строго медицинское значение – «*ядовитый, отравляющий*», с пометой «*спец.*» или «*медицинский термин*» в словарях [1]. Однако в медиадискурсе последних лет наблюдается активная метафоризация и семантическое расширение этого прилагательного. Оно стало обозначать любые негативные проявления: людей, явления, события и т.д. Например: «*Любые ограничения и введение QR-кодов на транспорте – это токсичная тема*» [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»]; «*Действующие банки должны все же самостоятельно решать проблемы токсичных активов*» [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»]; «*Как отметил в своем Telegram-канале член Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Антон Горелкин, «Zoom запретил российским госкомпаниям пользоваться своим сервисом, потому что у нас якобы «токсичный» рынок*» [Национальный корпус русского языка. «Парламентская газета»]; «*Слово «освободители», которое раньше было токсично для Украины – имеется в виду, когда оно звучит со стороны России, – [сегодня] является спасительным*» [Национальный корпус русского языка. «РТ»]. В данных дискурсивных употреблении происходит трансформация узкого медицинского термина в широкую оценочную характеристику. Язык медиа расширяет границы нормы, предлагая новую интерпретацию уже известного слова. Семантический сдвиг закрепляется благодаря частотности употребления в СМИ и социальных сетях. **Токсичный** становится универсальной метафорой негативного влияния (*токсичный*

политик, токсичные отношения), что отражает динамику нормы в сторону большей экспрессивности и оценочности.

Первоначально прилагательное **вирусный** относилось к медицинской сфере. В современных словарях отмечается толкование данной лексемы в нескольких значениях: 1. *только ед. чего*. О том, что является возбудителем каких-л. нежелательных социальных, психологических и т.п. явлений. 2. *Информ.* Программа, способная самопроизвольно подсоединяться к другим программам компьютера и вызывать сбои в их работе [1]. Сегодня же слово «вирусный» активно используют в интернет-коммуникации как терминологическое понятие, относящееся к сфере цифровых технологий. Например: «Мошенники могут делать **вирусную** рассылку с чужих аккаунтов, в том числе числящихся у вас в друзьях, – предупредил эксперт» [Национальный корпус русского языка. «Лента новостей Курска»]; «**Вирусная** реклама, мошенники в социальных сетях могут нести в себе опасность для доверчивых ребят» [Национальный корпус русского языка. «Кто главный. Ростов»].

В данном случае научное медико-биологическое понятие перенесено в сферу цифровой коммуникации, сохранив некоторые свои первоначальные лексические значения: способность быстро и неконтролируемо распространяться, нанося вред чему-либо. В СМИ **вирусный** означает «быстро распространяющийся в сети». Этот дискурсивный факт отражает не только расширение узкого значения, но и процесс создания цифровой терминологии, когда медицинский термин становится элементом интернет-дискурса и широко употребляется в таком значении в СМИ.

Оба термина утратили узкую, профессиональную специфику. **Вирусный** перестал обозначать исключительно биологическое явление, а **токсичный** – исключительно химическую или биологическую опасность. Процесс деспециализации сопровождается переносом ключевых семантических признаков: для **вирусного** это скорость и сила распространения, для **токсичного** – вредоносность и разрушительный эффект. Деспециализация осуществляется через метафорический перенос, при котором исходные признаки термина переносятся на новые сферы. Термины приобретают экспрессивную и оценочную функцию.

Термин **нарратив** относился первоначально к области литературоведения и нарратологии, где обозначал «...сюжетно-повествовательное высказывание..., придающее своему предметно-смысловому содержанию статус события...» [7]. Сегодня СМИ активно используют это слово в самых разных типах медиадискурса: политическом, экономическом, искусствоведческом и т.д. Например: «Владимир Путин пустил по ветру корыстные западные **нарративы** о России как угасающей державе и любой сохраняющийся скептицизм по поводу его способности занять достойное место на мировой арене» [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»]; «По сути, это история в картинках, и такой **нарратив** известен с древнейших времен, начиная с наскальных изображений и рисунков в египетских пирамидах» [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»]; «В форме **нарратива** патриотизм не

передается, дети и подростки максимум могут просто заучить нужные фразы, чтобы не выделяться – или чтобы от них отстали» [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»].

В подобной трансформации узуальной семантики происходит переход узкоспециального научного термина в детерминологизированную лексему с широким спектром значений и коннотаций в медийном употреблении. В процессе детерминологизации слово выходит за пределы научного дискурса и закрепляется в публицистике, приобретая многочисленные оценочные оттенки («западный нарратив», «патриотический нарратив», «государственный нарратив», «переговорный нарратив» и т.д.). Данный и подобные ему дискурсивные факты иллюстрируют процесс девиации семантики лексем из терминологических сфер, упрощения и популяризации научных понятий, превращения их в средства массовой аргументации.

Первоначально термин **метастазы** употреблялся исключительно в медицинском контексте: «Мед. Вторичный очаг болезни, появившийся вследствие переноса с током крови или лимфы болезнетворных частиц из первоначального очага» [1]. В таком употреблении слово **метастазы** носило узкоспециализированный, технический характер, строго закрепленный в медицинской терминологии.

В современном медиадискурсе и общественно-политических текстах термин приобрел переносное значение: «**Метастазы на теле демократии**» [Национальный корпус русского языка. «Lenta.ru»]; «**Рак, который даст чудовищные метастазы**» – отказ Трампа признать поражение нанесет огромный ущерб политической культуре США» [Национальный корпус русского языка. «gub.ru»]. В этом контексте термин обозначает распространение негативных явлений в различные сферы жизни, сохраняя основной концепт «распространения болезни» из медицины.

Деспециализация данной лексики проявляется в переносе значения из медицины в социополитическую и общественно-публицистическую сферы, при этом сохраняются ключевые признаки: распространение и разрушительность последствий. В результате разгерметизации термина происходит массовое распространение слова **метастазы** в СМИ и социальных сетях, превращая его в общеупотребительный образный дискурсивный компонент.

Использование термина в переносном значении позволяет выразить сложные социальные и политические процессы через метафору *болезнь*, усиливая когнитивное восприятие и эмоциональное воздействие медиадискурса. Термин **метастазы** является примером того, как профессиональный язык может трансформироваться в массовый, сохраняя при этом первичную семантику, но усиливая экспрессивную функцию.

Следующий семантический процесс, который мы фиксируем в современном медиадискурсе, – **метафоризация лексики**.

Лексема **трек** в советской и постсоветской лексикографии обозначала, в первую очередь, спортивный объект (велотрек) либо дорожку для забегов. С развитием музыкальной индустрии в русском языке закрепилось вторичное

значение – «музыкальная композиция». Также в словарях слово «трек» фиксируется с пометой «спец.» в значении «След, оставляемый на экранах приборов, фотобумаге и т.п. частицами атомов, электрическими разрядами и т.п.» [1]. В современном политическом медиадискурсе эта лексема активно функционирует в переносном значении, становясь при этом одним из политтерминологических маркеров: «переговорный трек», «санкционный трек», «договорный трек» и т.д. Например: *«Надеемся, что этого не будет, с этой целью и мы, и американцы, и другие западные страны начинают переговорный процесс по трем трекам»* [Национальный корпус русского языка. «Парламентская газета»]; *«По мнению следствия, трек содержит «признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и его пропаганду»* [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»]; *«Хотели бы вновь предостеречь Вашингтон от необдуманного шага на санкционном треке»* [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»].

Такие дискурсивные факты подтверждают актуальность семантической трансформации, проявляющейся в том числе в развитии новых полисемических отношений и метафорических переносов. *Путь, дорога, линия движения* – исходное значение – послужили основой для трансформации семантического значения слова. Современный медиадискурс использует лексему **трек** для описания сложных переговорных стратегий, делая коммуникацию более визуальной и яркой. Это явление, на наш взгляд, отражает тенденцию медиадискурса к метафоризации специальной, профессиональной, терминологизированной лексики для фактуализации современной реальности.

Слово **ставка** традиционно связано с экономикой и военным делом («налоговая ставка», «ставка Верховного главнокомандующего»). В медиаречи последних лет его употребление заметно расширилось: *«Перспектива оказаться между США и Китаем в их схватке за мировое господство, в котором ни одна из сторон не отводит нам места, мягко говоря, незавидная. Оттого и высоки ставки СВО. От итогов конфликта прямо зависит будущее России: быть или не быть»* [Национальный корпус русского языка. «Наш голос (Тамбов)»]; *«Налоговым вычетом могут воспользоваться россияне, получающие официальный доход, облагаемый по ставке НДФЛ в размере 13 %»* [Национальный корпус русского языка. «Парламентская газета»]; *«На встрече с журналистами губернатор отметил, что в новом году водителям автобусов не получится работать «по-старому», будет сделана «ставка на лучших»* [Национальный корпус русского языка. «Парламентская газета»].

Слово демонстрирует высокую степень развития новых полисемических значений в следующих тематических лексических группах: экономика, военные действия, дипломатия («сделать ставку на...»). В медиадискурсе данная лексема превращается в универсальную метафору риска, первостепенности, приоритетности чего-либо. Таким образом, наблюдается семантическая универсализация, когда одно слово охватывает разные сферы действительности.

Существительное **кейс** в русском языке традиционно имело значение «чемодан, футляр». В современных толковых словарях до сих пор фиксируется первоначальное значение лексемы «кейс»: «Плоский чемоданчик для ношения бумаг, тетрадей, книг; дипломат (3 зн.). Кожанный, элегантный к. Ходить с кейсом» [1]. Однако в профессиональной среде закрепилось новое значение – «ситуация, пример, система». Сегодня это слово массово употребляется в СМИ: *«Вопрос должен обсуждаться не только как кейс одной организации»* [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»]; *«Тогда подобных кейсов не было, поэтому задача показалась интересной и амбициозной»* [Национальный корпус русского языка. «Ведомости»].

В медиадискурсе **кейс** окончательно закрепляется как элемент деловой и повседневной коммуникации, полностью утратив предметное значение «футляр». Это иллюстрирует семантическую переориентацию заимствованного слова, в результате которой иноязычный термин становится частью активного словаря СМИ и современной политической публицистики.

Первоначальное значение слова **вывозить** связано с физическим действием, имеющим конкретный предметный референт («вывозить» в значении «перевозить» или «выпачкать»). Однако в процессе семантической эволюции произошло переносное переосмысление, в результате которого «вывозить» стало обозначать способность человека справляться с нагрузкой или ситуацией. Далее в молодежном жаргоне закрепилось еще более специализированное значение – «нести ответственность за сказанное или сделанное»: *«Войну вывозит человек в бронежилете»* [Национальный корпус русского языка. «Деловая газета «ВЗГЛЯД»]. Данный пример демонстрирует употребление лексемы «вывозит» в метафорическом смысле: человек «тащит войну», держится, выдерживает все – не буквально вывозит войну.

Такое развитие семантики отражает характерный для медиадискурса процесс метафоризации, когда конкретные действия становятся источником образных выражений для описания эмоционального или социального опыта. Языковая единица получает ярко выраженный экспрессивный потенциал, а затем частотное использование в социальных сетях и СМИ способствует закреплению нового значения в узусе.

Расширение узуального значения является важным индикатором изменений в русском языке на современном этапе. Анализ дискурсивных примеров показывает, что медиадискурс играет ключевую роль в многочисленных семантических трансформациях, направленных на образность, индивидуализацию, а языковая система демонстрирует высокую адаптивность к социокультурным изменениям. Изучение этого процесса позволяет выявить тенденции развития языка и лучше понять механизмы взаимодействия между узусом и кодифицированной нормой.

Слова, ранее закрепленные за узкопрофессиональной сферой употребления (медицинской, литературоведческой, спортивной, военной, биологической и т.д.), в сфере массовой коммуникации приобретают новые дискурсивные значения, зачастую метафорические. Это свидетельствует о том,

что медиадискурс является катализатором расширения семантического диапазона лексем.

Языковые инновации сначала закрепляются в узусе, а затем при поддержке медиа могут перейти в статус нормы. Так, большинство выражений из сленговой сферы стали частью медиалексикона, используются и в официальных изданиях.

Лексемы, имеющие исходное научное или узкопрофессиональное значение, активно функционируют в медийной речи и постепенно приобретают статус общеязыковых. Этот процесс отражает тенденцию к «сближению» научного и массмедийного дискурсов, а также к упрощению и популяризации специализированной терминологии.

Все приведенные примеры демонстрируют единый процесс – расширение узуального значения как один из важнейших маркеров трансформации языковой нормы. Медиадискурс выступает главным каналом закрепления этих изменений, способствуя переходу слов из узкопрофессиональной или терминологической сферы в массовое употребление и создавая новые значения, которые фиксируются в общеязыковой норме. Мы можем предположить, что отмеченные нами факты семантической трансформации перестанут быть дискурсивными значениями, а войдут в лексическую систему русского языка.

Совершенно очевиден факт того, социокогнитивные процессы, происходящие в современном медиадискурсе, определяют динамику нормативных преобразований во всем современном русском языке. Норма перестает быть исключительно фиксированной категорией и приобретает черты когнитивной и социальной гибкости. В результате формируется медианорма – особая разновидность языковой нормы, которая отражает новые формы восприятия, интерпретации и категоризации действительности.

Таким образом, современный медиадискурс становится пространством переосмысления языковых норм, где ключевыми факторами выступают когнитивная адаптация, социальная категоризация и институционализация новых языковых практик. Это свидетельствует о том, что процессы нормообразования следует рассматривать сквозь призму социокогнитивного подхода, учитывающего взаимосвязь языка, мышления и социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург : Норинт ; Москва : Рипол классик, 2008. – 1536 с.
2. Желтухина, М. Р. Медиадискурс / М. Р. Желтухина // ДИСКУРС-ПИ. – 2016. – № 3–4 (24–25). – С. 292–296.
3. Караулов, Ю. Н. О состоянии русского языка современности / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1991. – 64 с.
4. Кормилицына, М. А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет / М. А. Кормилицына // Русский язык сегодня. – Вып. 2. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 465–476.

5. Крысин, Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14). – С. 5–17.

6. Крысин, Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса / / Л. П. Крысин // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 2 (12). – С. 20–31.

7. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – Москва : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. – 357 с.

8. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) : 2-е изд. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.

REFERENCES

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka (2008). [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [gl. red. S. A. Kuznetsov]. Sankt-Peterburg : Norint ; Moscow : Ripol klassik, Publ. 2008. 1536 p. (In Russian).

2. Zheltukhina M. R. (2016). Mediadiskurs [Mediadiskurs]. M. R. Zheltukhina. DISKURS-PI [DISCOURSE-PI]. 2016. № 3–4 (24–25). Pp. 292–296. (In Russian).

3. Karaulov Yu. N. (1991). O sostoyanii russkogo yazyka sovremennosti [On the state of the Russian language of the present]. Yu. N. Karaulov. Moscow : Nauka, Publ. 1991. 64 p. (In Russian).

4. Kormilitsyna M. A. (2003). Usilenie lichnostnogo nachala v russkoi rechi poslednikh let [The Enhancement of the Personal Aspect in Recent Russian Speech]. M. A. Kormilitsyna. Russkii yazyk segodnya. Vyp. 2. Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury [The Russian Language Today. Issue 2. Moscow: Languages of Slavic Culture], 2003. Pp. 465–476. (In Russian).

5. Krysin L. P. (2007). Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika [Russian literary norm and modern speech practice]. L. P. Krysin. Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii [The Russian language in scientific coverage]. 2007. № 2 (14). Pp. 5–17. (In Russian).

6. Krysin L. P. (2017). K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa [On the relationship of the language system, its norms and usage]. L. P. Krysin. Kommunikativnye issledovaniya [Communication research]. 2017. № 2 (12). Pp. 20–31. (In Russian).

7. Poetika : slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii (2008). [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. Moscow : Izd-vo Kulaginoi. Publ. ; Intrada, 2008. 357 p. (In Russian).

8. Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) : 2-e izd. (2000). [Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) : 2-e izd.]. Moscow : Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 480 p. (In Russian).

**ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ»
В ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО**

Криволап Светлана Сергеевна

преподаватель кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ
ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств

имени Михаила Матусовского»

(г. Луганск, Россия)

krivolap_2016@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию фразеосемантического поля «Темпоральность» на материале лирических произведений А. Твардовского. Целью статьи является анализ и интерпретация фразеологических оборотов, связанных с понятием времени в поэтических текстах. Указанная категория представляет собой сложную структуру, которая многосторонне отображена в языке и репрезентируется во фразеологическом фонде. Автор подчеркивает мысль о том, что тематика времени занимает центральное место в произведениях писателя и определяет динамику чувств и размышлений. Основываясь на всевозможных классификациях фразеологических единиц с временным значением, предпринята попытка выделить семантические группы. Актуальность выбранной проблематики заключается в необходимости изучения идиом как на уровне функционирования в русском языке, так и с позиции фразеологического богатства поэзии Александра Твардовского.

Ключевые слова: фразеосемантическое поле, время, темпоральность, поэзия, фразеологическая единица, фразеологический фонд, художественный текст.

**PHRASEOSEMANTIC FIELD *TEMPORALITY* IN THE LYRICS BY
ALEXANDER TVARDOVSKY**

Krivilap Svetlana Sergeevna

Lecturer at the Department of the Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines
of FSBEI HE “Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky”

(Lugansk, Russia)

krivolap_2016@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the study of the phraseosemantic field *Temporality* based on the lyrical works by A. Tvardovsky. The purpose of the article is to analyse and interpret phraseological phrases related to the concept of time in poetic texts. This category is a complex structure that is comprehensively reflected in the language and is represented in the phraseological fund. The author emphasizes the idea that the theme of time occupies a central place in the writer's works and determines the dynamics of feelings and reflections. Based on various classifications of phraseological units with temporal significance, an attempt has been made to identify semantic groups. The relevance of the chosen problem lies in the need to study idioms both at the level of functioning in the Russian language and from the perspective of the phraseological richness of Alexander Tvardovsky's poetry.

Keywords: phraseosemantic field, time, temporality, poetry, phraseological unit, phraseological fund, artistic text.

Для цитирования: Криволап С. С. Фразеосемантическое поле (ФСП) «темпоральность» в лирике Александра Твардовского // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.:

С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 197-209. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-197-209

Введение

Понятие *время* находится в центре внимания исследователей как «одно из базовых понятий науки, философии и культуры» [11, с. 228]. В лингвистике темпоральность рассматривают на основании общего тезиса о времени как абстрактном понятии, последовательности точек на временной оси. По утверждению Н. Арутюновой, «чувство времени основано на восприятии это природных циклов, психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным «точкою присутствия» на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [1, с. 688]. Фразеологизмы со значением ‘время’ представляют субъективный, эмоционально-оценочный взгляд человека на окружающий мир. В основе темпоральных идиом лежат библейские, мифологические сюжеты, национальные традиции и обычаи. Фразеологический фонд современного русского языка содержит большое количество устойчивых сочетаний с временными оттенками.

ФЕ со значением темпоральности были исследованы лингвистами в различных аспектах. Так, например, работа А. Чепуренко посвящена структуре семантической категории времени качественно-обстоятельственных фразеологизмов РЯ [21]. Ученый подчеркивает тот факт, что одним из продуктивных способов выражения временных отношений являются именно эти устойчивые сочетания. Обобщение предоставило возможность выстроить многоступенчатую структуру приведенной категории. Лингвист выделяет 7 основных групп ФЕ: 1) обозначающие локализацию действия, события, явления во времени, то есть время совершения действия, его срок (*при царе Горохе, без году неделя*); 2) обозначающие временной порядок действий (*на первое время, прежде всего*); 3) обозначающие такую характеристику действий, событий, как своевременность / несвоевременность (*как нельзя кстати, час в час*); 4) выражают такую характеристику действия или проявления признака, как периодичность (*во все времена, всю дорогу*); 5) обозначающие особенность протекания действия во времени, в структуру своего значения, кроме временной и качественной сем, включают еще и элемент количественного значения. Ими характеризуются действия, которые осуществляются сразу, немедленно, в тот же момент (*тот же час, в ту же минуту (секунду)*); 6) обозначающие темп, скорость совершения действий во времени и отвечающие на вопросы *как быстро? за какое время?* (*в один час, в считанные секунды*); 7) обозначающие продолжительность действия, события, в некоторых случаях проявления признака, то есть указывают на некий отрезок, промежуток времени, его длительность, отвечая на вопросы *как долго? сколько времени?* (*битый час, с минуту*) [21].

В статье Ю. Лукояновой на материале лексикографических источников рассматривается функционирование в русском языке фразеологических единиц (идиом и устойчивых сочетаний), в состав которых входят слова с этимоном *год-*

. Прослеживаются семантические трансформации, произошедшие с лексемами в составе фразеологических единиц (*брожу над морем, жду погоды*) [8]. Модель ФСП темпоральности в русской фразеологии рассматривает Х. Цзюй [19]. Автор приходит к выводу о том, что в соответствии с различной степенью близости фразеологизмов ФСП делится на сегменты, а они, в свою очередь, на микросегменты (в работе их выделено 13). Учитывая регламент статьи, перечислим некоторые из них: этапы жизненного пути человека; моменты суточного цикла; фразеология времен года; оценка темпа явлений и др. [19, с. 189–190].

Идиомы с компонентом ‘время’ с точки зрения их грамматической и семантической структуры классифицируют М. Чертыкова и А. Чугунекова [22]. Лингвистами выделены следующие модели фразеологизмов: имя существительное ‘время’ + глагол (*время не ждет* и *время покажет*); глагол в инфинитивной форме + имя существительное ‘время’ (*тянуть время*); имя прилагательное + имя существительное ‘время’ (*детское время*); имя прилагательное + имя существительное ‘время’ (*ветхозаветные времена, допотопные времена, адамовы времена*) и др. [22, с. 622].

Категория темпоральности тесно связана с категорией локативности, что нашло отражение в работах ученых. В статье А. Миловановой рассматриваются способы вербализации пространства и времени через нереальные явления во фразеологизмах. В оборотах, выражающих свое значение через нереальные явления, время мыслится как момент, который никогда не наступит по определенным причинам. Физиологические процессы могут репрезентироваться через зооморфный код (*когда петух яйцо снесет, когда мерин окобылеет*), религиозный духовный код (*на турецкую Пасху, когда черт перекрестится*), а также через мифологическое духовное осознание мира (*после дождичка в четверг*) [9, с. 126–127].

На сегодняшний день возрос интерес к изучению ФСП «Темпоральность» на материале произведений поэтов, писателей. Категорию времени в поэтическом тексте (на материале русских фразеологизмов) анализирует Л. Гашева [5]. Это, например, обороты, имеющие значение цикличности в творчестве А. Блока, А. Петрова (*каждый вечер, каждый год*); линейные ФЕ (*год за годом, минута за минутой*); точечное время (*до рассвета, в ночь*) и т. д. [5, с. 128–129].

Наименования временных отрезков во фразеологии Анны Ахматовой подвергаются научному рассмотрению в работе Н. Кудриной. Автор выделяет 5 групп предметных фразеологизмов-наименований: 1) названия праздников и памятных дат (*день Аграфены-Купальницы, поминальный день / час*); 2) наименования конкретного времени суток (*вечерние часы, белые ночи*); 3) наименования абстрактных временных отрезков (*завтрашний день, прохладная детская молодого века*); 4) наименования времени года (*склон зимы, трагическая осень*); 5) наименования времени и вечности (*бег времени, голос вечности*) [7, с. 50–52]. С. Драчева комплексно анализирует лексическую темпоральность в романе «Мастер и Маргарита» и ее взаимосвязь с

формальными категориями произведения – сюжетом и композицией, а также с уровнем персонажа [6].

Фразеологизмы семантических категорий (СК) времени и пространства, их первичная типология, функционирующие в сборнике рассказов Л. Улицкой «Детство-49», представлены в исследовании У. Габитовой. Лингвистом зафиксировано 34 единицы с временной семантикой, которые, в свою очередь, разделяются на три группы: 1) ФЕ, образующие ядро СК времени. Они указывают на временной порядок действий (*в последний день, на старости лет*); 2) единицы, обозначающие время совершения действия, его срок. В эту группу входят только качественно-обстоятельственные фразеологизмы (*за всю свою жизнь, сто лет назад*); 3) идиомы, которые выражают периодичность того или иного действия (*каждые пять минут, всякий раз*) [4, с. 70]. На материале художественной прозы И. Тургенева анализируется категория пространства и времени в диссертационном исследовании С. Аюповой. Главным элементом категории на лексическом уровне, по мнению диссертантки, является сфера общих понятий и основное свойство времени – длительность. Это ядро темпоральной лексики [2, с. 34]. Время в художественных произведениях Тургенева представлено как активная сила, оно метафоризируется: 1) как путник (*время шло*); 2) как птица (*время летит*); 3) как водный поток (*время текло*); 4) как снег (*время таяло*); 5) как болезнь, требующая хирургического вмешательства (*время назрело для ланцета*); 6) как судья (*оправдает время*); 7) как лекарь (*время излечит*) [2, с. 34].

Разнообразие ФЕ в творчестве Александра Твардовского дает нам возможность раскрыть широту языковых средств и проанализировать фразеологический фонд его произведений с точки зрения лингвокультурологии. Однако ФСП «Темпоральность» в составе лирических текстов автора не изучено лингвистами и литературоведами. Художественное время в лирике А. Твардовского исследовала С. Туманова [15]. В статье проанализирована важность проблемы художественного времени как в литературе вообще, так и в творчестве Твардовского, в частности. Своеобразие изображения пространственно-временной картины из довоенной поэзии в отношении категорий смысла жизни и смерти рассматривается С. Тумановой [16], однако ФЕ не стали предметом исследования.

Методы

Материалом для анализа ФСП «Темпоральность» нами были выбраны художественные произведения всех этапов творчества Александра Твардовского. В процессе написания статьи применялись методы анализа, синтеза, обобщения, эвристический, описательный, герменевтический, метод компонентного анализа.

Результаты

Принимая во внимание существующие классификации темпоральных фразеологизмов, полагаем возможным разделить сочетания из произведений А. Твардовского на семантические группы.

1. ФЕ со значением ‘в течение длительного времени’.

Целый век, разг. экспрес. «очень долго; продолжительное время» [17, с. 61]:

*Так бы доля его, неизбывная, темная, / И тянулась **весь век**; но бывают дела: // Приманила его одна разведенная, / И женила его на себе, и в колхоз привела* [12, с. 67]. Автор производит грамматическую замену компонентов ФО: качеств. прил. *целый* → опр. местоим. *весь*: *целый век* → *весь век*. А. Твардовский использует сочетание *весь век* для изображения времени как неотъемлемой части человеческого существования.

2. ФЕ, обозначающая протяженность жизни.

На веку, «при жизни кого-либо» [17, с. 62]:

*– Новоселье! Дом – картинка. / Жаль, что мне-то, старику, / Новоселье не в новинку, / Не впервые **на веку*** [14, с. 116];

*Спору нету: дом – картинка, / Только жаль, что старику / Новоселье не в новинку. / Не впервые **на веку*** [14, с. 117]. Идиома обладает просторечной окраской, что свидетельствует о повышенной образности и экспрессивности повествования: автор акцентирует внимание на том, что мгновения жизни и события имеют свою значимость и ценность.

3. ФЕ со значением ‘сейчас же, в скором времени’.

Конструкцию с редупликацией фразеологизмов можно часто наблюдать среди темпоральных устойчивых сочетаний (ср.: *день-деньской*, *веки вечные*). Одним из таких оборотов в творчестве А. Твардовского является *вот-вот*. **Вот-вот**, разг. экспрес. «сейчас же, ещё немного времени, и произойдёт, случится что-либо» [17, с. 94]. Нами отмечено 5 фразеупотреблений в лирике поэта:

*Так идут, идут и слышат вдруг / Впереди, вдали копытный стук, / Будто в ступе коноплю толкут, / Будто бабы где-то кросна бьют. // Отголосок стороной идет, / И ездок покажется **вот-вот*** [12, с. 269]. Выражение передает чувство близости, ожидания и неотвратимости события, что усилено повторением компонентов;

*Тянет всех, зовет куда-то, / Уходи, беда **вот-вот**... / Только Теркин: / – Брось, ребята, / Говорю – не попадет* [13, с. 250]. Идиома использована автором для передачи психоэмоционального состояния лирического героя;

*Край села, сады, задворки – / В двух шагах, в руках **вот-вот**... / И увидел, понял Теркин, / Что вести его черед. / – Взвод! За Родину! Вперед!* [13, с. 270]. В лирическом тексте сочетание описывает важный и решительный момент, который может изменить ход события, происходящего на поле боя;

*И еще в разгаре боя, / Нынче, может быть, **вот-вот**, / Вместе с берегом, с землею / Будет в воду сброшен взвод* [13, с. 304]. «Василий Теркин» – отражение и трагических событий, Александр Твардовский подчеркивает хрупкость человеческой жизни и непредсказуемость судьбы;

Как быстры смены, кратки сроки: / Еще в овражке снег приник, / А по сухой уже дороге / В пыли несется грузовик. // И позади зимы остатки. / Машина

с воем воздух рвет. / На ней березки для посадки, / И почки тронутся **вот-вот** [14, с. 40]. Фразема применена автором для описания состояния природы;

Не за горами, ‘не так долго; скоро, в ближайшее время’ [17, с. 151]:

*Мать-земля моя родная, / Сторона моя лесная, / Край, страдающий в плену! / Я приду – лишь дня не знаю, / Но приду, тебя верну. // Не звериным робким следом / Я приду, твой кровный сын, – / Вместе с нашей победой / Я иду, а не один. // Этот час **не за горою**, / Для меня и для тебя* [13, с. 244]. Устойчивое сочетание грамматически трансформируется в тексте: сущ. во мн. ч. Тв. п. *горами* → сущ. в ед. ч. Тв. п. *горою*: *не за горами* → *не за горою*. Идиома соотносится с образом мира, моделью вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Лексема включается в пространственную метафору (на что указывает форма Тв. п. с предлогом *за*) и в сочетании с отрицательной частицей *не* создает образ близкого, доступного для человека, временного отрезка. Устойчивые сочетания типа *за спиной*, *за плечами*, *не за горою(ами)* часто употребляются в неполных предложениях с эллипсисом глагола-сказуемого. В таких случаях они относят к плану прошлого, настоящего или будущего всю описываемую в предложении ситуацию [21]. Оборот используется в поэме «Василий Теркин» для обозначения близости победы, окончания войны, возвращения домой. Тем самым А. Твардовский подчеркивает психоэмоциональное состояние лирического героя в ожидании скорого триумфа при воссоединении с родной землей.

4. ФЕ со значением ‘всегда’.

Все время, «постоянно, неизменно» [17, с. 99]:

*Я не спал, я правил и смотрел. / Кнут был цел, **все время** цел. / – Батя, он был цел, лежал вот тут... / – Отправляйся и найди мне кнут. / – Батя, не найду я. Темнота. / – Не моги вернуться без кнута* [12, с. 72]. **Все время** обладает разговорной окраской и используется автором для передачи глубинных переживаний персонажа произведения;

Всю жизнь, разг. ‘постоянно, всегда’ [17, с. 228]:

*Выезжали на ночь в холодок, / Чтобы к утру на базаре быть. / Помнишь, клали косу в передок, – / Травки по дороге укосить. // Помнишь ты, **всю жизнь** боялась, мать, / Что в ворах могли тебя поймать, / Бить, не уважая, – кто по чем, / Пятки поправляя кирпичом* [12, с. 72]. В лирическом произведении Александр Твардовский описывает судьбы людей, для которых жизнь в деревне, коллективизация стали неотъемлемыми частями самосознания. Идиома обозначает не просто постоянство действия, но и накопленный опыт, пережитые трудности.

Этимологическая связь времени с пространством не столь очевидна, как его связь с движением. Некоторые славянские обозначения времени дают основание предполагать, что связь с пространственными представлениями они все-таки имеют издревле. Так, слово *год* в древнерусском языке значило именно время, в праславянском языке – благоприятное время: (ср.: чешское *hod* (праздник), словенское *god* (удобное время, праздник); и *год* восходит к индоевропейскому корню *ghedh-*, *ghodh-* имевшему значения ‘объединить,

соединить; держать вместе; подходить друг другу' [10, с. 12]. *Год*, согласно этимологическому словарю Г. Цыганенко, изначально имело пространственное значение «нечто подогнанное, тесно соединенное», а затем из него развилось более абстрактное значение времени – «подходящее время, благоприятное время». Далее *год* – «вообще время, пора» [20, с. 86]. Слово *год* имело значение *время, срок* еще в древнерусском языке, а сейчас у сербов и хорватов, словенцев, чехов, поляков и верхнелужицан характеризует не время вообще, а время праздников, празднеств, например, Рождества [10, с. 12–13].

В произведениях Александра Твардовского нами отмечено 8 ФЕ с временным компонентом *год*. *Год за годом*, разг. 'постоянно, в продолжение нескольких лет' [17, с. 142]:

Как дальний рейс, за годом год / Плывет медлительно и точно, / А мать письма от сына ждет, / За выгоном встречая почту [12, с. 40]. Идиома подвергается авторской трансформации: изменяется узуальный порядок слов оборота: *год за годом* → *за годом год*, что придает повествованию динамику и создает драматический эффект;

Год за годом вместе жили, / На работу – в день и в ночь. / Песни пели и дружили, / Как подруги, мать и дочь [12, с. 98];

Но если та горька печаль, / Чье место свято в доме, / То, может, легче, да едва ль, / Печаль особой доли. // Печаль подвижника-бойца, / Что год за годом кряду / Войну исполнил до конца, / И вот тебе награда! [13, с. 381]. Творчество Александра Твардовского пронизано темой памяти и исторической преемственности, что отражено в поэзии. Таким образом, фразеологизм *год за годом* становится не просто указанием временного промежутка, а элементом глубокого философского размышления о жизни и человеческой судьбе в контексте социальных и исторических изменений;

Из года в год, разг. 'постоянно, каждый год; много, несколько лет подряд' [17, с. 142]:

О том, как деды в диком крае / За трудным пашенным добром / Ходили в бой, отодвигая / Тайгу огнем и топором; / Тайгу, что их теснила тьмой / И свой вела из года в год / На тех завидных, жирных землях / Извечный севооборот [14, с. 108]. Слово *год* образует целый ряд сочетаний с предлогами: *из года в год* 'постоянно, ежегодно', *год за годом* 'постепенно', *год от года, год от году, с году, с года на год* 'с каждым новым таким промежутком времени' [18, с. 258]. Стихотворение «Еще о Сибири» написано автором в 1958 году и затрагивает тему природы края и отношения человека к ней. При помощи фразеологизма *из года в год* в тексте передана связь поколений, преемственность традиций, опыта и ценностей;

Наш Кузьма неприметный, / Тот, что из году в год, / Хлебороб многодетный, / Здесь на месте живет [12, с. 210]. В художественном тексте видим фонетическую трансформацию устойчивого сочетания (сущ. в Р. п. *года* → сущ. в Д. п. *году*): *из года в год* → *из году в год*. В лирическом произведении поэт употребляет единицу *из году в год* для того, чтобы подчеркнуть неразрывную связь человека с корнями, родной землей, народом.

5. ФЕ, отражающая события прошедшего времени.

Без году неделя, разг. экспрес. «совсем недавно; совсем немного времени прошло (как что-либо совершилось)» [17, с. 404]:

Пойдем, посмотрим старый сад, / Где сторож был Данила. / Неделя без году назад / Все это вправду было. / И мы у дедовской земли / С тобой расти спешили [12, с. 159]. Устойчивое сочетание подвергается авторской трансформации – изменение порядка слов с целью придания ритмической организации лирическому тексту: *без году неделя* → *неделя без году*. Также происходит расширение компонентного состава оборота за счет добавления наречия времени *назад*: *неделя без году назад*.

Ироническая / шутливая стилистическая окраска ФО, по мнению А. Бириха, является следствием нелогичного сочетания, комбинации слов, отражающей ироническое осмысление явления. Это переработка выражения *без недели год* [3, с. 118]. Само понятие недели в Древнюю Русь пришло из Византии, в католические же страны – из Рима. *Неделя без году* родилось не просто как гиперболический каламбур, основанный на алогизме, но и как своеобразное продление привычного для древнерусского языка сочетания *безъ года* (не во время или безмерно). Не случайно оборот употреблялся уже в XVIII веке точно в той же форме и значении, что и сейчас [10, с. 77–78]. Образованию этого фразеологического каламбура способствовала и привычная для народной речи «перекличка» двух хронологических наименований: *год не неделя, отдам, да не теперь* (утешение должнику) и т. п. Помимо указанной единицы, к прошлым событиям, происходившим до момента речи, то есть давно, много времени тому назад относят следующие: *в стары годы, в старину, бог знает как давно* и др. В художественном произведении *неделя без году назад* является не просто отрезком времени, а и указателем эмоционального состояния лирических героев. А. Твардовский подчеркивает мысль о том, как быстротечны важные моменты жизни, оставляя после себя лишь воспоминания.

6. ФЕ со значением ‘по прошествии времени’.

С годами, «когда пройдет несколько лет; впоследствии» [17, с. 142]:

Ту скорбную истовость схода / С годами я помню живею. / Великая сила народа / И вера мне видится в ней [14, с. 31]. Фразеологизм *с годами* раскрывает философский контекст произведения, в котором отражены важные темы – времени, личной и социальной памяти, взросления и осмысления жизни. Текст А. Твардовского наполнен ностальгией по ушедшим годам, а вместе с тем приходит осознание того, что каждая утрата, разочарование вносит свой вклад в формирование внутреннего мира человека.

7. ФЕ со значением ‘по мере течения времени’.

Год от года, разг. «с каждым годом» [17, с. 142]:

Не затвердела год от года, / Не запеклась еще она. / Та кровь подвижника-народа / Свежа, красна и солона [14, с. 91]. Лирическое произведение «Та кровь, что пролита даром...» написано Александром Твардовским в 1957 году и посвящено размышлению автора о жертвах, принесенных народом в борьбе за свободу и независимость. Редупликация в единице *год от года* придает усиление

трагическому, драматическому эффекту повествования. При помощи идиомы автор акцентирует внимание на том, что кровь, пролитая в боях, не должна быть забыта и необходимо сохранять ее в сердцах будущих поколений.

Заключение

Проанализировав ФСП «Темпоральность» в лирике Александра Твардовского, можно сказать следующее: 1) устойчивые сочетания с указанным ФСП являются важным элементом авторского стиля, с помощью которого создается особая экспрессия; 2) категория времени представляет собой сложную структуру, которая многосторонне отображена в языке и репрезентируется во фразеологическом фонде; 3) в произведениях автора *время* – не просто фон, но и источник лирических переживаний, определяющий динамику чувств и размышлений; 4) выделены 7 групп ФЕ, со следующими значениями: ‘в течение длительного времени’ (*весь век*); ‘сейчас же, в скором времени’ (*вот-вот*); ‘всегда’ (*все время*); ‘по мере течения времени’ (*год от года*) и т. п.; 5) кроме использования общеязыковых единиц, поэт прибегает к трансформации отдельных ФО (расширение компонентного состава, морфологическая и грамматическая замена элементов сочетаний, изменение узувального порядка слов); 6) идиомы со значением темпоральности выполняют различные функции, реализованные в художественном тексте: изображение времени как неотъемлемой части человеческого существования, передача психоэмоционального состояния лирического героя, придание динамики и создание драматического эффекта повествования, взаимоотношение человека и природы и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры, 1990. 896 с.
2. Аюпова С. Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И. С. Тургенева) : автореф. дисс. ... д.-ра филол. наук : 10.02.01 / Аюпова Светлана Будимировна. Уфа, 2012. 50 с.
3. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
4. Габитова У. У. Фразеологическая база семантических категорий времени и пространства в русской языковой картине мира (на материале сборника рассказов Л. Улицкой «Детство-49») / У. У. Габитова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 69–73.
5. Гашева Л. П. Категория времени в поэтическом тексте (на материале русских фразеологизмов) / Л. П. Гашева // Вестник КГУ. 2005. № 3. С. 126–131.
6. Драчева С. О. Темпоральная организация романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвистический аспект : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Драчева Светлана Олеговна. Тюмень, 2007. 30 с.

7. Кудрина Н. В. Наименования временных отрезков во фразеологии Анны Ахматовой / Н. В. Кудрина // Вестник КГУ. 2012. № 4. С. 50–52.

8. Лукоянова Ю. К. Функционально-семантические особенности фразеологизмов, содержащих слова с этимологией год-, в русском языке / Ю. К. Лукоянова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 1159. Кн. 5. С. 1132–1143.

9. Милованова А. И. Отражение пространства и времени во фразеологизмах, выражающих значение через нереальные явления / А. И. Милованова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(78). Ч. 1. С. 125–128.

10. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2005. 256 с.

11. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.

12. Твардовский А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Твардовский. Т. 1 : Стихотворения (1926–1940). Страна Муравия. Переводы. М. : Худож. лит., 1976. 431 с.

13. Твардовский А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Твардовский. Т. 2 : Стихотворения (1940–1945). Поэмы. Василий Теркин. Дом у дороги. М. : Худож. лит., 1977. 432 с.

14. Твардовский А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Твардовский. Т. 3 : Стихотворения (1946–1970). Поэмы. За далью – даль. Теркин на том свете. М. : Худож. лит., 1977. 431 с.

15. Туманова С. Р. Пространственно-временная картина мира в лирике А. Т. Твардовского (1926–1940) / С. Р. Туманова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 2. С. 120–125.

16. Туманова С. Р. «Время, время, как ветер, шапку рвет с головы...» (К проблеме художественного времени в лирике А. Т. Твардовского) / С. Р. Туманова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-vremya-kak-veter-shapku-rvyot-s-golovy-k-probleme-hudozhestvennogo-vremeni-v-lirike-a-t-tvardovskogo/viewer>

17. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. М. : Астрель: Аст, 2008. 878 с.

18. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: Справочное издание. В 2 т. Т. 1 (А–П) / под ред. проф. А. Н. Тихонова; сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. М. : Флинта: Наука, 2004. 832 с.

19. Хайна Ц. Модель фразеосемантического поля темпоральности в русской фразеологии / Цзюй Хайна // Политическая лингвистика. 2019. № 2(74). С. 188–194. DOI 10.26170/pl19-02-21.

20. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. К. : Рад. шк., 1989. 511 с.

21. Чепуренко А. А. Структура семантической категории времени качественно-обстоятельственных фразеологизмов русского языка / А. А. Чепуренко [Электронный ресурс] // Заочные электронные конференции. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/7710>

22. Чертыкова М. Д. Фразеологизмы с компонентом ‘время’ в русском языке / М. Д. Чертыкова, А. Н. Чугунекова // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6(67). С. 621–623.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. (1990). Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 896 p. (In Russian).

2. Ayupova S. B. (2012). Kategorii prostranstva i vremeni v yazykovoj hudozhestvennoj kartine mira (na materiale hudozhestvennoj prozy I. S. Turgeneva) [Categories of space and time in the linguistic artistic picture of the world (based on the material of I. S. Turgenev's fiction)] : avtoref. dis. d. filol. nauk : 10.02.01. Ufa. (In Russian).

3. Biriĥ A. K. (1998). Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravocnik [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference], 704 p. (In Russian).

4. Chepurenko A. A. (2009). Struktura semanticheskoi kategorii vremeni kachestvenno-obstoyatel'stvennykh frazeologizmov russkogo yazyka [The structure of the semantic category of time of qualitative and circumstantial phraseological units of the Russian language] in Zaochnye elektronnye konferencii [Zaochnye elektronnye konferencii]. URL: <http://econf.rae.ru/article/7710> (In Russian).

5. Chertykova M. D. (2017). Frazeologizmy s komponentom ‘vremya’ v russkom yazyke [Phraseological units with the ‘time’ component in Russian] in Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The World of Science, Culture, and Education]. №6 (67). Pp. 621–623. (In Russian).

6. Gabitova U. U. (2015). Frazeologicheskaya baza semanticheskikh kategorij vremeni i prostranstva v russkoj yazykovoj kartine mira (na materiale sbornika rasskazov L. Ulickoi «Detstvo-49») [Phraseological base of semantic categories of time and space in the Russian linguistic worldview (based on the collection of short stories by L. Ulitskaya “Childhood-49”)] in Vestnik Chelyabinskogo gos. ped. un-ta [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University]. № 4. Pp. 69–73 (In Russian).

7. Gasheva L. P. (2005). Kategoriya vremeni v poeticheskom tekste (na materiale russkikh frazeologizmov) [The category of time in a poetic text (based on the material of Russian phraseological units)] in Vestnik Kurganskogo gos. un-ta [Bulletin of the Kurgan State University]. № 3. Pp. 126–131 (In Russian).

8. Hajna C. (2019). Model' frazeosemanticheskogo polya temporal'nosti v russkoj frazeologii [The model of the phraseosemantic field of temporality in Russian phraseology] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. №2 (74). Pp. 188–194. (In Russian).

9. Dracheva S. O. (2007). Temporal'naya organizaciya romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita»: lingvisticheskiy aspekt [Temporal organization of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita": linguistic aspect] : avtoref. dis. kand. filol. nauk : 10.02.01. Tyumen'. (In Russian).
10. Kudrina N. V. (2012). Naimenovaniya vremennyh otrezkov vo frazeologii Anny Akhmatovoj [The names of time periods in Anna Akhmatova's phraseology] in Vestnik Kurganskogo gos. un-ta [Bulletin of the Kurgan State University]. № 4. Pp. 50–52 (In Russian).
11. Lukyanova Yu. K. (2017). Funkcional'no-semanticheskie osobennosti frazeologizmov, sodержashchih slova s etimonom god-, v russkom yazyke [Functional and semantic features of phraseological units containing words with the year-etymon in the Russian language] in Uchenye zapiski Kazanskogo un-ta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. The Humanities series]. Vol. 1159. Pp. 1132–1143. (In Russian).
12. Milovanova A. I. (2017). Otrazhenie prostranstva i vremeni vo frazeologizmah, vyrazhayushchih znachenie cherez nereal'nye yavleniya [Reflection of space and time in phraseological units expressing meaning through unreal phenomena] in Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. № 12(78). Pt. 1. Pp. 125–128. (In Russian).
13. Mokienko V. M. (2005). Zagadki russkoj frazeologii [Riddles of Russian phraseology]. Saint-Petersburg: «Avalon», «Azбука-klassika», 256 p. (In Russian).
14. Stepanov Yu. S. (2004). Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 992 p. (In Russian).
15. Tvardovskij A. T. (1976). Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 1: Stikhotvoreniya (1926–1940). Strana Muraviya. Perevody. [Collected works: in 6 vols. Vol. 1: Poems (1926–1940). The Country of Muravia. Translations]. Moscow: Xudozhestvennaya literatura, 431 p. (In Russian).
16. Tvardovskij A. T. (1977). Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 2: Stikhotvoreniya (1940–1945). Poemy. Vasiliy Terkin. Dom u dorogi. [Collected works: in 6 vols. Vol. 2: Poems (1940–1945). Poems. Vasily Terkin. The House by the Road]. Moscow: Xudozhestvennaya literatura, 432 p. (In Russian).
17. Tvardovskij A. T. (1978). Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 3: Stikhotvoreniya (1946–1970). Poemy. Za dalyu – dal. Terkin na tom svete. [Collected works: in 6 vols. Vol. 3: Poems (1946–1970). Poems. Beyond the distance. Terkin in the next world]. Moscow: Xudozhestvennaya literatura, 431 p. (In Russian).
18. Tumanova S. R. (2012). Prostranstvenno-vremennaya kartina mira v lirike A. T. Tvardovskogo (1926–1940) [The space-time picture of the world in the lyrics of A. T. Tvardovsky (1926–1940)] in Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta [Bulletin of the Voronezh State University]. №2. Pp. 120–125. (In Russian).
19. Tsyganenko G. P. (1989). Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: Bolee 5000 slov [Etymological dictionary of the Russian language: More than 5000 words]. Kiev: Sov. shk, 511 p. (In Russian).
20. Tumanova S. R. (2011). «Vremya, vremya, kak veter, shapku rvet s golovy...» (K probleme hudozhestvennogo vremeni v lirike A. T. Tvardovskogo)

[“Time, time, like the wind, the hat is tearing off your head...” (On the problem of artistic time in the lyrics of A. T. Tvardovsky)] in Cyberleninka [Cyberleninka]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-vremya-kak-veter-shapku-rvyot-s-golovy-k-probleme-hudozhestvennogo-vremeni-v-lirike-a-t-tvardovskogo/viewer> (In Russian).

21. Fedorov A. I. (2008). Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka : ok. 13000 frazeologicheskikh edinic [Phraseological dictionary of the Russian literary language : approx. 13000 phraseological units]. Moscow: Astrel': Ast, 878 p. (In Russian).

22. Frazеologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: Spravochnoe izdanie (2004). V 2 t. T. 1 (A–P) [Phraseological dictionary of modern Russian literary language: Reference edition. In 2 vols. Vol. 1 (A–P)]. Moscow: Flinta: Nauka, 832 p. (In Russian).

УДК 811.112.2

ORCID 0009-0001-2647-0305

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Марченко Марина Александровна

аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи»

(г. Мариуполь, Россия)

m.marchenko@mgumariupol.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена интересом современной лингвистики, когнитологии, лингвокультурологии к лингвокреативности. Это объясняется тем, что лингвокреативность рассматривается одновременно как тип мышления, вид деятельности и стратегия речевого поступка языковой личности. Возникает необходимость изучить и описать лингвокреативность языковой личности в дискурсивном пространстве. Для достижения цели были проанализированы и обобщены современные подходы к изучению этого явления. Анализ теоретических аспектов данной проблемы показывает, что лингвокреативность может реализовываться в дискурсе различными языковыми единицами и подвержена воздействию дискурсивного пространства, в котором происходит вербализация картины мира языковой личностью. Дискурс – это когнитивное явление, которое взаимосвязано с дискурсивным пространством и дискурсивной личностью. Дискурсивная личность рассматривается как языковая личность, совершающая дискурсивную деятельность в дискурсивном пространстве. Лингвокреативность является одной из особенностей дискурсивной личности.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное пространство, дискурсивная личность, лингвокреативность.

REALIZATION OF LINGUOCREATIVITY OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE DISCURSIVE SPACE

Marchenko Marina Aleksandrovna

Postgraduate Student of the Institute for Training Highly Qualified Personnel

of FSBEI HE «Pyatigorsk State University»,
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
of FSBEI HE «Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi»
(Mariupol, Russia)
m.marchenko@mgumariupol.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the interest of modern linguistics, cognitive science, and linguacultural studies in linguacreativity. This is explained by the fact that linguacreativity is considered simultaneously as a type of thinking, a type of activity, and a speech strategy of a linguistic personality. This necessitates studying the implementation of linguacreativity by a linguistic personality in the discursive space. To achieve this goal, modern approaches to studying this phenomenon were analyzed and summarized. The research results demonstrate that linguacreativity is realized in discourse through various linguistic units and is influenced by the discursive space in which the linguistic personality verbalizes its worldview. Discourse is a cognitive phenomenon that is interconnected with the discursive space and the discursive personality. The discursive personality is considered a linguistic personality performing discursive activity in the discursive space. Linguistic creativity is one of the characteristics of the discursive personality.

Keywords: discourse, discursive space, discursive personality, linguocreativity.

Для цитирования: Марченко М. А. Лингвокреативность языковой личности в дискурсивном пространстве: теоретический анализ // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 209-219. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-209-219

Научное познание стремительно трансформируется под воздействием внешних факторов, особенное влияние на него оказывает технический прогресс. Методология наук соответственно принимает эти вызовы и меняется, прибегая к интеграции методов и подходов, что позволяет впоследствии более точно описать, сформировать новые теории и облечь научное знание в определённую вербальную форму научной парадигмы. Такие вызовы стоят не только перед естественными науками, но и гуманитарными, поскольку гуманитарные науки более чувствительны к технологическим инновациям и направлены на формирование научного познания о человеке и социуме в целом.

Дискурс является тем наглядным примером, который подтверждает эти процессы. Рассмотрим понятие дискурс зафиксированное в лексикографическом лингвистическом источнике, а именно в Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой, «дискурс – связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст – взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания» [11, с. 136-137].

Если принять во внимание тот факт, что в лексикографических источниках фиксируется устоявшееся и сложившееся в научной парадигме определение

терминов, то можно сделать вывод, что уже более 30 лет назад в научном сознании сформировалось четкое понимание и осознание того, что дискурс – это не только языковая единица, но и социальная, когнитивная, коммуникативная, и даже психологическая. Хотя первые предположения о том, что дискурс есть не что иное, как языковая материальная единица, которая раскрывает когнитивные аспекты вербализации картины мира в дискурсивной деятельности языковой личности, были высказаны Аристотелем при описании особенностей поэтического дискурса. А именно в своей работе Аристотель указывал на переход образа из «небытия» [2, с. 135], невербального (предконцептуального и концептуального) существования, в «бытие», т.е. в словесный образ, языковую материю [2, с. 135].

Соответственно, сложилось понимание того, что методология исследования дискурса уже не будет ограничиваться лишь лингвистикой, с одной стороны. С другой стороны, дискурс становится таким уникальным явлением, которое нам позволяет ступить за грань языковой материи и изучить этот сложный процесс предконцептуального, концептуального и вербального осмысления действительности. О когнитивном аспекте дискурса говорит и Е.С. Кубрякова, утверждая, что дискурс связан с трансляцией знаний и генерированием новых [10, с. 30].

Кроме того, дискурс позволяет основательно изучить когнитивные механизмы мышления и порождения речи, поскольку дискурсивная деятельность языковой личности может проходить в двух реальностях: устной и письменной. Причем эти реальности могут быть взаимозаменяемыми.

Конечно же, для существования дискурса необходимы определённые условия и определённый «мир», среда, в котором бы он мог функционировать и проявляться. Следовательно, можно утверждать, что дискурсивное пространство и есть та среда, тот мир, в котором живет и раскрывается дискурс. Другими словами, дискурсивное пространство есть бытие дискурса.

По мнению С.Н. Плотниковой и С.А. Домышевой, «дискурсивное пространство представляет собой некую логическую среду, в которой сосуществуют дискурсы и люди, производящие эти дискурсы. Дискурсивное пространство – частично ментальное и частично материальное образование, причем оно является видимым в большей степени, поскольку письменные дискурсы изначально имеют материальное оформление, а устные дискурсы легко могут получать таковое с помощью письменной или иной записи» [17, с. 105-106]. Как видим, учёные указывают на двойственную природу дискурсивного пространства, а именно, когнитивную и языковую. Также подчеркивается взаимодействие дискурсов и языковой личности в этой среде.

М. Мерло-Понти, рассуждая о природе дискурса, говорит о том, что «в диалоге между мной и другим устанавливается общая территория, мое и его мышление сплетаются в единую ткань. Тут существует бытие вдвоем, наше существование разворачивается в одном и том же мире. Если я предоставляю в пользование ему свои мысли, то он взамен побуждает меня мыслить» [13, с. 451]. Из этого следует, что дискурсивное пространство должно быть общей средой для

взаимодействующих языковых личностей, где раскрываются процессы и механизмы мышления языковых личностей, которые совершают дискурсивную деятельность в данном пространстве. И здесь следовало бы внести ещё одно уточнение: а именно языковых личностей с одинаковым, равным друг другу языковым менталитетом.

Таким образом, мы подходим к тому, что языковая личность, действуя в дискурсивном пространстве, поглощается им и становится уже дискурсивной личностью, которая обладает и оперирует определённым языковым менталитетом сообщества, к которому принадлежит. Поэтому приходится уже говорить о дискурсивной деятельности не только языковой личности, а и дискурсивной, действующей в дискурсивном пространстве.

По мнению С.Н. Плотниковой, «порождение дискурса является прерогативой дискурсивной личности. Дискурсивная личность представляет собой языковую личность, порождающую определённый дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения. Эта личность действует в сфере производства сообщений и несет ответственность за их содержание. Дискурс не передает уже готовую мысль – он её осуществляет; мыслить и выражать мысль при помощи дискурса – процесс одновременный. Имея стартовую позицию в виде языковой личности, человек как мыслящее существо свободен в становлении дискурсивной личности, разумеется, в пределах возможного. Эти пределы определяются способностью к порождению смыслов, соответственно, вхождение дискурсов в различные дискурсивные пространства зависит от когнитивной компетенции дискурсивной личности» [17, с. 157].

Поэтому дискурс способен существовать и функционировать лишь в дискурсивном пространстве, в котором взаимодействуют дискурсивные личности. Однако главное условие эффективного взаимодействия в этом пространстве дискурсивных личностей, это обладание равноценным, одинаковым языковым менталитетом.

Таким образом, можно утверждать, что исследование дискурса в дискурсивном пространстве даёт возможность отследить и описать не только когнитивные процессы, но и способы вербализации картины мира языковой личности. Дискурс — это не только коммуникация, но и трансфер нового знания, в котором языковая личность пытается достичь успешной интерпретации своих коммуникативных интенций реципиентом. Это достигается, с одной стороны, через соблюдение языковых норм, а с другой стороны, через осознанное отступление от этих норм в рамках целенаправленного и обоснованного творческого переосмысления языка, а также в зависимости от прагматической интенции в процессе дискурсивной деятельности.

В связи с таким пониманием процесса вербализации картины мира языковой личности в дискурсивном пространстве становится очевидной лингвокреативная функция языка, которая, по мнению К.Ю. Новосад, Е.А. Юрина, «связана с экспрессивной, модальной и эстетической функциями, так как потребность в новой языковой единице появляется в момент повышенной

эмоциональности, когда говорящий не может выбрать подходящую единицу из уже существующих для описания его чувств и впечатлений, а также в том случае, когда в новую единицу закладывается определённая воздействующая функция» [15, с. 2447]. Исходя из этого, следует отметить, что лингвокреативные процессы объединяют когнитивный и коммуникативный аспекты, раскрывая взаимодействие между языковой и концептуальной системами сознания.

Особое внимание в этом контексте вызывают исследования лингвокреативности, а именно, механизмов отбора, трансформации, модификации, в отдельных случаях и деформации языковых единиц в ментальном пространстве языковой личности, совершающей дискурсивную деятельность именно в дискурсивном пространстве.

«Будучи универсальным явлением, лингвокреативность, присуща любому существующему типу дискурса и характеризуется наличием общих параметров оценки, позволяющих на единых основаниях распознавать в любом дискурсе ненормативное использование языка. Вместе с тем, будучи дискурсивно обусловленным феноменом, лингвокреативность характеризуется специфичностью проявления в различных типах дискурса, т.е. реализуется при помощи особых, дискурсообразованных языковых средств» [8, с. 8]. Исходя из данного определения, следует понимать, что лингвокреативность проявляется в любом дискурсе как ненормированное использование языковых единиц, саму стратегию лингвокреативного мышления и селекцию языковых единиц, которые бы воспринимались реципиентом как отклонение от языковой нормы – в определённом смысле – диктует дискурсивное пространство. Это наводит на мысль, что в некоторых случаях одна и та же языковая единица, которая функционирует в дискурсе, не всегда может быть лингвокреативной единицей и её лингвокреативный потенциал зависит напрямую от дискурсивного пространства. Например, значимость графического восприятия знака теряет свою актуальность в устном дискурсе. Так, в немецком языке, согласно нормам правописания, все существительные пишутся с большой буквы. Использование существительных в устном дискурсе нивелирует эту графическую норму языка, и она игнорируется языковой личностью. А вот в письменном дискурсе написание существительных с маленькой буквы становится уже графической лингвокреативной единицей, которая несёт в себе определённую прагматическую интенцию и создаёт эффект устного дискурса: устного вербального взаимодействия двух коммуникантов в письменном дискурсе. Поэтому лингвокреативность способна «системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям» [7, с. 638].

Дискурс выступает как коммуникативная среда, в которой проявляется творческий потенциал личности, экспериментируется с языковыми средствами, соблюдая конвенциональные нормы и отступая от них с определённой прагматической установкой. Реализация лингвокреативности языковой

личности в дискурсивном пространстве — это процесс творческого использования языка, в ходе которого языковая личность создает новые, нестандартные языковые единицы и конструкции для передачи ментальных моделей и знаний о реальности или конструируемой действительности через дискурс.

Если полагать, что «основой лингвокреативности выступает комплекс знаний о языке, языковая картина мира, то языковая личность должна располагать этим и обладать способностью к инновационной модификации языковых единиц, используя собственные знания о языковой картине мира» [12, с. 119]. Так же, следует отметить, что «лингвокреативность представляет собой намеренное отклонение от литературной нормы и создание новой языковой формы» [19, с. 112]. В процессе реализации лингвокреативности происходит размытие границ между нормой литературного языка и отклонением от нормы [6, с. 107]. Описывая лингвокреативность, И.В. Зыкова указывает на нормированное и ненормированное создание лингвокреативом в зависимости от дискурса [7, с. 628–629]. Под лингвокреативом следует понимать «языковые/речевые единицы, рождающиеся в результате творческой дискурсивной деятельности языковой личности» [9, с. 101]. По мнению А.В. Нагорной, порождаемые лингвокреативом новообразования могут привести даже к перестройке языковой системы [14, с. 10]. Из этого следует, что лингвокреативность способствует развитию и трансформации языковых норм.

Кроме того, лингвокреативность ведёт к индивидуализации дискурсивной деятельности языковой личности в зависимости от прагматики речевого поступка. Именно через лингвокреативность проявляется индивидуальность дискурсивной личности в выборе языковых единиц в процессе порождения единиц лингвокреативности, а именно лингвокреативом в дискурсивном пространстве [5, с. 170]; [4, с. 251].

Нормированность языка обуславливается уже лингвокреативным потенциалом дискурсивного пространства, которое диктует правила модификации языковых единиц в процессе дискурсивной деятельности языковой личности. Исходя из этого можно сделать вывод, что лингвокреативность — это деятельность в определённом дискурсивном пространстве по трансформации, модификации узуальных конвенциональных языковых единиц в окказиональные лингвокреативы.

Если рассматривать «лингвокреативность как умение носителей языка использовать возможности языка в создании новых слов, трансформации значения имеющихся в языке слов и словосочетаний», то тогда прослеживается стратегия реализации «эмоционального или прагматического эффекта» [12, с. 119]. О прагматическом аспекте лингвокреативности заявляет и Е.С. Шилова [19, с. 112]. Таким образом, можно сделать вывод, что лингвокреативность является не только деятельностью, но и одной из стратегий речевой деятельности языковой личности в дискурсивном пространстве, которая направлена на ментальный и эмоциональный интеллект.

Исходя из вышеизложенного следует согласиться с Е.С. Сотниковой, которая рассматривает лингвокреативность как деятельность, как вид мышления и как речевую стратегию в различных дискурсах [18, с. 55]. Становится очевидным тот факт, что лингвокреативность представляет собой триаду: **МЫШЛЕНИЕ, СТРАТЕГИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** и проявляется в любом дискурсивном пространстве при порождении дискурса.

На эту тройственность природы лингвокреативности указывают также учёные О.М. Литвишко, Н.С. Руденко, Ю.П. Чалая, заявляя о том, что «исследование лингвистической креативности и средств её актуализации в различных типах дискурса базируется на её понимании как многогранного междисциплинарного феномена, включающего деятельностный, мыслительный и коммуникативный компоненты. Данный факт обуславливает разнообразие подходов к исследованию лингвокреативности, которые сфокусированы на различных аспектах и разнообразии её проявления» [12, с. 119].

Рассматривая лингвокреативность как мышление, стратегию и деятельность становится очевидной зависимость способов реализации лингвокреативности от компонента. Если толковать «лингвокреативность как деятельность, то в рамках данного вида деятельности происходят имя- и словотворчество, языковая игра и др. её проявления, т.е. отступление от языковых норм, употребление языковых единиц в несвойственных контекстах, дополняя семантику новыми оттенками и значениями» [12, с. 120]. Таким образом, лингвокреативность как деятельность реализуется на семантическом и лексическом уровне.

Если воспринимать «лингвокреативность как вид мышления разновидность словесного мышления, при которой человек реализует ассоциативный потенциал языкового знака, используя различные ассоциативные связи и довольствуясь существующими звуковыми комплексами» [12, с. 120], то лингвокреативность как мышление реализуется в дискурсивном пространстве через фонетический уровень и ассоциативный потенциал языка.

Если подходить к исследованию лингвокреативности как речевой стратегии, тогда следует понимать, что «целью стратегии является снижение предсказуемости текста, его содержательное обогащение; реализуется через метонимию, метафору, транспозицию, языковую игру и другие средства выразительности для создания неожиданных комбинаций [12, с. 120]. Соответственно, «лингвокреативность как речевая стратегия характерна в первую очередь для художественного дискурса» [3, с. 23]. В таком ракурсе стратегический компонент лингвокреативности проявляется преимущественно в художественном дискурсе, это обуславливает и её реализацию средствами выразительности.

Ю.Д. Апресян, исследуя языковые аномалии и их классификацию, указывает на такие способы реализации лингвокреативности, как фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические [1, с. 67].

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что при реализации лингвокреативности любая языковая единица может стать лингвокреативной.

Селекция и модификация лингвокреатива зависит от компонента лингвокреативности, дискурсивного пространства, дискурсивной личности. Таким образом, реализация лингвокреативности языковой личности в дискурсивном пространстве представляет собой творческую речевую деятельность, направленную на создание новых смыслов и языковых форм, адаптированных к конкретным коммуникативным ситуациям и культурным контекстам, что способствует формированию уникального языкового стиля и личностной идентичности через язык.

Лингвокреативность предстает перед нами как языкотворчество, словообразовательная изобретательность, речевая новация, стилистическая виртуозность и представляет собой не просто способность к генерации новых языковых форм, но и фундаментальный когнитивный процесс, позволяющий переосмысливать существующие структуры и значения. В её основе лежит умение видеть альтернативные способы выражения одной и той же идеи, выходя за рамки привычных шаблонов и клише.

Исследуя лингвокреативность, мы наблюдаем очевидную взаимосвязь дискурса, дискурсивного пространства и дискурсивной личности с этим явлением, поскольку именно дискурсивное пространство создает необходимые благоприятные условия для проявления лингвокреативности дискурсивной личности. Поскольку лингвокреативность проявляется в дискурсе, который порождает дискурсивная личность в дискурсивном пространстве, то мы наблюдаем, таким образом, языкотворчество в ментальном пространстве языковой личности в дискурсивной деятельности.

Следует также отметить и тот факт, что порождение и восприятие лингвокреатива индивидуально и обусловлено наличием одного языкового менталитета у дискурсивных личностей, вступивших в дискурсивное взаимодействие. Лингвокреативная дискурсивная личность способна критически оценивать существующие языковые конструкции, выявлять их недостатки или ограничения, а затем предлагать более точные, выразительные или эффективные альтернативы. Кроме того, дискурсивная личность способна к нормативному и ненормативному, прагматически обусловленному, порождению языковых новообразований в дискурсивном пространстве, что ни в коем случае не противоречит самой сущности лингвокреативности, а наоборот, указывает на индивидуализацию данного явления. В конечном итоге, лингвокреативность – это проявление интеллектуальной свободы, это возможность увидеть мир под новым углом, это голос индивидуальности, звучащий в унисон голосу языка. Это не просто способность, но и ответственность, возможность творить и преобразовывать, обогащая нашу культуру новыми формами и смыслами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)* / Под ред. Д.С. Лихачева. М., JL : Наука, 1990. С. 50–71.

2. Аристотель. Поэтика. Т. 4 / Аристотель ; [пер. с древнегреч. ; А. И. Доватура]. – М. : Мысль, 1984. 830 с.
3. Белоглазова Е.В., Сергаева Ю.В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсе // Вестник МГЛУ. Языкознание. 2016. №7 (746). С. 21–30.
4. Бондаренко С.Г., Алимуратов О.А., Горбунова М.А., Эржибова Ф.А. Феномен лингвокреативности как семантическое творчество // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. №4. С. 251–260.
5. Гермашева Т.М. Лингвокреативный дискурс: к постановке проблемы // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4 (24–25). С. 166–172.
6. Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное Жанроведение: устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 105–124.
7. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М. : Гнозис, 2017. 752 с.
8. Зыкова И.В., Киосе М.И. Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вестник НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, №3. С. 5–19.
9. Копнина Г. А., Сковородников А. П. Стилистика креатива и эколингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). Ч. 1. С. 101–104.
10. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст.: сб. статей к 70- летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М. : Языки славянских культур, 2005. С. 23–33.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева ; редакционная коллегия: Н. Д. Арутюнова [и др.]. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
11. Литвишко О.М., Руденко Н.С., Чалая Ю.П. Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы // Лингвокоммуникативные исследования: инновации и креативность. 2022. № 1. С. 117–130.
12. Мерло-Понти, Морис. Феноменология восприятия / Морис Мерло-Понти; Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. 605 с.
13. Нагорная А.В. Грани и границы лингвокреативности: языковые эксперименты Стивена Кинга. М. : ЛЕНАНД, 2019. 312 с.
14. Новосад? К.Ю., Юрина Е.А. Феномен лингвокреативности и его реализация в дискурсе СМИ Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 7. С. 2445-2451
15. Плотникова, С.Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister dixit. 2011. №2. С. 152 – 158.

16. Плотникова, С.Н., Домышева, С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика. 2009. №1(27). С. 105–110.

17. Сотникова, Е.С. Лингвокреативность в дискурсе социальной рекламы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 2. С. 54–64.

18. Шилова, Е.С. Языковые средства реализации лингвокреативности в коммуникативном пространстве интернет дискурса // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 102. № 1 С. 111–116.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. (1990). Yazykovye anomalii: tipy i funkicii [Language anomalies: types and functions] in Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya. Pamyati akademika Georgiya Vladimirovicha Stepanova (1919–1986) [Res Philologica: Philological research. In memory of Academician Georgy Vladimirovich Stepanov (1919–1986)]. M., L. : Nauka. Pp. 50–71 (In Russian).

2. Aristotel'. (1984). Poehtika [Poetics.]. Vol. 4. Moscow : Mysl', 830 p. (In Russian).

3. Beloglazova E.V., Sergaeva YU.V. (2016) Lingvokreativnost' v khudozhestvennom i nauchnom diskurse» [Linguocreativity in artistic and scientific discourse] in Vestnik MGLU. Yazykoznanie [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Linguistics.]. No. 7 (746). Pp. 21–30 (In Russian).

4. Bondarenko S.G., Alimuradov O.A., Gorbunova M.A., Ehrzhibova F.A. (2021). Fenomen lingvokreativnosti kak semanticheskoe tvorchestvo [The phenomenon of linguocreativity as semantic creativity] in Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Pyatigorsk State University]. No 4. Pp. 251–260 (In Russian).

5. Germasheva T.M. (2016). Lingvokreativnyj diskurs: k postanovke problemy [Linguocreative discourse: to the formulation of the problem] in Diskurs-Pi [Discourse-Pi]. No. 3–4 (24–25). Pp. 166–172 (In Russian).

6. Goroshko E.I., Zhigalina E.A. (2011). Virtual'noe Zhanrovedenie: ustoyavsheesya i spornoe [Virtual Genre Studies: established and controversial] in Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Social'nye kommunikacii [Scientific notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky. Series: Philology. Social communications.]. Vol. 24 (63). No 1. pt. 1. Pp. 105–124 (In Russian).

7. Zyкова I.V. (2017). Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty [Metayazyk linguoculturology: constants and variants]. M: Gnozis, 752 p. (In Russian).

8. Zyкова I.V., Kiose M.I. (2021). Kreativnye vozmozhnosti frazeologii v kontrastivnom rakurse: kinodiskurs vs diskurs detskoj literatury [Creative possibilities of phraseology in a contrasting perspective: film discourse vs discourse of children's literature] in Vestnik NGU. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of NSU. Linguistics and intercultural communication]. Vol. 19, No. Pp. 5–19 (In Russian).

9. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. (2014). Stilistika kreativa i ehkolingvistika: točki soprikosnoveniya [Stylistics of creativity and ecolinguistics: points of contact] in *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. No. 8 (38). pt. 1. Pp. 101–104 (In Russian).
10. Kubryakova E.S. (2005). O termine «diskurs» i stoyashchej za nim strukture znaniya [About the term “discourse” and the structure of knowledge behind it] [Yazyk. Lichnost'. Tekst.: sb. statej k 70- letiyu T.M. Nikolaevoj] otv. red. V.N. Toporov. M: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Pp. 23–33 (In Russian).
11. Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovar' (1990). [Linguistic encyclopedic dictionary] [glavnyj redaktor V. N. Yarceva; redakcionnaya kollegiya: N. D. Arutyunova [i dr.]. Moskow : Sovetskaya ehnciklopediya, 682 p. (In Russian).
12. Litvishko O.M., Rudenko N.S., Chalaya YU.P. (2022). Lingvokreativnost' v diskurse ehlektronnykh SMI: sredstva i metody [Linguocreativeness in the discourse of electronic media: means and methods] in *Lingvokommunikativnye issledovaniya: innovacii i kreativnost* [Linguocommunicative research: innovation and creativity]. No 1. Pp. 117–130. (In Russian).
13. Merleau-Ponty, Maurice (1999). Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of Perception] [Merleau-Ponty, Maurice; Per. s fr. pod red. I. S. Vdovinoj, S. L. Fokina]. SPb. : Yuventa: Nauka. 605 p. (In Russian).
14. Nagornaya A.V. (2019) Grani i granicy lingvokreativnosti: yazykovye ehksperimenty Stivena Kinga [Facets and boundaries of linguocreativity: language experiments by Stephen King]. M.: LENAND. 312 p. (In Russian).
15. Novosad K.YU., Yurina E.A. (2024). Fenomen lingvokreativnosti i ego realizaciya v diskurse SMI [The phenomenon of linguocreativity and its implementation in the media discourse] in *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Vol. 17. Issue 7. Pp. 2445–2451. (In Russian).
16. Plotnikova S.N. (2011). Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya [Discursive space: to the problem of defining the concept] in *Nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister dixit* [Scientific and Pedagogical Journal of Eastern Siberia Magister dixit]. No. 2. Pp. 152–158. (In Russian).
17. Plotnikova S.N., Domyшева S.A. (2009). Politicheskoe diskursivnoe prostranstvo: principy strukturirovaniya [Political discursive space: principles of structuring] in *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. No. 1(27). Pp. 105–110. (In Russian).
18. Sotnikova E.S. (2019). Lingvokreativnost' v diskurse social'noj reklamy [Linguocreativity in the discourse of social advertising] in *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [Bulletin of PNIPU. Problems of linguistics and pedagogy]. No. 2. Pp. 54–64 (In Russian).
19. Shilova E.S. (2024). Yazykovye sredstva realizacii lingvokreativnosti v kommunikativnom prostranstve internet diskursa [Language means of implementing linguistic creativity in the communicative space of Internet discourse] in *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and social sciences]. Vol. 102. No. 1. Pp. 111–116 (In Russian).

**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФЭНТЕЗИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ХРОНИКИ НАРНИИ»
К.С. ЛЬЮИСА)**

Мельникова Алина Михайловна
аспирант кафедры английской филологии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
(г. Горловка, Россия)
dti-melnikova@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается жанровая специфика фэнтези в английском художественном тексте. Целью исследования является выявление характерных жанрообразующих аспектов в фэнтезийном произведении «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса. В ходе исследования произведен анализ двух повестей фэнтезийного цикла «Лев, колдунья и платяной шкаф» и «Принц Каспиан: возвращение в Нарнию» на наличие жанрообразующих признаков. В результате исследования выявлены характерные жанрообразующие черты фэнтези в произведении. Установлено, что свойства жанра выявляют авторские установки. Данная статья позволяет шире взглянуть на взаимодействие жанровых характеристик и их влияние на формирование восприятия читателя.

Ключевые слова: жанр фэнтези, жанрообразующие черты, свойства жанра, английский художественный текст.

**SPECIFICS OF FANTASY GENRE
(BASED ON THE FANTASY CYCLE BY C.S. LEWIS “NARNIA CHRONICLES”)**

Melnikova Alina Mikhailovna
Postgraduate Student of the Department of the English Philology
of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov”
(Gorlovka, Russia)
dti-melnikova@mail.ru

The article studies the genre specifics of fantasy in English fiction. The purpose of the research is to identify characteristic genre-forming aspects in the fantasy cycle *Chronicles of Narnia* by K.S. Lewis. Within the research the analysis of the both fantastic stories *The Lion, the Witch and the Wardrobe* and *Prince Caspian: the Return to Narnia* was performed. As a result, characteristic genre-forming features of fantasy in the literary work were revealed. It has been established that the properties of the genre reveal the author's intentions. The article presents a broader look at the interaction of genre characteristics within a literary work and its influence on the process of forming reader's perception.

Keywords: fantasy genre, genre-forming features, genre characteristics, English literary text.

Для цитирования: Мельникова А. М. Жанровое своеобразие фэнтези (на материале произведения «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса) // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 220-229. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-220-229

Основываясь на многочисленных русскоязычных и зарубежных подходах к изучению понятия жанр, можно назвать эту литературоведческую категорию универсальной и многофункциональной. Жанр является идеальной структурой, единицей живого литературного процесса. По мнению И.К. Кудрявцевой, данная категория представляет собой целостность, которая возникла на границе взаимодействия автора, произведения и читателя [4].

В литературоведении существует ряд исследований, в которых разрабатываются вопросы относительно становления и развития фантастической литературы и её жанровых разновидностей. Отдельное внимание уделяется научно-фантастическому и фэнтезийному направлениям [3].

Следует отметить, что фантастика существует не только как жанр, но и как художественный прием. Фантастический жанр определяет целое литературное произведение, а фантастика как приём используется в различных литературных жанрах [5].

Фэнтези образовался в XX веке как жанр фантастической литературы. Дискуссии о том, что именно можно назвать фэнтези, ведутся до сих пор. Фэнтези (англ. *fantasy* «фантазия») – вид фантастической литературы, или литературы о необычном, основанной на сюжетном допущении иррационального характера. Это допущение не имеет логической мотивации в тексте, предполагая существование фактов и явлений, не поддающихся, в отличие от научной фантастики, рациональному объяснению [1].

Алекс Ллойд, выдающийся писатель-фантаст, считал, что фэнтези – это не способ избежать реальность, а скорее инструмент, чтобы понять и принять ее. Более того этот жанр расширяет наши познавательные способности, позволяет проникнуть в различные творческие сферы и постигнуть альтернативные реальности, открывает возможность исследовать новые идеи, которые трудно в полной мере постичь и осознать с точки зрения привычной реальности. При взаимодействии с жанром фэнтези, обостряется способность постигать и интерпретировать мир, приобретает более глубокое понимание окружающей действительности [7].

По мнению К.В. Мельновой, фэнтези – жанр массовой литературы, появившийся благодаря слиянию легенд, мифов и сказок разных народов в начале XX века [6]. По мнению С. Шмидт, всё, что по какой-то причине не согласуется с реальностью нашего мира, попадает в сферу фантастики: это волшебники и ведьмы, мифические существа всех видов, разумные, одаренные языком расы, культуры и языки, не существующие в нашем мире [10, с. 125]. А.В. Демина называет фэнтези феноменом культуры. Феномен фэнтези заключается в том, что он не просто жанр литературы, а своеобразная культурная система, функционирующая по собственным законам и обладающая оригинальной философией [2].

Стоит отметить, что «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса уникальное произведение, представляющее собой симбиоз различных литературных жанров, среди которых библейский миф, сказка и фэнтези. Введение таких незаурядных персонажей как волшебники и ведьмы, мифические существа в виде кентавров,

фавнов, великанов и карликов, культуры и языки, не существующие в привычном мире, являются характерной особенностью данного художественного произведения.

В ходе предварительного анализа повестей «Лев, колдунья и платяной шкаф» и «Принц Каспиан: возвращение в Нарнию» предстоит выявить жанровые особенности в английском художественном тексте.

Ключевыми задачами в рамках заявленной темы являются следующие: 1) выяснить в чем заключается жанровая специфика фэнтези; 2) установить, как проявляется жанровое своеобразие в рамках анализируемого произведения.

Необходимо отметить, что художественный текст отличается от других видов текста рядом свойств, среди которых: эстетическая функция, поливариантность восприятия и повествование о несуществующих событиях. Однако, кроме вышеперечисленных свойств, текст жанра фэнтези имеет свои собственные специфические особенности: вымышленный мир, авантурный сюжет, борьба добра и зла, свобода автора, роль судьбы и особенности языка.

Существуют различные классификации отечественных (Е.А. Афанасьева, С.В. Алексеев, А.В. Бровина, О.К. Яковенко, М.А. Галкина, А.А. Мостепанов и др.) и зарубежных исследователей (Р. Шидфар, Кеннет Дж. Захорски, Р. Бойер, М. Штейнман и др.), согласно которым выделяют ряд устойчивых жанрообразующих признаков для произведений фэнтези.

Наглядно представим обобщенный список характерных жанрообразующих черт фэнтезийной литературы, отражающий истинную природу жанра независимо от его типологии (эпическое фэнтези, темное фэнтези, городское фэнтези, героическое фэнтези, гибридное фэнтези, высокое фэнтези, низкое фэнтези и т.д., и т.п.), проиллюстрировав примерами.

1. Фэнтези содержит фрагменты мифов, фольклора, оккультно-мистических учений, органично перемешивает их, реинтерпретирует и является продуктом успешного синтеза, перенявшим нужный колорит.

*“An hour later two great lords in the army of Miraz, the Lord Glozelle and the Lord Sopespian, strolling along their lines and picking their teeth after breakfast, looked up and saw coming down to them from the wood **the Centaur and Giant Wimbleweather**, whom they had seen before in battle”* [9, с.190].

В представленном фрагменте присутствуют мифические персонажи, такие как кентавр и великан. Ценность данных персонажей в повествовании обозначена тем, что их имена пишутся с заглавной буквы, подобно человеческим.

*“It means,” said Aslan, “that though the Witch knew the Deep Magic, there is a magic deeper still which she did not know: Her knowledge goes back only to the dawn of time. But if she could have looked a little further back, into the stillness and the darkness before Time dawned, she would have read there a different incantation. **She would have known that when a willing victim who had committed no treachery was killed in a traitor’s stead, the Table would crack and Death itself would start working backwards...**”* [8, с. 178-179].

В данном отрывке выделим аллюзию к библейским событиям – напоминание читателю о воскрешении Христа. По сюжету повести Аслан приносит себя в жертву ради спасения Эдмунда Певенси, и, будучи невинным, воскресает из мертвых.

2. Жанр обладает высокой степенью фантастичности, иррационален и включает в свою ткань магию.

*“They had been just as surprised as Edmund when **they saw the winter vanishing and the whole wood passing in a few hours or so from January to May.** They hadn’t even known for certain that this was what would happen when Aslan came to Narnia. But they all knew that it was her spells which had produced the endless winter; and therefore **they all knew when this magic spring began that something had gone wrong, and badly wrong, with the Witch’s schemes.**”* [8, с. 136].

В отрывке наблюдаем расколдованную Нарнию, победу Добра над Злом. Силы природы оживают, власть возвращается к доброму правителю.

*“A blaze sprang up and Caspian almost screamed with the shock as the sudden light revealed the face that was looking into his own. **It was not a man’s face but a badger’s, though larger and friendlier and more intelligent than the face of any badger he had seen before. And it had certainly been talking.**”* [9, с. 67-69].

Введение в повествование таких персонажей, как говорящие животные, свидетельствует об особенностях жанра фэнтези.

*“The Queen let another drop fall from her bottle onto the snow, and instantly there appeared a round box, tied with green silk ribbon, which, when opened, turned out to contain several pounds of the best **Turkish Delight.** Each peace was sweet and light to the very center and Edmund had never tasted anything more delicious.”* [8, с. 38].

В повести выделим наличие атрибутов, посредством которых происходит волшебство. В данном случае Белая Колдунья пытается одурачить Эдмунда Певенси при помощи магии, заставляя его дать обещание, о котором он пожалеет и которое впоследствии приведет к тяжелым последствиям в судьбе главных героев истории.

*“At a well in a yard they met a man who was beating a boy. **The stick burst into flower in the man’s hand.** He tried to drop it, but it stuck to his hand. **His arm became a branch, his body the trunk of a tree, his feet took root.** The boy, who had been crying a moment before, burst out laughing and joined them.”* [9, с. 214-215].

Отметим присутствие магии, победу добра над злом, торжество Аслана над Миразом, снятие злых чар с обитателей Нарнии.

3. Фэнтези характеризуется созданием полнокровного «иногo» мира, который открывается во время знакомства с произведением и воспринимается как изначально существовавший.

*“A moment later she found that she was standing in the middle of a wood at night-time with snow under her feet and snowflakes falling through the air. Lucy felt a little frightened, but she felt very inquisitive and excited as well. She looked back over her shoulder and there, between the dark tree trunks; **she could still see the open doorway of the wardrobe and even catch a glimpse of the empty***

room from which she had set out. (She had, of course, left the door open, for she knew that it is a very silly thing to shut oneself into a wardrobe.) [8, с. 7].

Перед читателем предстает волшебный мир Нарнии, который, как выяснилось, всегда существовал по ту сторону шкафа в доме профессора.

“After that came a moment which is hard to describe, for the children seemed to be seeing three things at once. One was the mouth of a cave opening into the glaring green and blue of an island in the Pacific, where all the Telmarines would find themselves the moment they were through the Door. The second was a glade in Narnia, the faces of Dwarfs and Beasts, the deep eyes of Aslan, and the white patches on the Badger's cheeks. But the third (which rapidly swallowed up the other two) was the grey, gravelly surface of a platform in a country station, and a seat with luggage round it, where they were all sitting as if they had never moved from it – a little flat and dreary for a moment after all they; had been through, but also, unexpectedly, nice in its own way, what with the familiar railway smell and the English sky and the summer term before them.” [9, с. 236-238].

Выдержка отображает нахождение детей Певенси в трёх параллельно существующих мирах одновременно, стадию перехода и завершение очередного этапа трансформации личностей героев в повествовании. Возвращение в Англию – мир привычный и ощущаемый героями иначе одновременно в связи с пережитыми событиями – всё это стало завершающей точкой, замкнувшей круг событий. Главные персонажи вернулись в точности в то место, откуда и начались их приключения. Автор указывает на важность баланса между естественным и сверхъестественным в жизни человека, а именно баланса между миром материи и духа.

4. Произведение жанра фэнтези подразумевает наличие героев и антигероев, которых полюбит или подвергнет осуждению целевая аудитория.

“I’m a kidnapper for her, that’s what I am. Look at me, Daughter of Eve. Would you believe that I’m the sort of Faun to meet a poor innocent child in the wood, one that had never done me any harm, and pretend to be friendly with it, and invite it home to my cave, all for the sake of lulling it asleep and then handing it over to the White Witch?” [8, с. 20].

Фавн Тамнус – герой, который стоял перед сложным выбором. Однако, он не поменял свой статус и сохранил образ положительного персонажа. Вместо того, чтобы выдать Люси Певенси Белой Колдунье, фавн спасает её от печальной участи. Образ данного героя олицетворяет борьбу двух начал: доброго и злого.

“Stop it. And never let me catch you talking – or thinking either – about all those silly stories again. There never were those Kings and Queens. How could there be two Kings at the same time? And there is no such person as Aslan. And there are no such things as lions. And there never was a time when animals could talk. Do you hear?” [9, с. 44].

Гневный монолог Мираза указывает на отрицательный статус персонажа. Обманом захватив власть, он пытается ввести племянника – законного наследника власти – в заблуждение о том, что Нарнии и её обитателей не существует.

5. Жанр фэнтези подразумевает наличие квестов и загадок (герои избираются высшими силами для выполнения определенной миссии).

“The Robbin appeared to understand the matter thoroughly. It kept going from tree to tree, always a few yards ahead of them, but always so near that they could easily follow it.” [8, с. 67].

“We are following a guide we know nothing about. How do we know which side that bird is on? Why shouldn’t it be leading us into a trap?” [8, с. 67].

Дети Певенси вынуждены были следовать за необычным проводником, впервые попав в сказочную Нарнию. Малиновка прокладывала героям маршрут. Важно отметить, что выбор птицы малиновки в начале пути английских подростков – образ неслучайный, поскольку во многих культурах мира она – символ надежды, новых начинаний и возможностей. Данный персонаж был добрым предвестником будущих событий, которые ожидали детей впереди.

“All said and done,” he muttered, “none of us knows the truth about the ancient days in Narnia. Trumpkin believed none of the stories. I was ready to put them to the trial. We tried first the Horn and it has failed. If there ever was a High King Peter and a Queen Susan and a King Edmund and a Queen Lucy, then either they have not heard us, or they cannot come, or they are our enemies –” [9, с. 177].

Персонажам предстояло разгадать загадку волшебного горна, который по преданию должен был призвать на помощь истинных правителей Нарнии.

6. Жанр удовлетворяет потребность в эскапизме, существует вне времени и сохраняет ощущение ностальгии по недостижимому.

“And when Lucy was tired of eating the Faun began to talk. He had wonderful tales to tell of life in the forest. He told about the midnight dances and how the Nymphs who lived in the wells and the Dryads who lived in the trees came out to dance with the Fauns; about long hunting parties after the milk-white stag who could give you wishes if you caught him; about feasting and treasure-seeking with the wild Red Dwarfs in deep mines and caverns far beneath the forest floor; and then about summer when the woods were green and old Silenus on his fat donkey would come to visit them, and sometimes Bacchus himself, and then the streams would run with wine instead of water and the whole forest would give itself up to jollification for weeks on end.” [8, с. 16-17].

Фавн Тамнус ностальгирует о старых добрых временах, когда в Нарнии была весна и все жители находились в мире и гармонии друг с другом, они были счастливы. Наблюдаем аллюзию к библейскому Раю.

“Oh, don’t you know, Uncle?” said Caspian. “When everything was quite different. When all the animals could talk, and there were nice people who lived in the streams and the trees. Naiads and Dryads they were called. And there were Dwarfs. And there were lovely little Fauns in all the woods. They had feet like goats. And –” [9, с. 42-43].

Принц Каспиан, один из главных персонажей произведения, напоминает дяде о давних временах, когда мир был добрее, его обитатели были ближе к природе, считали её своим единственным домом, чувствовали её и её обитателей, разделяли их горести и радости, а главное не причиняли друг другу вреда и жили в мире. Аллюзия к библейскому Раю со стороны автора посредством речевой

партии героя указывает на попытку писателя вступить в незримый диалог с читателем. Простота изложения хранит глубокие философские смыслы, которые могут стать доступными внимательному читателю.

7. Фэнтези может содержать мотивы, смыслы и сюжеты, интересующие как подростка, так и взрослого человека.

“Logic!” said the Professor half to himself. “Why don’t they teach logic at these schools? There are only three possibilities. Either your sister is telling lies, or she is mad, or she is telling the truth. You know she doesn’t tell lies and it is obvious that she is not mad for the moment then and unless any further evidence turns up, we must assume that she is telling the truth.” [8, с. 52].

Автор поднимает тему доверия через образ профессора Кёрка. Рассуждения пожилого профессора, приютившего детей Певенси в своем доме во время житейских тягот, напоминают о значении доверия по отношению к близким.

“It’s a terrible thing to have to wake four people, all older than yourself and all very tired, for the purpose of telling them something they probably won’t believe and making them do something they certainly won’t like” [9, с. 151].

Автор поднимает проблему «быть понятым».

8. Произведения жанра фэнтези содержат внешние, не структурные признаки средневекового антуража, и персонажи отдают предпочтение старинным артефактам.

*“But next day was more solemn. For then in the Great Hall of Cair Paravel — that wonderful hall with **the ivory roof** and the west hall hung with **peacocks feathers** and the eastern door which looks towards the sea, in the presence of all their friends and to **the sound of trumpets**, Aslan solemnly crowned them ...”* [8, с. 199].

В данном отрывке обнаруживаем средневековые артефакты, среди которых детали убранства интерьера замка (*the ivory roof, the peacocks feathers*), бытовая деталь в виде старинного музыкального инструмента (*the trumpet*), а также сам ритуал коронации дают отсылку к Средневековью.

*“Next, Peter took down his gift – **the shield** with the great red lion on it, and the royal sword. He blew, and rapped them on the floor, to get off the dust. He fitted **the shield** on his arm and slung **the sword** by his side. He was afraid at first that it might be rusty and stick to **the sheath**. But it was not so. With one swift motion he drew it and held it up, shining in **the torchlight**”* [9, с. 28].

Наличие таких средневековых артефактов как военная амуниция (*the shield, the sword, the sheath*), предметы быта (*the torchlight*) также дают отсылку к Средневековью.

9. Для жанра фэнтези характерна свобода авторского замысла. Любое событие может объясняться посредством магии или вовсе остаться без объяснения.

“So these Kings and Queens entered the thicket, and before they had gone a score of paces they all remembered that the thing they had seen was called a lamp-post, and before they had gone twenty more they noticed that they were making their

way not through branches, but through coats. And next moment they all came tumbling out of a wardrobe door into the empty room, and they were no longer Kings and Queens...” [8, с. 205].

Автор перемещает подростков из сказочной Нарнии назад в Англию. Это происходит именно в тот момент, когда их основная миссия в волшебной стране завершена. Дети Певенси снова попадают в сказочный мир с помощью волшебства.

“Next moment the luggage, the seat, the platform, and the station had completely vanished. The four children, holding hands and panting, found themselves standing in a woody place — such a woody place that branches were sticking into them and there was hardly room to move. They all rubbed their eyes and took a deep breath” [9, с. 3].

Дети Певенси снова попадают в сказочный мир с помощью волшебства.

Таким образом, все обозначенные доминантные аспекты жанра фэнтези находят непосредственное отражение в повестях цикла «Хроники Нарнии»: «Лев, колдунья и платяной шкаф» и «Принц Каспиан: возвращение в Нарнию». Выдержки наглядно демонстрируют, как проявляют себя все перечисленные особенности жанра непосредственно в произведении.

В ходе предварительного теоретического и практического анализа, удалось установить, что фэнтези как жанру присущи следующие характерные черты: мифологичность, религиозность, психологизм, антропоцентризм, юмор, игра слов, бытовые детали. Фэнтези является современной действующей литературной силой и обладает следующими свойствами: 1) трансформирует реальность в художественную действительность – иррациональную, изменчивую, противоречивую (создание вторичных реальностей свидетельствует о наличии различных уровней прочтения, несет духовное послание в массы, растворившееся в произведении и одновременно структурирующее его); 2) имеет текстовую амбивалентность (такой текст способствует созданию новых моделей, участвуя таким образом в процессе изменения литературных норм; тексты такого рода также впоследствии сами становятся нормой, образцом, моделью и рассматриваются в качестве основоположников нового периода в литературе); 3) коммуницирует с читателем (посредством выразительных сюжетных линий и разноплановых образов персонажей предлагает решение морально-философских и социальных вопросов).

Исследование подтверждает тот факт, что английский художественный текст всё чаще рассматривается в качестве лингвистического явления. В настоящее время тексты этого жанра в основном находятся в центре внимания исследователей в области когнитивной лингвистики, междисциплинарных лингвистических и культурологических исследований и стилистики.

В результате анализа произведения жанра фэнтези были выявлены его стилистические особенности. Таким образом, мы определили, что авторы произведений жанра фэнтези используют разнообразные стилистические средства для создания наиболее правдоподобных и ярких вторичных миров и

персонажей, участвующих в сюжетах произведений. Выразительные средства и стилистические приемы, используемые в фантастических текстах, соотносятся с описываемыми объектами. Можно выделить три основных составляющих – семантических поля, – в рамках которых реализуются стилистические особенности текста фэнтези: персонажи, хронотоп и магия.

Перспективой дальнейшего исследования может стать выявление влияния жанровой специфики на создание образов персонажей фэнтези в английском художественном тексте «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса и определить ее роль в выборе средств для последующего формирования и развития образов персонажей фэнтезийного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гопман, В. Л. Фэнтези / В. Л. Гопман // Краткая литературная энциклопедия терминов и понятий/ по ред. А. М. Николукина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 1161–1164.

2. Демина, А. В. Феномен фэнтези: определения и истоки / А. В. Демина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 1(30). – С. 326–331.

3. Кабанова, Н. Е. К вопросу о жанровых особенностях фантастической литературы / Н. Е. Кабанова, М. О. Селиверстова // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 5. – С. 251–258.

4. Кудрявцева, И. К. Методологические проблемы теории жанра / И. К. Кудрявцева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2011. – №2. – С. 60–69.

5. Коробейникова, Ю. С. О фантастике и фантастической литературе / Ю. С. Коробейникова // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6(97). – С. 507–509.

6. Мельнова, К. В. Анализ типов героев в фэнтези литературе / К. В. Мельнова, Ж. К. Нурманова // Научный журнал КЕРУЕН. – 2023. – Т. 81. – № 4. – С. 142–152.

7. Fimi, D. Lloyd Alexander's The Chronicles of Prydain: Building Fantasy upon Forgery / D. Fimi // In: Celtic Myth in Contemporary Children's Fantasy. Critical Approaches to Children's Literature. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 115–156.

8. Lewis, C. S. The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe / C. S. Lewis. – London: HarperCollins Publishers, 2002. – 206 p.

9. Lewis, C. S. The Chronicles of Narnia: Prince Caspian. The Return to Narnia / C. S. Lewis. – London: HarperCollins Publishers, 2002. – 238 p.

10. Schmid, S. Writing Science Fiction and Fantasy / S. Schmid. – New York: St. Martin's Griffin, 1993. – 264 p.

REFERENCES

1. Gopman V. L. (2001). Kratkaja literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij [Fjentezi] [Brief literary encyclopedia of terms and concepts [Fantasy]]. Moscow.: NPK «Intelvak», P.1161–1164 (In Russian).

2. Demina A. V. (2012). Fenomen fjentezi: opredelenija i istoki [The phenomenon of fantasy: definitions and origins] in Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economics, culture]. No.1 (30). Pp. 326–331 (In Russian).
3. Kabanova N. E., Seliverstova M. O. (2020) K voprosu o zhanrovyh osobennostjah fantasticheskoy literatury [On the question of the genre features of fantastic literature] in Gumanitarnyj nauchnyj vestnik [Humanitarian Scientific Bulletin]. No. 5. Pp. 251–258 (In Russian).
4. Kudrjavceva I. K. (2011). Metodologicheskie problemy teorii zhanra [Methodological problems of genre theory] in Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities]. No. 2. Serija A. Gumanitarnye nauki. Pp. 60–69. (In Russian).
5. Korobejnikova Ju. S. (2022). O fantastike i fantasticheskoy literature [On science fiction and fantastic literature] in MNKO [The World of Science, Culture, Education]. No. 6 (97). Pp. 507–509 (In Russian).
6. Mel'nova K. V., Nurmanova Zh. K. (2023). Analiz tipov geroev v fjentezi literature [Analysis of types of heroes in fantasy literature] in [Scientific journal KERUEN]. Vol. 81. No.4: KERUEN. Pp. 142–152. (In Russian).
7. Fimi D. (2017). Lloyd Alexander's The Chronicles of Prydain: Building Fantasy upon Forgery. In: Celtic Myth in Contemporary Children's Fantasy. Critical Approaches to Children's Literature. London: Palgrave Macmillan. Pp. 115–156.
8. Lewis C. S. (2002). The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe. London : HarperCollins Publishers. 206 p.
9. Lewis C. S. (2002). The Chronicles of Narnia: Prine Caspian. The Return to Narnia. London : HarperCollins Publishers. 238 p.
10. Schmid S. (1993). Writing Science Fiction and Fantasy. New York: St. Martin's Griffin, 264 p.

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДОНБАССКОГО РЕГИОЛЕКТА

Теслина Анастасия Сергеевна

аспирант кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин

ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств

имени Михаила Матусовского»

(г. Луганск, Россия)

matskievich1993@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению языковых особенностей донбасского региолекта в творчестве В. Титова. На материале произведений «Всем смертям назло...» и «Грезы старого парка» проведен многоуровневый анализ, включающий исследования лексики, фразеологии и грамматических особенностей языка автора. Активное использование просторечных элементов отражает аспекты повседневного общения жителей, а профессиональные жаргонизмы указывают на индустриальную специфику Донбасса. Применение авторских фразеологизмов выступает средством передачи культурно-исторического контекста и эмоционального колорита героев произведений. В работе подчеркивается, что произведения В. Титова выступают не только средством сохранения уникальных языковых черт, но и инструментом актуализации локальных лингвистических явлений в культурном пространстве Донбасса.

Ключевые слова: региолект, лексическая единица, просторечие, профессионализм, профессиональный жаргонизм.

THE LANGUAGE OF VLADISLAV TITOV'S WORKS AS A COMPONENT OF THE DONBASS REGIOLECT

Teslina Anastasia Sergeevna

Postgraduate Student of the Department of the Russian Philology and Social and Humanitarian

Disciplines of FSBEI HE "Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail

Matusovsky"

(Lugansk, Russia)

matskievich1993@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the study of the linguistic features of the Donbass region in the works by V. Titov. Based on the works *Vsem Smertyam Nazlo* and *Gryozy Starogo Parka*, a multilevel analysis was carried out, including studies of vocabulary, phraseology and grammatical features of the author's language. The active use of vernacular elements reflects aspects of everyday communication among residents, and professional jargon points to the industrial specifics of Donbass. The use of author's phraseological units is a means of conveying the cultural and historical context and emotional flavour of the characters in the works. The article emphasizes that Titov's works are not only a means of preserving unique linguistic features, but also a tool for updating local linguistic phenomena in the cultural space of Donbass.

Keywords: regiolect, lexical unit, vernacular, professionalism, professional jargon.

Для цитирования: Теслина А. С. Язык произведений Владислава Титова как составляющая донбасского региолекта // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. –

Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 230-242. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-230-242

Изучение языковых явлений, характерных для определенных регионов, представляет собой важную область лингвистики, которая позволяет не только углубить понимание языковых структур, но и осветить культурные, исторические и социальные аспекты жизни людей, говорящих на этих языках или диалектах. В этом контексте особое внимание заслуживает донбасский региолект, который формировался на протяжении многих лет под влиянием различных факторов, включая миграцию населения, экономические изменения и культурные взаимодействия.

Понятие «региолект» было введено в российскую науку В. Трубинским. Наиболее выдающиеся исследования были проведены А. Гердом, обосновавшим необходимость выделения данного термина. По мнению ученого, «выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории» [2, с. 13]. Также стоит отметить, что на протяжении долгого времени маркированная речь определенного региона не выделялась из его диалекта. Но именно А. Герд заявил о том, что «на смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [3, с. 23–24].

Донбасский региолект представляет собой явление, отражающее богатство и разнообразие языковой культуры нашего региона. Это языковое проявление, отличающееся характерными лексическими, фонетическими и грамматическими особенностями, что делает его предметом интереса для лингвистов, социологов и культурологов. Важно отметить, что в произведениях В. Титова можно выделить значительное количество самобытных слов и выражений, находящихся в обиходе местных жителей. Это лексическое разнообразие представляет собой своего рода культурный слой, который можно анализировать в контексте социолингвистики и культурной идентичности Донбасса [6, с. 13].

Изучение лексического фонда произведений В. Титова представляет обширные возможности для понимания особенностей донбасского региолекта. Писатель не только отражает жизнь региона, но и создает уникальную языковую среду, которая способна осветить специфические черты преобразования и адаптации русского языка в условиях поликультурного общества Донбасса.

Ключевыми для исследования лексического фонда являются профессионализмы, жаргонизмы и просторечия, которые В. Титов использует, создавая панораму реальности своего региона. Эти слова не только являются частью языка, но и несут в себе историческую и культурную память. Лексические единицы, содержащиеся в текстах В. Титова, можно классифицировать как маркеры идентичности, которые подчеркивают уникальность языка Донбасса.

Цель работы – проанализировать язык произведений В. Титова как составляющую донбасского региолекта. Объектом исследования выступает лексический фонд произведений В. Титова, исследуемый как маркер культурной, социальной и исторической идентичности Донбасса, предметом – реализация региолектных особенностей на разных языковых уровнях в текстах произведений.

Реализацию региолекта в произведениях В. Титова рассмотрим на разных уровнях языка: лексическом, грамматическом и фразеологическом.

1. Лексический уровень. Исследования разговорной либо живой речи горожан берут свое начало во второй половине XX века, когда группа ученых под руководством В. Винокура обосновала кардинально новое понимание этого лингвистического термина. Они представили разговорную речь как исключительный вид национального языка. Так, М. Панов отмечал, что «разговорная речь – не свалка неправильных форм, синтаксических конструкций, сниженной лексики и окказионализмов, а особая подсистема русского языка, которой владеют и пользуются в повседневном общении носители его литературного варианта» [13, с. 47].

Повседневная неофициальная речь выступает неотъемлемой частью повестей и рассказов В. Титова, которые пронизаны диалогами героев произведений. Просторечия, используемые автором в текстах своих творений, несут больше эмоциональную, нежели литературную составляющую, примерами могут служить следующие фрагменты. Из диалога главной героини и медсестры из повести «Всем смертям назло»:

– *Дуры мы, бабы! Набитые дуры!* – зло говорила раскрасневшаяся медсестра из соседнего терапевтического отделения. – Думаешь, случись что с тобой, он бы метался так? *Дудки!* Он бы проведать не пришел!

– Зачем так говорить о человеке, не зная его? – возразила Таня.

– *Погоди, узнаешь, бабонька! Выздоровеет, он тебе покажет! Знаем мы таких!* [14, с. 62].

Дура – это разговорное бранное слово, означающее ‘глупая женщина’ [12]. Т. Ефремова относит это слово к просторечиям и толкует его как ‘несообразительная, глупая женщина, девушка, девочка’ [9]. *Набитая дура* – выражение, которое нередко встречается в повседневной жизни, где слово *набитая* употребляется для гиперболизации негатива в отношении поступков, решений или умозаключений человека.

Баба – слово, которое пришло во взрослый русский язык из детского, а образовалось путем удвоения изначального *ба* (точно так же образовалось и слово *мама*). Это слово значило раньше просто ‘бабушка’, а вторичное его значение – ‘женщина’ – свойственно только грубо-просторечному языку [10]. Проанализировав толковые словари русского языка, приходим к выводу, что *баба* – слово, находящее свое применение в разговорной речи и выражающее пренебрежительное либо негативно-шутливое отношение к женщине, независимо от возрастной категории и социального статуса.

В повести «Грезы старого парка» читаем:

– Чего ему, **кобелю**, не хватает? Придет с работы на все готовое. Обстиран, накормлен. **Нажрется** и – к телевизору [15, с. 24].

Лексема *кобель* имеет два толкования: в прямом смысле это ‘самец собаки’, а в переносном – ‘о человеке с грубо чувственным отношением к женщине’. Важно отметить, что Д. Ушаков относит переносное значение к вульгарной, бранной лексике [16]. Рассматривая же фрагмент произведения, мы отчетливо понимаем, что слово *кобель* употреблено автором именно с отрицательной коннотацией для усугубления негативного отношения к герою данного диалога. Слово *нажрется* чаще всего имеет значение ‘наесться’ [16]. Однако встречается и переносное значение ‘допить до не я’ [8].

В произведениях В. Титова отчетливо прослеживается влияние живой, разговорной речи его земляков, особенно в использовании жаргонизмов, как, например, в повести «Всем смертям назло...».

– Как дела? – *стараясь перекричать шум, спросил он у рабочего.*

– **Рубаем** понемногу! – приветливо улыбнулся тот, обнажая белый ряд зубов на черном лице.

– Цикл сделаем, если **порожнячком** обеспечат, будь они неладны! – вмешался в разговор бригадир Яцко.

– Начальник ВШТ на планерке обещал вашей лаве сто вагонов! Хватит? – поинтересовался Сергей.

– **Под загишник!** – обрадовался бригадир [14, с. 123].

Одним из ярких примеров является слово *рубать*, которое, как показывает анализ различных словарей, обладает богатой семантикой. Традиционно, *рубать* означает ‘есть, кушать’ (*За все голодающее Поволжье рубает – много ест* [8]). Однако современные исследования демонстрируют расширение возможных значений данного жаргонизма. Так, например, в современном молодежном сленге – это ‘зарабатывать деньги’; в уголовном жаргоне – ‘принимать пищу’; в студенческом сленге – ‘хорошо разбираться в чем-либо’ (*Санек неплохо рубает физику, что означает, что Санек хорошо знает физику* [11]).

Стоит отметить, что Д. Ушаков представляет *рубать* в своем более традиционном значении – ‘рубить’, например, уголь, либо же шашкой врага [16], таким образом, толкование лексической единицы в словаре п. п. XX в. остается актуальным для шахтерского дискурса вт. п. XX в.

Жаргонизм *порожняк* имеет достаточно обширный спектр значений. Так, например, в криминальной среде несет смысл ‘пустого, бессмысленного разговора’ либо ‘глупого дела’ [11].

В более широком, разговорном смысле, характерном для Донбасса, *порожняк* – это ‘транспорт, идущий без груза’, что в очередной раз подчеркивает влияние угольной промышленности как основополагающей сферы жизнедеятельности населения нашего края, на обогащение повседневной, бытовой лексики профессиональными жаргонизмами. В. Даль слово *порожняк* считает производным от слова *порожний* ‘пустой’ [4].

Лингвистический интерес представляет и лексема *загашник*. Изначально появление слова связано с предметом старославянского костюма – *гашиником* – прочным шнуром, который выступал в роли ремня или пояса в древнерусском убранстве. В силу того, что на штанах отсутствовали карманы, все предметы складывались в специальный мешок, который крепился за тот самый гашик. Отсюда и появилось слово *загашник*. Проведя сравнение толкования слова *загашник* в нескольких словарях, приходим к выводу, что значение слова можно определить как ‘укромное место для хранения чего-либо’. Однако в современном молодежном сленге у слова *загашник* появляется более привычное для XXI в. значение – ‘место, где что-то храниться про запас’.

Еще одной особенностью творчества В. Титова выступает вкрапление украиноязычных слов и словосочетаний в тексты произведений. Данный аспект прослеживается не только у В. Титова, но и у других русских писателей донбасского происхождения. Например, М. Матусовский подает такие слова в русской графике и преимущественно в русской огласовке, что порой искажает собственно украинское слово и не позволяет читателю, не владеющему украинским языком, адекватно воспроизвести и воспринять такие лексические единицы [7, с. 25]. В. Титов использует как вариант передачи украинизмов в естественной графике, так и с помощью транслитерации. На наш взгляд, употребление украинизмов авторами наполняет произведения локальным колоритом, передавая культурное многообразие нашего региона:

Луч света поднялся под самую кровлю, метнулся по штреку и уперся в Сергея.

- *Це ти!.. – пробасил долговязый парень.*
- *Кто делал выход из лавы?*
- *Мы. В чем дело? Узковат?*
- *Какой ты догадливый!*
- *Дело поправимое, можно расширить.*
- *Не можно, а нужно, и немедленно!* [14, с. 16]

Через использование украинских выражений в речи своих героев автор подчеркивает глубокую историческую и культурную связь между двумя народами.

Встречается и передача украинских слов в русской графике и с заменой украинских гласных на русские, что вызывает трудности с произношением слова у людей, не владеющих украинским языком:

– *Вот отпустит меня эта зараза, Сережа, явимся в ходячее общество как вновь нарожденные!* [14, с. 65], *нарожденный* (укр. народжений) – рус. ‘рожденный’. Использование единиц с фонетическими признаками просторечной смеси русского и украинского языков играет роль культурного маркера, используемого писателем для заострения внимания на поликультурности родного края.

Автобиографическая повесть «Всем смертям назло...» демонстрирует мощный эмоциональный отклик, основанный на языке, который воспринимается как «живой» местный говор:

– Ты, *Сергея*, не смейся! Этот не сбежит, коли вода за шею начнет капать аль в другоразье в каске получать нечего будет [14, с. 15].

Писатель большое внимание уделял и просторечиям, которые указывали на недостаточный уровень образованности персонажа с целью ознакомления читателя с характерными особенностями героя и полного его погружения в лингвокультурное поле региона: *стихею (стихию), аль (или), другоразье (в другой раз)*. Приведенные слова, которые с уверенностью можно отнести к просторечиям, характерным для донбасского говора конца XIX – начала XX вв., играют значимую роль не только для придания экспрессивности тексту произведений, но и в очередной раз указывают на «народность» героев В. Титова. Это обстоятельство подчеркивает, как языковая идентичность может меняться под влиянием социокультурных контекстов и исторических событий.

В повестях В. Титова выразительность языка часто достигается за счет обращения к специфической терминологии, связанной с шахтерским бытом и природой региона.

*Предлагали луг недалеко от шахтерского поселка, но вспомнили, что если подует ветер со стороны **террикона**, то пыли набьется во все ноздри, а ее и там, в забое вертикального **шурфа**, который они уже третий месяц бьют, предостаточно* [15, с. 149].

*Сергей Петров шел по **штреку** в лихо сдвинутой набекрень шахтерской каске. Казалось, крикни кто «гопля» — и он пустится в пляс, стремительный, неугомонный и несуразный.* [14, с. 12].

Террикон – ‘конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли при шахте, руднике’ [12], *шурф* – ‘вертикальная горная выработка для разведки залегания ископаемых’ [16]; *штрек* — ‘горизонтальная горная выработка по пласту полезного ископаемого, не имеющая выхода на поверхность’ заимствовано в начале XIX в. из немецкого языка, слово прочно вошло в обиход каждого жителя Донбасса [16]. Таким образом, использование горной терминологии воссоздает производственный колорит героев произведений, обеспечивает дополнительную правдоподобность повествованию.

Насыщен профессиональной лексикой и следующий фрагмент: *А Сергей повеселел. Пускать бы посетителей по одному-два человека – утомительно для всех и совсем не тот эффект. А тут он как бы снова окунулся в свою среду, хоть на час забыл о себе, слушал их. Я-то в горном деле мало что смыслю. Какой-то там **квершлаг** сбили, и все искренне смеялись над тем, как по **бремсбергу** (запомнил звучное слово) «орла пустили», а перепуганные **плитовые** залезли в **вагонетки с мультяжкой** (очевидно, жидкость такая)* [14, с. 54].

Квершлаг – ‘горизонтальная, реже наклонная подземная выработка, идущая по пустым породам под углом к месторождению полезных ископаемых и служащая для транспортировки грузов, передвижения людей, стока вод’ [9]. *Бремсберг* также относится к определению видов горных выработок [16]. *Плитовые, вагонетки, мультяжка* – слова из профессионального жаргона, которые стали неотъемлемой частью повседневной речи горожан шахтерского края. В. Титов не скупится в употреблении профессионализмов, строя диалоги

своих героев. Такое средство выразительности маркирует принадлежность говорящего к определенному социальному слою, выражает его профессиональную обособленность.

Предполагаем, что профессиональная лексика, используемая в региолекте нашего края, переключается с другими региолектами. Однако рассмотренные профессионализмы не только обозначают конкретные предметы, но и служат символами жизни в Донбассе, создавая контекст, в который легко вписываются персонажи произведений.

2. Грамматический уровень. Учитывая, что главные герои произведений В. Титова – рабочий народ Донбасса, не всегда с достаточным образовательным уровнем, их речь наполнена словами, имеющими грамматические несоответствия с установленными нормами литературного русского языка. В произведениях встречаем грамматические конструкции, которые характерны для южнорусских говоров, такие как использование окончаний, воспринимаемых как избыточные, например, *местов* вместо литературного *мест*.

Одним из ключевых героев повести «Всем смертям назло...» выступает Иван Егорович Ларин – пожилой мужчина, который лежал в одной палате с Сергеем, главным героем повести:

– *А ты запомни, сынок! Тот, кто любит жизнь, борется за нее! – Егорыч откашлялся, свесив ноги, сел на кровать* [14, с. 44].

Лицо у Егорыча было одним из тех, что запоминаются с первого взгляда, сразу и надолго [14, с. 52].

Полное имя героя упоминается только один раз, в основном же массиве произведения В. Титов прибегает к использованию панибратского *Егорыч*, намеренно сохраняя наличие ошибки для передачи особенностей фонетического произношения некоторых звуков жителями нашего региона.

Примерами нарушения норм служат диалоги, в которых использованы:

1) просторечная форма причастия *поломатая* вместо нормативного *поломанная*:

– *Сонечка, я еще и не то могу! И даже песню знаю: «Все равно наша жисть полома-а-та-я-а-а...»*

– *Поломатая – передразнила Соня. – С такой-то женой!..* [14, с. 61];

2) образованный с нарушением литературной нормы адъектив:

– *Непонятная какая-то ты... – медсестра опустила голову, задумалась. – Пятый месяц около него... Спишь где попало, на полу, в ивалидской коляске...* [14, с. 62].

Употребление слов в измененной грамматической форме – еще одна характерная особенность донбасского региолекта, влияние на который в определенной мере оказали образовательный уровень (не всегда высокий) его носителей, смешение двух языков на территории нашего края.

3. Фразеологический уровень. Повесть В. Титова «Всем смертям назло...» является автобиографической и рассказывает о тяжелых и, порой, страшных испытаниях, которые выпали шахтеру Сергею после полученной тяжелой травмы в шахте: потеря рук, возможная ампутация ног, борьба за жизнь – и

противостоящая бедам вера жены Сергея, Тани. Вся драматичность данного произведения как будто вынуждает автора к употреблению «философских» фразеологизмов:

Сергей не ответил. Егорыч понимал, что он мучительно искал ответ на вопрос о судьбе, далеко не праздный и не отчетливый для него. «Судьба – индейка», «Судьба – черная мачеха» – все это старое и древнее, что употребляли люди, когда попадали в тяжелое положение, не подходило Сергею [14, с. 55].

Анализируя употребление фразеологизма *судьба-индейка* в контексте произведения В. Титова, приходим к выводу, что данное выражение имеет исключительно отрицательное значение, подразумевая ‘отсутствие справедливости и / или благосклонности к кому-либо’. Фразеологизм *судьба – черная мачеха* В. Титов «отдает» Егорычу – мудрому, грубоватому старику. Выражение, исходя из контекста, также имеет исключительно отрицательную окраску, но, на наш взгляд, имеет более сильное эмоциональное воздействие на читателя за счет употребления таких слов как *черный* и *мачеха*, которые зачастую воспринимаются с негативной коннотацией.

Одной из отличительных черт творчества В. Титова выступает употребление фразеологизмов, наполненных локальным колоритом:

Сергей, кивнув в сторону рабочего, спросил:

– Новичок?

– Со школьной скамьи пожаловал к нам. Университет шахтерский проходит... [14, с. 15].

Выражение *университет шахтерский* с первого взгляда не вызывает никакого интереса, однако стоит отметить, что в контексте произведения, словосочетание приобретает значение устойчивого выражения, описывающего не образовательную организацию, обучающую горному делу, а так называемую «школу жизни», которую проходят молодые шахтеры в начале своего профессионального пути.

Произведения В. Титова также насыщены выражениями, которые подчеркивают народный стиль повествования. Создаваемые им персонажи разговаривают на языке, близком к разговорной речи, что делает тексты более правдоподобными и доступными для читателя.

*– Чего ему, кобелю, не хватает? Придет с работы на все готовое. Обстиран, накормлен. Нажрется и – к телевизору. А в **получку ввалится пьяный как свинья!** – Она утерла двумя пальцами концы губ, присмирела. –*

Прошу, Женя, будь человеком, возьми сына, поиграйся. «Ты пива купи мне на вечер...» Тьфу ты! И когда такая жизнь кончится? Не жизнь, а мука.

*– Мой Толечка эту заразу **в рот не берет**. Так, по большим праздникам...**рюмку пригубит** [15, с. 24–25].*

Вызывает интерес фразеологизм *пьяный как свинья*, употребляемый для описания человека, находящегося в сильном алкогольном опьянении. Пьяный человек зачастую вызывает ассоциацию с каким-либо животным. Оно во фразеологизмах наделяется символическими значениями, т. е. из всех свойств,

признаков и т. д. выбирается один, и он становится символом для выражения смысла ‘напиться до скотского состояния’ [5]. В своем произведении В. Титов выбрал для характеристики состояния слово *свинья*. Сравнения с этим животным, как с использованием союза «как», так и в творительном падеже, весьма распространены: *пить как свинья* (о человеке, регулярно напивающемся до скотского состояния), *нажраться как свинья* (о совершенно пьяном человеке), *бухой как свинья* (о сильно пьяном человеке), *свиньей ходить* (о сильно пьяном человеке), *пьян как понурая свинья* (о пьяном до полного изнеможения человеке). В русских говорах слово *зюзя* также обозначает ‘свинью’, что отражено во фразеологизме *пьян как зюзя* (о крайне пьяном человеке).

Также интересно отметить, что слово *получка* появилось в русском языке в конце XIX века и употреблялось исключительно в так называемом «простонародном языке», а во времена становления и развития СССР получило широкое распространение среди людей не только «рабочих», но и «элитных» профессий. Это в очередной раз подтверждает, что В. Титов творил в духе времени, учитывая и включая в свое творчество жаргонизмы, помогающие описать не только дух эпохи, но и погрузить читателя в конкретное место, профессию, семью.

Фразеологизм *в рот не берет* означает ‘не есть, не пить’ и относится к экспрессивному разговорному выражению [17, с. 79]. Исходя из контекста диалога, мы понимаем, что данное устойчивое выражение имеет значение ‘отказа от употребления алкогольных напитков’. Такое значение выделенного нами фразеологизма отражает А. Васильев в фразеологическом словаре языка И. Бунина: *в рот не брать водки* – быть трезвенником. *Стал он было страстным приверженцем Толстого: с год не курил, в рот не брал водки, не ел мяса, не расставался с «исповедью», хотел переселиться на Кавказ, к духоворам...* [1, с. 69].

В повести «Всем смертям назло»:

– *Не морфинист, так алкоголик... Ты думаешь, спасибо скажет! Жди...*

Пинков надает, свет в овчинку покажется. А как же! Нервный... Все они такие... Нервные [14, с. 62].

Выражение *свет в очинку покажется* с уверенностью можно отнести к просторечным фразеологизмам, которые, по нашему мнению, автор использует намеренно для акцентирования внимания читателей на уровне образования и социальной принадлежности героев его произведений. Погрузившись в диалог героев повести «Всем смертям на зло...», приходим к выводу, что данное выражение имеет значение ‘непосильный, неумный страх, не позволяющий воспринимать окружающий мир адекватно’. *Пинок* – ‘грубый толчок ногой или кулаком’ [16]. Выражение *пинков надает* имеет грубую эмоциональную окраску, которая подчеркивает негативное отношение героя к происходящей ситуации.

В. Титов с успехом применяет элементы местного колорита, что раскрывает полный спектр социальных и культурных контекстов региона, что

позволяет увидеть процесс отражения языковых трансформаций в художественной литературе.

Лексический фонд произведений В. Титова служит яркой составляющей в изучении понятия «донбасский региолект», предлагая ценные примеры и свидетельства живого употребления языка в его многообразии и изменчивости.

Важно отметить, что язык произведений В. Титова формирует своеобразный мост между диалектами, представленными в нашем регионе, которые образуют понятие донбасского региолекта. Это позволяет лучше понять, как разговорная речь передает эмоции и жизненные реалии персонажей. Тексты произведений В. Титова служат своеобразным словарем местной жизни, отражая готовность как местных жителей, так и самого автора к преодолению трудностей и к вечным поискам смысла жизни.

Язык произведений В. Титова – это не просто набор слов и «местячковых» выражений, а комплексное явление, которое открывает путь к пониманию многообразия культурных и языковых процессов, происходящих на Донбассе. Произведения В. Титова становятся важным ресурсом для дальнейших исследований, позволяя изучить динамику языкового общения и идентичности в уникальном контексте Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка И. А. Бунина [Текст] / А. И. Васильев ; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина». – Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2011. – 391 с.; 30 см.; ISBN 978-5-94947-120-3 (в пер.)
2. Герд, А. С. Диалект – региолект – просторечие [Текст] / А. С. Герд // Русский язык в его функционировании : Тез. докл. Междунар. конф. (II Шмелевские чтения). – М., 1998. – С. 20–21.
3. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия [Текст] / А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 488 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 1 : А–З. – XCVI, 699 с. – ISBN 978-5-9228-1632-8; Т. 2 : И–О. – 779 с. – ISBN 978-5-9916-9081-2; Т. 3 : П. – 555 с. – ISBN 978-5-16-013340-9; Т. 4 : Р–В. – 688 с. – ISBN 978-5-906982-02-5.
5. Джинджолия, Г. Фразеологизмы, описывающие состояния опьянения [Электронный ресурс] / Г. Джинджолия // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» : [сайт]. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-opisyvayushchie-sostoyanie-opyaneniya> (дата обращения: 05.12.2025).
6. Донецкий региолект: монография [Текст] / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина, И. А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк : Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. – 265 с.
7. Дьякова, Т. А. Идиостиль Михаила Матусовского : своеобразие лексико-семантического уровня в лексикографическом осмыслении : автореф.

дис. ... д-ра филол. наук : 5.9.5 [Текст] / Дьякова Татьяна Алексеевна. – Луганск, 2023. – 50 с.

8. Елистратов, В. С. Словарь русского арго : Материалы 1980–1990-х гг. : Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений [Текст] / В. С. Елистратов; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Азбуковник: Рус. словари, 2000. – 693 с.

9. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Электрон. Текстовые данные. – М. : АСТ, 2005. – Т. 1. А–Л. – 1168 с. URL : <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/2> (дата обращения: 05.12.2025).

10. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Г. А. Крылов. – СПб. : ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 428 с. URL : <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-krylov/> (дата обращения: 05.12.2025).

10. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг. Толковый словарь [Текст] / Т. Г. Никитина. – М. : Машиностроение, 2009. – 257 с.

11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с. URL : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7303> (дата обращения: 05.12.2025).

12. Розина, Р. И. Русская разговорная речь сквозь призму лексикографии и английского языка [Текст] / Р. И. Розина // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2015. – Т. 74. – № 4. – С. 47–58.

13. Титов, В. Жизнь прожить... [Текст] / В. Титов. – М. : ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1975. – 304 с.

14. Титов, В. Грезы старого парка [Текст] / В. Титов. – К: Рад. пысьмэннык, 1988. – 552 с.

15. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Электрон. текстовые данные. – М. : Славянский дом книги, 2014. – 960 с. URL : <https://slovar.cc/rus/ushakov/409463.html> (дата обращения: 05.12.2025).

16. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц [Текст] / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 878, [1] с.; 27 см. – (Biblio).; ISBN 978-5-17-049014-1

REFERENCES

1. Vasil'ev, A. I. (2011). Frazеologicheskij slovar' yazyka I. A. Bunina [Phraseological dictionary of the language of I. A. Bunin]. Elec : Eleckij gos. un-t im. I. A. Bunina, 2011. 391 p. (In Russian).

2. Gerd, A. S. (2001). Dialekt – regiolekt – prostorechie [Dialect – regiolect – vernacular] in Russkij yazyk v ego funkcionirovanii: tez. dokl. Mezhdunar. konf. (III Shmelevskie chteniya) [Russian in its functioning: Materials of International. conf. (II Shmelevsky readings)]. M., 1998. Pp. 20–21 (In Russian).

3. Gerd, A. S. (2001). Vvedenie v ehtnolingvistiku: kurs lekcij i khrestomatiya [Introduction to ethnolinguistics: a course of lectures and a textbook]. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. 488 p. (In Russian).

4. Dal', V. I. (2000) Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language:]: v 4 t. / Dal' V. I. Moskva : Rus. yaz., 2000. Vol. 1 : A – Z. – XCVI, 699 p. ISBN 978-5-9228-1632-8. Vol. 2 : I – O. 779 p. ISBN 978-5-9916-9081-2. Vol. 3 : P. 555 p. ISBN 978-5-16-013340-9. Vol. 4 : R – V. 688. ISBN 978-5-906982-02-5. (In Russian).

5. Dzhindzholiya, G. (). Frazеologizmy, opisyvayushchie sostoyaniya op'yaneniya [Phraseologisms describing states of intoxication] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazеologizmy-opisyvayushchie-sostoyanie-opyaneniya> (In Russian).

6. Doneckij regiolekt: monografiya (2018). [Donetsk regiolect: monograph] V.I. Terkulov, N.P. Kurmakaeva, V.I. Mozgovoj, K.V. Pershina, I.A. Kudrejko i dr.; pod red. V.I. Terkulova. Donetsk, 2018. 265 p. (In Russian).

7. D'yakova, T. A. (2023). Idiosstil' Mikhaila Matusovskogo: svoeobrazie leksiko-semanticheskogo urovnya v leksikograficheskom osmyslenii [Idiosstil of Mikhail Matusovsky: the peculiarity of the lexico-semantic level in lexicographic understanding]: special'nost' 5.9.5 «Russkij yazyk. Yazyki narodov RossiI»: Avtoreferat na soiskanie doktora filologicheskikh nauk, Lugansk, 2023. 50 p. (In Russian).

8. Elistratov, V. S. (2000). Slovar' russkogo argo: Materialy 1980–1990-kh gg. [Dictionary of Russian argo: Materials of the 1980-1990s]: Okolo 9000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazhenij. MGU im. M.V. Lomonosova. M.: Azbukovnik: Rus. slovari, 2000. 693 p. (In Russian).

9. Efremova, T. F. (2005). Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language] Moscow, 2005. Vol. 1 A-L. 1168 p. URL : <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/2> (In Russian).

10. Krylov, G. A. (2014). Shkol'nyj ehimologicheskij slovar' [Etymological Dictionary of the Russian Language] Moscow, 2014. 517 p. (In Russian).

11. Nikitina, T. G. (2009). Molodezhnyj sleng. Tolkovyj slovar' [Youth slang. Explanatory Dictionary]. Moscow, 2009. 257 p. (In Russian).

12. Ozhegov, S. I. (2000). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2000. 940 p. (In Russian).

13. Rozina, R. I. (2015). Russkaya razgovornaya rech' skvoz' prizmu leksikografii i anglijskogo yazyka [Russian colloquial speech through the prism of lexicography and English] in Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series]. 2015. Vol. 74, № 4. Pp. 47-58 (In Russian).

14. Titov, V. (1975). Zhizn' prozhit'... [Life to live...]. Moscow: CK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1975. 304 p. (In Russian).

15. Titov, V. (1988). Grezy starogo parka [Dreams of the old park]: K. : Rad. pys'mehnnyk, 1988, 552 p. (In Russian).

16. Ushakov, D. N. (2014). Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redakciya [Big explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition]. Moscow, 2014. 960 p. URL : <https://slovar.cc/rus/ushakov/409463.html> (In Russian).

17. Fedorov, A. I. (2008). Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13000 frazeologicheskikh edinic [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: about 13,000 phraseological units]. Moscow, 2008. 878 p.; ISBN 978-5-17-049014-1 (In Russian).

УДК 811.1/2

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Хазбулаева Зулкайдат Нуховна

аспирант кафедры филологического образования и журналистики

БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

«Сургутский государственный педагогический университет»

(г. Сургут, Россия)

Zlkdt@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной работы заключается в выявлении лакунарных единиц в англо-русском родительском словаре. Статья посвящена проблемам «пропусков в лексической системе», что приводит к возникновению новых слов в речи современных родителей. Целями исследования стали выявление и рассмотрение лексических пустот из английского языка, которые не получили аналога в русском языке в речи современных родителей. В работе используются методы сравнительно-сопоставительного и контекстуального анализа для рассмотрения лакунарных единиц сравниваемых языков. На наш взгляд, подобные пропуски являются неизбежными явлениями в современном русском языке в силу воздействия информационного пространства и межкультурного взаимодействия. Результатом проделанной работы стал список безэквивалентных английских слов, значения которых передаются предложением или словосочетанием в русском. В ходе исследования мы пришли к выводу, что активное включение и употребление иностранных слов может привести не только к засорению языка, но и вытеснению привычных, устоявшихся лексических единиц, а также к включению тех или иных нехарактерных реалий в жизнь, к изменению культурного сознания носителей языка.

Ключевые слова: заимствования, лакунарные единицы, английский язык, русский язык, безэквивалентная лексика.

LEXICAL GAPS IN THE SPEECH OF MODERN PARENTS (USING ENGLISH AND RUSSIAN AS AN EXAMPLE)

Khazbulaeva Zulkaidat Nukhovna

Postgraduate Student of the Department of Philological Education and Journalism

of BI HE of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra

“Surgut State Pedagogical University”

(Surgut, Russia)

Zlkdt@mail.ru

Abstract. The relevance of this work lies in identifying lacunary units in the English-Russian parental dictionary. The article is devoted to the problems of borrowing and “gaps in the lexical

system". The objectives of the study were to identify and consider borrowings from the English language that have not received an analogue in the Russian language in the speech of modern parents. The work uses methods of comparative-contrastive and contextual analysis to examine lacunary units of the compared languages. In our opinion, such omissions are inevitable phenomena in the modern Russian language, due to the influence of the information space and intercultural interaction. The result of the work done was the search for non-equivalent English words, the meanings of which are conveyed by a sentence or phrase in Russian. During the study, we came to the conclusion that the active inclusion and use of foreign words can lead not only to the clogging of the language, but also to the displacement of familiar, established lexical units, and also, with the inclusion of certain uncharacteristic realities in life, to a change in the cultural consciousness of native speakers.

Keywords: borrowings, lacunary units, English language, Russian language, non-equivalent vocabulary.

Для цитирования: Хазбулаева З. Н. Лексические лакуны в речи современных родителей (на примере английского и русского языков) // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 242-253. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-242-253

Словарный состав русского языка очень динамичен, он постоянно пополняется заимствованиями из разных языков и в разных сферах деятельности человека. Многие слова так прочно вошли в языковую систему, что стали уже привычными и не воспринимаются как иноязычные (*портфель, колледж, школа, пионер* и др.), некоторые имеют аналоги в русском языке: *консенсус – согласие; проектировать – представить; транспарентность – открытость, эксплорация – исследование, осмотр* и др. А некоторые заимствования ограничены речевой ситуацией, то есть их употребление будет зависеть от сферы использования, от возраста, от статуса говорящих. Русский язык пополняется в основном словами из английского языка. Процесс пополнения происходит разными путями: через СМИ, интернет-сообщества, с помощью устной и письменной речи и др.

Тема заимствований обширна. В нашем исследовании научный интерес вызвали языковые единицы английского языка, которые не получили аналога в русском языке и используются в общении родителей и современных носителей языка. Лингвисты по-разному высказывались по поводу общения родителей с детьми: кто-то считал целесообразным говорить с детьми по-детски, кто-то придерживался говорения с детьми по-взрослому, без упрощения и изменения слов. Большое количество детских слов описано в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти», он называет детскую речь «милой» и задается вопросом: «Почему бы в самом деле некоторым детским словам не войти в нашу речь? Ведь у двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, всех его флексий и суффиксов, что создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калекми или уродами речи, а напротив, очень метки, изящны, естественны» [15, с. 9]. Автор справедливо отмечает, что «в своих родителях ребенок, естественно, видит непогрешимых учителей языка, коим надлежит подражать, но тем разительнее

тот строгий контроль, которому он часто подвергает их речь» [15, с. 12]. «Овладение речью происходит под непосредственным воздействием взрослых» [15, с. 15]. С.Н. Цейтлин считает, что использование детского языка необязательно, но подобное общение с ребенком «облегчает ему вхождение в родной язык». А эмоциональная окрашенность и интонационная выразительность речи автором поощряется, «так как общение с ребенком в начальный период его жизни происходит прежде всего на эмоциональном уровне и недостаток эмоций губительно сказывается на развитии малыша» [14, с. 31]. Но и говорить с ребенком сразу как со взрослым неправильно. Для ребенка это «ходунки» в речь, они помогают ему понимать язык, адаптировать его как родной. Как усвоит ребенок язык и каким он войдет в дальнейшую его жизнь, будет зависеть от родителей. Поэтому важно сохранить и передать нормированный, правильный язык.

Национальные и социокультурные несоответствия в процессе межкультурного общения способствуют образованию безэквивалентной лексики. В межъязыковой системе различных стран и народов появляется «лексический пропуск», который получил название *лакуна*. Канадские лингвисты Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне первые предложили этот термин в научном обороте. «В случае лексической лакуны у говорящих есть представление о денотате, но в словаре отсутствует однословное узкозначное обозначение» [6, с. 51]. С уникальностью культурного пласта и своеобразием лексического и понятийного многообразия появилась необходимость рассмотрения проблемы языковой лакунарности. Многие существительные английского языка не имеют аналогов в русском, и их значения передаются словосочетанием или предложением, раскрывающим понятие слова на исходном языке. Например, *fortnight* – обозначает отрезок времени в две недели. В русском есть обозначение отрезка времени в десять дней – *декада* (от греч. – десятков), обозначения отрезка времени двух недель нет.

В отечественной науке определением и классификацией лакун занимались Ю.А. Сорокин, В.Г. Гак, И.Ю. Марковина и др. Советский и российский лингвист Ю.С. Степанов ввел в лингвистику понятие лакуны и назвал их «пробелами», «белыми пятнами на семантической карте языка».

Ю.С. Степановым одним из первых предложена классификация лакун. Он выделил лакуны абсолютные и относительные. Абсолютные создаются при составлении переводных словарей, слова, не имеющие эквивалента. Они есть в одном языке и отсутствуют в другом. Относительными считаются явления частичного несовпадения, слова, которые употребляются очень редко и при определенных обстоятельствах. Похожие явления имеются в сопоставляемом языке, но по-разному истолковываются, осмысляются и выражаются в соответствующих языках. Когда слово одного языка имеет эквивалент в другом языке, но значения слов совпадают частично [5, с. 11].

Лексические лакуны подразделяются на мотивированные и немотивированные. Мотивированные связаны с отсутствием самой реалии в переводимом языке и тут появляется необходимость растолковать слово, дать

ему определенное значение в виде слова в данном языке. Немотивированные лакуны не даются толкованию при имеющейся реалии, есть реалии, но нет обозначения, нет названия [5, с. 15].

Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина выделили четыре типа лакун: словообразовательные, структурно-семантические, гипер-гипонимические и коннотативные [6, с. 52]. Мы в нашем исследовании рассмотрели лакуны словообразовательного (образованные присоединением различных морфем в одном из языков) и структурно-семантического типа. Основанием их выделения послужил факт отсутствия односложного обозначения в одном языке целого словосочетания референта. Семантические лакуны обнаруживаются чаще всего в существительных. Эмпирическим материалом для данной работы стали комментарии участников форумов следующих сайтов молодых матерей: «U-mama», «Babyblog», «Woman.ru». На форумах данных сайтов участниками велись обсуждения на разные темы, например, «Чайлдфри на работе», «Токсикоз и тоддлер», «Моя версия гендер пати» и другие. Обсуждения коммуникантов приведены в пример ниже с сохранением пунктуации и орфографии:

- *Вы сейчас врёте. Нагло и бесцеремонно. Вы подходили ко всем друзьям родителей и спрашивали о сиблингах? Нет.*

Вы лживая [16].

- *Gender reveal party – моя версия*

пабааам, все узнают пол будущего ребенка!! [18].

- *Ну и так же простая истина.... Говорите своему тоддлеру что маме плохо, что вам надо полежать, что вы чего то не можете делать. Они понимают [2].*

- *... со своими подругами, родная тетя такого бы не сделала. "In laws" они и в африке "in laws". Надо соблюдать дистанцию с некровными, "родственниками" мужа [17].*

- *Я думала его не существует, но оказалось правдой, признаю сразу, что мы балуем ребенка, как говорится, что для миллениалов было роскошью, для их детей базовый минимум [3].*

- *При этом, вижу конкретный парадокс: при всей толерантности зумеров и открытости новому, без предрассудков, "нам плевать на ваше мнение", они очень уязвимы к критике [3].*

- *Общались мы с ними всегда неплохо, они казались мне вполне адекватными - пока не оказалось, что они идейные чайлдфри [19].*

По приведенным комментариям становится ясно, что лакунарные единицы входят в оборот речи современных родителей. На форумах ведутся активные обсуждения по разным темам, которые пополняются изо дня в день, что делает невозможным точное указание участников и комментариев, употребляющих данные лексические единицы.

Мы классифицировали лакуны по группам обозначений:

1. Родства и возрастных особенностей на английском языке, которые не встречаются в русском: *sibling* – брат и сестра, *toddler* – дети от года до трех лет, *childre* – ребенок от 2 до 8 лет, доверчивый и уступчивый, аналога в русском

языке нет, *grandparents* – бабушка и дедушка [8]. Следует также отметить, что в английском языке нет обозначений для родителей супружеской пары, как в русском языке. Родителей мужа в русском языке называют свекровь, свекр, родителей жены – тесть, теща. В английском языке нет такой дифференциации и, без уточнения о чьих родителях идет речь, родителей супругов называют *mother-in-law*, *father-in-law*. Словом *in-laws* можно назвать всех родственников со стороны мужа [11, с. 44].

Таблица 1

Лакуны на тему родства и возрастных особенностей

в английском языке	в русском языке
1) sibling	1) брат и сестра;
2) toddler	2) дети от года до трех лет;
3) childre	3) ребенок от 2 до 8 лет, доверчивый и уступчивый;
4) grandparents	4) бабушка и дедушка;
5) mother-in-law	5) свекровь, теща;
6) father-in-law	6) свекр, тесть;
7) in-laws	7) родственники со стороны мужа. *В русском языке эквивалентами данным словам будут словосочетания или транслитерация слов

2. Поколений. *Baby boomers* (бэби-бумеры) – люди, родившиеся в период с 1946-го по 1964-й год; *поколение X* – термин, обозначающий рожденных примерно с 1964-го по 1984-й гг., а целое поколение родившихся с начала 1984-го до середины 2000-х гг. в английском языке получило название – *миллениалы*. Есть еще понятие, обозначающее поколение с 2000-го по 2011-й гг. – *zoomers*, *Generation Z*, русскоязычный вариант – *зумеры*. В теории поколений есть еще категория людей, которая определилась на стыке поколения миллениалов и зумеров, примерно с 1992-го года по 2000-й год. Их называют *зиллениалы*. Точные годы назвать сложно, потому что в разных странах население формировалось по-разному. Еще одно поколение рожденных с 2010-го по настоящее время получило название *поколения A (альфы)* [7], [9].

Таблица 2

Лакуны на тему родства и возрастных особенностей

в английском языке	в русском языке
1) baby boomers	1) люди, родившиеся в период с 1946-й по 1964-й год;
2) generation X (иксы)	2) термин, обозначающий рожденных примерно с 1964-й по 1984-е гг.;
3) millennials (миллениалы)	3) поколение людей, родившихся с начала 1984-го до середины 2000-й гг.; поколение Y (игрек);
4) zoomers, зумеры	

5) zillennials, zennials	4) поколение, рожденное с 2000-х по 2011-е гг.; поколение Z;
6) alpha (альфы)	5) пограничное поколение между миллениалами и зумерами (1992-2000);
	6) люди, рожденные с 2011-го года и по настоящее время; поколение А.
	*В русском языке эквивалентами данным словам будут словосочетания или транслитерация слов

3. Оценочных выражений и социального статуса: *momshaming* – стыд матери, смущение мамы [8]; *babyshamer* – тот, кто критикует, стыдит человека за отсутствие у него ребенка или нежелание его иметь [9]; *new mother* – женщина, которая только получила статус матери. Как аналог этому слову мы бы могли рассматривать слово русское *роженица*, но в «Толковом словаре русского языка» Ожегова С. И. *роженица* – это женщина, которая должна вскоре родить [10]. Определение из словаря делает недопустимым синонимичность с исходным иностранным словом. *Coparenting* – родители, которые не состоят в отношениях, но оба участвуют в воспитании общего ребенка, если на русскоязычный манер – родительское партнерство, совместное воспитание. *Childionare* – человек, который очень-очень сильно любит своих детей и ничего для них не жалеет. Не самый гуманный на наш взгляд, но уже приспособившийся осознанный выбор жизни без детей, получивший название *чайлдфри* [8].

Таблица 3

Лакуны, передающие оценочные выражения и социальный статус

в английском языке	в русском языке
1) momshaming	1) стыд матери, смущение мамы;
2) babyshamer	2) тот, кто критикует, стыдит человека за отсутствие у него ребенка или нежелание его иметь;
3) new mother	3) «новая мама», женщина, которая только родила, стала мамой;
4) coparenting	4) родители, которые не состоят в отношениях, но оба участвуют в воспитании общего ребенка;
5) childionare	5) человек, который очень-очень сильно любит своих детей и ничего для них не жалеет;
6) childfree (чайлдфри)	6) добровольная бездетность; система взглядов, центральным аспектом которой является добровольный, осознанный выбор в пользу отказа от рождения детей.
	*В русском языке эквивалентами данным словам будут словосочетания или транслитерация слов

4. Мероприятий: слово *playdate* (состоит из двух английских слов: *play* – игра и *date* – свидание, встреча), это организованная родителями встреча для детей. Очень популярным стало мероприятие по определению пола ребенка, в

английском языке оно называется *gender reveal (party)*. В «Википедии» дается определение словосочетанием: вечеринка по случаю оглашения пола ребенка. Еще одно мероприятие, которое пришло к нам из англоязычной среды, называется *baby shower*, оно не так популярно в России как гендер-ривер. Слово обозначает вечеринку, которую устраивают до рождения ребенка [8].

Таблица 4

Лакуны на тему развлечений

в английском языке	в русском языке
1) playdate 2) gender reveal (party) 3) baby shower	1) это встреча, которую организывают родители, чтобы их дети поиграли друг с другом (игровое свидание); 2) вечеринка по случаю оглашения пола ребенка; 3) обычай устраивать вечеринку для будущей матери и праздновать рождение будущего ребенка. *В русском языке передаются транслитерацией: плэйдейт, гендер-пати, бейби шауэр

Определения примеров в приведенных таблицах взяты из интернет-энциклопедии «Википедия» [4], поскольку не зафиксированы в словарях. Вышеуказанные примеры встречаются на форумах матерей, определения даны только в интернет-энциклопедии. На сайте даются определения развернутым, свободным словосочетанием, в русском языке эти слова прижились и передаются путем транслитерации, чтобы сократить понятийное определение. Поскольку данные единицы обозначают явления, отсутствующие в культуре носителей русского языка, их можно считать безэквивалентными лакунарными единицами.

Процесс элиминирования лакун позволяет путем компенсирования или семантического заполнения лакуны раскрыть смысл понятия, сохранив при этом специфические черты различных культур. Такой подход позволит исключить непонимание реалии, так как незнакомое реципиенту слово будет дополнено пояснением. Для преодоления лингвокультурологического барьера между языковыми лакунами существуют следующие способы перевода лакунарной лексики [1, с. 61]:

1. Транскрипция или транслитерация – способ предполагает буквенное воспроизведение в языке реципиента иноязычного слова (*сиблинг, тоддлер, вау, ес, супер, праймтайм, ок*).

2. Калькирование – способ буквального перевода или словосочетания (*Белый Дом – White House, черный юмор – black humour, черный список – black list, дом культуры – House of Culture*).

3. Экспликация, описательный перевод – способ, при котором в переводимом языке нет соответствующей номинации; раскрываются признаки, передающие значение предмета. Данным способом передаются значения слов описательной конструкцией (*greenpeace – экологическая организация, флешмоб – спланированная*

массовая акция, челлендж – задания или испытания, которые должны выполнить следом за одним другие, киллер – наемный убийца и др.).

4. Подбор соответствия – способ, который состоит в использовании наиболее подходящей по значению лексемы в переводящем языке [1, с. 61]. Данный способ предполагает подбор релевантного компонента значения исходного языка (*бебишауэр* – вечеринка, *копэрендинг* – сородительство и др.).

Заимствования – это нормальное явление для языка как живого явления. Актуальность данной темы в том, что проблема «засорения» языка стала рассматриваться на государственном уровне. Так, Федеральный закон «О государственном языке РФ» от 01.06.2005 № 53-ФЗ начал регулировать процесс использования иностранных слов и вносить ряд изменений на повышение уровня защищенности русского государственного языка [12]. Процесс освоения заимствований в русском языке не происходит сразу, он проходит через графическую, фонетическую, затем грамматическую адаптацию.

Наличие лексических лакун в языках обусловлено особенностями развития лексико-семантической системы, ее словообразовательными возможностями [6, с. 52]. Найти в двух языках аналоги употребления тех или иных слов обычно не проблема, но в силу стремления коммуникантов к упрощению и сокращению слов этот процесс не воплощается, что дает почву внедрению заимствований в русский язык. Например, слову *thumb* – большой палец руки, есть в русском языке эквивалентное слово, общеславянское *перст*, употреблялось в значении большого пальца руки, но оно ушло из употребления. Английскому слову *тоддлер* тоже найдется русский аналог, например, *ползунок*, *ходунок*, английскому слову – *grandparents* – деды (диалектизм), или *прапородители*.

С лингвоэкологической точки зрения считаем, что использование заимствованной лексики может быть оправданным и неоправданным. Оправданные (абсолютные) заимствования – когда русское слово неточно и не полностью передает смысл понятия и описываемая реалья не существует в переводимом языке: *борщ*, *квас*, *флешмоб* (рус. *скучиться*) и др. Неоправданные – *ок* (рус. *любо*, *добро*), *хелпить* (рус. *заботиться*, *радеть*), *фейк* (рус. *обман*, *неправда*), *гоу* (рус. *ступай*, *иди*), *кринж* (рус. *зазор*, *нелепость*) и др. Приведем примеры англицизмов, имеющих замены в русском языке:

- 1) *толерантность* – *терпимость* (рус.);
- 2) *хендмейд* – *рукоделие* (рус.);
- 3) *шопинг* – *покупки* (рус.);
- 4) *уик-энд* – *выходные* (рус.);
- 5) *фейк* – *обман* (рус.);
- 6) *креатив* – *творчество* (рус.);
- 7) *ресепшен* – *приемная, регистратура* (рус.);
- 8) *бутик* – *лавка* (рус.);
- 9) *френд* – *друг, товарищ* (рус.);
- 10) *треш* – *неразбериха, безумие* (рус.) и др.

Использование заимствований происходило и раньше, при Петре I дворяне говорили на голландском языке, позже – на английском. В конце 18 века высшие слои общества говорили по-французски, по-русски писали плохо или вообще не умели. Отсюда следование этой давней культурной традиции. Лакунарные единицы возникают по двум причинам: 1) возникновение новой реалии, не имеющей наименования в русском языке; 2) эстетическая функция, желание привлечь внимание модным иностранным словом.

Фиксация иноязычного слова в словарях русского языка будет говорить о том, что слово закрепилось в языке и принадлежит лексико-семантической системе. Если толковым словарем зафиксирована заимствованная лексема, то она уже считается принятой и признанной, «готовой к употреблению». Но принимать ли и фиксировать ли в словарях новейшие слова, приведенные в пример в данной работе, об этом надо еще думать. Отношение к языку – это отношение к сохранению национальной культуры, и в заимствовании стоит соблюдать меру. Неоправданное, безмерное употребление заимствований в речи приведет не только к «загрязнению, засорению» речи, но и к вытеснению нормированного литературного русского языка, психологическому дискомфорту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмад, А.О., Балуюн, С.Р. Сопоставительный анализ лексических межъязыковых лакун русского и английского языков [Текст] / А.О. Ахмад, С.Р. Балуюн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №3 (69), в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 60–62. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-leksicheskikh-mezhyazykovykh-lakun-russkogo-i-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 04.03.2025).

2. Бэбиблог – сайт о беременности и материнстве. [Электронный ресурс]: сайт / Как выжить с токсикозом и тоддлером? Режим доступа: URL: <https://www.babyblog.ru/community/happypregn/post/3632571> (дата обращения: 02.08.2025).

3. Бэбиблог – сайт о беременности и материнстве. [Электронный ресурс]: сайт / Кризис 2-х лет. Режим доступа: URL: <https://www.babyblog.ru/search?request=%D0%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B> (дата обращения: 02.08.2025).

4. Википедия. [Электронный ресурс]: свободная энциклопедия / Википедия. Режим доступа: URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 26.03.2025).

5. Коновалова, А.И. Выявление и элиминирование межъязыковых лакун при сопоставлении лексики русского и английского языков в сфере интернета [Текст] / А.И. Коновалова. - Екб, 2016. - стр. 11. Режим доступа: URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/23009/1/RS_VPU_2016_383.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

6. Кузнецов, В.Г. Лексические лакуны и границы переводимости [Текст] / В.Г. Кузнецов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 9 (781). – С. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-lakuny-i-granitsy-perevodimosti/viewer> (дата обращения: 06.03.2025).

7. МГУ. [Электронный ресурс]: сайт / МГУ. Режим доступа: URL: <https://www.mgpu.ru/teoriya-pokolenij-chem-otlichayutsya-zumery-bumery-millennialy-pokoleniya-x-i-alfa/> (дата обращения: 29.04.2025).

8. НЭН. [Электронный ресурс]: сайт / Неужели нельзя по-русски? Режим доступа: URL: <https://n-e-n.ru/howitsinruss/> (дата обращения: 01.03.2025).

9. Новое в русской лексике. [Электронный ресурс]: электронный словарь / Новое в русской лексике. Режим доступа: URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 24.04.2025).

10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. Режим доступа: URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 29.04.2025).

11. Ожиганова, Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения [Текст] / Е.М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. – Иркутск, 2015. – №1. – С. 94–97.

12. Президент России. [Электронный ресурс]: сайт / Президент России. Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22441> (дата обращения: 23.04.2025).

13. Сергей, Е. Некоторые лакунарные единицы английского и русского языков / Е. Сергей // Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета (18–19 апр. 2019 г.), в 4 ч. Ч. 4 / отв. ред. Н.П. Баранова. – Минск: МГЛУ, 2019. – С. 44.

14. Цейтлин, С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / С.Н. Цейтлин. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

15. Чуковский, К.И. От двух до пяти [Текст]: 3 изд. «Маленьких детей» / К. Чуковский. Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – 202 с. Режим доступа: URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009355949?page=18&rotate=0&theme=white (дата обращения: 03.05.2025).

16. Woman.ru. [Электронный ресурс]: сайт / Вы знали, что вы сиблинг? Режим доступа: URL: <https://www.woman.ru/reactions/family/thread/5658095/> (дата обращения: 02.08.2025).

17. Woman.ru. [Электронный ресурс]: сайт / Жена дяди просит меня помочь ей? Режим доступа: URL: https://www.woman.ru/search/?q=father-in-law&where=forum&category=&sort=relevance&control_charset=0 (дата обращения: 02.08.2025).

18. U-mama.ru. [Электронный ресурс]: сайт / Гендер пати. Режим доступа: URL: <https://u-mama.ru/forum/gossip/congratulations/947054/?page=2> (дата обращения: 02.08.2025).

19. U-mama.ru. [Электронный ресурс]: сайт / Чайлдфри. Режим доступа: URL: <https://u-mama.ru/forum/search/?phrase=%D1%87%D0%B0%D>

0%B9%D0%BB%D0%B4%D1%84%D1%80%D0%B8&uid=0&nickname=&mode=0&in=0&section=0&when=0&sort=0 (дата обращения: 02.08.2025).

REFERENCES

1. Akhmad A.O., Baluyan S.R. (2017). Sopostavitel'nyi analiz leksicheskikh mezh'yazykovykh lakun russkogo i angliiskogo yazykov [Comparative analysis of lexical interlingual gaps in Russian and English languages], Pt. 2. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-leksicheskikh-mezhyazykovykh-lakun-russkogo-i-angliyskogo-yazykov> (In Russian).
2. Bebiblog – сайт о беременности и материнстве. [Elektronnyj resurs]: сайт / Kak vyzhit' s toksikozom i toddlerom? [How to survive toxicosis and a toddler?]. URL: <https://www.babyblog.ru/community/happypregn/post/3632571> (In Russian).
3. Bebiblog – сайт о беременности и материнстве. [Elektronnyj resurs]: сайт / Krizis 2-h let [Two-year crisis]. URL: <https://www.babyblog.ru/search?request=%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B> (In Russian).
4. Vikipediya. [Elektronnyj resurs]: svobodnaya entsiklopediya. [Wikipedia]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (In Russian).
5. Konovalova A.I. (2016). Vyyavlenie i eliminirovaniye mezh'yazykovykh lakun pri sopostavlenii leksiki russkogo i angliiskogo yazykov v sfere interneta [Identification and elimination of interlingual gaps in comparing the vocabulary of Russian and English languages in the Internet sphere]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk: 44.03.01. Ekaterinburg. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/23009/1/RS_VPU_2016_383.pdf (In Russian).
6. Kuznetsov, V.G. (2017). Leksicheskie lakuny i granitsy perevodimosti [Lexical lacunae and boundaries of translatability]. Issue. 9 (781). Pp. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-lakuny-i-granitsy-perevodimosti/viewer> (In Russian).
7. MGU. [Elektronnyj resurs]: сайт [Generational Theory: What's the Difference Between Zoomers, Boomers, Millennials, Gen X, and Alphas]. URL: <https://www.mgpu.ru/teoriya-pokolenij-chem-otlichayutsya-zumery-bumery-millennialy-pokoleniya-x-i-alfa/> (In Russian).
8. NEN. [Elektronnyj resurs]: сайт. Neuzheli nel'zya po-russki? [Is it really impossible to speak Russian?]. URL: <https://n-e-n.ru/howitsinruss/> (In Russian).
9. Novoe v russkoi leksike. [Elektronnyj resurs]: elektronnyj slovar' [New in Russian vocabulary]. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (In Russian).
10. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: URL: <https://slovarozhegova.ru/> (In Russian).
11. Ozhiganova E.M. (2015). Teoriya pokolenii N. Khouva i V. Shtrausa. Vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya [The theory of generations by N. Howe and W. Strauss. Possibilities of practical application]. Irkutsk. №1. Pp. 94–97. (In Russian).
12. Prezident Rossii. [Elektronnyj resurs]: сайт [President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22441> (In Russian).

13. Sergei E. (2019). Nekotorye lakunarnye edinitsey angliiskogo i russkogo yazykov [Some lacunar units of English and Russian languages]. Pt. 4. Minsk: MGLU, 255 p. (In Russian).

14. Tseitlin S.N. (2000). Yazyk i rebenok. Lingvistika detskoi rechi: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii [Language and the child. Linguistics of children's speech: a teaching aid for students of higher educational institutions]. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 240 p. (In Russian).

15. Chukovskii K.I. (1933). Ot dvukh do pyati [From two to five]. Leningrad: Izd-vo pisatelei v Leningrade, 202 p. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009355949?page=18&rotate=0&theme=white (In Russian).

16. Woman.ru. [Elektronnyj resurs]: sayt / Vy znali, chto vy sibling? [Did you know you are a sibling?]. URL: <https://www.woman.ru/relations/family/thread/5658095/>

17. Woman.ru. [Elektronnyj resurs]: sayt / Zhena dyadi prosit menya pomoch' ej? [My uncle's wife is asking me to help her?]. URL: https://www.woman.ru/search/?q=fat+her-in-law+where=for+um&category=&sort=relevance&control_charset=0 (In Russian).

18. U-mama.ru. [Elektronnyj resurs]: sayt / Gender pati [Gender party]. URL: <https://u-mama.ru/forum/gossip/congratulations/947054/?page=2> (In Russian).

19. U-mama.ru. [Elektronnyj resurs]: sayt / Chajldfri [Childfree]. URL: <https://u-mama.ru/forum/search/?phrase=%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%B4%D1%84%D1%80%D0%B8&uid=0&nickname=&mode=0&in=0&section=0&when=0&sort=0> (In Russian).

УДК 81–26

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНЫХ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «ПРАВИЛЬНЫЙ» В РОМАНЕ «ПИЩЕБЛОК» АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА)

Чжан Тяньюань

аспирант кафедры теории и практики иностранных языков

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

(г. Москва, Россия)

zhangtianyuan0823@163.com

Аннотация. Перевод ключевых культурных слов является одной из важнейших проблем литературного перевода как части межкультурного диалога. Алексей Иванов – один из известных современных российских писателей, и его роман «Пищеблок», опубликованный в 2018 году, занимает важное место в русскоязычной литературе. Часто встречающееся в романе слово «правильный» за счет многослойной семантики и глубоких культурных коннотаций является одним из культурных ключевых слов рассматриваемого произведения. В данной статье приводится семантический анализ слова «правильный», рассматриваются его контекстуальные значения и предлагаются варианты его перевода на китайский язык. Автор приходит к выводу о целесообразности использования для перевода ключевых культурных

слов с русского на китайский язык слов, имеющих схожие коннотации в культуре языка перевода, несмотря на формальные семантические отличия.

Ключевые слова: культурные ключевые слова, перевод культурных ключевых слов, перевод русских культурных ключевых слов на китайский, перевод русских многозначных слов, «Пищеблок», Алексей Иванов.

TRANSLATION OF CULTURAL KEY WORDS IN LITERARY WORKS FROM RUSSIAN INTO CHINESE (BASED ON THE WORD *ПРАВИЛЬНЫЙ* IN ALEKSEY IVANOV'S NOVEL *PISHCHEBLOK*)

Zhang Tianyuan

Postgraduate Student of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages
of FSAEI HE "Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba"
(Moscow, Russia)

zhangtianyuan0823@163.com

Abstract. Translation of cultural key words is one of the most important problems of literary translation as part of intercultural dialog. Aleksey Ivanov is one of the famous contemporary Russian writers, and his novel *Pishcheblok* («Пищеблок»), published in 2018, has a significant place in Russian-language literature. The word *правильный*, which appears frequently in the novel due to its multilayered semantics and deep cultural connotations, is one of the cultural key words of this work. This paper provides a semantic analysis of the word *правильный*, examines its contextual meanings and suggests options for its translation into Chinese. The author concludes that it is advisable to use concepts with similar connotations in the culture of the target language, despite formal semantic differences, to translate cultural key words from Russian into Chinese.

Keywords: cultural key words, translation of cultural key words, translation of Russian cultural key words into Chinese, translation of Russian polysemous words, *Pishcheblok* («Пищеблок»), Aleksey Ivanov.

Для цитирования: Чжан Т. Перевод культурных ключевых слов в литературных произведениях с русского на китайский язык (на примере слова «правильный» в романе «Пищеблок» Алексея Иванова) // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 253-263. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-253-263

Введение

Анна Вежбицкая в монографии «Понимание культур через посредство ключевых слов» (2001) предложила концепцию культурных ключевых слов (cultural key words). Культурные ключевые слова – это слова, имеющие особое значение в отдельно взятой культуре [4, с. 35], которые могут рассматриваться как коды культуры, которые выражены иногда прямо, но еще чаще намеками, в качестве коннотативных значений текста; благодаря знакам этого кода читатель убеждается, что разделяет с автором и рассказчиком общие представления о жизни [6, с. 134]. Согласно теории культурных ключевых слов Анны Вежбицкой, культурные ключевые слова должны отвечать следующим характеристикам: 1) слово должно быть общеупотребительным, а не периферийным; 2) частое

использование в какой-то одной семантической сфере, например в сфере эмоций или в области моральных суждений; 3) нахождение в центре фразеологического семейства; 4) высокая встречаемость в поговорах, изречениях, популярных песнях, названиях книг [4, с. 36].

Роман «Пищеблок» известного писателя Алексея Иванова покориł сердца российских читателей после публикации в 2018 году. Автор «Пищеблока» – «человек зоркий, чувствующий историческую и социальную тектонику, и он первым показал, как среди глубоко фальшивых, давно никому не нужных советских ритуалов вызревает – ну да, вампир. И вампир этот скоро вырвется на свободу и начнет беззастенчиво жрать уже все» [3]. Роман рассказывает о событии в пионерском лагере «Буревестник» на Волге в 1980 году. Главный герой, пионер Валерка, случайно становится свидетелем нападения вампиров, поселившихся в лагере под видом обычных людей, и вступает с ними в противостояние.

Так как сюжет романа развивается 80-е годы 20 века, то важное значение для его понимания имеет культурный код советской эпохи, частью которого являются ключевые слова. Одним из таких слов является понятие «правильности», так как именно «правильность» является главной ценностью для пионеров, а также, по иронии судьбы, оказывается главной отличительной чертой вампиров.

В данной статье анализируются значения слова «правильный» и его функции в конкретных контекстах романа и доказывается, что оно является одним из культурных ключевых слов в романе «Пищеблок». Культурные ключевые слова играют важную роль в понимании определенной национальной культуры, и качество их перевода напрямую определяет, насколько точно ядро данной культуры может быть осмыслено и распространено в ином культурном контексте, однако их многозначность и связность, а также свойственный им широкий спектр ассоциаций создают трудности при переводе данного слова на китайский [12, с. 130].

Методы

Цель данной статьи – проанализировать культурно-когнитивное значение ключевого слова «Правильный» в романе «Пищеблок» Алексея Иванова в рамках теории культурных ключевых слов А. Вежбицкой (2001) и предложить его перевод на китайский язык.

В данной статье применяются методы семантического и функционального анализа для выявления многозначности и контекстуальных функций культурного ключевого слова «правильный» в романе. После проведения детального пошагового анализа случаев употребления данного слова в оригинале осуществляется анализ его роль в качестве сквозного элемента всего повествования. Далее в статье приводятся различные стратегии перевода культурного ключевого слова «правильный», анализируются их преимущества и недостатки. Доказывается, что при выборе методов перевода сохранение связности и передача необходимого ассоциативного ряда в каждом

конкретном контексте имеют приоритетное значение по сравнению с формальным словарным значением исходного слова.

Результаты

Сам писатель Алексей Иванов позиционирует свой роман «Пищеблок» как историю о том, что в тоталитарной идеологии (а советское пионерство и есть продукт такой идеологии) непременно возникает зло (воплощением которого в романе становятся вампиры) [8, с. 294]. В социальной среде СССР того времени правильный персонаж должен был «соответствовать строгому официальному канону. Преданность вождю, партии, родине, теплота во взаимоотношениях с близкими и друзьями сочетается с беспощадностью к врагам» [7, с. 129-130]. В официальной культуре «разумное» было растворено в идеологически «правильном» [7, с. 128]. Поэтому само слово «правильный» в советском обществе приобрело идеологический оттенок. Кроме этого, слово «правильный» не только в романе, но и в системе русского языка общеупотребительно. Применительно к роману можно утверждать, что это слово оказывает определяющее воздействие на развитие сюжетной линии произведения. В романе слово «правильный» не только встречается в романе много раз, но и служит для главного героя единственным критерием определения вампиров, являясь обобщением их характерных признаков (вампиры всегда в брюках, белой рубашке и галстуке). Если бы главный герой не обнаружил эту отличительную «правильного» черту у вампиров, развитие сюжета стало бы невозможным. Таким образом, по характеристикам культурных ключевых слов в теории Анны Вежбицкой слово «правильный» является одним из культурных ключевых слов в романе «Пищеблок».

На советском историко-социокультурном фоне, а также то, что в романе «Пищеблок» значения и коннотации слова «правильный» разнятся в зависимости от контекста, делает его особенно интересным с точки зрения перевода на другие языки. В таблице 1 приводятся наиболее репрезентативные примеры слова «правильный» в романе «Пищеблок»:

Таблица 1. Репрезентативные примеры слова «правильный» в романе «Пищеблок»

Примеры из оригинала	Контекстуальное значение	Коннотативная окраска
Пример 1: Игорь уже знал, что Вероника ... живёт в одной комнате с правильной Ириной [8, с.53].	1) соблюдать правила: главный герой Игорь считает вожатую Ирину правильной, потому что она строга, негибка и живет исключительно в соответствии с правилами и нормами лагеря.	Ироническая

Пример 2: – Но Валерка очень правильный... Он идеалист. Он ищет идеальный коллектив [8, с.116].	2) волевой и честный, идеальный: главный герой романа Валерка с момента приезда в пионерский лагерь чувствует, что не вписывается в коллектив, он строил себе домик из простыней, не участвовал в футбольных матчах, не мог найти клуб по душе и т. д. Однако он пытается искать друзей, твердо верит в идеалы советского коммунизма и обладает стойким и сильным духом. Когда старший вожатый Наталья Борисовна собирается отчитать Валерку, вожатый Игорь произносит эту фразу в защиту Валерки.	Положительная
Пример 3: – и тоже в брюках, белой рубашке и галстуке... – Они правильные, – уверенно повторил Валерка. – А правильным быть ненормально! Ясное дело, ненормально! Все люди неправильные! [8, с.247]. Пример 4: Валерка понял, что правильный пиявец просто не знает, как ему участвовать в неправильной жизни, потому и уклоняется [8, с.336].	3) шаблонный, догматический: в обоих случаях слово «правильный» имеет значение «стереотипный, упрямый, закоснелый» и является отрицательным и уничижительным, потому что именно вампиры оказываются «в брюках, белой рубашке и галстуке». В двух других приведенных примерах используется слово, производное от основного при помощи отрицательной приставки не, «неправильный». Из контекста примера 3 видно, что чрезмерная «правильность» является признаком вампиров, тогда как обычным людям свойственно быть «неправильными». Положительное значение именно слова «неправильный» (и, соответственно, отрицательная коннотация слова «правильный») сохраняется и в примере 4: «правильные» вампиры не могут участвовать в жизни «неправильных», то есть они не могут участвовать в нормальной жизни. Иными словами, в примере 4 за понятием «правильный» окончательно закрепляется отрицательная коннотация, связывающая его со злом.	Отрицательная
Пример 5: Маленький и растерзанный Валерка ничем не напоминал тех опрятных и правильных пионеров, что украшали собою плакаты в	4) воплощающий советские идеалы: во время борьбы со стратилатом вампиров Серпом, маленький и покрытый синяками Валерка поднимает глаза и видит на стене картину с аккуратно одетыми торжественными пионерами, а затем твердо говорит стратилату «Брось её!». Очевидно, «правильные пионеры» символизирует советский и коммунистический идеал, к	Положительная

простенках [8, с. 397].	которому Валерка стремится и в котором черпает силы.	
-------------------------	--	--

Таким образом, слово «правильный» в романе «Пищеблок» имеет, как минимум, четыре различных значения:

- 1) формальное соблюдение правил;
- 2) честность, благородство;
- 3) шаблонность;
- 4) соответствие социалистическим ценностям.

Так как одним из важнейших свойств текста, в особенности художественного, является связность (последовательность изложения, выбор словарного запаса, лексическая сеть, четкость логических связей) [5, с. 18], мы исходим из того, что все вышеупомянутые использования слова «правильный» взаимозависимы и образуют единое целое. Как одно из ключевых понятий советской эпохи, «правильный» становится своеобразным лейтмотивом романа А. Иванова, что, с учетом различий в его значении в зависимости от контекста, вызывает определенные трудности при переводе.

Слово «правильный» имеет семь соответствующих значений в Большом русско-китайском словаре: 1. 规范的 (guīfànde, букв. в соответствии с правилами); 2. 有规律的 (yǒuguīlǜde, букв. регулярный); 3. 正确的 (zhèngquède, букв. верный, безошибочный); 4. 公正的 (gōngzhèngde, букв. справедливый); 5. 正常的 (zhèngchángde, букв. обычный); 6. 端正的 (duānzhèngde, букв. честный); 7. 等边的 (děngbiānde, букв. равносторонний) [2, с. 1553]. Схожая система радиального, цепочечного и радиально-цепочечного сцепления значений существует также и в русском языке и была описана Ю. Д. Апресяном (1974), причем при радиальной многозначности все производные значения слова мотивированы главным значением [1, с. 182]. Слово «правильный» является примером именно такой радиальной многозначности, так как все его производные значения возникают на основе корня слова «правило».

Тем не менее, буквальный перевод на китайский: «规范的 (guīfànde, букв. нормативный, в соответствии с правилами)» не может передать такие значения слова «правильный», как «честный, благородный, идеальный», «шаблонный» или «соответствующий социалистическим ценностям». Важно отметить, что ни одно из семи основных значений в Большом русско-китайском словаре не может полностью передать все коннотации слова «правильный», возникающие в оригинале.

Одним из возможных решений мог бы являться выбор различных слов для перевода каждого из значений слова «правильный» в зависимости от контекста, однако это разрушило бы целостность и непрерывность чувств, активируемых выражениями слова «правильный» в тексте, и лишило бы его одного из ключевых понятий. Как показывает таблица 1, слово «правильный» встречается в романе несколько раз в различных сценах и напрямую затрагивает ключевые вопросы романа: личные ценности; влияние официальной идеологии на

личность и конфликт между ними; идеологические проблемы, моральные нормы и отношения между личностью и коллективом; идеалы личности и общества. Иными словами, отдельно взятые слова «правильный» имеют слишком широкий спектр значений и коннотаций, однако вместе они являют собой своеобразный лейтмотив советской культуры, важность которого в данном романе невозможно переоценить.

Поэтому в данной статье предлагаем метод перевода ключевых слов посредством их адаптивной замены на сходный концепт в языке перевода. В данном случае мы полагаем, что наиболее близким к слову «правильный» в романе «Пищеблок» в китайском языке является слово «红色的 (hóngsède, букв. красный)».

Цвет обладает не только визуальным восприятием, но и богатым символическим значением. Социальная среда и культурный контекст оказывают существенное влияние на формирование цветовых метафор. В различных культурах один и тот же цвет может нести совпадающие или различающиеся метафорические значения. В контексте традиционной китайской культуры красный цвет часто считается положительным: так, выражение «红红火火 (hónghónghuǒhuǒ, букв. красный и огненный)» описывает процветающую карьеру и оживленную, праздничную жизнь, а выражение «红光满面 (hóngguāngmǎnmian, красный свет на лице)» – человека с румяным цветом лица и хорошим здоровьем. Также красный цвет символизирует государственность современного Китая, потому что красный – это цвет китайского флага, символ революционной победы и широко используется в качестве политического, религиозного и духовного символа [11, с. 18]. В советской и российской культуре слово «красный» также обладает позитивной коннотацией. В русском языке слова «красивый» и «красный» являются однокоренными, и в советский период красный цвет символизировал революционные идеалы и коммунизм [10, с. 242-243]. Интересно отметить, что революционные армии как в СССР, так и в Китае именовались «Красной армией». Хотя высока возможность, что данное название было заимствовано Китаем у Советского Союза, этот факт наглядно свидетельствует о значительном сходстве символического значения красного цвета в китайской и русской культурах. Именно это сходство делает предлагаемый в данной статье перевод слова «правильный» как «红色的 (hóngsède, букв. красный)» глубоко обоснованным, демонстрируя высокую степень лингвокультурной релевантности. Данный перевод может понять и принимать для контекста как исходного языка, так и переводного языка.

Следует отметить, что слово «红色的 (hóngsède, букв. красный)» выбрано в качестве ключевого образа, а конкретный перевод в каждом случае выбирается в зависимости от контекста:

Перевод 1: 伊戈尔已经知道了, 维罗尼卡...和那个又红又专的伊琳娜住一起。 (букв. Игорь уже знал, что Вероника... живет с **красной** (идеологически правильной и профессиональной) Ириной.)

В этом переводе слово «правильный» переведено как «又红又专 (yòuhóngyòuzhuān, букв. и красный, и специальный)», которое используется для обозначения человека, политически и идеологически прогрессивного, поддерживающего руководство партии и придерживающегося ее принципов, и одновременно обладающего превосходными профессиональными способностями, опытом или знаниями. Таким образом, образ «红色的 (букв. красный)» может соответствовать первому семантическому значению слова «правильный» – «соблюдающий правила». Также в настоящее время среди современной молодежи слово «又红又专 (и красный и специальный)» имеет определенный иронический оттенок, используемый для обозначения стереотипности и ригидности человека, что в полной мере соответствует контексту данного примера.

Перевод 2: – 瓦列尔卡的确不是一般的小男孩, 娜塔莉亚·鲍里索夫娜。他是红色的...他是一个理想主义者。他在寻找一个真正的理想集体 (букв. Валерка и вправду непростой мальчик, Наталья Борисовна. Он красный...Он идеалист. Он ищет настоящий идеальный коллектив.)

«红色 (hóngsède, красный цвет)» был священным как для Советского Союза, так и для Китая, символизируя революцию, идеалы, справедливость и коммунизм. В начале создания нового Китая Советский Союз играл важную роль в строительстве китайской экономики, культуры и многих других областей, и в некоторых аспектах даже был лидером для Китая. Поэтому «红色 (hóngsède, красный цвет)» имеет схожие коннотации как в китайской, так и в русской культурах. Таким образом, перевод слова «правильный» как «红色的 (hóngsède, букв. красный)» будет понятен китайским читателям, аналогично тому, как в русскоязычной среде было бы понятно, если бы кого-то назвали «красным».

Перевод 3: – 穿着长裤、白衬衫、打着红领巾... – 他们是血红色的, – 瓦列尔卡坚信不疑地重复着。 – 但是血红色是不正常的! 很明显, 是不正常的! 所有人都不那么鲜红了! (букв. – и тоже в брюках, белой рубашке и галстук... – Они кроваво-красные, – уверенно повторил Валерка. – А кроваво-красным быть ненормально! Ясное дело, ненормально! Все люди не такие ярко-красные!)

Перевод 4: 瓦列尔卡明白了, 所有血红色的吸血鬼只是不知道如何参与到红色的生活中去, 这就是为什么他们一直逃避。(букв. Валерка понял, что все кроваво-красные вампиры просто не знают, как участвовать в жизни красных, потому и уклоняется.)

Значение слова «правильный» кардинально меняется в примерах 3 и 4, где используется прием иронии. По сути, «правильный» представляет собой характеристики вампиров: строгое единообразие одежды, отсутствие мыслей, полное подчинение стратилату (глава вампиров), в то время как в глазах «правильных» вампиров все остальное, включая нормальную жизнь в пионерском лагере, является «неправильным». Так как в целом в романе слово «红色的(hóngsède, красный)» используется как символ справедливости, честности, коммунистических идеалов, как образ нормальных пионеров и

пионерских лагерей, а также как образ шаблонных и догматических людей и правил в пионерских лагерях; то для обозначения негативного, темного образа вампира, мы решили использовать слово «血红色的(xuèhóngsède, кроваво-красный)». Темно-красный цвет крови, хоть и является оттенком красного, тем не менее ассоциируется в первую очередь с темнотой и страхом, и к тому же удачно обыгрывает саму сущность вампиризма. Таким образом, в примере 3 и 4 слово «правильный» мы предлагаем переводить как «血红色的 (xuèhóngsède, кроваво-красные)».

Особое внимание в этих двух примерах следует также обратить на слово «неправильный». В примере 3 «все люди неправильные» на самом деле означает то, что все обычные люди не лишены слабостей недостатков, и именно в этом проявляется их человеческая сущность. Поэтому, говоря о настоящем советском «правильном человеке» мы предлагаем использовать «鲜红的 (xiānhóngde, букв. ярко-красный, алый) для описания. Таким образом, люди, превратившиеся в вампиров, перестают быть «ярко-красными», то есть все люди «不那么鲜红了 (bú nà me xiānhóng, не такой ярко-красный или алый)». В примере 4 «правильный пиявец» не может участвовать в «неправильной» жизни, то есть не может участвовать в нормальной жизни. Нормальная жизнь, по мнению этой статьи, это «красная» жизнь в лагере. Поэтому в примере 4 «неправильный» переводится как «红色的 (hóngsède, букв. красный)».

Перевод 5: 瘦小的、备受折磨的瓦列尔卡，与墙上海报中的那些清爽整齐的、红色的少先队员们完全不同。(букв. Худой, маленький и замученный Валерка ничем не напоминал тех опрятных, стройных и **красных** пионеров с плакатов на стене.)

В этом примере слово «правильный» тоже переводится как «红色的 (красный)». Как указано в примере 2, красный цвет может символизировать идеалы, революцию как в китайской, так и в русской культурах. В то же время красный и красивый в русском языке имеют этимологическую связь, например «красна девица». Таким образом, опрятные, статные и бравые пионеры с плакатов на стене символизируют в сознании Валерки красный идеал, то есть настоящий советский идеал. Поэтому перевод «红色的 (hóngsède, букв. красный)» в данном переводе тоже может показывать производное значение слова «правильный» в оригинале.

Заключение

На основе анализа значения двух слова, имеющих схожие роли в русской и китайской лингвокультурах, мы приходим к выводу о том, что слово «红色的 (hóngsède, букв. красный)» может быть использовано в качестве базового образа для перевода слова «правильный» на китайский язык в романе «Пищеблок» Алексея Иванова. В зависимости от контекста переводчик может корректировать значение данного слова, добавляя к нему дополнительные элементы, например, «鲜红的xiānhóngde, (ярко-красный) для описания настоящего советского «правильного человека», или «血红色的 (xuèhóngsède, кроваво-красный)» для

описания вампиров. Данный подход предлагает решение проблемы перевода на китайский язык многозначных слов, а также иллюстрирует приоритетность образности историко-культурных коннотаций над формальным семантическим значением при переводе ключевых культурных слов в литературных произведениях. Подобная аналоговая замена в процессе перевода позволяет не только воспроизводить художественность оригинального текста, но и добиться более легкого восприятия образов читателями переводного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
2. Большой русско-китайский словарь новой эпохи / Хэйлунцзянский университет, Исследовательский центр русского языка и литературы, Институт лексикографии. – Пекин: Шанъу иньшугуань, 2019. – 2725 с. ISBN: 978-7-100-16149-7.
3. Быков, Д. Л. Книга, автор и герой ноября / Д. Л. Быков // «Собеседник», №44, 14-20. – Текст: электронный. – URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3621627.html> (дата обращения: 15.01.2025).
4. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Анна Вежбицкая. – М.: Язык славянской культуры, 2001. – 288 с.
5. Делиль, Ж., Ли-Янке, Х., Кормье, М. Терминология перевода. / Ж. Делиль, Х. Ли-Янке, М. Кормье. – Амстердам: Издательство John Benjamins, 1999. – 433 с.
6. Зенкин, С. Н. Семиотика культуры: учебное пособие / С. Н. Зенкин. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 178 с. ISBN: 978-5-7598-2859-4
7. Зудин, А. Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита / А. Ю. Зудин // Мир России. Социология. Этнология. – 2002. – №3. – С.122-158.
8. Иванов, А. В. Быть Ивановым. Пятнадцать лет диалога с читателями / А. В. Иванов. – М.: Альпина Диджитал, 2005. – 336 с. ISBN: 978-5-0013-9346-7
9. Иванов А. В. Пищевые блок / А. В. Иванов. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 416 с. ISBN: 978-5-17-135899-0.
10. Телицын, В. Л. (ред.) Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / В. Л. Телицын, В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов. – М.: Локид-Пресс, Рипол Классик, 2005. – 490 с. – ISBN 5-320-00435-4, 5-7905-3722-7.
11. Чжан, Ди. Скрытая репрезентация красного цвета в китайской культуре / Чжан Ди. – Сучжоу: Сучжоуский университет, 2023. – 53 с.
12. Ян, Шичжан. Исследование перевода культурных ключевых слов / Ян Шичжан // Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. – 2016. – Т. 39, № 1. – С. 130–136, 159.

REFERENCES

1. Apresjan Ju. D. (1974) Leksicheskaja semantika (sinonimicheskie sredstva jazyka) [Lexical semantics (synonymic means of language)]. M.: Nauka, 368 p. (In Russian).
2. Bol'shoj russko-kitajskij slovar' novoj jepohi (2019) [Big Russian Chinese Dictionary of the New Era]. Hjejlunczjanskij universitet, Issledovatel'skij centr russkogo jazyka i literatury, Institut leksikografii. Pekin: Shanu in'shuguan'. 2725 p. ISBN: 978-7-100-16149-7 (In Russian and Chinese).
3. Bykov, D. L. (2018) Kniga, avtor i geroj nojabrja [The book, the author, and the novel's hero for the month of November]. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3621627.html>, svobodnyj. (In Russian). (In Russian).
4. Vezhbickaja, A. (2001) Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov [Understanding cultures through keywords]. M.: Jazyk slavjanskoj kul'tury. 288 p. (In Russian).
5. Delisle, J., Lee-Jahnke, H., Cormier, M. C. (1999). Translation Terminology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 433 p. (In English).
6. Zenkin C. N. (2024) Semiotika kul'tury: uchebnoe posobie [Semiotics of Culture: Textbook]. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 178 p. ISBN: 978-5-7598-2859-4. (In Russian).
7. Zudin A. Ju. (2002) «Kul'tura imeet znachenie»: k predystorii rossijskogo tranzita [“Culture is important”: Toward a prehistory of Russian transit]. Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija. №3. Pp.122-158. (In Russian).
8. Ivanov A. V. (2005) Byt' Ivanovym. Pjtnadcat' let dialoga s chitateljami [Being Ivanov. Fifteen years of dialog with readers]. M.: Al'pina Didzhital. 336 p. ISBN: 978-5-0013-9346-7. (In Russian).
9. Ivanov A. V. (2021) Pishheblok [Pischeblok]. M.: Izdatel'stvo AST. 416 p. ISBN: 978-5-17-135899-0. (In Russian).
10. Telicyn V. L. (2005) Simvoly, znaki, jemblemy: Jenciklopedija. M.: Lokid-Press, Ripol Klassik. 490 p. ISBN: 5-320-00435-4, 5-7905-3722-7.
11. 张地. (2023) Skrytaja reprezentacija krasnogo cveta v kitajskoj kul'ture [红色在中国文化中的内隐表征]. Suchzhou: Suchzhouskij universitet. 53 c. (In Chinese).
12. 杨仕章(2016) Issledovanie perevoda kul'turnykh ključevykh slov [文化关键词翻译研]. Vestnik Instituta inostrannykh jazykov Narodno-osvoboditel'noj armii Kitaja. T. 39, № 1. Pp. 130–136, 159.

**ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА
В МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ ДОНБАССА)**

Чижова Юлия Витальевна

преподаватель Стахановского колледжа (филиала)

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

(г. Стаханов, Россия)

julachizhova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному лингвистическому анализу эмотивно-оценочной лексики в медиадискурсе военного конфликта на материале региональных СМИ Донбасса. Исследование базируется на материалах информационных агентств ДАН и «ЛугИнфо» за 2022 год. Методологический подход интегрирует лингвистические, дискурсивные и корпусные методы анализа. Выявлена структура оценочной лексики, представленная негативными (47%), позитивными (38%) и нейтральными (15%) коннотациями. Установлено, что эмотивно-оценочная лексика выступает инструментом формирования общественного восприятия военной реальности, отражая травматический опыт конфликта и конструируя альтернативные эмоциональные модальности.

Ключевые слова: эмотивно-оценочная лексика, оценочная стратегия, медиадискурс, региональное медиапространство, модальность.

**EMOTIONAL AND ASSESSMENT LEXIS IN THE MEDIA REPRESENTATION OF THE
MILITARY CONFLICT: ANALYSIS OF DONBAS MEDIA TEXTS**

Chizhova Yulia Vitalyevna

Teacher at the Stakhanov College (branch)

of FSBEI HE “Lugansk State Pedagogical University”

(Stakhanov, Russia)

julachizhova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive linguistic analysis of emotively evaluative vocabulary in the media discourse of a military conflict based on regional Donbas media. The study is based on materials from the DAN news agency and «LugInfo» for 2022. The methodological approach integrates linguistic, discursive, and corpus analysis methods. The structure of evaluative vocabulary is revealed, represented by negative (47%), positive (38%), and neutral (15%) connotations. It is established that emotively evaluative vocabulary serves as a tool for shaping public perception of military reality, reflecting the traumatic experience of the conflict and constructing alternative emotional modalities.

Keywords: emotively evaluative vocabulary, evaluative strategy, media discourse, regional media space, modality.

Для цитирования: Чижова Ю. В. Эмотивно-оценочная лексика в медиарепрезентации военного конфликта (на материале текстов СМИ Донбасса) // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». Вып. 20(46). / ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. – С. 264-272. DOI: 10.24412/1992-9196-2025-2046-264-272

Современные геополитические конфликты трансформируют медиaprостранство, оказывая существенное влияние на языковые практики освещения военных событий. Особую значимость приобретает исследование эмотивно-оценочной лексики как ключевого инструмента медийной репрезентации военной действительности и механизма формирования общественного восприятия конфликта.

Научная проблема исследования заключается в недостаточной изученности лингвистических механизмов конструирования эмоционального контекста военного конфликта средствами массовой информации. Существующие лингвистические подходы не в полной мере раскрывают специфику функционирования оценочной лексики в условиях информационного противостояния и социальной травмы.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием целостного научного подхода к изучению эмотивно-оценочного компонента медиатекстов в контексте военного противостояния.

Особую значимость в данном контексте приобретает исследование регионального медиадискурса Донбасса как уникального лингвистического пространства, отражающего сложные социально-политические трансформации и информационные стратегии в условиях военного конфликта.

Цель работы заключается в лингвистическом анализе эмотивно-оценочной лексики медиатекстов Донбасса и выявлении закономерностей ее функционирования при репрезентации эмоционального контекста военных событий.

Объектом исследования является оценочная лексика в медиатекстах региональных СМИ Донбасса.

Предмет исследования – эмотивные характеристики оценочных лексических единиц, используемых в медийной репрезентации военных событий и связанных с ними явлений.

Материалом исследования послужили медиатексты электронных изданий информационных агентств ДАН (Донецкое агентство новостей) и «ЛугИнфо» (2002 год). Корпус исследования составил более 240 медиатекстов, что обеспечило равномерное темпоральное распределение материала и репрезентативность выборки для анализа динамики функционирования оценочной лексики в течение года.

Изучение оценочной лексики в русском языке имеет богатую научную традицию, заложенную в трудах В.В. Виноградова [5], Н.Д. Арутюновой [2], В.Н. Телии [13], Д.Н. Шмелева [15], Ю.Д. Апресяна [1] и др. Среди современных работ, посвященных описанию особенностей эмотивно-оценочной лексики, особого внимания заслуживают исследования Е.М. Вольф [6], Т.В. Маркеловой [12], Л.Г. Бабенко [3] и В.И. Шаховского [14].

Эволюция научных представлений об оценочности привела к выделению более сложного феномена – эмотивно-оценочной лексики, которая, по определению Т.В. Маркеловой, «характеризуется синкретизмом эмоционального и оценочного компонентов, что позволяет одновременно

выражать как рациональную квалификацию объекта, так и эмоциональное к нему отношение» [12, с. 132]. Значительный вклад в развитие этой проблематики внес В.И. Шаховский, чьи исследования позволили более четко определить специфику эмотивности в языке. Ученый сформулировал теоретическое положение о функции эмотивной коннотации, которая заключается в «эмоциональном сопровождении логико-предметной номинации, передающим эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам» [14, с.23].

В рамках функционально-прагматического подхода (Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова) эмотивно-оценочная лексика рассматривается как средство выражения субъективного отношения с высокой степенью экспрессивности и воздействующим потенциалом. В рамках когнитивного и лингвокультурологического направлений (В.Н. Телия, А.П. Седых) такая лексика анализируется через призму коннотации и национально-культурной специфики эмоционального восприятия. Дискурсивный подход (О.Н. Кондратьева, С.В. ИONOва) акцентирует внимание на роли эмотивно-оценочных средств в создании эмоционального воздействия и формировании эмотиогенности текста.

Именно дискурсивный подход позволяет наиболее полно раскрыть функциональный потенциал эмотивно-оценочной лексики, поскольку эмотивно-оценочная лексика становится объектом изучения в различных типах дискурсов, что обусловлено ее универсальным характером и способностью адаптироваться к специфическим коммуникативным задачам. В политическом дискурсе такая лексика служит инструментом воздействия на электорат и формирования общественного мнения. В художественном дискурсе она выполняет эстетическую функцию, создавая эмоциональную атмосферу произведения и характеризуя персонажей. Разговорный дискурс демонстрирует наиболее естественное употребление эмотивно-оценочных единиц в процессе непосредственного межличностного общения.

Однако особое значение приобретает изучение эмотивно-оценочной лексики в медиадискурсе, что объясняется рядом факторов. Во-первых, медиадискурс характеризуется массовостью воздействия и способностью формировать общественное сознание, что делает анализ используемых в нем эмотивно-оценочных средств социально значимым. Как отмечает Т.Г. Добросклонская, «эмотивно-оценочная лексика в медиадискурсе выполняет не только информативную, но и воздействующую функцию, формируя определенное отношение аудитории к освещаемым событиям» [7, с. 74]. Во-вторых, современные медиа стремятся к созданию эмоционально окрашенного контента для привлечения и удержания внимания аудитории, что приводит к активному использованию эмотивно-оценочной лексики. По мнению М.Р. Желтухиной, «в медиадискурсе эмотивно-оценочные единицы становятся инструментом конструирования социальной реальности, влияя на формирование общественного мнения» [8, с. 8].

Многие современные исследователи определяют особенности функционирования эмотивно-оценочных единиц в региональном медиапространстве. Например, Е.А. Кожемякин подчеркивает, что «эмотивно-оценочная лексика в региональных изданиях служит не только средством воздействия, но и способом формирования локальной идентичности, подчеркивая значимость местных событий и проблем» [10, с. 6].

Соответственно, региональные СМИ, в частности донбасские, представляют собой сферу активного функционирования эмотивно-оценочных единиц в специфических социолингвистических условиях, поскольку тексты данных СМИ отражают ценностные ориентиры общества и формируют общественное мнение, что определяет актуальность их исследования.

Следует отметить, что в настоящем исследовании термин «эмотивно-оценочная лексика» понимается в широком смысле и включает не только отдельные лексемы, но и устойчивые словосочетания, фразеологизмы и синтаксические конструкции, реализующие эмотивно-оценочную семантику в дискурсе.

Проведенный анализ медиатекстов информационных агентств ДАН и «ЛугИнфо» за 2022 год дал возможность выделить 3 группы оценочных лексем по типам их коннотации. Общее количество коннотаций по трем группам – 506.

Первый тип коннотации – негативные; количество словоупотреблений – 238, что составляет 47% от общего количества.

Следующий тип – позитивные коннотации; количество словоупотреблений 192 (38%).

Третий тип коннотация – нейтральные; количество словоупотреблений – 76 (15 %).

Исследование показало, что негативные коннотации составляют наибольшую долю – 47% от общего объема эмотивно-оценочной лексики.

В структуре негативных коннотаций нами были выделены три группы:

агрессия – 103 словоупотребления (43,3%);

насилие – 76 словоупотребления (31,9%);

страдание – 59 словоупотреблений (24,8%).

В данной группе доминируют лексемы, связанные с агрессией (103 словоупотребления). К данной подгруппе относятся следующие языковые единицы: *фашисты, нацисты, боевики, агрессия, захватчик, твари, уничтожить, палят, бить, жестокость, враг, оккупация, расстрелы, убийства* и под. (Очередная гуманитарная помощь, собранная жителями Российской Федерации, доставлена волонтером Антоном Волковым при поддержке Народной милиции ЛНР в освобожденный от **фашистов** город Северодонецк (30.10.2022, ЛугИнфо); Ее **боевики** известны своей **жестокостью** и **преступлениями** против мирного населения (25.03.2022, ДАН); Также в районах урочища Медвежьего и Серебрянского лесничества (ЛНР) уничтожены две **диверсионно-разведывательные группы** (23.12.2022, ЛугИнфо).

Вторую по активности использования позицию занимают лексемы, обозначающие насилие – 76 словоупотреблений: *пытки, истязания, расстрелы,*

убийства, обстрелы, сбрасывали живыми в шурф, геноцид и под. (ЛНР передаст международным организациям информацию **о пытках и истязаниях**, которым подвергаются пленные защитники Республики на территории Украины (29.11.2022, ЛугИнфо); Украинские боевики **обстреливают** ДНР с четырех утра. Огонь из реактивной и ствольной артиллерии, орудий танков, минометов велся в направлении 17 населенных пунктов, в том числе Донецка, Макеевки, Горловки, Ясиноватой и их окрестностей (27.07.2022, ДАН); 9 февраля 1943 года в Ровеньках в лесу были **расстреляны** подпольщики Олег Кошевой, Любовь Шевцова, Семен Остапенко, Дмитрий Огурцов, Виктор Субботин, еще четыре человека были **расстреляны** в других районах (31.01.2022, ЛугИнфо)).

Третья позиция представлена языковыми единицами, выражающими страдание – 59 словоупотреблений: *страдания, жертвы войны, погибшие дети, раненые дети, пострадавшие, жертвы среди гражданского населения, гибель мирных жителей, тяжелые ранения* и под. (**Истерзанный** Донбасс продолжает **страдать**, но люди уверены в скорой победе (25.03.2022, ДАН); По данным Представительств ДНР и ЛНР в СЦКК за 2021 год по обе стороны от линии соприкосновения в результате ведения активных боевых действий зафиксировано 60 **жертв** среди гражданского населения (11 погибло, 49 ранено)... (31.01.2022, ЛугИнфо).

Анализ позитивной оценочной лексики в медиатекстах Донбасса позволил выявить следующую структуру положительных коннотаций:

героизм – 85 словоупотреблений (44,3%);

мужество – 62 словоупотребления (32,3 %);

патриотизм – 47 словоупотреблений (24,4 %).

В этой группе наиболее часто употребляются единицы, выражающие героизм, – 85 словоупотреблений: *бессмертный символ мужества, колоссальная самоотдача, самоотверженность, преданность своей Родине, готовы к любым испытаниям, стойкость, отважная борьба за свою землю, воля к победе* и под. (**Истерзанный** Донбасс продолжает страдать, но люди уверены в скорой победе. На пути к миру они **готовы к любым испытаниям** (28.02.2022, ЛугИнфо); Молодая гвардия – это прежде всего **бессмертный символ мужества, отваги, колоссальной самоотдачи, самоотверженности, преданности своей Родине**» (31.01.2022, ЛугИнфо).

Группа языковых единиц, выражающих мужество, составляет 62 словоупотребления: *герои, мужество, самоотдача, самоотверженность, не сдался, воля к победе, достоинство* и под. (Достоинство и оптимизм, с которым эти дети **справляются с невзгодами** – урок для всех нас (22.11.2022, ЛугИнфо); У них нет главного, того что есть у нас – это **воля к победе и борьба за свою землю** (27.09.2022, ДАН).

В группе «Патриотизм» зафиксировано 47 словоупотреблений: *преданности своей Родине, защитить свою землю, защищать Родину от врага, народная война, освободительная война, борьба за свою землю, война стала по-настоящему народной, защитники Донбасса, наши ребята, наши города, наш народ, русские города, русские люди, Россия – страна, выбранная Богом, наша*

Республика, наши братья россияне (Огромное спасибо России – стране, **выбранной Богом** (28.02.2022, ЛугИнфо); У нас эта война стала **по-настоящему народной**, освободительной (27.09.2022, ДАН); Сегодня пришло время вновь освобождать **русские города, основанные русскими людьми** (27.07.2022, ДАН).

Анализ нейтральной оценочной лексики в медиатекстах Донбасса показал, что она преимущественно представлена терминологическими единицами военной сферы и включает следующие тематические группы:

- военные операции и действия – 23 словоупотребления (32,4 %);
- территория и позиции – 15 словоупотреблений (21,1 %);
- силы и формирования – 14 словоупотреблений (19,7 %);
- техника и урегулирование – 19 словоупотреблений (26,8 %).

Нейтральные оценки составляют лишь 15% от общего массива и включают преимущественно номинации, обозначающие военные операции и действия: *специальная военная операция, боевые действия, обстрел, наступательные действия, диверсионно-разведывательная группа*, как например: На донецком направлении российские военные при поддержке штурмовой авиации и ударов артиллерии продолжали **наступательные действия** (23.12.2022, ДАН).

Группа «Территория и позиции»: *линия фронта, позиции, опорные пункты*, например: Но этому есть объяснение – самое страшное они уже пережили, **линия фронта** ушла дальше, а эти выстрелы их уже не особо-то и пугают» (25.03.2022, ЛугИнфо).

Группа «Силы и формирования»: *вооруженные формирования, народная милиция, Министерство обороны, силы ПВО, военнослужащие*, например: **Подразделения Народной милиции** ЛНР и России полностью освободили территорию Республики от вооруженных формирований Украины (27.07.2022, ЛугИнфо).

Группа «Техника и урегулирование»: *артиллерия, реактивные системы залпового огня, беспилотники, артиллерийские установки, локационные станции, техника, конфликт, эвакуация, перемирие, переговоры*, например: Вооруженные силы РФ уничтожили две **установки реактивных систем залпового огня «Град»** в Константиновке, из которых украинские войска били по территории ДНР (23.12.2022, ДАН).

Проведенное исследование эмотивно-оценочной лексики в медиарепрезентации военного конфликта на материале СМИ Донбасса позволило сформулировать следующие ключевые выводы.

Во-первых, медиадискурс военного конфликта характеризуется сложной системой оценочных стратегий.

Во-вторых, установлена четкая корреляция между типом оценочной лексики и коммуникативной интенцией медиатекста. Негативные коннотации (47% проанализированных единиц) преимущественно связаны с репрезентацией агрессии, насилия и человеческих страданий, что отражает травматический опыт военного конфликта. Позитивные коннотации (38%) актуализируют концепты

героизма, мужества и патриотизма, конструируя альтернативную эмоциональную модальность.

Анализ показал, что оценочная лексика в медиадискурсе военного конфликта функционирует в условиях поляризации оценок и интенсификации эмоционального воздействия, что обусловлено экстралингвистическими факторами военного времени.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении эмпирической базы, проведении компаративных исследований оценочной лексики в медиадискурсах различных конфликтных территорий, разработке цифровых методик анализа эмотивных языковых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
4. Варуха И. В., Шамсутдинова Ю. Х. Методы исследования эмотивной лексики // Филология: научные исследования. 2021. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-issledovaniya-emotivnoy-leksiki> (дата обращения: 23.06.2025).
5. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
6. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
7. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 264 с.
8. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: [Монография] / М. Р. Желтухина; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Моск. ун-т потреб. кооп. Волгогр. фил. – Москва : ИЯ РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 654 с.
9. Кожевникова Э. В. Понятие «эмотивность» и подходы к его рассмотрению в современной лингвистике // Вестник науки. Т. 2. №1(70). 2024. – С. 626–632.
10. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – №12 (83), 2010. – С. 13–21.
11. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 2015. – 227 с.
12. Маркелова, Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Маркелова. – М., 1993. – 387 с.

13. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
14. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
15. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika* [Lexical Semantics]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 367 p. (In Russian).
2. Arutyunova N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 341 p. (In Russian).
3. Babenko L. G. (1989). *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk: Ural University Publ., 1989. 184 p. (In Russian).
4. Varukha I. V., Shamsutdinova Yu. Kh. (2021). *Metody issledovaniya emotivnoy leksiki* [Research Methods of Emotive Vocabulary]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2021, No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-issledovaniya-emotivnoy-leksiki> (data obrashcheniya: 30.06.2025) (In Russian).
5. Vinogradov V. V. (1963). *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 255 p. (In Russian).
6. Vol'f E. M. (1985). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 228 p. (In Russian).
7. Dobroslonskaya T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Media Linguistics: A Systematic Approach to Studying Media Language]. Moscow: Flinta Publ., 2008. 264 p. (In Russian).
8. Zheltuhina M. R. (2003). *Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI: Monografiya // Yazyk sredstv massovoj informacii. 2003. 654 p.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tropologicheskaya-suggestivnost-massmedialnogo-diskursa-o-probleme-rechevogo-vozdeystviya-tropov-v-yazyke-smi-monografiya> (data obrashcheniya: 30.06.2025). (In Russian).
9. Kozhevnikova E. V. (2024). *Ponyatie «emotivnost'» i podkhody k ego rassmotreniyu v sovremennoy lingvistike* [The Concept of «Emotivity» and Approaches to Its Consideration in Modern Linguistics]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin]. Vol. 2. No. 1 (70), 2024. Pp. 626–632 (In Russian).
10. Kozhemyakin E. A. (2010). *Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2010. №12 (83). Pp. 13–21* (In Russian).

11. Luk'yanova N. A. (2015). *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya* [Expressive Vocabulary of Colloquial Usage]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2015. 227 p. (In Russian).
12. Markelova T. V. (1993). *Semantika i pragmatika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke. Diss. dokt. filol. nauk* [Semantics and Pragmatics of Means of Expressing Evaluation in the Russian Language. Doctoral Dissertation]. Moscow, 1993. 387 p. (In Russian).
13. Teliya V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 143 p. (In Russian).
14. Shakhovskiy V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 416 p. (In Russian).
15. Shmelev, D. N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of Semantic Lexical Analysis]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 280 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдийчук Екатерина Николаевна – ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, Россия);

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, Россия);

Воронина Дарья Константиновна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина» (г. Нижний Новгород, Россия);

Давидкова Елизавета Павловна – ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, Россия);

Дмитриева Юлия Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (Горловка, Россия);

Долгая Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, Россия);

Калинкин Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, Россия);

Колбасова Юлия Руслановна – аспирант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», (Луганск, Россия);

Криволап Светлана Сергеевна – преподаватель кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Россия);

Курбакова Светлана Николаевна – доктор филологических наук, доцент профессор кафедры английского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений МИД России» (Москва, Россия);

Кузнецова Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка (второго) ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ (г. Москва, Россия);

Логвинова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, истории, теории культуры и искусства ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке» (Москва, Россия);

Луговская Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко» (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика);

Марфина Жанна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, Россия);

Марченко Марина Александровна – аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи» (Мариуполь, Россия);

Мельникова Алина Михайловна – аспирант кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, Россия);

Полубоярова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой переводоведения и практики

перевода английского языка ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (г. Москва, Россия), доцент кафедры английского языка (второго) ФГКВУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» МО РФ (г. Москва, Россия);

Слівец Вольга Рыгораўна – кандыдат філалагічных навук, начальнік навукова-даследчага сектара ўстановы адукацыі “Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна” (г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь);

Сливец Ольга Григорьевна – кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина» (г. Мозырь, Республика Беларусь);

Соловцова Елена Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, Россия);

Теслина Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Россия);

Фефелова Виктория Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова» (г. Горловка, Россия);

Хазбулаева Зулкайдат Нуховна – аспирант кафедры филологического образования и журналистики БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Сургутский государственный педагогический университет» (г. Сургут, Россия);

Хэ Цзянфэн – преподаватель китайского языка УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина» (г. Мозырь, Республика Беларусь);

Чечко Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина» (г. Мозырь, Республика Беларусь);

Чжан Тяньюань – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (г. Москва, Россия);

Чиждова Юлия Витальевна – преподаватель Стахановского колледжа (филиала) ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Стаханов, Россия);

Штакина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, Россия).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avdiychuk Ekaterina Nikolaevna – Assistant Professor of the Russian Linguistics and Communicative Technologies Department of FSBEI HE “Lugansk State Pedagogical University” (Lugansk, Russia);

Bushev Alexander Borisovich – Doctor of Philological Sciences, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Journalism, PR and Advertizing of FSBEI HE “Tver State University” (Tver, Russia);

Chechko Tatyana Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Belarusian and Russian Philology EI of “Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin” (Mozyr, Republic of Belarus);

Chizhova Yulia Vitalievna – Teacher at the Stakhanov College (branch) of the FSBEI HE “Lugansk State Pedagogical University” (Stakhanov, Russia);

Davidkova Elizaveta Pavlovna – Assistant at the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies of FSBEI HE “Luhansk State Pedagogical University” (Luhansk, Russia);

Dmutrieva Julia Leonidovna – Doctor of Philology, Associate professor Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov” (Gorlovka, Russia);

Dolgaya Elena Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of Russian Language

and General Linguistics of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov” (Gorlovka, Russia)

Fefelova Victoria Valentinovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Associate Professor of Department of Romano-Germanic Philology of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov” (Gorlovka, Russia);

He Jiangfeng – Chinese language teacher EI of “Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin” (Mozyr, Republic of Belarus);

Kalinkin Valeriy Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov” (Gorlovka, Russia);

Khazbulaeva Zulkaidat Nukhovna – Postgraduate Student of the Department of Philological Education and Journalism of BI HE of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra “Surgut State Pedagogical University” (Surgut, Russia);

Kolbasova Yulia Ruslanovna – Postgraduate Student of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies of FSBEI HE “Lugansk State Pedagogical University” (Lugansk, Russia);

Kurbakova Svetlana Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the English Language Department of FSAEI HE “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation” (Moscow, Russia);

Kuznetsova Vera Yuryevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of English (Second Foreign Language) FSPMEI HE “Prince Alexander Nevsky Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Krivolap Svetlana Sergeevna – Lecturer at the Department of Russian Philology and Socio-Humanitarian Disciplines of FSBEI HE “Mikhail Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts” (Lugansk, Russia);

Logvinova Irina Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Art of SBEI HE “Moscow State Institute of Music named after A.G. Schnittke”(Moscow, Russia);

Lugovskaya Elena Grigoryevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Art of SEI “Pridnestrovian State University” (Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic)

Marfina Zhanna Viktorovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Linguistics and Communicative Technologies Department of FSBEI HE “Lugansk State Pedagogical University” (Lugansk, Russia);

Marchenko Marina Alexandrovna – of the Institute for Training Highly Qualified Personnel of FSBEI HE “Pyatigorsk State University”, Chief Lecturer of Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of FSBEI HE “Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi” (Mariupol, Russia);

Melnikova Alina Mikhailovna – Postgraduate Student of the Department of English Philology of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov” (Gorlovka, Russia);

Poluboyarova Marina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Translation Studies and English Translation Practice of FSBEI HE “Moscow State Linguistic University” (Moscow, Russia), Associate Professor of the Department of English (Second Foreign Language) of FSPMEI HE “Prince Alexander Nevsky Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Slivets Olga Grigorievna – Candidate of Philological Sciences, Head of the Research Sector EI of “Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin” (Mozyr, Republic of Belarus);

Solovtsova Elena Valerievna – Candidate of Philology Associate Professor of the English Philology Department of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov” (Gorlovka, Russia);

Shtakina Ludmila Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Associate Professor of English Philology of FSBEI HE “Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov” (Gorlovka, Russia);

Teslina Anastasia Sergeevna – Postgraduate Student of the Department of Russian Philology and Social and Humanitarian Disciplines of FSBEI HE

“Mikhail Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts”
(Lugansk, Russia);

Voronina Daria Konstantinovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer of Department of Foreign Language Theory and Practice and Linguodidactics of FSBEI HE “Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K.Minin” (Nizhny Novgorod, Russia);

Zhang Tianyuan – Postgraduate Student of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages of FSAEI HE “Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” (Moscow, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИАОПОСРЕДОВАННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА

Бушев Александр Борисович

3

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-
НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО
ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Дмитриева Юлия Леонидовна

16

ПОТАМОНИМИЯ В ИДИОЛЕКТЕ В. ХЛЕБНИКОВА

Калинкин Валерий Михайлович

27

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДЕЛА
В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Курбакова Светлана Николаевна

44

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С САКРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ
В ПОЭТИЧЕСКОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ
О ВОЙНЕ В ДОНБАССЕ)

Марфина Жанна Викторовна

62

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Воронина Дарья Константиновна

73

К ВОПРОСУ О ТЕСТИРОВАНИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Долгая Елена Александровна

83

ЯЗЫК ПОВЕСТЕЙ М.П. ПОГОДИНА КАК ВЫРАЖЕНИЕ СТИЛЯ
ЭПОХИ

Логвинова Ирина Владимировна

93

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ТОПОЛОГИИ ЛИРИЧЕСКОГО ИСХОДНОГО
ТЕКСТА В ТЕКСТ ПЕРЕВОДА КАК УСЛОВИЕ ЕГО АДЕКВАТНОСТИ

Луговская Елена Григорьевна

99

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (В КОНТЕКСТЕ СТАТЕЙ ПО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ)	110
<i>Полубоярова Марина Владимировна</i>	
ХРАНОНИМИ ЯК НАЗВИ СВЯТ НАРОДНАГА КАЛЕНДАРА Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ	122
<i>Слівец Вольга Рыгораўна</i>	
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КВАЗИПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	132
<i>Соловцова Елена Валериевна</i>	
ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АРГОТИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	144
<i>Фефелова Виктория Валентиновна</i>	
СУПРАСЕГМЕНТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИЛЛОКУТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ «ДРАМАТИЧЕСКОГО МОНОЛОГА»	154
<i>Штакина Людмила Александровна</i>	
ПРИНЦИПЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА В КИТАЕ	163
<i>Хэ Цзянфэн</i>	
ЯЗЫК ВОЗДЕЙСТВИЯ: ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	173
<i>Давидкова Елизавета Павловна</i>	
РАСШИРЕНИЕ УЗУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ КАК МАРКЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА)	187
<i>Колбасова Юлия Руслановна</i>	
РАСШИРЕНИЕ УЗУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ КАК МАРКЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ» В ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО	197
<i>Криволап Светлана Сергеевна</i>	

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ <i>Марченко Марина Александровна</i>	209
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ХРОНИКИ НАРНИИ» К.С. ЛЬЮИСА) <i>Мельникова Алина Михайловна</i>	220
ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДОНБАССКОГО РЕГИОЛЕКТА <i>Теслина Анастасия Сергеевна</i>	230
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) <i>Хазбулаева Зулкайдат Нуховна</i>	242
ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНЫХ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «ПРАВИЛЬНЫЙ» В РОМАНЕ «ПИЩЕБЛОК» АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА) <i>Чжан Тяньюань</i>	253
ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ ДОНБАССА) <i>Чиждова Юлия Витальевна</i>	263
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	273
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	276

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск двадцатый (сорок шестой)
Серия «Языкознание»

Главный редактор: *С. А. Кочетова*
Технический редактор: *Н. А. Сытник*
Компьютерная вёрстка и макетирование: *Е. Д. Цимовская*
Корректор: *В. А. Вострецова*

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 29.12.2025.
Формат 60x84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 18,77. Уч.-изд. л. – 17,75.
Усл.-изд. л. – 16,50.
Тираж 300 экз. Зак. № 122.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25